

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000034289275

МЕМОРИАЛ

Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах...

Людмила Улицкая

человек В ИСТОРИИ

- из семейного архива
- все пережить
- на фронте и в тылу
- разные судьбы
- от СССР в Россию

МЕМОРИАЛ

Человек в истории

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-39

Ч-39 **Человек в истории / Людмила Улицкая и др. –**
Москва: Издательство АСТ, 2018. – 384 с. – (Человек
в истории).

ISBN 978-5-17-094553-5

«В этом сборнике собраны свидетельства о замечательных людях, полузабытых событиях, соединяющих нас с нашими предками, прожившими трудную, достойную, порой героическую жизнь. Кроме большой официальной истории, записанной, переписанной и подправляемой ежедневно, существует малая история, которую можно восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Эта «микроистория» — приключения песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка — отдельный человек со своей уникальной историей — несет на себе отпечаток времени.

Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее гражданами, и история эта не парадная, а повседневная. Здесь нет риторических и полных фальшивого лафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-094553-5

- © Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», текст
- © Людмила Улицкая, предисловие
- © Ирина Щербакова, составление
- © ООО «Издательство АСТ»

Людмила Улицкая

Связь времен восстанавливается

В одном из последних своих сочинений, «Путешествие в Арзерум», написанном за год до смерти, Пушкин сетует, что погибший Грибоедов не оставил своих записок: «Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Прошло уже полтора века с тех пор, как написаны эти слова, а замечательные, выдающиеся люди и совсем скромные и незаметные исчезают, не оставляя по себе следов. Для того, чтобы эта печальная отечественная традиция прервалась, уже восемнадцать лет общество «Мемориал» проводит конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия — XX век». Ценность жизни каждого отдельно взятого человека — вот акцент этого конкурса.

Уже восемнадцать лет, как новое, можно сказать, новейшее поколение, не ленивое и вполне любопытное, а точнее сказать, испытывающее большой интерес к истории своей страны, к своим предкам, к тем людям, которые созидали историю, иногда вовсе об этом и не задумываясь, исследует то прошлое, которое находится рядом — в собственной семье, в родной деревне, в маленьком поселке, где привелось родиться. Работы школьников приходили из 75 регионов нашей страны —

из Красноярска и Новочеркасска, из Пензы и Воронежа, из Краснодара и Астрахани, из сотен российских деревень и поселков. За эти годы школьниками было написано более 40 000 сочинений по истории страны.

Каждый такой конкурс, кроме того, что дает ценный материал историкам, имеет и еще одну удивительную черту — он оказывается школой воспитания полноценных граждан, способных к самостоятельному суждению, к различению добра и зла, что и является основой всякого педагогического процесса. Далеко не все молодые люди, участвующие в нашем конкурсе, стали и станут профессиональными историками. Но про каждого из тех, кто прошел опыт такого исторического исследования, можно с уверенностью сказать: он стал настоящим гражданином России. Та прививка, которую они получили в раннем возрасте, прикоснувшись к живой истории, превратила их в людей, способных самостоятельно и творчески мыслить.

Будущее страны вырастает из его прошлого, как дерево вырастает из почвы. Прошлое нашей страны было трудным, требуется решимость и мужество, сочувствие и участие, чтобы понять разнообразные, порой тяжелые процессы, которые пережила страна. Наше будущее зависит от того, насколько усвоены уроки прошлого, поняты его ошибки, осмыслены пути к достижению всеобщей цели — мирного и осмысленного существования человечества.

История

XX века в нашей стране — это история забвения, искажения, вычеркивания. Однако кроме большой официальной истории, записанной, переписанной и подправляемой ежедневно, существует малая история, которую тоже можно забыть, но можно и восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого. Эта «микроистория» — приключения песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка — отдельный человек со своей уникальной историей — несет на себе отпечаток времени.

Двадцатый раз мы издаем сборник лучших работ конкурса. Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее молодыми гражданами, и история эта не парадная, а повседневная. Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора.

В нашем сборнике собраны свидетельства о замечательных людях, полузабытых событиях, соединяющих нас с нашими предками, прожившими трудную, достойную, порой героическую жизнь. Но она рассказывает о тех, кто обычно остается вне поля зрения официальной истории. Это рассказы о «маленьком человеке». Был такой термин в русской литературе. В реальности этот «маленький человек» и есть подлинный герой истории.

Извечная тема «отцов и детей», постоянно воспроизводящееся непонимание и вражда поколений, приобретают совершенно новое звучание: сегодняшние молодые люди, исследуя документы и письма прошлого века, начинают осознавать, какие жестокие испытания выпали на долю их предков, — и поколенческое отчуждение сменяется глубоким уважением и восхищением. Связь времен восстанавливается, и в этом глубокий смысл замечательного проекта «Человек в истории. Россия — XX век».

Пока шла эта работа длиною в восемнадцать лет, создалась некая общность людей, неформальная, но объединенная общей идеей сохранения памяти. В эту прекрасную группу, не имеющую четких границ, входят не только школьники — авторы исторических работ, сюда входят почти сорок тысяч их научных руководителей, учителей и наставников, множество людей, дававших интервью и помогавших в сборе документов и разного рода материалов, архивных и домашних, входят в эту группу и сочувствующие, друзья и родители, а также и те, кто читал эти сочинения с намерением выделить лучшие, наградить достойнейших. И этим членам жюри

приходилось тоже нелегко: хороших работ было гораздо больше, чем мест в наградных списках. Сегодня, когда мы представляем этот сборник, мы, люди, работавшие над этим проектом, хотим поделиться с вами, читателями, драгоценными воспоминаниями ушедших людей и не менее драгоценными усилиями молодых, эти воспоминания сохранивших. Будущее нашей страны в руках этих талантливых, деятельных и нравственных молодых людей.

**ИЗ СЕМЕЙНОГО
АРХИВА**

Историков с недавнего времени стало модно попрекать тем, что они «переписывают историю». Упрек нелепый. Переписывать историю их прямая обязанность. Просто потому, что исследование прошлого — сложно устроенный диалог. У каждого нового поколения возникают к нему новые вопросы, которые не приходили в голову людям прежних формаций или же они не осмеливались их задавать.

Необходимость такого диалогического обновления знания особенно настоятельна в отношении трагической российской истории XX века. И вдвойне замечательны в нашем случае обе стороны этого диалога. Вопросы задают любознательные молодые люди, глядящие на документ взглядом наивным и ясным, не замутненным никакими посторонними соображениями. Ответы обретаются в подручном домашнем материале, часто совершенно случайном.

Казалось бы, ценность таких сутобо частных историй невелика. Но это не так. Советская эпоха породила горы пылящихся в архивах официальных реляций и мириады глазурованных начальственных мемуаров, сквозь которые, по видимости, нет никакой возможности пробиться к подлинному человеческому бытию. И вот тут-то драгоценным ключом к настоящему прошлому оказывается «связка пожелтевших писем», обнаруженная «в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями», случайно занесенно-

го в село Харбатово Качугского района в трех сотнях верст севернее Иркутска, или тетрадка воспоминаний полуграмотного рядового телефониста Капитона Мельникова, чудом сохранившаяся в краеведческом музее средней школы № 1 хутора Керчик-Савров под Ростовом.

Частный документ, локальный сюжет, как лучик карманного фонарика, выхватывает из небытия малую частьцу прошлой жизни. Много неожиданного оказывается в этом фрагменте, слишком плохо он сопрягается со стандартным образом прошлого, который несет школьный учебник и масскульт. Вот письма из Иркутска начала XX века, по преимуществу бытовые детали повседневности, но только оказывается, что пишет их дочь строптивного священника, лишившегося прихода за вольнодумство, сестре, проходящей обучение в Швейцарии, Франции и Англии. А завершается это бытописание картиной февральской революции, когда «из простого черного люда, из солдат, из извозчиков выдвинулись вдруг недюжинные силы», «в человеке вдруг проснулось его человеческое достоинство и божеские его силы, ум и совесть». Вот всесловная армия того же времени с ее специфическими полукрестьянскими обычаями и моралью, но только упражняет она эту мораль во время напрочь забытой широкой публикой российской интервенции в Персию в 1913 году, и оказывается, что уже тогда «курды держались упорно».

Впрочем, преимущественно задевают внимание молодого наблюдателя не подробности материального быта, а высвечивающаяся через них антропология человека, жившего в другую эпоху, почти совершенно ни в чем не сходного с нынешним. И понимание этой инаковости — полезнейшая тренировка чувства историзма, ныне сознательно искореняемого под ложным, но удобным политическим прохиндеем лозунгом «Всегда все были одинаковые подлецы». Именно развитие историзма на протяжении последних трех столетий воспитывало в людях европейской культуры способность к постижению «другого», сначала человека прошлых времен, а потом и инаких современников. Читатель этого раздела найдет в нем для такого упражнения чрезвычайно полезный материал.

«Я... буду беспристрастной повествовательницей событий»

(Опыт исторической реконструкции
на основе писем иркутянки Л. Е. Литвинцевой)

Ирина Грибович

Елена Жукова

Анастасия Магзоева

пгт Качуг, Иркутская область

Долгие десятилетия эта связка пожелтевших писем лежала в уголке сундука вместе со старинными женскими платьями и обувью. Даже хозяйки сундука — две сестры-старушки, доживающие свой век в квартире на втором этаже двухэтажного особнячка в центре Иркутска, — были младше этих писем. Им часто помогали молодые соседки Светлана и Надежда, которые снимали комнатку рядом. Когда одна из сестер умерла, другая передала девушкам сундук со словами: «Это нам досталось от родственников. Сохраните, ведь больше у нас никого нет...» Это было в начале 90-х. Фамилии старушек не сохранились ни в памяти девушек, ни в документах паспортного стола. Светлана Татарникова и Надежда Молчанова в 1993 году закончили институт, вышли замуж, разъехались. Сундук пришлось оставить, а письма они решили передать своей учительнице литературы, Ларисе Владимировне Чемякиной, живущей на родине девушек — в селе Харбатово Качугского района, 300 км севернее Иркутска. До 2009 года письма хранились у нее.

И вот мы, четыре восьмиклассницы (члены школьного научного общества) и наша учительница, сидим в кабинете литературы друг против друга, между нами — пожелтевшие от времени листы, исписанные черными чернилами. «Девочки, я предлагаю вам прочитать вот эти письма, — гово-

рит наша учительница. — Скорее всего, это будет сложно: почерк не очень разборчивый, орфография и графика до-революционные. Никем они до сих пор не прочитаны и не изучены. Кто кому писал — неизвестно. Ясно только, что автор — какая-то девушка или женщина, жившая в Иркутске в начале XX века, — писала за границу “Гуте”, видимо, подруге. Работа для вашего возраста довольно трудная. Возьметесь?» Понятно, что мы были страшно заинтригованы и, конечно, за работу взялись. От письма к письму перед нами разворачивалась история Иркутска начала XX века и иркутской семьи.

Кто же автор?

Сначала помогли сами письма. На открытках был указан адресат: Miss Augusta Litvinseff. Мы поняли, что переписывались сестры, — таким образом, была установлена их фамилия. Среди писем был найден обрывок старой книги, на котором можно было различить надпись тем же почерком: «Из книг Ларисы Литвинцевой». В одном из писем автор сетует по поводу долгого молчания сестры: «Ну, Августа Евгеньевна, задала ты нам жару!» Так «сложилось» имя — Лариса Евгеньевна Литвинцева! Упомянуто место проживания: «Мы, жильцы 2 Солдатской...» Также много пишется про школу, про учеников, что привело нас к выводу, что обе сестры раньше работали в школе.

Письма охватывают период с 1903-го по 1911 год и адресованы младшей сестре Августе, получающей образование за границей (на письмах указаны адреса: Швейцария, Англия, Франция). Письма отправлялись из Иркутска, а также из Баранчиков (ныне порт Байкал, конечная точка Кругобайкальской железной дороги) и Усолья (ныне г. Усолье-Сибирское Иркутской области), куда Лариса уезжала на летний отдых. Кроме того, Лариса гостила (видимо, не раз) в деревне Картухай Качугского района (в 300 км от Иркутска, на реке Лене). Благодаря тому, что каждое письмо автором пронумеровано, можно было определить, что писем было отправлено более 1500 (до нас дошло 115), то есть сестры писали друг другу через каждые 3-4 дня (по харак-

теру писем чувствуется, что сестра Гуга активно отвечала). Из этих писем сохранилось 24 многостраничных письма, остальные — на открытках. Часть открыток 1909—1911 годов деформирована: кем-то оторваны или стерты части текста. Ни одной фотографии, к сожалению, вместе с письмами найдено не было, хотя указывается, что они существовали. Заинтересовавшая нас семья Литвинцевых ни разу не попала в объектив историко-краеведческих исследований иркутских ученых, тем не менее эта фамилия оставила свой след в периодических изданиях и архивных документах того времени. Всего нами было просмотрено и изучено около 500 единиц печатных и рукописных источников: адресные книжки, «Епархиальные ведомости», «Клировые ведомости», «Дела Духовной консистории», метрические книги и т. д.

Мы установили возраст автора, охватывающий период переписки: 30—40 лет. Год рождения: 1869. Собственной семьи Лариса Литвинцева не имела.

На долю автора выпали немалые испытания: ранняя смерть отца, судебная тяжба с двумя родными сестрами из-за наследства, длительное расставание с любимой младшей сестрой, смерть матери, материальные трудности. Все это подорвало здоровье Ларисы, но не сломило ее дух. Вначале она жила вдвоем с мамой Лидией Васильевной по улице Второй Солдатской (ныне улица Лапина). Литвинцевы владели несколькими зданиями в одном дворе, сдавая их жильцам (сейчас на этом месте расположено Монгольское консульство).

После внимательного изучения периодической печати и архивных документов мы установили, что отец Ларисы был священником Никольской церкви в селе Листви́нском на Байкале. В Листвянке отец Евгений прослужил 20 лет, был любим и уважаем своей паствой и начальством, получил благодарность Священного синода и фиолетовую скуфью. Но в 1881 году он неожиданно подвергается опале со стороны священноначалия и светских властей: в Духовную консисторию поступает жалоба на батюшку от начальника таможи с. Лиственичное, где отца Евгения упрекают в том, что он сотрудничает с народнической газетой «Си-

бирь» и описывает якобы «поборы» простых рыбаков таможенниками.

Одновременно поступают и другие жалобы на правдолюбивого и бескомпромиссного священника. Батюшка подвергается «заключению в Вознесенский монастырь» и вынужден перевестись в другой приход. Из архивных документов видно, что иркутскому владыке Вениамину, ценившему отца Евгения, непросто далось это решение, он, как смог, смягчил участь своего подчиненного; тем не менее это был удар для семьи.

И вот позади — блестящая карьера, впереди — вечная помета «неблагонадежен». Из года в год, в каждой клировой ведомости, с каждого места служения. В семействе подрастают четыре родных дочери и одна приемная, на руках — престарелые родители, перевезенные из Забайкалья, и жена Лидия Васильевна. Лариса — подросток. Согласно «Епархиальным ведомостям» 1880–1890-х иерей Евгений Литвинцев еще два раза меняет место служения, затем переходит в «заштатные», а после в «безместные» священники. Умирает он в 1894 году в возрасте 50-и лет.

Из писем понятно, что личность отца и семейные испытания, связанные с ним, наложили отпечаток на мировоззрение и судьбу дочери Ларисы. Она критично описывает церковное начальство (обидчиков отца), руководство иркутской семинарии, в письмах встречаются фразы о том, что она не может молиться и ходить в церковь. Оставаясь верующим человеком, церковную обрядность называет «шелухой». В других же письмах благодарит Святителя Иннокентия (Кульчицкого), которому молилась во время тяжелой болезни, со светлой радостью вспоминает Пасхальную службу, пишет, что обретает после долгого перерыва радость молитвы, заказывает панихиды по матери.

«Необыкновенно наслаждаюсь ... жизнью»

Письма дают представление о семейном укладе Литвинцевых, об их повседневной жизни.

6 февраля 1910 г. Лариса пишет: «Я стараюсь соблюсти декорум. Всегда прилично одета, причесана. В комнате

убрано. Стараюсь правильно и сытно питаться, регулярно гуляю. Одним словом, все, кто меня знает, не подозревают, какие страшные душевные бури переживаю подчас. Здоровья. Открытки твои получаются исправно».

У Ларисы постоянная потребность в общении с «милой сестрой Гутой». Пишет Лариса убористым почерком, исписывая весь лист, не оставляя даже места для прощания, так как за каждый грамм общего веса письма надо платить. Благодаря этому создается впечатление, что разговор с Гутой не заканчивается, он переливается из письма в письмо.

В письме от 4 декабря 1906 года Лариса пишет: «С утра я обыкновенно прочитываю местную газету, которую разносчик заталкивает в щель парадных сеней, а мамочка заботливо кладет ее подле моего чайного прибора. (...) Потом я облакаюсь в твою евражковую шубу — она очень тепла, легка и удобна, я уже ее оттреплю скоро — и отправляюсь с зелененьким бархатным мешочком (работой мамочки) вдоль по Большой прогуливаться и опускать в ящик тебе открытку. (...) Необыкновенно наслаждаюсь и морозным воздухом, и видомдвигающегося люда, и жизнью. Захожу в магазин покупать лакомство или фрукты и плетусь обратно. После сытного, великолепно приготовленного обеда, за которым мама чуть не плачет, вспоминая тебя и что ты теперь бегаешь в чужих людях, как голодная собачонка, что теряешь здоровье и силы, я ложусь, совершенно расслабленная воздухом и пищей, спать часа на полтора. Встаю совершенно бодрая, свежая, крепкая, веселая и счастливая, так как с этого момента для меня начинается самая лучшая часть моего дня — вечернее чтение. Напившись чаю (мы с мамой двое чуть не выпиваем весь самовар), я с улыбками и ужимками, как, бывало, тятинька, берусь за бутылку керосину и наливаю мою висячую лампу — лохань, и при ослепительном свете принимаюсь за чтение».

Мать Ларисы тоже была грамотным, читающим человеком. «Она обыкновенно запоем читает, не пройдет прогуляться, не посмотрит, как тени от тучки ложатся на воду, и лес делается мрачным, а так будто обязанность отбывает и старается всячески скоротать время и совершенно не отрывается от книги (...) Мама читает Писем-

ского», — пишет Лариса из Усолья (20 июля 1908), куда возила маму на лечение.

Похоронив ее в 1909-м году, Лариса постоянно ходит на могилу, носит самодельные венки, заказывает в храме панихиду (это было последней настоятельной просьбой глубоко верующей матери): «Верь мне и сейчас, ибо дух мамы своей помощью не оставит нас ни на минуту». Мать осталась для дочерей образцом труженицы и стойкого человека, не теряющего присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Она одна управлялась «с жильцами» (сдача жилья в аренду), обшивала и обвязывала всю семью, была искусным поваром. Хотя в доме была прислуга, мама хорошо и вкусно готовила: «Сейчас я продолжаю писать это письмо, сижу в столовой у печки, потому что сегодня страшный мороз. Мамочка готовит обед, на кухне уже давно хорошо пахнет. На столе сейчас уже стоит “антрэ” — рыжики и грузди, залитые уксусом, огурцы, капуста, ягоды разных сортов в маринаде. Сейчас мама принесет жирные щи с капустой, от которых я сразу валюсь спать» (27 января 1906).

«Беспристрастная повествовательница событий»

Лариса описывает строительство Кругобайкальской железной дороги и Русско-японскую войну, революционные события 1905-го года, покушение на губернатора Мишина и разгул преступности, произвол полиции и реформы в Иркутской Александровской тюрьме, ограбление на золотоплавильне и реакцию на убийство политического ссыльного А. М. Станиловского, приезд французского кинематографа и спектакли Городского театра, открытие бань на Арсенальской (ныне ул. Дзержинского) и порядки в магазинах купца Второва... Перечень имен также обширен: кроме упоминаемых членов семьи и близкого окружения, это губернаторы Кутайсов и Мишин, редактор народнической газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов, протоиерей Дмитрий Гагарин (церковный деятель, педагог, публицист, отец будущей солистки Большого театра Варвары Гагариной; интересно, что автор называет его, как

хорошего знакомого, «Митей»), смотритель Александровской тюрьмы Лятоскович и многие другие.

В письме от 27 января 1906 года Л. Е. Литвинцева так оценивает свою роль в истории: «Я ...не буду оценивать явления, превышающие мой кругозор, а только буду беспристрастной повествовательницей событий». Она не общественный деятель. Она серьезно больной человек, она многого боится, редко выходит из дома. Но ее горячее сердце, боль за происходящее, аналитический склад ума не дают успокоиться.

Строительство Кругобайкальской железной дороги

В письме от 15 июля 1904 года, отправленном из Баранчиков (ныне порт Байкал Слюдянского района Иркутской области) Лариса Евгеньевна пишет: «На Байкале идут сплошные работы. Взрывы динамита гремят непрерывно. Грудь горы вся истерзана им, точно коршун выклевал ее живую душу. Я каждый день хожу мимо этих работ, и вид падающих гор производит на меня тяжёлое действие. Издолбят всю, зашатается и упадёт и только синий дымок вьётся на месте смерти».

Речь идет о строительстве Кругобайкальской железной дороги, которая являлась самым сложным по строительству участком Великого Сибирского пути. Она строилась при императоре Николае II с 1902-го по 1918 год и проходила от конечной станции Иркутско-Байкальской ветки (порта Байкал) по берегу озера Байкал до станции Мысовой. Для прокладки тоннелей (общей протяженностью 7,2 версты) производились взрывные работы.

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Делясь с сестрой личными впечатлениями от инженеров-строителей, Лариса Евгеньевна переходит к описанию событий и настроений, связанных с Русско-японской войной: «Гута, сейчас (...) с пристани Ледокола служащий принёс поразительное известие: сегодня утром над Ледоколом летал воздушный шар, конечно японский. (...) Взорвать

Ледокол гораздо важнее, чем Порт-Артур, и я так испугалась, что при первом известии у меня руки отнялись. Здесь в Баранчиках центр переправы. Ежедневно проходят тысячи войск, пушек, провиант везут непрерывно. Это узел всероссийской переправы (...). Издан строжайший приказ стрелять, как только шар близко спустится. Как важен этот пункт, видно из того, что на каждом шагу стоит часовой и 10 шагов не пройдёшь, чтобы не вырос солдат с ружьём и что в Лиственничном живёт министр путей сообщения, который лично смотрит за переправой; и вот опасность подкралась с воздуха. (...) Важнее всего то, что мы с мамой третьего дня видели этот воздушный шар над Иркутском. Я приезжала проводить её и менять книги. И вот вечером прохаживалась по мосткам перед крыльцом. Смотрю над головой, т. е. в стороне, к востоку от дома, высоко летит что-то круглое, красное. Я думала, метеор и в окно громко закричала: “Мама!” Мама выскочила и по медленности движения мы определили, что это, вероятно, спускали шар в Интендантском саду и, глубоко заинтересованные, следили, пока он не пролетел над нами и не скрылся из виду”» (15 июля 1904).

Подтверждения факта летающего в 1904 году над Байкалом и Иркутском шара в официальных и летописных источниках мы не нашли. Все упоминания о первых опытах русских воздухоплателей в Иркутске начинаются с 1906 года, то есть двумя годами позже. Однако А. К. Чернигов в «Иркутских повествованиях» оговаривает (без указания дат), что «одним из первых практических применений летательных аппаратов являлось военное дело, как орудие уничтожения живой силы и техники противника». У нас возник вопрос: каким образом человек, пишущий о событиях июля 1904 года, мог «сочинить» то, что произойдет только через 2 года? Мы не могли не реабилитировать нашу Ларису Евгеньевну и просмотрели все номера газеты «Восточное обозрение» за это время. Конечно, нашли заметку «Воздушный шар над Забайкальем» (№ за 18 июля 1904 года), где сказано, что таинственный шар действительно видели в разных местах в районе озера Байкал.

*Первая русская революция.
Волнения военного гарнизона (ноябрь 1905 года)*

В книге А. П. Косых, В. Н. Панова, В. Г. Тюкавкина «История Иркутской области» мы обнаружили такую информацию об этих событиях: «Военная организация РСДРП подготовила митинг солдат Иркутского гарнизона и казаков казачьего дивизиона 28 ноября в городском театре. Солдаты и казаки избрали военно-стачечный комитет, нового начальника гарнизона, командиров частей и коменданта города. 30 ноября в городе проходила вооруженная демонстрация».

Л. Е. Литвинцева пишет о том, что волнения солдат очень напугали жителей, ждали кровавых погромов. Но офицерский состав взял ситуацию под контроль, организовал написание солдатского манифеста и повернул ситуацию в мирное русло: «Ожидали, что пьяные солдаты разнесут город так же, как разнесли, сожгли и обратили в груды развалин Владивосток. Но ничего подобного не случилось именно потому, что нашлись интеллигентные офицеры, которые и повлияли на массу в благоприятном смысле, вдохнув в нее свой благородный рыцарский дух. Получилось нечто совершенно обратное тому, что мы ждали: в городе воцарилась тишина, хулиганы куда-то скрылись, выстрелов по Иркутску не было слышно. Народ ликовал. (...) Наступила как бы Пасха, народ толпами гулял по улице, слышался везде говор, смех, радость, торжество. Я уже говорила, что солдаты сами выбрали себе Председателя Стачечного комитета, начальника гарнизона, коменданта, командира казачьего дивизиона. Всё это оказались личности, чрезвычайно интеллигентные, самоотверженные и светлые. Солдаты не обманулись, чутье им верно подсказало, кто друг их, кто враг. И я не ожидала, что и военная среда имеет истинно образованных людей и нелицеприятных борцов за Правду. Они вступили в управление 20 тысячной массой, и народ им доверчиво, как дети, покорился. Вынесен был им список нелюбимых офицеров и комитет приказал этим лицам удалиться из Иркутска в 12часовой срок, а также и всем тем офицерам, которые не примкнули к забастовке».

Любопытны замечания о солдатском манифесте: «С внешней стороны он начинался так: “Хотим быть, как японцы, чтобы вилка, ложка, баня, мыло, записная книжка, чтобы морду не били и не обкрадывали нас. Что мы хуже японцев, что живем как свиньи?” А потом вглубь пошло так, как японцу далеко, ибо у них нет ни Толстого, ни Достоевского, а перед нами сейчас стояли духовные дети этих гениев, и этот Дух дышал среди них, потому что первое, о чем они повели речь, это о Душе и о Правде человеческой. Им больше всего надо было, “чтобы в людях правда была”. Дремавшие в них духовные силы проснулись вдруг с страшной мощью, и они запросили “не поповской правды”, а другой, которая открыта “книжным людям”».

Следующий интересный факт, описанный Ларисой Евгеньевной, мы считаем также не утратившим актуальности для современного общества: «Постоянный председатель солдатских митингов, бравый фельдфебель и человек, как оказалось потом, недюжинных способностей, по поручению и просьбе всех забастовавших солдат, ходил к управляющим акцизными сборами и попросил не только закрыть винные лавки, но и вывезти все вина их Иркутска из его главных складов: “Мои товарищи во хмелю бывают неспокойны и водка может много зла наделать. Солдаты просят увезти ее с глаз долой, чтобы не быть злу и не пролить человеческой крови”. Управляющий согласился. И хотя казна понесла за эти дни убытку свыше 150 тысяч рублей, Иркутск был спасен» (27 января 1906).

Покушение на вице-губернатора Мишина

Лариса Евгеньевна была из либеральной семьи, она критикует царское правительство, разделяет мысль о необходимости переворота в стране. Но в цитируемом письме от 27 января 1906 года (которое по объему могло бы стать отдельной книгой) Лариса пишет: «А вот, когда убивали Мишина, так была маленькая подробность, которая совершенно валит всю целесообразность этого акта [т. е. бескомпромиссной борьбы с «душителями Свободы»]. Когда Мишин вышел из подъезда своего дома, к нему подошел

солдат и стал просить милостыню. Мишин приостановился, а в это время выслеживающий его убийца из-за угла выстрелил, пуля задела бок Мишина. Когда раздался второй выстрел, солдат проворно собою загородил Мишина, и уже смертельно раненый, всё держался на ногах и толкал Мишина в дверь подъезда, всё время загораживая его собою и получая выстрел за выстрелом в спину, и упал только тогда, когда Мишин скрылся в дверь подъезда. Вот этот случай немножко смущает». Видимо, Лариса хочет сказать, что при таком покушении могут погибнуть и невинные люди. Но мы видим, что даже дочь священника готова оправдать кровь, проливаемую за «святое» дело — так много недовольства накопело в обществе.

В книге И. В. Наумова «История Сибири» этот случай описывается таким образом: «Одной из знаменитых форм революционной борьбы сибиряков стал политический террор. Самыми известными террористическими актами стали: убийство в Омске губернатора Акмолинской области генерала Литвинова в 1906 году, убийство иркутского полицмейстера Драгомирова в 1905 года и тяжелое ранение иркутского вице-губернатора Мишина в том же году». Официальной информации о самопожертвовании солдата мы не нашли ни в учебниках, ни в архивном деле «О покушении на вице-губернатора Мишина». Видимо, история в данном варианте ходила в народе, который одобрял именно такой поступок. По этой причине считаем этот отрывок письма очень ценным.

Революционные настроения

С огромным волнением и сочувствием Лариса Литвинцева описывает революционные события в Иркутске в 1906 году: «За последнее время в Иркутске произошло много событий. Самое важное — это то, как мы были гражданами, и как у нас образовалось свое правительство. Это было между 17 октября и 20 декабря. Сейчас у меня осталось воспоминание об этом, как о чем то светлом, радужном... Я узнала это в первый раз после того, как приходившие к нам знакомые, не называли нас по имени, а говорили: “Здрав-

ствуй, гражданка”. И на улице на каждом перекрестке слышалось это слово. В магазинах приказчикам говорили: “Гражданин, дайте того-то”, мальчишки кричали: “Гражданине, газеты”. Я еще более убедилась, что произошло что-то, когда раскрыла газету [номер «Восточного Обозрения»], там на первом листке объявлялось, что так как мы отныне стали гражданами, то всякий именующий себя таковым, должен немедленно вступить в открытую борьбу с царским правительством, его чиновниками, черносотенцами, хулиганами и попами. Граждане призывались к вооруженному восстанию против своих “душителей и палачей”, причем рекомендовалось пускать в ход все средства. В первый раз я тут поняла, чем может быть, т. е. чем должна быть газета, для читателя и вспомнила между прочим твои слова, как ты однажды вскользь заметила — “не знаю, как буду обходиться без парижской газеты”. Тогда я подумала, что разве мало газет на свете, не все ли равно, какая газета. А тут вспомнила, что если такие в Париже газеты, как было наше Вос[точное] Об[озрение] во время “Свободы”, так, действительно, жить без такой газеты нельзя. Она была, как живая. Казалось, каждое слово дышало в ней кровью и слезами. Бывало, с нетерпением ждешь следующего дня только для того, чтобы получить следующий номер газеты. А не думай, чтобы там говорилось о великом горе России, нет, тут разбирались только иркутские язвы и боли в ее общественной жизни. Выступили на арену иркутские темным силы и светлые его духи, и тьма оказалась так велика и силы их так громадны, и явились они в таком всеоружии, точно сам дьявол вышел из ада. Весь народ “забастовал” — так называется это состояние души человеческой на народном языке. “Забастовка” — это полная невозможность человека сосредоточиться на чем-нибудь другом, кроме того, что охватывает его стихийно в данный момент. Во всех концах города собирались митинги, вдруг откуда-то, точно из земли выросли, появились талантливые народные ораторы и вожаки партий. Митинги устраивал каждый, кто организовывал известную группу, были и просто беспартийные всенародные митинги. Народ собирался по пять, по десять тысяч, набивался как мошка, в здание заседаний

и прилипал к стенам его и к выходам, и мостился на карнизах и окнах.

Так велика сила живого, могучего человеческого слова. Митинги устраивали и забастовщики, и учащиеся, и учащие, и чиновники, и хулиганы, черносотенцы, и попы. Каждый говорил, что думал, что знал и что мог. Из простого черного люда, из солдат, из извозчиков выдвинулись вдруг недюжинные силы, настолько светлые и легкие по уму, что и сейчас умственный облик стоит в память всего Иркутска, как нечто в высшей степени яркое и необыкновенное: “Свобода сходов, союзов, собраний и организаций!”, “Свобода слова и печати!” Да, я поняла, что это нечто действительно великое и могучее, и на первый раз, как я прочитала в манифесте эти слова, я не могла охватить всей глубины их смысла и значения, таких, по-видимому, общих обещаний, общих мест, обыкновенных слов. Этими 4—5-ю словами сама скованная жизнь была выпущена на волю, могущественная, бьющая через край, кипучая жизнь. Казалось, могучий поток пробил оковы и хлынул, разрушая все на пути. В человеке вдруг проснулось его человеческое достоинство и божеские его силы, Ум и Совесть. И вместе с тем ворвалось на волю все вековечное его горе, обиды, унижения, боль, поругание — все вылилось в могучих потоках слов и речей».

Мы пришли к выводу, что прочитав только письма Л. Е Литвинцевой, можно понять, почему произошла революция.

Но очень хотелось бы узнать судьбу нашей героини после Октябрьского переворота, в пору репрессий и уничтожения народа пришедшими к власти «светлыми» силами. Поменяла ли она свои взгляды?

В семье Литвинцевых царил либеральный, даже народнический дух. Семья читала полузапрещенных авторов, выписывала газеты «Сибирь» (отец сотрудничал с газетой под псевдонимом «Тутошний»), затем «Восточное обозрение», которая в 1906 году была запрещена правительством.

В круг общих друзей сестер входят люди, занимающиеся распространением революционной литературы, члены подпольных кружков. Лариса в письме от 19 августа 1904 года

подробно описывает дело «юноши Ковригина» и очень жалеет «сестру Саши Синявиной»: «Но ведь я начала-то рассказывать не о том, как расправляется полиция с обывателями, а как она выметает и выскребает “старателей” земли Русской, нашу русскую многострадальную молодежь. Удручающее впечатление произвело известие о помешательстве Ковригина. Погиб даровитый, цветущий юноша. Сестра Синявиной была схвачена вместе с ним. Срок свой отсидела и по недостатку улик выпущена «на свободу», но тюремное заключение и то обстоятельство, что она нечаянно выдала Ковригина, так на нее скверно подействовало, что она впала в тихое помешательство. Тоскует страшно, бредит тюрьмой и каждую минуту говорит о самоубийстве. Теперь она живет в улусе в качестве фельдшерицы. Лечит бурят и питается около них. Ей все пути к жизни отрезаны. Запрещено не только преподавать в школе, но даже частные уроки. В улус она забралась только для того, чтобы как-нибудь просуществовать, не умереть с голоду и работать “идейно”. Говорят, буряты ее очень любят, называют “святая девушка”, потому что она творит чудеса самоотвержения, но что душевное ее состояние скверно и, вероятно, она кончит самоубийством. Не следовало Саше без призора оставлять малую сестру. Одна, без любви, без поддержки, она как былиночка от первого же налетного ветра сломилась».

В ГАИО мы нашли подтверждающий документ «О рукописных журналах “Порыв”, “Свисток”, рукописях, прокламациях и брошюрах революционного содержания, найденных у учеников Иркутской духовной семинарии Павла Попова, Михаила Ковригина и ученицы Иркутской акушерско-фельдшерской школы Евстолии Синявиной. 5 мая 1903 г. — 6 октября 1904 г.».

Лариса Евгеньевна раньше, как мы предполагаем, тоже подверглась преследованиям за подобную деятельность или сочувствие таким кружкам. На это наталкивают некоторые строки, особенно эти: «Ныне Катюха моя [бывшая ученица] съездила на деревенскую свадьбу [в Жилкино]. Так там имя мое окружено легендой: “К царю уехала ‘с одобрением от общества’ отстаивать интересы крестьян. Царь ее до себя не допустил, но велел схватить в тюрьму, и она

там умерла за крестьянский народ...» (открытка, 11 сентября 1908). Поразительные строки! Лариса пишет о себе с иронией, она вообще не раз подчеркивает, что ее силы потрачены впустую, что жизнь прожита зря. И все же перед нами предстает образ народного заступника, вышедшего из среды русской интеллигенции.

Педагогическая работа

При чтении писем стало понятно, что Лариса Евгеньевна была учительницей в одной из иркутских школ. Изучая архивные материалы в Отделе историко-культурного наследия областной библиотеки им. Молчанова-Сибирского, мы нашли место работы Ларисы. Это Вениаминовская школа по Спасо-Лютеранской улице с двумя классами: для мальчиков и для девочек. Она учила девочек.

Видимо, из-за тяжелой болезни Лариса Евгеньевна, проработав учительницей почти 20 лет, вынуждена была уйти из школы, а затем перейти на частные уроки. Она не раз размышляет о смысле учительского труда в своих письмах, тем более что до отъезда за границу сестра также работала учительницей (ее имя мы нашли в списках учителей Александровской школы. В одном из писем читаем: «Как значительны для детей их детские впечатления и с какой бережливостью и осторожностью надо обращаться с детской душой. Теперь, окидывая взглядами мою 20-ти летнюю практику в школе, я ясно вижу, что самое прекрасное и изящное, что было в моей жизни, это галерея тех сотен детских душ, которые прошли предо мною, и теперь я понимаю, почему я была так счастлива в школе» (5 апреля 1906).

Школа в жизни Ларисы сыграла огромную роль. Для нее это тяжелый, но любимый труд, и она до конца остается ему предана. Лариса Евгеньевна с такой любовью отзывалась о своих ученицах, так подробно описывает их сочинения, что создает впечатление истинного патриота профессии. Ей очень близка методика Л. Н. Толстого, разработанная им для яснополянской школы. Она применяла в работе приемы «естественного воспитания».

Руководству было очень жаль расставаться с хорошим учителем. 4 марта 1905 года, после болезни, Лариса пишет сестре: «Гагарин, когда я подала прошение через него, удержав на два дня это прошение, приехал ко мне и чуть не со слезами просил: “Подождите подавать прошение до конца августа (...) Напишите в совет, чтобы он дал вам вторичный отпуск, конечно, без сохранения содержания. Я, главным образом, из-за того хлопочу, что вы редкая учительница, и мне терять вас жаль”».

Мы нашли еще одно подтверждение тому, что Лариса Евгеньевна была уважаемым и любимым учителем. В «Епархиальных ведомостях» за 1906 год есть заметка следующего содержания: «Чествование учительницы. 15-го апреля с. г. состоялось скромное по размерам и по обстановке, но редкое по сердечности и участникам, торжество. Учащие и учащиеся, в лице своих представителей, Иркутской городской имени Архиепископа Вениамина II церковно-приходской школы чествовали свою бывшую учительницу Лариссу Евгеньевну Литвинцеву. Они явились в ее квартиру и в адресе, прочитанном заведующим школой священником Д. Гагариным, выразили ей свою глубочайшую благодарность за труды и заботы по благоустройству учебно-воспитательной части этой школы и вместе с тем высказали сердечное соболезнование, что она хворает и оставила занятия в школе. Прощаясь, прибывшие высказали пожелание вновь видеть Лариссу Евгеньевну в школе. Полную сил и здоровья. Затем поднесли ей фотографическую карточку с девятого выпуска школы».

Круг чтения

В письме от 4 декабря 1906 года Лариса пишет о вечернем чтении: «Я могу читать со страстью, с упоением 5–6 часов подряд, не поднимая головы и ни на секунду не прерывая течение мысли, всё равно, будь это серьезный философский трактат или европейский классик».

Письма Ларисы Евгеньевны дают представление о ее незаурядной начитанности. Кроме того, что она является большой поклонницей Льва Толстого и дает глубокий

литературоведческий анализ его произведений. В список ее любимых авторов входят Лермонтов, Достоевский, Горький, Мельников-Печерский, Л. Андреев, Тэффи, Мопассан, Джек Лондон, Гамсун, Ницше, Шопенгауэр и другие. Все письма предваряются обязательной цитатой какого-то мыслителя, которая отражает ход мыслей и душевное состояние автора в данное время.

Особая страница и в ее жизни, и в письмах — отношение к Л. Н. Толстому. Лариса Евгеньевна была потрясена творчеством Льва Николаевича. Вот что она писала сестре в 1903 году: «сегодня буду целый вечер читать дорогого Льва Николаевича. Я каждое его слово беру с уважением и глубочайшей благодарностью читаю его чрезвычайно внимательно и только тогда, когда бываю совершенно спокойна...»

Лариса очень переживает, что церковь не принимает Толстого. Отвергая его учение — отвергает и как великого художника: «Не знаю, что больнее, о чём говорить: о том, как убиваются в России земства или как убивают святые имена, или как убивают цветущую молодёжь. Всё больно и всё тягостно (...) Господи, как же работать-то, где смысл нашей учительской работы? (...) Мы не учителя, а жалкие презренные холопы» (19 августа 1904).

Театр и кинематограф

Лариса Евгеньевна была большой поклонницей театра и оперы. Постоянно посещала Городской театр (ныне Драматический театр им. Охлопкова), радовалась строительству нового на месте гостиницы «Россия» (здание ТЮЗа в советское время), с восторгом вспоминала гастроли Московского Малого театра в 1903 году.

В Городском театре была на таких спектаклях, как «Фауст», «Демон», «Кармен» и многие другие. В письме № 114 (без даты) читаем: «Меня же ошеломил “Тангейзер” Вагнера и “Хованщина” Мусоргского. Эти две оперы событие и новый поворотный пункт в моей духовной жизни. Я прозрела (...) до этой оперы я не знала, что есть мир Музыки и что я, в сущности, была лишена этого счастья».

В письмах можно найти немало других свидетельств активной культурной жизни горожан того времени. Трудно поверить, что в такой удаленности от российских столиц Иркутск являлся важным культурным и общественным центром. В частности, в письме от 27 сентября 1906 года Лариса Евгеньевна подробно описывает посещение «синематографа Люмьера», которое потрясло ее: «Я тебе хотела написать, как мы с мамой смотрели нынче синематограф Люмьера. В одно прекрасное время на столбах появляются объявления, что из Парижа приехал инженер Надо, он будет демонстрировать в Иркутске первоклассный синематограф Люмьера, причём печаталась и программа представления. Она была так заманчива, что я, слова не говоря, побежала в кассу за билетами».

Представление давали в здании Общественного собрания по улице Амурской (сейчас это здание Филармонии и ТюЗа по улице Ленина). В зале была создана атмосфера праздника: «Когда мы пришли, Собрание уже было залито морем света, и гремела музыка. Мы пробрались в первые ряды и заняли свои места. Ну, а потом, когда занавес поднялся, начались такие чудеса, что мы забыли всё на свете и приросли к месту».

Демонстрировался фильм о жизни французов: «Прежде всего он демонстрировал все замечательные здания Парижа и его главные улицы и площади, Эйфелеву башню от основания до вершины, т. е. весь подъём ее, Булонский лес, парки, парижские скачки на всём их пространстве, на громадном расстоянии, от места отправления до приезда к цели, ложи с парижской знатью, весь парижский шик и простую толпу, тотализатор. Набережную Сены показал всю. Затем типы парижских женщин и вообще женщин Франции, их национальные особенности, костюмы и причёски, здесь главное внимание он сосредоточил на британках и нормандках, показывая их во всевозможнейших головных уборах и костюмах. Они были совершенно живые, некоторые из них так раскланивались с публикой, так смеялись или делали такие произвольные движения, что забываешь, что видишь это только на полотне».

Ларисе очень понравилось то, что в заключение фильма были показаны сибирские просторы, Уральский перевал: «Просто сердце затрепетало от родных сосновых лесов, гор, дикой и могучей тайги. И опять он снял её на всём протяжении, из вагона снимал, а потому получилось такое впечатление, что ты едешь по железной дороге и смотришь из окна вагона, тем более, что всё время попадаются поезда, и вагоны то и дело мелькают мимо тебя. Теперь он поедет снимать Кругобайкальскую дорогу и типы и виды Забайкалья. Хорошо он заработает за этот выезд из Парижа, публика так валом и валит. Да и в Париже потом заинтересует всех Сибирью; я думаю, и наша Сибирь там фурор произведёт...»

Письма иркутской учительницы раскрывают перед нами незаурядный и в то же время типичный облик русского интеллигента того времени. Даже бытовые письма подчас превращались в многостраничные летописи.

Благодаря письмам, мы прикоснулись к прошлому Иркутска. Теперь многие дома и улицы для нас стали знакомыми и родными, рассказывающими свою историю.

«На острых кончиках штыков Мигало солнце огоньками»

Первая мировая война
в воспоминаниях и фотографиях

Екатерина Андрианова
Александр Колесников
Денис Соболев
п. Красногорняцкий,
Ростовская область

...На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

В. Катаев, 1916

В наших семьях память о Первой мировой — это даже не крупницы, а предположения: кто из прапрадедов мог в ней участвовать? К сожалению, уже никто об этом не сможет рассказать. В местных архивах мы с трудом нашли сведения о Георгиевских кавалерах, всего 17 фамилий и больше ничего. Поэтому, когда мы познакомились с воспоминаниями Капитона Мельникова, то поняли, что это настоящий клад для исследования.

Подлинник воспоминаний хранится в краеведческом музее средней школы № 1 хутора Керчик-Савров, расположенного на территории нашего района. Первым их хранителем была дочь автора Мария Капитоновна Мельникова. В конце 70-х годов прошлого века она передала документ Тамаре Васильевне Рыковской, основателю школьного музея.

В воспоминаниях рассказывается о периоде с 1887-го по 1944 год. Время написания — предположительно 1950—1957 годы. Капитон Савельевич делал записи в последние годы своей жизни. Мелким почерком он заполнил 92 страницы толстой тетради, похожей на книгу. Получилась целая энциклопедия жизни одного человека.

Разбирать текст было очень трудно: мелкий почерк, не все буквы четко видны, много непривычных слов. Мельников пишет так, как привык разговаривать, — это не литературный текст, а просто рассказ пожилого человека о своей жизни.

Воинская повинность Капитона Мельникова

Капитона Мельникова призвали на действительную воинскую службу 26 января 1911 г.: «Я был призван воинским начальником в станицу Каменскую для отбытия военной повинности».

Воинская обязанность была всеобщей. Это означало, что служить в армии были обязаны все подданные Российской империи мужского пола всех сословий.

Определенные категории граждан не призывались на военную службу или пользовались отсрочками от призыва, льготами. В России в начале XX века трудоспособным членом семьи считалось лицо мужского пола, достигшее 16 лет. Капитона Мельникова призвать не должны были — он единственный сын в семье; отец умер, и на его попечении находилась одинокая мать и незамужняя сестра, трудоспособных мужчин в доме больше не было.

Матери Капитона — Евдокии Семеновне — предлагали обратиться с ходатайством в управление, чтобы сына не брали в армию. Но она не стала этого делать. Семья после смерти отца жила бедно. Скорее всего, на семейном совете решили, что эта служба даст возможность пережить трудные времена. По воинскому уставу, находящиеся на действительной службе полностью освобождались от всех подушно-государственных, местных (земских) налогов и сборов, от натуральных повинностей. Это положение действовало еще год после окончания службы и перехода в запас.

Капитон без особого желания отправлялся в армию. Молодой человек из далекого степного хутора боялся неизвестности, встреч с незнакомыми людьми.

28 января Мельникова назначают в 81-й Апшеронский пехотный полк, который стоял в городе Владикавказе. Потом осенью 1912 года полк перемещают в Персию.

В годы Первой мировой войны Персия пыталась соблюдать нейтралитет. Однако боевые действия на Кавказском и Месопотамском фронтах захватили и ее территорию. Северный Иран в 1914–1918 гг. заняли русские войска, южный — английские.

Мельников принимает участие в боях с курдами: «15–19 июля 1913 г. на участке 5-го Кавказского полка завязались бои с группировкой курдов до 10 000 человек. В город Урмию и селение Сирг прибыли в помощь несколько конных полков и артиллерия в составе 6 орудий. 19-го выступили тремя колоннами в разных направлениях. Пройдя горную местность, спустились на равнину к селениям Гонгочи, Машокан. Здесь завязалась оружейная и оружейная перестрелка. Курды держались упорно, но, не выдержав боя, стали отходить на турецкую территорию через горы, покрытые снегом».

Осенью 1913 года Капитона Мельникова отпустили в отпуск на два месяца. И лишь весной 1914-го из полковой канцелярии сообщили об увольнении по высочайшему приказу в запас армии. 5 марта Капитон отправился домой. Вернулся в Донскую область, в хутор Керчик 14 марта. Почти 10 дней занимала дорога.

Мельников живет с матерью в маленькой старой глиняной хате. Он рассчитывает опять заняться плотницким делом и заработать денег. В его планах построить себе «деревянную хатенку, потом можно бы уже и жениться, так как время подошло и невеста уже была». Но Капитону Мельникову не удалось осуществить свои планы. Всего четыре месяца пожил он домашней мирной жизнью.

«Внезапно пришлось идти на защиту своей родины»

Этими словами начинается рассказ Мельникова о Первой мировой войне, новом этапе его жизни. Война разрушила мечты и планы не только Капитона. Для большинства населения, далекого от политики, она была внезапной.

Мельников описывает самое начало войны¹:

¹ Здесь и далее орфография автора сохранена.

«Утром я лижал, отдыхал. Мать говорит, вставай, говорят война началась. Говорят, что будут брат на войну вас. Я сначала не поверил. Потом раздумал, может и правда. Быстро поднялся, вышел на двор, поглядел. Потом пообедили, что у нас было. Но через недолгое время бежит вистовой, несет повестку».

18 июля было воскресенье. Народ Керчика собрался в церкви. «Как вдруг раздалась весть о том, что началась война с Австро-Венгром и Германией. Проскакали конники с красным хлагом. Известили о том, что страна в опасности. Пришлось идти на защиту своего государства. Мы первыми и в количестве 6 чел., были отправлены на сборный пункт в ст. Константиновскую», — пишет Капитон.

«Делать было нечего, нужно было собираться в пут. Родственников у меня не было, кроме матери. Прощался и вышел из дома. Был полудень, народу никого на улице не было. Я оглянулся назад, там стояла одна мать. И так скрылась из вида родная избенка. Сердца сжималось от жалости, может больше не придется вернуться домой, встретиться опять с родными и близкими друзьями».

Первый призыв скоро прибыл в управление, где людей ожидала конная подвода. Когда она помчалась по хутору, встречные «делали прощальный привет, покачивая головой, размахивая руками». Выехав за хутор, Капитон оглянулся назад, прощаясь с родными местами.

На сборном пункте в станице Константиновской 20 июля проходило назначение в различные части. Мельников описывает митинг, который состоялся в станице. На площади около церкви собралось много народу. «После всего этого был отслужан молебен в чест победы над Германией».

После митинга всех отправили на конных подводах. Помчались призывники на войну, сменяя подводы в каждом населенном пункте. Утром 22 июля 1914 года прибыли в город Новочеркасск, где их погрузили на поезд и отправили на юг через Ростов-на-Дону.

Ростовская публика провожала проходящие воинские эшелоны с большим почетом. Стоявшие на перроне кидали в вагоны подарки, «приветствуя руками и всеми своими

чувствами уходящих воинов». По улицам города мобилизованных провожали с музыкой и пением. (Пройдет три года войны, и Капитон Савельевич, возвращаясь с фронта, увидит другой город. Равнодушный к солдатам, уставший...)

23 июля 1914 г. Мельников вместе с другими солдатами отправился из Ростова в Батум, где их расположили в Михайловской крепостной артиллерии. 1 августа Капитона назначают в 7 роту форта № 5 под названием Степановка. Всех прибывших с первых дней обучают орудийному делу. Через несколько дней они начали рыть окопы, устанавливать батареи, развозить орудия, разносить снаряды. Обычная солдатская работа, не знающая ни праздников, ни отдыха. В Михайловской крепостной артиллерии пробыли два месяца.

Шли разговоры о том, сколько может продолжаться война. Офицеры объясняли своим солдатам, что война будет короткой, так как Германия придет к истощению и будет вынуждена просить мира. Но война разгоралась все больше.

30 сентября 1914 г. поступил приказ коменданта гор. Батума генерала Ельшена: откомандировать нижних чинов, служивших действительную службу в пехотных полках, в 264-й пехотный Георгиевский полк в составе 506 человек. Капитон попал в 8 роту, где пришлось пробыть недолго.

8 октября прибыл офицер — поручик Войневич для набора в команду службы связи. Он знал Мельникова по действительной службе. Войневич попросил командира полка назначить Капитона в команду службы связи. В службе связи начинались занятия по телефонному делу, которые продолжались до объявления войны Турцией.

На войне с Турцией

До сих пор не утихают споры о том, действия какой же страны являлись ключевыми в ходе Первой мировой войны. В нашем исследовании мы бы хотели рассмотреть, как повлияло на ход войны вступление в войну Турции. Что происходило на Кавказском фронте?

Находившаяся под влиянием германской политики, Турция вначале заявила о нейтралитете. Но уже 2 августа 1914 г. турецкое правительство заключило тайный договор

с Германией о войне против России. Приступив к всеобщей мобилизации, Турция фактически передала в распоряжение германского генерального штаба все свои вооруженные силы. 12 ноября Турция провозгласила «священную войну» против Антанты.

Кавказская армия под командованием И. И. Воронцова-Дашкова насчитывала 170 тыс. человек, 350 орудий. В ноябре 1914 года, перейдя турецкую границу, армия развернула наступление в полосе до 350 км. Но, встретив упорное сопротивление противника, перешла к обороне.

В то же время турецкие войска вторглись на российскую территорию. 5 ноября 1914 года российские войска отступили в сторону Батума. Под контроль турецких войск перешла вся Батумская область, за исключением Михайловской крепости.

«Служба связи с того времени начала занятия по телефонному делу, которые продолжались до 21 октября, то есть до объявления войны Турцией. 22-го были отправлены некоторые роты на позицию. С этого дня завязался бой. Слышно было орудейные выстрелы. С каждым днем турки все приближались к нам», — пишет Капитон Савельевич.

После столкновений русская армия овладела турецкими позициями в районе Эрзурума. В декабре 1914 — январе 1915 в ходе Сарыкамышской операции Кавказская армия остановила наступление на Карс 3-й турецкой армии под командованием Энвера-паши. Капитон Савельевич подробно, день за днем, рассказывает о продвижении войск, перечисляя почти все населенные пункты, перевалы, горы, реки. При этом он указывает расстояния переходов войск. Походным маршем прошли 120 верст, 40 верст...

В феврале 1915 г. командующим Кавказской армией назначен Н. Н. Юденич (1862—1933), один из лучших генералов России. Войска обрели веру в себя и в свое превосходство над противником.

В декабре 1915 — феврале 1916 г. русская армия осуществила успешную Эрзерумскую наступательную операцию. «Слышно была сильная стрельба, но утром поднялась сильная буря которая не давала смотреть глазам вперед, но было приказано идти вперед укреплений ... В то время

шла сильная стрельба. Мы находились в резерве 29 января возвратились в Гасы-калу находящуюся под Эрзерумом (шали). 3-е февраля утром город был взят нашими войсками. Здесь было зафочено до 400 (200) орудий разного калибра, включая 12 дюймовые, 15 тысяч пленных», — вспоминает Мельников.

Турецкий гарнизон отступил, потеряв до 70% личного состава и почти всю артиллерию. Преследование отступавших турецких войск продолжалось, пока линия фронта не стабилизировалась в 70–100 км западнее Эрзерума.

«4 февраля 1916 г. в Гасан-Калу прибыли командующий кавказским фронтом Николай Николаевич осмотрел Гасан-Калу и проследовал в город Эрзурум. Он благодарил войска за твердость, стойкость и мужество».

12 февраля 1916 г. в жизни Капитона Савельевича произошло важное событие. Приказом по полку он «был переименован в младшей унтер офицеры за боевые отличия».

Младшие унтер-офицеры были командирами отделений, они хотя и относились к нижним чинам армии, являлись промежуточным звеном между офицерами и солдатами. Выпускник унтер-офицерской школы, полководец Г. К. Жуков отмечал, что основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав. Младший унтер-офицер Капитон Савельевич Мельников и был таким «фундаментом» русской армии.

Итоги кампании 1916 года на Кавказском фронте превзошли ожидания русского командования. Русские войска продвинулись вглубь Турции, овладев важнейшими и крупнейшими городами — Эрзерумом, Трапезундом, Ваном, Эрзинджаном и Битлисом. Кавказская армия выполнила свою основную задачу — защиту Закавказья от вторжения турок на огромном фронте, протяженность которого к концу 1916 года превышала 1000 верст.

Война — это всегда страшно

Зимой 1915–1916 гг. стояли сильные морозы. Ночевать приходилось под открытым небом в палатках. Солдаты замерзали от холода и недоедания.

«1 января 1916 г. потери с нашей стороны небольшие, но много выбыло из строя ввиду обморожения и поэтому ряды рот ослабли. Стояли в снеговых окопах. Не было хлеба, мучил голод. 16 января наступление шло тяжело. Бои были жестокие, с обеих сторон участвовало до 800 орудий. Гул был непрерывным, пулеметы трещали своим адским огнем день и ночь. Ранили и убивали. Полки сильно редели. Лежал глубокий рыхлый снег, по которому было очень трудно проходить. Лошади с вьюками падали в грязь, так что приходилось вытаскивать на себе. Из-за непогоды пришлось мириться с голодом, рассчитывать на подвозы не приходилось».

Из Гасан-Калы Мельников вышел в плохих сапогах, их хватило только на один переход, то есть на 30 верст. Пришлось идти босому по снегу и грязи. Переходить реки по пояс и даже по горло в воде.

27 марта. По дороге в грязи лежали лошади, верблюды, скот, замерзший от холода и голода. Селения были разбитые. Не было никого, кроме кошек и собак. На пути лежали замерзшие женщины, дети, старики.

30 марта заняли сторожевое охранение. Здесь пришлось сильно голодать. Потому что не было хлеба и нельзя было ожидать подвоза ввиду сильного расстройств транспорта и дорог. Солдаты почти умирали от голода. Пришлось питаться травой, которая только начинала вылезать из земли. Утром доставили хлеба на роту, то есть на 250 человек — пять пудов. «Мы с жадностью ждали, когда раздадут нам хотя по малинкому кусочку».

Конец января 1917 г. От плохой пищи и окопной жизни началась цинга. Она обессиливала солдат. Оставалось по 50 человек, но и они не могли нести караульную службу.

Изучая материалы о Первой мировой войне, мы нашли фотографию, где турецкий чиновник дразнит хлебом армянских детей. Жестокая картина: голодные дети с трудом стоят на ногах и тянут руки к хлебу.

Мы обратили внимание на тот факт, что в дневнике больше говорится о тяжелых переходах через перевалы в жару и в холод, об обмороженных солдатах, о потерях во время передвижений, о голоде. О том, как ведется сам бой,

сказано очень мало и кратко. Это говорит о том, что переходы и подготовки к боям были психологически намного сложнее, чем сами бои. На Мельникова большее впечатление производят не бои и штыковые атаки, а то, что происходит вне сражений, как живет местное население, какова окружающая природа.

Как живет человек с вражеской стороны? Как он себя ведет?

«Когда сошел с высоких гор снег, то жители с турецкой стороны приходили шайками и рассказывали, что хлеба нет, одежды тоже самое». Турецкие войска получали по $\frac{1}{4}$ хлеба в сутки. Сахару совсем нет, мясо давали два раза в неделю. «Литца у перебещиков были измучены, одежда рваная». Среди беженцев были женщины, дети и старики. Мужчин среднего возраста не было, они находились на войне. Дома этих людей были разрушены, «они бежали неизвестно куда». Это ситуация по другую сторону войны.

«Част жителей города Эрзерума бежало, но многие остались, которые рассказывали, что их уговаривали бежать в глубину Турции. Им говорили что русские в плен не берут, а убегают. Которые остоются живые, тех мучат голодом, заставляют работать. Вообще указывали, что русские как звери. Незнают человечества. Жители город были оборваны. Их изнуренные литца наводили жалкий вид».

Местное население

Фронтовая жизнь Капитона Савельевича Мельникова наполнена разными событиями. Одно из них произвело на него огромное впечатление. Прошло много лет, а он вспоминает его в мельчайших подробностях.

В ночь на 10 апреля 1916 г. Мельников был назначен в полевой караул. На небе было пасмурно, тучи спускались низко. Не успели дойти до сторожевого охранения, как пошел сильный дождь, настала абсолютная темнота, так что идти не было возможности. Путь длился около часа. Полевой караул состоял из семи человек. Дул сильный порывистый ветер, шел проливной дождь, шумел высокий бурьян. Часовой зорко всматривался вперед, чутко прислу-

шивался к каждому новому стуку и шороху. Около 12 часов ночи Мельников услышал подозрительный шорох. Держа оружие в боевой готовности, они прислушивались к шуму в высокой траве, который то приближался, то удалялся. На вопрос: «Кто идет?» — отозвался какой-то писклявый непонятный голосок.

«Нас берет сомнение, что это такое? Мы даем вторичный отзыв. Нам отвечает тот же пискливый голосок. Мы решили подпустить поближе, не давая выстрела, чтобы не поднять тревогу. Шорох повернул на нас. Мы, ожидая, зорко всматривались вперед, в 10 шагах показался маленький человек. Других шорохов ни вправо, ни влево не было. Мы решаем подпустить вплотную к себе. Чем ближе, тем нам явственней видно, что это не противник, а что-то иное. Вместе с шорохом нам стало слышно детские звуки и трясение от холода и дождя. Предмет подошел вплотную к нам и мы увидели, что это человек не более десяти лет».

Через час «этот предмет», который оказался маленькой девочкой, сидел, переодетый в сухие солдатские рубашки, и жевал хлеб. «Больше дат девочки было нечего». Солдаты отдали ей свои скромные порции хлеба. «Для спасения ее жизни мы отдали всё, что только могли». Солдаты сами голодали, питались травой. Накануне им раздали долгожданный хлеб — кусочки по 320 г.

В любом возрасте человек понимает, что если люди с ним делятся последним куском хлеба, то они ему точно не враги. И девочка, около десяти лет от роду, поняла это: «Она сидела среди чужих людей, но они ей повидемому были очень милы».

Автор пишет, что девочка сидела среди чужих людей. Когда русские осаждали город, народ из города бежал. Девочка, потеряв отца и мать, бродила, вероятно, не одни сутки. Утром ее доставили в роту к ротному командиру поручику Петрову и батальонному командиру капитану Орловскому. Через переводчика узнали, что зовут ее Сара. Происхождения айсорского. Ее семья жила в городе Эрзеруме. Солдаты и начальство были рады девочке. Для них она была воспоминанием о мирной жизни и своих родных. Днем ее лучше одели, дали продуктов, какие были. В этот

же день доложили начальнику боевого участка генералу Потто. Он велел доставить ее в город Тифлис.

История о девочке Саре, которую русские солдаты нашли возле своего лагеря, больше всего тронула нас в воспоминаниях.

Лучше один раз увидеть, потом услышать и прочитать, и еще раз увидеть

Во время Первой мировой войны в российской армии большое значение придавалось недавно созданным подразделениям связи, которые занимались налаживанием телефонных и телеграфных линий. Телеграфная рота русского корпуса имела 16 телеграфных станций, 40 полевых телефонных аппаратов, 106 км телеграфного и 110 км телефонного провода.

Судя по тексту «Воспоминаний», Капитон Савельевич Мельников служил в телеграфном отделении инженерной роты пехотной дивизии.

Самыми распространенными средствами связи в Первую мировую войну оставались телефон, телеграф и гелиограф. Телефонная связь помогала артиллерии скорректировать данные для стрельбы. По телеграфу обычно передавали приказы из штабов. Если первые два понятны, то гелиограф (по-гречески «пишу солнцем») — странная штука. Он применялся в армиях мира до середины XX века. На наш взгляд из XXI века, прибор очень даже несерьезный и ненадежный.

Каждый из нас не раз встречался с «солнечными зайчиками». Любимая детская игра: поймав солнечный луч зеркальцем, навести «зайчика» на какой-то объект. Если из игры сделать систему, то получится передача световых сигналов на расстоянии, то есть гелиограф. В основе прибора — условные знаки и вспышки, полученные отражением солнечного света при помощи зеркала. Круглое зеркало устанавливают в рамке на треножник; поймав «зайчика», наводят на принимающий объект. Световые сигналы могут передаваться в солнечную погоду на большие расстояния — до 50 км. Если приборы устанавливались на возвы-

шенности, в горах — видимость была около 200 км. Правда, есть один, но очень большой минус. Что делать, как передавать сведения, если пасмурно, идет дождь и солнца на небе не видно? На этом связь прерывается, ждем хорошей солнечной погоды. В игре можно подождать, а каков выход на войну?

Мельников рассказывает, как группе связистов было приказано выйти с телеграфом на гору недалеко от селения Сир и связаться с уходящими отрядами. Так как было пасмурно, то установить связь не удалось. «Мы остались без дела». При световой передаче использовали коды азбуки Морзе: точка — тире — точка, короткий — длинный — короткий.

Азбука Морзе широко применялась в армейской связи. Работать с ней было сложно, поэтому обучение связистов длилось почти год. Выучить все коды «морзянки» и не ошибиться было под силу не каждому. Для связиста были важны хорошая память, старание и терпение, чтобы не ошибиться при передаче сигналов. Мельникову было интересно учиться на таких курсах, и он успешно сдал экзамены 1 августа 1912 года. Он был не просто хорошим солдатом, а еще старательным, с крепкой памятью связистом. На службе в частях связи он был отмечен командованием.

За отличия в боях Капитон Савельевич Мельников был награжден медалью 4-й степени. В воспоминаниях Капитона Савельевича Мельникова нет и намека на самолюбование, хвастовство. Не называет точно награду, возможно, потому, что считает ее общеизвестной. Анализируя дополнительные источники, мы пришли к выводу, что это медаль «За храбрость», которой награждали солдат и унтер-офицеров за мужество и храбрость в бою.

3 марта до их части дошла телеграмма об отречении Николая Второго. 9 марта полк присягнул Временному правительству. Смену государственного строя встретили все в полку с радостью. Ждали новых распоряжений. На митингах говорили, что войну нужно довести до победного конца, при этом воевать никто не хотел. Военное начальство старалось перебраться подальше в тыл. В ротах остались одни прапорщики. Солдаты, отправляясь в отпуск

домой, и не возвращались в часть — дезертировали. Новые сформированные части до фронт не доходили, разбегались по дороге. Известны случаи, когда «в части приходили одни списки». Мельников заключает: «Дисциплина слабе-ла, линия фронта обессиливалась».

В апреле 1917-го Мельников заболел цингой. Причи-нами болезни автор называет плохое питание и тяжелую солдатскую жизнь. Капитон Савельевич был в результате признан негодным к воинской службе и отправлен домой на 49 дней. Все солдаты, которых не отправили, надеясь, что болезнь пройдет, остались на местном кладбище.

Капитон Савельевич, получив документы, отправился в дальний путь. Где пешком с трудом, где на подводе. Он преодолел около 400 верст, пока добрался до Гасан-Калы. На «кукушке» — так называли узкоколейную железную до-рогу — доехал до Саракамыша.

Проехав дальше в тыл, Капитон Савельевич везде встре-чал много праздного народа. Увидев мирную жизнь, Мель-ников возмущен, что люди не знают войны. «В городах везде были переполнены людьми различные пивные заведения. Люди были не истощенные. Даже не чувствовали той тяже-сти войны, которая длилась уже три года». На возвращаю-щихся с фронта худых, загорелых и грязных солдат мало об-ращалось внимания. А ведь они защитники отечества и тех людей, которые сидели в ресторанах, «роскошничали и кри-чали, что войну нужно довести до победного конца. Такой взгляд на фронтовиков ложился глубоким впечатлением на их сердца. Ведь на фронте нет вдоволь хлеба и других пита-тельных продуктов, здесь в тылу всего большое обилие».

Так вели себя многие люди в тылу, для них война была где-то далеко.

12 апреля 1917 Мельников приезжает домой на месяц в отпуск. Отдохнув, он возвращается в часть. Капитон отмечает, что в полку хорошая дисциплина. В конце ав-густа 264-й Георгиевский полк отправляют в Персию. Но тех, кто прослужил три года со дня мобилизации, уволили в тыл в город Пятигорск в 113 запасной полк. В контроль-ную роту полка при станции Торговая попал и Мельников. Однако служить ему пришлось недолго.

Утром 16 января 1918 года роту разоружили большевики, отобрав винтовки. Получив на руки документы в штабе полка в Пятигорске, фронтовики разехались по домам. «Дорога была уже затруднительна»: поезда не ходили, шли бои с большевиками. «28 января 1918 года я прибыл в хутор Керчинский Области Войска Донского».

Дома было беспокойно. На угрозы и призыв волостного правления идти немедленно защищать Донское войско Мельников ответил: «Добровольно не пойду». Навоевался уже Капитон Савельевич. Тогда казачья власть конфисковала его армейскую форму — шинель и ботинки.

Так закончилась для Капитона Савельевича Мельникова Первая мировая война.

Война — жесточе нету слова. Война народам не нужна

Мы долго искали название для нашей работы. И случайно на сайте «Герои 1914 года» прочитали стихотворение, которое созвучно нашему источнику. Имя автора нам показалось знакомым. Открыли «поиск» — да, точно, известный писатель, автор книг детства «Цветик-семицветик» и «Сын полка». Валентин Петрович Катаев (1897—1986) сражался на фронтах Первой мировой, был дважды ранен, произведен в чин подпоручика, награжден орденами Святой Анны и двумя Георгиевскими крестами. Его стихотворение «Письмо» написано в 1916 году на Восточном фронте:

Я шел в каком-то полусне,
В густых сугробах вязли ноги,
И было странно видеть мне
Обозы, кухни на дороге,
Патрули, пушки, лошадей,
Пни, телефонный шнур на елях,
Землянки, возле них людей
В папахах серых и шинелях.
Мне было странно, что война,
Что каждый миг — возможность смерти,
Когда на свете — ты одна

И милый почерк на конверте.
В лесу, среди простых крестов,
Пехота мерно шла рядами,
На острых кончиках штыков
Мигало солнце огоньками.

Капитан Савельевич Мельников идет по дорогам Кавказского фронта и тоже видит «обозы, кухни на дороге, патрули, пушки, лошадей, пни, телефонный шнур на елях...» Для него «каждый миг — возможность смерти».

Но уроков Первой мировой хватило ненадолго. Вторая мировая была еще более масштабной и более жестокой.

«Что захочется, то и напишу...»

(Дневник мальчика из «бывших»)

Дария Гизатулина

г. Троицк,
Челябинская область

В 10-е годы XX века семья Степановых была одной из самых влиятельных в Троицке; они владели заводом, загородным имением, одним из лучших особняков города. Степановы приобрели автомобиль марки «Делонбельвиль 45» французского производства. Петр Евдокимович имел звание Личного почетного гражданина, был председателем Троицкого вольно-пожарного общества, президентом Троицкого общества любителей конского бега, почетным блюстителем 2-го Приходского училища, был избран гласным Оренбургского губернского земского собрания от города Троицка. В годы Первой мировой войны был членом Военно-промышленного комитета, а с мая 1916 года — его представителем в Уральском областном военно-промышленном комитете. Участвовал в торжественной встрече А. В. Колчака, приехавшего в Троицк 15 февраля 1919 года. Летом 1919 года, после начала отступления колчаковцев, он покинул город с женой и младшими детьми, но смог добраться только до Красноярска. К тому времени город уже заняла Красная армия, и Степановым пришлось вернуться в Троицк. В связи с тем, что их особняк национализировала новая власть, они были вынуждены жить в доме Гладких, а затем на съемных квартирах. Петр Евдокимович работал помощником бухгалтера (кассиром) в уездном финансо-

вом управлении. Его жена, Софья Васильевна, — швеей в театральной мастерской. П. Е. Степанов умер в Троицке 13 мая 1926 года.

Автор

Автором дневниковых записей, о которых пойдет речь, является мальчик Гера (Герман), младший сын купца Петра Евдокимовича Степанова и Софьи Васильевны Лавровской, родившийся в Троицке 18 июля 1913 года. По окончании школы Герман работал чертежником в стройчасти Маслосоюза. Учился в Казанском институте инженеров коммунального строительства. С августа 1940 по август 1953 года работал в тресте «Красноярскстрой» (начал в должности прораба, закончил главным инженером треста, и. о. управляющего). С августа 1953 по август 1959 года работал доцентом Кемеровского горного института, заведовал кафедрой. Был депутатом Кемеровского городского Совета. В августе 1959 года с семьей переехал в Сталинград (с 1961 года — Волгоград), где работал доцентом Волгоградского инженерно-строительного института до 1985 года. Скончался 3 октября 1992 года и похоронен в Волгограде.

Дневник

Дневник представляет собой две книжечки, сшитые из сложенных вдвое обычных тетрадных листков в линейку. У современных школьников такие тетради называются «по русскому языку». Это связано, скорее всего, с тем, что после Гражданской войны в России царила разруха и найти блокнот или ежедневник фабричного производства было невозможно. Вообще-то я думаю, что идея дневника возникла у его мамы позже — вначале это был альбом для рисования, вернее, для перерисовывания книжных иллюстраций: *«Я очень люблю рисовать и шил себе книжечку и под наблюдением мамы начал рисовать. Я рисую из книжек те картинки, которые мне понравятся. Это очень интересно»*. Позже, через пять лет, будет заметно, уже по самостоятельным рисункам — как окрепла рука. Так как

листки сгибали по ширине, получилось, что горизонтальные голубые линии, нанесенные на фабрике, стали вертикальными. Но попадаются и нелинованные страницы, наверное, в ход шли чистые листы из старых запасов писчей бумаги. Чтобы мальчику было удобно писать, страницы разлинованы карандашом. Сохранность документа хорошая, если учитывать, что прошло столько времени и дневники, видимо, неоднократно перечитывали и перелистывали. Тетрадей было больше, так как в самом начале говорится, что первая тетрадь была потеряна. Сохранившиеся записи охватывают период с ранней весны 1922-го до весны 1925 года.

Записи, приводимые в качестве примера, я оставила без изменений и исправлений. Ясно, что ученик начальной школы не может писать без ошибок, и мне кажется, что неисправленный текст лучше передает возраст автора.

О чем записи? Вот как отвечает сам девятилетний автор: *«Темы для записок в дневник я придумываю сам, а потом показываю маме — ладно или нет, я написал. Иногда она меня хвалит, а иногда говорит, что этого бы не следовало писать и очень удивляется, что Таисия Петровна пишет “хорошо”»* (19.09.1922).

Мне эти записи интересны потому, что можно узнать, о чем думал в эти годы, на заре советской власти, юный школьник, сын бывшего миллионера-мукомола и поповны — дочери протоиерея городского собора.

Текст и комментарии

«Мои воспоминания

Я вспоминаю часто как жил на даче каждое лето. Как было тогда хорошо. Я целые дни проводил в саду: ловил бабочек, рвал цветы грибы, ягоды, строил под деревьями домики в которых я играл со своими двоюродными братом и сестрой. Было так хорошо и весело. Сколько там было цветов, особенно я любил мак и синие васильки» (без даты).

Только зная драматическую историю этой семьи, можно полностью понять эту запись. Перед нами свидетельство грандиозного социального переворота.

К сожалению, до сих пор не удалось установить, где располагалось это загородное имение Степановых. Именно имение, а не дача, так как там у них были пахотная земля, рабочий и товарный скот. Для поездок использовали не лошадей, а свой мощный (семиместный, 70 л. с.) автомобиль «Делонэ бельвиль 45». Части Красной армии вошли в Троицк в августе 1919 года, так что Герман мог проводить лето на даче только в 1914–1918 годах. Видимо, это было самое счастливое и безмятежное время, когда ребенок рос, окруженный всеобщей любовью и красотой. Память об этом времени грела душу Германа всю оставшуюся жизнь. Сохранившиеся фотографии подтверждают, что вся дача была в цветах, а небольшой фонтан был окружен клумбами. После конфискации советской властью всего имущества ни о каком отдыхе не могло идти и речи. Правда, в годы НЭПа Петр Евдокимович арендовал в четырех верстах от города заимку у знакомых казаков из Солодянки (станция Клястицкое), но исключительно для выращивания хлеба и картошки на собственные нужды.

«Мои думы

Теперь я часто думаю о том, что скоро Рождество, будет ёлка. Я начал клеить ёлочные украшения. Придумываю разные звездочки, клоунов и прочее».

Непростая судьба выпала на долю рождественской елочки: в XX веке она не раз подвергалась «гонениям». Во время Первой мировой войны ее пытались упразднить как «немецкий обычай», а после революции запретили как буржуазный пережиток. В конце 20-х Рождество будет запрещено, по улицам пойдут молодые дозорные — не горит ли где елочка, не проводят ли «мракобесы» свое религиозное антисоветское торжество? А еще лет через пять, в середине 30-х, елка, получившая название «новогодняя» и увенчанная пятиконечной звездой, станет обязательным делом в патриотическом воспитании советских детей. Все это впереди, а пока Герману никто не мешает клеить игрушки (в магазинах их уже не продают) и спокойно готовиться к празднику.

Записи в самом начале дневника говорят о детских проблемах, которыми живет ребенок, причем записи, по-мо-

ему, сделаны под контролем, а то и под диктовку матери: «Моя оплошность» — о том, как Гера, идя в школу, попал под лошадь; «Что я слышал» — о том, чем занимался в школе; «Что я видел» — как растут и изменяются домашние цветы и рассада на подоконниках. Видно, что Гера любит не только растения, но и животных; все его детство проходит в окружении кошечек, собачек, а летом еще и всяких букашек. В заметке «Мои печали» он пишет о грядущем закрытии школы (видимо, школа была маленькая, может быть, частная, фактически один класс, который набирала учительница). Здесь уже врывается большой мир, мир взрослых с их преобразованиями в школьной сфере и т. п. Но и дальше Гера пишет о проблемах своих аквариумных рыбок, о том, что из-за холодов мама не пускает его в школу. Природная доброта его видна в переживаниях о том, что рыбка голянь выпрыгнет из банки на пол и погибнет.

У мальчика добродушный нрав, ему нравится в школе, видимо, повезло с учителем. Для Германа горе, когда он болеет и не может посещать свою «любимую школку». И когда Таисия Петровна сообщила, что «школку» закроют. Когда болеет, то пьет чай с медом и хиной (это, как я понимаю, популярное лекарство тех лет). 10 марта 1922 года в дневнике бытовая зарисовка — как Гера ходил с няней вытаскивать из колодца ведерко. В колодце их оказалось четыре штуки, три ведра вытащили, одно осталось на дне. Любопытно, в те времена уделялось много времени тому, чтобы сходить к колодцу за водой, к проруби — полоскать белье, топить печь, чтобы не замерзнуть.

«17 марта. Второй день меня мамуся не пускает в школку по случаю того, что на улице очень плохая погода, сильный буран и такой ветер, что с ног сшибает. Мне хоть и очень неприятно, но мамусю приходится слушать. Я ее уже несколько раз пробовал упрасивать, но она не отпускала».

И тут же, видимо, навеянная холодами запись в дневнике:

«Жуткие воспоминания

Почти три года прошло, как мы уехали из Омска, а я до сих пор с ужасом вспоминаю об этом. Ехали мы зимой, в холодном вагоне, три недели до Челябинска. На каждой станции было много трупов и больных».

Наступление Красной армии на Омск началось 4 ноября, после окончания успешной для нее Петропавловской операции. 10 ноября ударил сильный мороз. Иртыш замерз, и стала возможна переправа. 13 ноября А. В. Колчак вместе с золотым запасом бежал на восток. 15 ноября красные части без боя заняли город. Белые отступили к Новониколаевску (с 1926 года — Новосибирск) и Томску. Как считают родственники Степановых, их «семья действительно выехала из Троицка перед взятием города Красной Армией (в начале августа 1919-го. — Д. Г.), но из-за ужасных транспортных условий добиралась до Челябинска три недели. Герман Петрович, сын Петра Евдокимовича, вспоминал, что на каком-то отрезке пути они ехали на какой-то подводе, по бездорожью, ориентируясь на местности по телеграфным столбам, с какого-то момента — на поезде. Добрались они до Омска, где уже стояли красные (обогнавшие их). После они вернулись в Троицк, где все их имущество было конфисковано». И в этой связи я хочу привести одну из первых записей дневника:

«Мой сон

Сегодня я ночью видел во сне, что я еду в поезде, кругом тесно, жарко. Поезд остановили в степи какие-то бродяги. Я испугался и стал кричать, а голосу у меня нет и в то время я проснулся. Долго я не мог прийти в себя, всё думал, что ещё в поезде один, но увидел, что папа с мамой со мной и успокоился, завернулся в одеяло и крепко снова заснул».

Наверное, в этом кошмаре отразились самые страшные события в короткой жизни Германа. Обратный путь домой у семьи занял почти месяц — это был ноябрь, когда уже начались зимние холода. Все подходящие здания возле железнодорожного полотна Транссиба были забиты людьми. Беженцы, пытавшиеся убежать от наступающей Красной армии, десятки тысяч брошенных раненых, обмороженных и больных тифом солдат. И еще, гражданская война страшна не столько классовым противостоянием, сколько тем, что в прифронтовой полосе исчезает любая власть, любой порядок. Обыватель боялся не столько белых или красных, сколько того, что не будет ни тех, ни других, и маленькому человеку будет не к кому обратиться за защитой и спасени-

ем. В России, в условиях анархии и разрухи, развелось много полууголовных и просто уголовных банд, возможной встречи с которыми так опасались попутчики Степановых. Видимо, их вагонные разговоры и стали основой ночных страхов Геры.

«Мое говение

На четвертой неделе я говел. Последних два дня я не ходил в школку, так как эти два дня исповедовался и приобщался. Вместе со мной говел и Володя Ежов. В церковь я ходил с мамой, которая тоже говела. Народу в церкви было очень много. И когда стали приобщаться, то я подошел к батюшке и сказал свое имя. Он меня приобщил».

Здесь Герман говорит, видимо, о четвертой неделе Великого поста, когда мальчик готовился — говел (постился) перед Причащением. Делал это он не только с близкими, но и со сверстниками. Еще не наступила эпоха повального атеизма, когда, кроме бабушек, в храм уже никто не ходил, а все дети сплошняком были в пионерах.

Для Геры события из церковного календаря были, прежде всего, праздниками, с угощениями и подарками:

«Приготовление к празднику

Уже приближается к нам великий праздник “Пасха”. Всё короче и короче остается время до неё, всего каких-то 4 дня и запойют “Христос Воскресе!”. Какие торжественные эти слова, как будто оживляют и проникают в глубину сердца эти слова! А сколько приготовлений к этому празднику, сколько труда затрачено в каждом доме, чтобы привести всё в порядок».

А для взрослых, возможно, это была ностальгия по старому времени и, наверное, акт сопротивления новой власти. Но вернемся к дневнику. Герман продолжает:

«11.09.1922. Моё любимое чтение.

Я очень люблю читать “Дневник Мурзилки” и “Чёрный друг”. Эти оба рассказа мне читает мама, когда я болен, а когда здоров, то читаю сам. “Дневник Мурзилки” очень смешной и забавный, а рассказ “Чёрный друг” очень интересный, захватывающий и местами жуткий. Я удивляюсь, что такой маленький мальчик, как Пипо и такой находчивый, храбрый и добрый. Этот рассказ находится в “Задушевном слове”, жаль, что ½ потеряно».

Я всю жизнь думала, что «Мурзилка» — это название детского журнала, пусть самого старого (как говорил папа), но советского детского журнала. Оказывается, что Мурзилка — герой дореволюционных сказочных повестей писательницы Анны Борисовны Хвальсон, вышедших еще с 1887 года. Героями этих рассказов являлись лесные карлики-эльфы (!), среди которых не только Мурзилка, но и Чумилка-Ведун, Заячья Губа, Дедко-Бородач, доктор Мазь-Перемаз и даже Знайка, Незнайка и их друзья. Главное потрясение было не в том, что любимые коротышки совсем не из Цветочного города, а то, что они появились после того, как А. Б. Хвальсон творчески использовала идею автора американских комиксов Палмера Кокса (1840—1924). Этот художник выпустил множество книжечек о приключениях своих героев — маленьких человечков. Если честно — после того как я узнала об этом, появилось ощущение, как в детстве, когда понимаешь, что взрослые тебя обманывают...

И еще немного о любимых занятиях девятилетнего Геры:

«15.11.1922. Мой лучший друг

Когда мне было два года, мама привезла из Екатеринбурга мишку, с тех пор и стал он моим лучшим другом. Я никогда не расставался с ним, всегда возил с собой и теперь играю и сплю с ним. Раньше у меня было очень много разных игрушек, а теперь остался один мишка. Мне очень интересно знать, кто теперь играет моими игрушками и спит на моей кровати».

Ребенок явно скучает по своим игрушкам, но как деликатно он об этом говорит! И еще — маленький Гера, интуитивно или по просьбе своей мамы, обходит конкретности. «Раньше» — это когда? При проклятом царизме? «Мишка» — это, видимо, легендарный «медвежонок Тедди», придуманный в Америке в начале XX века. В России игрушечные плюшевые мишки появились лет за пять до рождения Геры и были, по воспоминаниям, редкой и дорогой новинкой. Показательно, что только его и сохранил мальчик во всех своих приключениях на просторах России.

«11.11.1922. Мое любимое занятие

Я очень люблю играть на рояле и разучил много пьесок, например: ласточка, во саду ли в огороде...

13.11.1922. Чистка рояля

В воскресенье к нам приходил мастер, который чистил рояль. Мне было очень интересно смотреть как его разбирали. Сколько в нем разных винтиков, а сколько семечек набросали туда товарищи, пока он был у них, так и сказать невозможно. Я старался помогать ему, но меня папа не отпускал.

Мой стол

Вчера к нам привезли мамин письменный стол, она уже давно говорила, что если выхлопчем его, то она отдаст мне, чтобы я мог всё своё имущество поместить в нём. Теперь он уже стоит у меня в комнате. Прежде всё моё имущество находилось в мамином маленьком шкафике, а теперь всё-таки есть местечко, где можно положить всё. Но в каком испорченном виде его привезли, вся ореховая наклейка отстала и весь бархат залит чернилами. Но, это всё ничего...»

Увидев эти записи, я даже растерялась вначале: откуда у «бывших», постоянно меняющихся временные квартиры, у которых всё имущество было конфисковано, и вдруг рояль? Лишь «появление» письменного столика Софьи Васильевны всё объяснило. Конец 1922 года. Всё дальше в прошлое уходят ужасы войны и военного коммунизма. У новой власти можно выпросить кое-что свое, бывшее и пришедшее в негодность, как, например, столик. Победителям стола (который сотрудниками многочисленных учреждений весь перепачкан чернилами) было не жалко — скоро весь мир будет у них. Видимо, примерно так же был «выхлопотан» рояль, который после «товарищей» пришлось разбирать, ремонтировать и настраивать. Непонятно, куда смотрела мамина «цензура», ведь столько оскорбительной иронии, сарказма в слове «товарищи». (А может, тогда все так и выражались, как персонажи книги «Собачье сердце»?) Всего три года был в их распоряжении семейный рояль Степановых, но успел весь забиться шелухой, пеплом и папиросными окурками, которые «товарищи» прятали между клавишами. А теперь представьте, что вместо дорогого, прекрасно звучащего рояля или изящного письменного столика, в руки «товарищей» попала огромная богатейшая страна с какой-никакой, но все-таки работающей экономикой.

«18.11.1922. Мои мысли

Я считал время по-старому стилю, потому что праздники все празднуются по старому стилю, но я вижу, что это Таисии Петровне не нравится, то я буду писать по новому стилю».

Мне кажется, что Таисия Петровна была недовольна тем, что Гера продолжал пользоваться юлианским календарем, старым счетом времени, потому что ее могли наказать за саботаж мероприятий советской власти, а то и за пропаганду старого режима. То есть Гера, в отличие от неграмотных бабок, сознательно противопоставлял себя коммунистической власти и ее попыткам покорить не только пространство, но и время. В России (на территории, находившейся под контролем Советов) григорианский календарь был введен декретом Совнаркома от 26 января 1918 года, согласно которому после 31 января 1918 года следовало 14 февраля. А вот Временное Сибирское правительство, которому с лета того же года стало подчиняться Зауралье, ввело новый стиль декретом от 31 августа 1918 года, постановив считать день 1 октября 1918 года днем 14 октября.

«3.01.1923 г. Приезд Шуры

Третьего дня наконец-то приехал долгожданный мой брат Шура. Когда он приехал, то было 1 ночи. Все, конечно, сейчас же проснулись повскакали с кровати. Так как я очень крепко спал, то, конечно, не слышал стука. Потом меня разбудил Шура своими поцелуями. Мы сидели до четырёх часов утра. Он нам рассказывал о своей жизни. Оказывается, что он сидел 4 суток в Кинели, когда ехал к нам (где ему была пересадка) и с трудом попал в поезд. Из Полтавово он в товарном поезде. Долго мы с ним разговаривали, но никак не могли наговориться».

Речь идет об Александре — родном брате Германа, который был старше его на восемь лет и оставался, наверное, его самым близким другом.

«09.1923. Моя потеря

Три недели назад, уехал мой брат Шура в Оренбург учиться. Я очень плакал, когда провожал его и теперь очень скучаю о нём. Я раньше с ним никогда не расставался и теперь, как будто чего-то недостает, его отсутствие для меня большая

потеря. Каждую почту я жду с нетерпением — нет ли от него писем, но пока ещё не получил».

В сентябре 1922 г. Александр уехал в Оренбург на учебу и вот — вернулся на каникулы. Кинель — это железнодорожная станция в Самарской области. Тогда еще не начала функционировать прямая линия Троицк — Оренбург, поэтому, чтобы попасть из Оренбурга в Троицк, надо было ехать на запад, до Кинели, и лишь оттуда, через Уфу и Челябинск, доехать до Троицка. Полетаево — разъезд Транссиба, через который поезда из Челябинска ходили до Троицка. В общем, путешествие даже по железной дороге в те годы было трудным приключением. Так дневниковые записи помогают понять многие краеведческие проблемы.

«Разрушенная каланча

Сегодня я смотрю в окошко на каланчу, которая десятки лет стояла и приносила человеку какую-то пользу, а сегодня её ломают. Бедная каланча! Живя 3 года на этой квартире я так привык к её звукам, что мне положительно теперь не хватает их. Пишу, а сам смотрю в окно, как её разрушают, и мне жаль, жаль её».

В 1883 году в городе появился окружной суд. Для такого учреждения потребовалось и соответствующее здание. Отцы города, троицкие купцы, в целях экономии решили использовать под него недавно возведенное двухэтажное здание пожарного депо. Рядом с судом разместили пожарную часть № 2 и возвели сарай для пожарного обоза. А между сараем и зданием окружного суда воздвигли деревянную каланчу. Она была, конечно, не такая капитальная, как в соседнем Кустанае, но немаленькая. Ее очертания видны на сохранившемся фото, слева от здания окружного суда. Теперь, благодаря Герману Степанову, мы знаем, когда каланча закончила свое существование.

В 10 лет Герман пошел в 4-й класс новой школы:

«Новая школа

10 сентября 1923 г. я поступил в новую школу, где был принят в 4-е отделение. Нас в классе 36 человек. Окна нашего класса выходят на юг и солнце светит всё время, пока мы занимаемся, а потому там очень светло и весело. Учиться мне

очень нравиться, но, к сожалению, я заболел и пропустил целую неделю».

А через год он перешел в среднюю школу:

«23.09.1924 г. 2-я ст. 1-я гр. А

Вот уже я учусь и во второй ступени. Четыре дня я уже посещаю школу, и за это время мы уже два раза ходили на экскурсию. На одну экскурсию я не ходил, потому что недавно был болен, а на вторую ходил. Завтра мы пойдем ещё на экскурсию. Все три раза мы ходили и пойдем в Солодянку; третий раз мы ходили для того, что бы исследовать дом бедняка, середняка, зажиточного крестьянина, школу, сыроварню и т. д.».

До Солодянки несколько километров, пешая ходьба отнимала много времени, но тогда вот так приближали теорию к практике, школу к производству.

«1.10.1924. Мамины именины

Вчера моя мама была именинница. Вечером собралось много гостей, которые сели играть в карты. Мне это было неинтересно, и я лег спать. Проспав до часу я проснулся от музыки и пения. Я не мог никак уснуть до трех часов, т. к. гости плясали и играли всяко. Больше всего мне понравился “какаду”, которого изображал Василий Михайлович, а вожатым Павел Михайлович. Наконец гости разошлись. Домашние сели пить чай, а я как убитый уснул».

Это была 41-я годовщина со дня рождения Софьи Васильевны. Данный эпизод интересен тем, что приоткрывает, как люди того времени проводили свои семейные праздники. Впрочем, дневник описывает и обычные, будничные дела семьи Степановых. Они (как и их соотечественники) занимались заготовкой продовольствия. По рассказам моих родственников, несколько поколений советских горожан ежегодно занимались — на специально выделенных государством землях — выращиванием овощей для себя и (некоторые) на продажу. Причем происходило это организовано, на уборку урожая выезжали целыми коллективами, предприятия даже помогали в этом транспортом. Но начиналась эта традиция в голодные 20-е годы.

«2.10.1924. Сбор картофеля

Сегодня у нас ездили рыть картошку. Уехали они в восемь часов утра, а мой брат хотел приехать с первым возом в час

и, потом взять туда меня. Но, когда он приехал, то мама меня непустила, т. к. всю ночь кашлял...

Картошка у нас была посажена у казаков солодянских Кузнецовых, их заимка за четыре версты от города. Местность у них очень красивая».

Солодянка — неофициальное название пос. Клястицкое, бывшего казачьего хутора, недалеко от Троицка.

Я хотела бы сделать еще одно небольшое замечание: в наших краях говорят не «рыть», а «копать» картошку; по мнению филологов, для речи южноуральцев характерно частое использование слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом, старшее поколение говорило: мне один билетик, у вас нет в продаже хлебушка, ты не хочешь молочка... Для речи Геры также характерно использование таких суффиксов. Я думаю, это влияние местного разговорного языка, а также наследие детской «сюсюкающей» речи, с обилием таких выражений; ну, еще сказывается и сам характер мальчика, по-детски добрый и открытый. 9 октября 1924 года мальчик сообщает: «...пришлось рисовать корку на журнал «Школьная жизнь». В наше время сказали бы: «рисовать обложку». Кроме того, в записи от 15 ноября 1924 года Гера пишет, что его мама «открыла электричество»; сейчас говорят «включила» свет или освещение. Я расспрашивала об этом учителей и других взрослых, лишь папа сказал, что до электричества для освещения в городах широко использовался так называемый светильный или калильный газ, который как раз «открывали» и «закрывали». Говорят, что фикусы получили такое распространение в конце XIX века, потому что только они и могли выживать в угарной, душной атмосфере комнат того времени.

Описанные слова — это всё диалектные и устаревшие выражения. Благодаря дневнику узнаешь о многих вышедших из обихода, из жизни вещах. Это не только слова, а вообще явления, чисто бытовые проблемы людей. Так, 7 октября 1924 года Гера описывает, как травили «клопиков». Борьба с паразитами в годы войн (и Гражданской и Отечественной) была необходимой частью жизни людей. Стоит мылу и горячей воде стать дефицитом, как

людей одолевают блохи, вши и прочие паразиты. Об этом тоже пишет Герман, только у него, как у человека с доброй, впечатлительной душой, свои впечатления, переживания, свое видение ситуации. Мог ли человек с такой сострадательной душой спокойно-равнодушно прожить сталинские десятилетия?

«Ужасная пытка

У нас появилось много мышей, и мы взяли у хозяев кошку, которая в ночь переловила без счету мышей. Когда я пил утренний чай, то кошка, то есть котенок, притащил откуда-то мышку и стал с ней играть, то его отпустит и снова поймает. Это была ужасная пытка. Я живо представил себе человека в когтях тигра, играющего как кошка с мышкой. Какую боль, воображаю, испытывала мышка, когда кошка хватает ее когтями, наверное очень сильно».

Людей одолевали не только паразиты и грызуны. Простые обыватели страдали и от преступности, активно выросшей в годы революции.

«15-го октября. 9-го на 10-е у нас были воры и украли сундук...» Интересно, что после ухода сотрудников милиции Гера смог сам выяснить — как воры смогли открыть дверь в сени, запертую изнутри.

Но главная проблема людей того времени, как я поняла, — холод. Холод не только на улице, но и в помещениях, мальчик постоянно об этом говорит. 9 октября 1924 года Герман пишет, как было холодно в той же в школе. Но, несмотря на это, жизнь продолжалась:

«16.10.1924. Опера “Русалка”

Вчера к восьми часам вечера я с мамой и братом пошёл на оперу. Эта опера ставилась в Марсе. Я первый раз в жизни ходил на оперу. Я с большим удовольствием слушал эту оперу, и она мне очень понравилась. Больше всего мне понравилось, как играл и пел мельник. У меня даже мурашки забегали, когда мельник выскочил в виде ворона. Мне также понравилась дочь его Наташа, она также хорошо играла. В общем, хотя много пропустили, спектакль мне очень понравился».

Добавлю, что «Марс» — название троцкого кинотеатра, одного из старейших, открытого еще в 1910 году. После капитального ремонта в 1947 году он был переи-

менован в Кинотеатр им. 30-летия ВЛКСМ. «Русалка» — это опера русского композитора А. С. Даргомыжского, написанная в 40-е–50-е годы XIX века, по неоконченной драме Пушкина. В ее основе легенда об обманутой девушке, превращенной в русалку и мстящей своему обидчику. Я бы не смогла расшифровать эту запись, если бы не случайность. Позапрошлой зимой в Троицк из Екатеринбурга приехала Тамара Петровна Флягина. Ее прадед — Андрей Андреевич Князевский — до революции был протоиереем местной церкви Святого Александра Невского и законоучителем 5-го приходского училища (Амурского). Сын чиновника и бывший студент Варшавского ветеринарного института, был рукоположен в священники в 1905 году. В сентябре 1925 года в соборе Святой Троицы проходил съезд обновленческого духовенства и мирян. Известно, что Князевский принимал в нем участие в качестве делегата от прихода городского собора. К этому же году относятся семейные фотографии, привезенные Тamarой Петровной из Екатеринбурга. Среди них обнаружился и снимок, на котором Людмила Князевская, дочь А. А. Князевского и бабушка Т. П. Флягиной, изображена среди участников театральной самодеятельности. Каково же было мое удивление, когда на этом фото в руках руководителя кружка я увидела клавир «Русалки». Участники именно этого кружка ставили оперу, которой полгода раньше восхищался Герман! «Русалка» — не единственная постановка этого коллектива; Герман пишет, что 17 октября был на опере «Фауст».

И еще одно краеведческое открытие позволили сделать дневниковые записи: считалось, что женская гимназия в городе была закрыта сразу после революции или после освобождения Троицка от белых, то есть около 1920 года, и заменена единой трудовой школой II ступени. В записи за 20 октября 1924 года Герман пишет, что опоздал в школу из-за забытого пенала. *«Когда я потом пришел в гимназию, разделся, то на лестнице ведущей на верх, меня встретила Глафира Александровна, и я получил от нее выговор которого и боялся...»* Получается, что на восьмом году советской власти в Троицке еще работала гимназия (только в ней

учились и мальчики). Свидетельство Геры подтверждают снимки Л. Князевской, которая в том же 1924 году закончила гимназию.

Ну, а Герман приступил к получению среднего образования, уже советского. Какие мальчика из «бывших» ожидали испытания на этом пути, мы не знаем, хотя, может быть, когда-нибудь найдутся и эти дневники...

Мы познакомились с детским дневником, который вел Герман Степанов. Это не совсем личный дневник, так как, по моему мнению, его могли читать родственники, прежде всего, мама (она и была инициатором, да и главным читателем), и он носил характер учебный, образовательный. Дневниковые записи сохранились с 1922-го по 1925 год, то есть с 9 до 12 лет. Дневник не велся интимно, тайно и не содержал никаких секретов (может, мальчики вообще не умеют вести такие дневники). Но даже записи такой формы отражали жизнь, которую вел их автор, и события, которые волновали мальчика. Автор записей сам по себе очень интересен — последний (видимо, самый любимый) ребенок Петра Евдокимовича Степанова — дореволюционного купца-миллионера, хлеботорговца и видного общественного деятеля региона. И мать — дочь, наверное, самого уважаемого и авторитетного в городе священника, получившего за заслуги, кроме орденов, еще и дворянство. Братья Софьи Васильевны стали интеллигентами, известными в крае врачами. Герману повезло с матерью, он рос не просто в достатке, а в любви, окруженный нежностью и добротой. Они, видимо, позже давали силы и стойкость в борьбе с жизненными невзгодами. Петр Евдокимович умер в 1926 году (наверное, к счастью; он не дожил до массовых репрессий, от которых погибнет его сын Александр — «Шура» в нашем источнике). Не мелькают в дневнике и другие родственники — бабушки, дедушки, тети, дяди. Может, сказалось, что Гера — младший, поздний ребенок, а возможно, на упоминания

о прошлом было наложено «табу», запрет, как на то, о чем не стоит разговаривать и писать при новом строе.

Мы попытались рассмотреть документ как источник, своеобразно отражающий непростую жизнь провинциального мальчика из «бывших». Герману, как видно из его дальнейшей биографии, удалось выучиться, стать инженером, работать и преподавать. Он умер через год после развала коммунистического режима.

«Не торопитесь сжигать»

*Татьяна Глазырина,
Елена Епанчинцева*
г. Екатеринбург

«Когда Бог призовет меня, останется чемодан Владиных писем, его и мой дневник, неизданная книга “По дорогам рабства и свободы”, статьи, фотографии. Не торопитесь сжигать.

Это не мусор — это две жизни, данные Богом и пройденные по земле. Может, их кто-нибудь когда-нибудь прочтет и задумается о своей жизни и судьбе — у каждого человека она разная».

Так написала Лидия Александровна Тхоржевская через год после смерти мужа и за месяц до своей (30 мая 1994 года).

Этот год был необходим ей, чтобы осмыслить прожитые годы и привести в порядок фотографии, письма, дневники.

Небольшая записочка лежала в старом сундучке-портфеле, с такими ходили учителя в 50-е годы, поверх нескольких пачек аккуратно разобранных по годам и пронумерованных писем и дневниковых тетрадок. В них уместилась биография двух людей: Лидии Александровны и Владислава Павловича Тхоржевских.

Мы постарались рассмотреть судьбы наших героев, прочитали и распечатали дневники Владислава Тхоржевского, проследили по карте географию мест его жительства, изучили материалы о тех лагерях и городах, по которым скинулся автор — герой повести.

Детство и юность Владислава Тхоржевского

Владислав Павлович Тхоржевский родился в Симбирске 13 августа 1916 года в семье польского горного техника Павла Людвиговича Тхоржевского и русской учительницы Александры Васильевны (урожденной Назаровой). До революции семья жила зажиточно. Об этом говорит послужной список Павла Людвиговича Тхоржевского и некоторые записи его сына («После смерти отца у семьи осталась бесценная библиотека, сваленная в угол сарая. Книги в позолоченных переплетах и без них, на многих языках мира»).

В апреле 1928 года Павел Людвигович зачислен на службу в Златоустовское земельное управление на должность старшего производителя работ, а 4 мая того же года скоропостижно скончался.

Владислав тяжело переживает потерю отца: «Папа у нас умер в прошлом году скоропостижно. Он был землемером. Наружность его такая: он был полный и красивый, волосы были курчавы. Я ученик 5 группы. Я очень похож на папу, тоже блондин, такой же сильный» (Дневник В. П., 20 августа 1929 г.). «Мне шёл двенадцатый год. Я плакал и думал, что это самое великое горе и что оно не изгладится до конца моей жизни, но возраст взял своё». (Дневник В. П., 8 февраля 1934 г.).

Александра Васильевна с двумя детьми возвращается в Самару. На работу устраивается учителем в сельскую школу станционного поселка Кротовки под Самарой. Для Владислава 1929—1930 гг. — учеба с 5-го по 7-й класс Школы крестьянской молодёжи.

1931 год. «В школе у нас стала система работы бригадная. Меня выбрали председателем штаба бригад, то есть я организую самоуправление школой. Закрыт клуб, в нём помещаются лишенцы, которых отправляют на Соловки. К клубу не подпускают на три шага, их полон клуб. Едут они с ребятами. Лай, гам, теснота кругом, суета, сундуки и спёртый воздух» (Дневник В. П., 13 марта 1931 г.).

«Лишенцы» на языке 1931 года — это раскулаченные крестьяне. В стране полным ходом идет коллективизация.

В 1931 году Владислав окончил краткосрочный курс горного ФЗУ в селе Ширяево Самарской области и, как

отличник, был командирован для продолжения дальнейшего обучения в техникум.

Владислав живет отдельно от семьи в студенческом городке, в бывшем тюремном изоляторе, в котором размещалось их общежитие. Он серьезно готовится вступить в комсомол, читает брошюру А. Косарева, первого секретаря ЦК ВЛКСМ в 1929–1938 гг., «Задачи комсомола» и вдохновляется до такой степени, что не знает, «куда деть энергию, как ее передать в массы. Мне хотелось отдать все силы на великие цели, и поэтому ни одна глупая мысль не мелькнула в голове. Не поэтому ли я работал, не считая время и затрат, на общественной работе?». (Дневник В. П., 12 мая 1933 год)

Огромное впечатление производит на Владислава участие в митинге по случаю приезда в Самару председателя СНК СССР и Совета Труда и Оборона Вячеслава Михайловича Молотова.

«Я пошел слушать его речь, но никого не пускали, кругом стояла охрана, шли только по пропускам, я же сумел через двор дома Красной Армии пройти и встал под самую трибуну. Через полчаса вышел Молотов, его встретила буря аплодисментов. <...> Несмотря на то, что почти никто не знал о приезде Молотова, площадь и улицы были полны народу. А он стоял освещенный предвечерним светом и говорил. Каждый чувствовал вождя, руководителя, полководца, показывающего путь к победе...» (Дневник В. П., 15 мая 1933 г.)

В марте 1935 года, после окончания техникума, Владислав Тхоржевский находится в Казахстане на переподготовке в 123 артиллерийском. Он уже в комсоставе, командир взвода, кубики в петлице. Запись от 11 августа 1935 г.: «На политзанятиях я говорил, почему у нас в колхозах отставали. <...> Главное, внушал, что колхоз — это путь к счастливой жизни, лишь только один, и учил любить и защищать его от классовых врагов. <...> Видел, как на глазах слушателей блестят слезинки умиления от великой правды нашего строительства. Я и сам с трудом борол волнение и кашель. Сказали бы “иди, умри за советскую власть”, я бы кинулся, а за мною все с великой любовью в сердцах без жалоб

и сожаления. Вот когда я узнал, что значит социалистическое братство людей. Лишь в Красной Армии с этими полуграмотными людьми, которые теперь стали сознательными строителями социализма. Я понял, что значит любить великую идею Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, что дала миру Октябрьская революция и генеральная линия партии. Вот они, мои воспитанники и в то же время передельватели моего сознания».

Вот с этими идеями и желанием трудиться для построения нового общества Владислав Тхоржевский получает разрешение не отрабатывать три года после техникума на заводе, а поступить в ВУЗ.

«Сумей жить, когда жизнь становится невыносимой, и сделай ее полезной»

Эти строки из повести Николая Островского «Как закалялась сталь» не раз встречаются в дневнике студента Владислава Тхоржевского.

Первые годы студенчества Владислава Тхоржевского были полны лишений и невзгод.

В Куйбышеве поступить в институт не удалось, не сдал экзамен по математике. По результатам диплома об окончании техникума зачислен в Уральский индустриальный институт на химико-технологический факультет (УИИ).

Главная мечта Владислава Тхоржевского — стать советским инженером.

В этом стремлении его активно поддерживает мать, Александра Васильевна. Из ее писем мы узнаём, как ей тяжело дается разлука с сыном, видим постоянное беспокойство за него и проблемы с обеспечением студента всем необходимым.

«11/ IX — 35 г. Я перевела тебе телеграфом 30 руб. Напиши, когда получишь, — так же сколько будешь получать стипендии — высылать я буду каждый месяц — только зря не трать — питайся лучше и учись. Помни о математике и время зря не убивай».

1–2 курсы. Жизнь впроголодь. Мама старается изо всех сил. Работает на износ, шлет и деньги и посылки с веща-

ми. Приобретение ботинок становится целой эпопеей, их нигде нет, у спекулянтов на рынке — 200 рублей, это при зарплате в 400 рублей».

Для Владислава студенческие годы — это мучительные поиски внутренней опоры, идеи. Он не умеет правильно распределить деньги, часто приходится голодать, в душе отчаяние, паника перед сдачей очередного экзамена.

«Что значить всё это — паника перед жизнью, трудностями. Голодная жизнь эти три дня всё это и неудачи с учёбой сеют панику. Разве это должно задерживать человеческий путь. Нет! А раз это так то и сердце немного успокоилось». (Дневник В. П., 17 ноября 1936 г.)

Внутренняя борьба с самим собой постоянно сопровождается сентенциями о великих задачах и о внутренних врагах.

«1 декабря 1936 г. Сегодня день Сергея Мироновича. В актовом зале (химфак) после занятия состоялось траурное заседание. Доклад делал какой-то из города, нудно читая свои записи, а затем кое-что добавил своё. В прениях 1-ым выступил бывший зиновьевец. “Я забрызган грязью троцкистско-зиновьевского отрепья”. Он каялся, что голосовал за оставление Зиновьева в Политбюро и т. д. В конце заявил: “Вся цель моей жизни будет направлена, чтобы искупить свою вину и быть снова в великой партии Ленина—Сталина, в авангарде рабочего класса”. Доверия не было к его словам. Потом выступал директор института Шрейбер. Он был директором Индустриального института в Ленинграде и знал Кирова. Он был там и в день его убийства. Он говорил как-то нежно, “Миرونъч”. Говорил он долго, всё заложно ловили слова, никто не глядел друг на друга, на глазах были слёзы. Он тоже не глядел на нас, на глазах его были слёзы, как и у президиума собрания. А там за спиной в чёрной рамке со свешивающимся на него траурным флагом ласково улыбался Киров». (Дневник В. П., 1 декабря 1936 г.)

Справка. Георгий Яковлевич Шрейбер (1896—1945) — в марте 1937 года был репрессирован. Умер в заключении.

Неожиданно для Владислава 26 декабря 1936 г., после очередной простуды, умирает мать.

Владиславу — 20 лет, сестре Люсе — 10. Владислав хлопотет о пенсии для сестренки и, оставив ее на попечение

родной тети, маминой сестры, уезжает учиться в Свердловск. Люся часто пишет маленькие письма, скучает, зовет брата. Письмо от 1 октября 1937 г. звучит очень тревожно: «Здравствуй Владик! Как живёшь напиши я хочу приехать меня жди весной не известно может и зимой.

Дядю Колю расстреляли а дядю Петю забрали. Наверное и его расстреляют. Владик я твои письма буду рвать, а то тётя Маруся будет читать. Я учусь хорошо».

Справка. «Назаров Николай Васильевич уволен с должности начальника паровозной службы Ленинской ж. д. Арестован 29 апреля 1937 г. Приговорен: ВКВС СССР 16 ноября 1937 г., обв[инен во] вредительстве и участии в троцкистской террористической организации. Расстрелян 16 ноября 1937 г.». См. Москва, расстрельные списки — Донской крематорий. Это еще одна потеря близкого человека, старого большевика, которым гордились в семье и который мог бы поддержать осиротевших племянников.

На третьем курсе начинается дружба и любовь Владислава с Лидией Тхоржевской. Лидия родилась 5 апреля 1917 года в Екатеринбурге в семье служащего. Семья жила в самом центре города, на набережной городского пруда. Лидия закончила среднюю школу № 2 имени Тургенева города Свердловска (так с 1924 г. назывался Екатеринбург), играла на фортепиано, увлекалась фотографией.

Начинаются записи осенью 1936 г., это второй курс института. Лидия — веселая, миловидная, энергичная девушка — всегда была в центре внимания однокурсников. Студент с бледным лицом и большим лбом на втором курсе взялся выполнить какую-то пустяковую просьбу и запомнился ей. На третьем курсе Владислав настойчиво обращал на себя внимание, был вежлив, помогал в учёбе. «Так за книгами и химическими приборами началась наша дружба». «Дружба помогла ему и мне в освоении предметов: я заставляла его работать, а он благодаря своим богатым способностям и сообразительности учил меня думать, а не зубрить». (Записи Лидии Тхоржевской 1936—1941 гг.)

После 4-го курса совместная турпоездка по Южному Уралу. Поднимались на Таганай, любовались природой в Ильменском заповеднике. Остановились в деревне на озе-

ре Тургаяк, где и жили дней десять, наблюдали деревенскую жизнь. «Невесёлая она. В деревне всё больше женщины и дети, живут плохо, хозяйство разрушено, нищета и опустелость всюду. Рваные ребятишки и озлобленные бабы встречали нас не особенно приветливо. Домишки плохие, большинство рушится и никому до них дела нет. Запомнился особенно праздник — Петров день. С вечера вся деревня начала пить, а с утра в праздник — ни одного почти трезвого, даже ребят напоили. Зрелище отвратительное: всюду орут песни, кто весёлые, кто печальные, около домов пьяные растрёпанные женщины дико хохочут, некоторые дерутся. Страшные опухшие лица смотрят одичало, и сердцу больно от этого разгула, бедности и бескультурья. Даже деревенская жизнь, воспетая Некрасовым, кажется много пригляднее современной». (Записи Лидии Тхоржевской 1936—1941 гг.)

Для Лидии и Владислава это была счастливая пора завершения учебы, выездов на практику на заводы в Кыштым (на Урале) и в Дзержинск (на Волге). По их переписке можно узнать о некоторых реалиях быта страны в те годы — огромные очереди за билетами на поезда, нехватка многих бытовых предметов: достать туфли, выстоять за «мануфактурой» (то есть за тканями), удача — купить пальто. «Получила от тебя две открытки, но, к сожалению, приехать не сможем, так как маме в очереди около пассажира сильно ушибло глаз, и она ничего не может делать, всё хозяйство на нас с папой». (Письмо Л. А., 17 июля 1939 г.)

И Владислав, и Лидия были романтиками, но он обладал еще и смелым, подчас безрассудным характером.

«Приезжай, увидишь нашу трубу. Вчера я на нее лазил. Понимаешь, высота ее девяносто метров, а шахта подъемника в ней сто метров. Смелости лезть хватило, а вот ноги и руки онемели. Залез я по скобам метров на 60 и чувствую: не берут ноги, так как лезешь, а они в напряжении. Глянул вниз, а люди как букашки, в ногах усталость и главное дождь шел и скобы мокрые — лезу дальше. Когда залез наверх, в ногах и руках как гири, смотришь вниз и видишь как на ладони два города: Ревда и Первоуральск.

Между прочим, раньше такие трубы строили и считали, что выше 60 м трубы строить не будут. Не знаю, залезу ли я на

полную высоту трубу, то есть на 150 м. Тогда я был на самой высокой трубе в СССР». (Письмо В. П., 18 августа 1939 г.)

В октябре 1940 г. они окончили институт и, получив дипломы инженера-химика, устроились на свердловские заводы. Владислав Павлович — начальник участка по производству карбида кальция на заводе чистых солей и химреактивов.

«Третьего ноября 1940 года я вышла замуж за Владю, вышла по любви и столько же по рассудку. Бурных страстей никогда не испытывала за все свои двадцать пять лет, не увлекалась им до потери сознания, как это бывает со многими, но искренно люблю его всегда.

22 июня 1941 г. Началась война, 28 уехал на фронт Владя, и пропал без вести. Встретимся ли мы вновь? Одному Богу угодно» (Записи Лидии Тхоржевской 1936—1941 гг).

Так закончились записи Лидии Александровны. Но 15 июля 1943 года сделана приписка: «Но я жду его и дождусь!»

Война и плен

Уже по пути на фронт немецкая авиация внезапно обстреляла воинский эшелон Владислава Тхоржевского.

«Первый самолёт известил о себе свистом пуль. Я отошёл от вагона, лёг на бугорочек на спину, лицом к самолётам, и выстрелил во второй самолёт. Мне показалось, что пилот третьего прижался лицом к стеклу кабины. Прицелился и выстрелил ниже этого лица. Пули свистели и падали вокруг меня, а я упорно стрелял в кабину чуть ниже головы пилота. В третий залёт, как мне показалось, они стреляли не по эшелону, а по мне, засыпая градом пуль. Когда появился третий самолёт, винтовка не выстрелила — патроны кончились».

Это была первая встреча и первый бой с врагом, а далее, после того как немцы прорвали линию обороны и заняли железную дорогу между Полоцком и Витебском, отступление вместе с частью.

Некоторое время артполк находился под Полоцком.

Самое тяжкое испытание — это плен. В плен боялись попасть, последнюю пулю оставляли для себя. Сталин

выдвинул лозунг: «У нас пленных нет, есть предатели». Тем не менее в 1941 году в плен захвачены 3,9 млн советских солдат и офицеров. По оценкам Генштаба РККА, безвозвратные потери армии за первые шесть месяцев составляли 5 млн человек (это около 9/10 всей предвоенной численности Красной армии).

Их окружили в местечке Труды. Ночью Владислав сумел убежать и примкнул к небольшой группе солдат, «вооруженных и одетых, но голодных». Несколько коротких боев — и снова колонна военнопленных. «В Полоцк я вошел уже в двухтысячной колонне пленных. Город был разрушен и сожжен. На площади у штаба на длинной деревянной мачте развевался на ветру огромный красный флаг с черной свастики в белом круге».

Все, что увидел в этот первый месяц воентехник Тхоржевский на фронте, поразило его настолько, что он начал пересматривать то, во что раньше свято верил. «Очень медленно, понемногу, я стал понимать, кто у нас в стране “враг народа номер один”. Сколько людей расстреляли. Вспомнил комбрига Чудина, своего дядю, командира красного бронепоезда, расстрелянных по решению “Троек”. Я потерял веру в Сталина, но продолжал верить в неизбежность победы нашей системы».

Начались тяжелые испытания в плену. В Полоцке военнопленных загнали в церковную ограду, расположенную в центре города. «Семь дней без пищи пролежал я здесь на голой земле. На мне не было шинели, нижнего белья, поэтому и теплыми ночами ослабевшее тело напоминало о себе мелкой дрожью. В церкви можно согреться, но я туда не ходил, брезговал. Там пахло мочой и калом, ведь для двухтысячной толпы другой уборной не существовало. Мне она была не нужна, поскольку ничего кроме небольшого количества воды за эти дни в моём желудке не было!»

Потом начался пеший переход длиной более 500 км и продолжительностью более двух месяцев через Белоруссию, Польшу до города Сувалки.

Кормили так: «Каждому совали стограммовый ломтик хлеба, на него клали кусочек мармелада и маргарина. Проходя мимо бочек, пленные получали по кружке подсла-

щённого сахарином “чая”. Когда до меня дошла очередь, я снял с головы пилотку и получил в неё свою порцию. Другие для этого подставляли подола гимнастёрок или ботинки». Местные жители сочувствовали пленным и пытались как-нибудь их подкормить. Иногда ради развлечения оккупанты разрешали женщинам кидать хлеб за ограду. «Начиналась невесёлая потеха. Пленные бросались на кусок хлеба, вырывали его друг у друга и разрывали на мелкие крошки. В большинстве случаев хлеб никому не доставался, а был размят и растоптан в пыли».

Однажды кусок упал недалеко от Владислава. Пленные ринулись, сминая друг друга. «В считанные секунды на земле образовалась шевелящаяся куча, в которую охранники разрядили несколько автоматных очередей, и убитые застыли как памятник растоптанному в пыли хлебу».

Единственной и необходимой собственностью стал найденный в кустах ящик из-под патронов, служивший вместо посуды, с которым Владислав не расставался никогда, даже во сне. Однажды, после получения похлебки, которой угостили пленных местные жители, они были загнаны на базарную площадь. Утомленные длинным переходом люди падали прямо на землю. Утром не смог встать.

«Мне стало жутко, когда я увидел по бокам куртки тонкие пластинки льда, искрящегося в лучах восходящего солнца всеми цветами радуги. “Значит, ночью ударил мороз, и я вмёрз в лёд”. Опираясь на цинковый ящик, с трудом втащил себя на стол, выждал, пока болтающиеся ноги примут вертикальное положение, встал на них». Толпа пленных пришла в движение, его оторвали от стола и зажали среди тел. Потом ещё такой же страшный переход, сон на мерзлой земле и уговоры самого себя, что утром надо встать, собрать свою волю воедино, встать, даже если придется поднимать себя за волосы.

Наконец показались Сувалки — лагерь для советских военнопленных. Пребывание в этом лагере стало одним из самых тяжких испытаний, которые выпали на долю Владислава Тхоржевского в годы войны.

«Партия за партией пленные раздевались донага перед входом в лагерь. Охранники прощупывали каждую нитку

одежды. Дошла очередь и до меня. Моё имущество: сапоги, брюки, гимнастёрка, брезентовая куртка, ремень и кусок оцинкованного ящика из-под патронов просмотрены. Ремень отброшен в сторону. Попытка вернуть его закончилась ударом по лицу и пинком под зад.

Открылись ворота, и колонна военнопленных вошла в лагерь, разделенный внутри колючей проволокой на ряд блоков. Справа у входа арестблок, где пытали, мучили и расстреливали пленных, рядом с ним штабблок. Слева кронблок для больных, заполненный рядами деревянных бараков. У ворот этого блока лежала длинная поленница из голых трупов.

Колонна выползла на площадь и повернула вправо к блоку с номером восемь. Это был карантинблок, где пленных выдерживали определенное время, а затем разбивали по сортам: на христиан, мусульман, на русских и нерусских. Нацисты с самого начала плена пытались разделить людей на части и натравить их друг на друга.

На огромной территории блока номер восемь, видимо, не случайно не осталось ни единой травинки. Конопатое от полусасыпанных ям, песчаное поле блока казалось загадочным и враждебным».

Пленные сидели на песке, ежась от холода. Словно по команде, они начали рыть ямы. Только в них можно было спастись от холодного ветра.

Выбрав подходящий момент, Владислав обратился к немцу, хорошо знавшему русский язык и отбиравшему пленных, имевших какую-нибудь специальность, в отдельную команду: «Я ничего не хочу просить, просто мне не хочется умирать в этих ямах. В обмен на свою жизнь я передам Германии крупное изобретение. Я знаю способ прямого восстановления магния из руды. Германии это сейчас очень важно».

«Никакого способа прямого восстановления магния из руды не существовало, и ничего, кроме описанного в учебниках, я не знаю. Это был лишь хитрый тактический маневр вырваться из блока номер восемь, вероятно, попасть в Германию». Немец обещал помочь.

Вскоре Владислава перевели в блок № 3, где жили военнопленные, используемые на различных работах в палатках и землянках. Поместили сначала в палатку.

«Люди лежали вплотную друг к другу. Стояла отвратительная вонь, сильно пахло мочой. Видимо, ночью выйти из палатки было практически невозможно, и люди мочились под себя. Зато было очень тепло. Я прилег на землю и почувствовал себя на грани блаженства. Наконец-то надо мной появилась крыша, защищающая от дождя и ветра». Немного освоившись, Владислав старался помогать тем, кому грозила голодная смерть. Но люди умирали очень часто.

Справка. Сува́лки (польск. Suwałki) — лагерь, располагавшийся в городе Сувалки в июне и июле 1941 года в качестве Oflag 68, а с осени 1942 Шталаг I/F Sudauen площадью около 50 га. Осенью 1941 года в лагере было от 10 до 20 тысяч заключенных, с 1941 по 1944 годы — от 60 до 100 тысяч.

Владислав в Сувалках перенес заболевание тифом, выжил в основном из-за желания жить. Весной 1942 года Владислава Тхорожевского перевели в Берлин, в филиал лагеря для военнопленных Шталаг ЗД. Лагерь этот находился в пятиэтажном доме, среди домов, занятых гражданскими. «На окнах не было решеток, а всю внешнюю охрану осуществлял солдат, медленно прогуливающийся по набережной вдоль зеленых кустарников».

Удивительно, что ехал он на поезде, в пассажирском вагоне среди обычных пассажиров. Его сопровождал добродушный ефрейтор. Военнопленный Тхоржевский со своим конвоиром спокойно прогулялись по городу. Берлин в ту пору еще не бомбили. «Столица Третьего Рейха поражала своим великолепием и богатством. Товарами завалены магазины и лавки возле домов. Крутом полно красиво одетых немцев и иностранцев. Улицы города не подметали, а мыли, как полы в доме». Они подошли к обычному пятиэтажному дому. После ванной Владислава провели на пятый этаж, где жили советские военнопленные. «Три этажа занимали французы, англичане, сербы и даже один индус. На первом этаже размещались охрана, кухня, ванная, склады. Это был обычный жилой дом сросшихся друг с другом других пятиэтажных домов на набережной Шпрее, в центре Берлина, напротив Бёрзе-вокзала. Здесь находился филиал берлинского лагеря для военнопленных».

Летом 1944 года Владислава и его товарища по команде 806 Евгения Летникова направили в лагерь Бирау у бывшей польской границы. Работать их направили на завод фирмы «И. Г. Фарбениндустри». Здесь же они получили право на свободное передвижение, «свободный билет». Вместо работы они ездили в ближайший город. В течение двух недель они истратили все деньги и продали всю одежду и часть постельного белья. Владислав вместе с другом прогулял выданные на проезд деньги и искал выход из своего сомнительно благополучного положения. Ему хотелось связаться с русскими партизанами, он пытался найти выход из сложившейся ситуации. Были и мысли о самоубийстве.

Но помог случай. Он встретил Леонида Подгорнова, с которым дружил в команде 806. Леонид сообщил, что ему нужна помощь: «Я чувствую себя окруженным со всех сторон, а мне во что бы то ни стало надо передать через линию фронта очень важный пакет нашим разведчикам». Это и подвигло Владислава действовать, он решился вступить в создаваемую под командованием генерала Власова Русскую освободительную армию (РОА).

В составе РОА Владислав был направлен на Восточный фронт, проходивший в то время по территории Германии и Чехословакии. Однако события развернулись так, что, отказавшись подчиняться немецкому командованию, дивизия решила уйти на Запад к англо-американским союзникам СССР. По просьбе чешского Комитета восставшей Праги она повернула на восток, сделала 50-километровый бросок и вступила в бой с немецкими частями, засевшими в городе и пробивавшимися в зону американской оккупации. В предместье Праги, Радотине, состоялся второй в жизни Владислава Тхоржевского бой. «Бои в чешской столице задержали немецкие войска, и советские танковые части, прорвавшись к Праге, окружили и взяли в плен 860 тысяч генералов, офицеров и солдат, не позволив им уйти на Запад». Война закончилась, Германия капитулировала.

9 мая дивизия рванулась на Запад, нагонять упущенное время, к территории, занятой американцами. Но уйти удалось немногим. Советские войска преградили им путь. Описание этих тревожных событий мы также нашли в пу-

бликации Вячеслава Артемьева «Первая дивизия РОА». Это имя не раз упоминается на страницах повествования Владислава Тхоржевского. В июне 1944 года В. П. Артемьев вступил в Русское освободительное движение и в ноябре, с началом формирования Первой дивизии РОА, был назначен генералом Власовым командиром Второго полка. Первая дивизия Русской освободительной армии прекратила свое существование в двенадцать часов дня 12 мая. «Последняя команда — “Разойтись!” — всколыхнула неподвижно стоявших в строю людей... И людьми овладел страх... Группами они расходились в противоположные стороны — кто на Запад, кто на Восток. Расходясь на советскую и американскую стороны, люди не проявляли по отношению друг к другу ни малейшей враждебности, не бросали друг другу упреков. Невозможно сказать, сколько при этом ушло на советскую сторону и сколько ушло на Запад... Истомившиеся в борьбе, павшие духом — шли на Восток, навстречу неминуемой жестокой расправе и хотя, сознавая это, в глубине души все же таили надежду на спасение» (Из мемуаров Вячеслава Артемьева).

В этих условиях командование 25-го танкового корпуса назначает Владислава Тхоржевского начальником штаба первой власовской дивизии на период перехода до советской границы.

«Дни и ночи пути на Родину были для меня самым тяжелым испытанием в жизни. Они оказались даже страшнее дней этапа от Полоцка до Сувалок.

Во всех населённых пунктах появились военные из различных советских подразделений, которые начали у нас самовольную реквизицию имущества. В течении первых трёх дней исчезли все верховые лошади и почти все автомашины. В последующие дни у нас отобрали три четверти повозок. Вместе с повозками исчезли и продукты. Необходимо было сохранить дисциплину, не дать разбежаться бывшим власовцам по лесам, предупредить мародёрство, убийства и грабежи гражданского населения. Почти в каждом населённом пункте повторялась одна и та же картина. Советские военнослужащие выходили к дороге и удивлялись, что “немецкие” военнопленные идут одни без конвоя. Потом они

всё-таки узнавали, что колонна за колонной проходят настоящие живые власовцы. Дикая злоба охватывала бойцов и командиров. В ход шли приклады, палки, камни и даже огнестрельное оружие. Случались и крупные столкновения с кровавым исходом. В одном из бывших немецких лагерей писали всей дивизией письмо Сталину. Осенью из лагеря в польском городе Лобанд началась наша отправка на восток в железнодорожных вагонах теплушках. Было темно и холодно. «Неужели все муки лагеря придётся перенести второй раз — голод, холод, издевательства?! Хватит ли для этого сил?» — размышлял я, и решил: хватит! Была бы в жизни цель. Раз уж я связал свою жизнь с этой несчастной дивизией. Всё-таки не дал людям разбежаться по лесам...»

Так закончилась для Владислава Тхоржевского Великая Отечественная война. Перед Родиной он был виноват тем, что надел вражескую форму. Он понимал это и был готов искупить свою вину. Возвращение частей Первой «власовской» дивизии РОА на Родину было первым шагом на этом пути.

Война и разлука

Молитва моя и любовь охраняют тебя всегда, везде

Когда Владислав Павлович ушел на фронт и «пропал без вести», Лидия Александровна работала, порывалась даже уйти на фронт вслед за мужем — помешала беременность: вынашивала, а потом растила сына: верила и ждала... Многим пришлось тогда вот так же верить и ждать — немногие дождались. Она — дождалась.

Дневник Лидии Александровны представляет собой две тетради, исписанные убористым почерком. За 1941 год с июня по декабрь — 66 записей, за 1942 — 63, за 1943 — 10 записей, за 1944–1945 годы записей почти нет.

Этот дневник — исповедь, страстное осуждение всех, кто допустил это страшное бедствие — войну. В нем поражает раскрепощенность духа, смелость суждений. Кажется почти невероятным, что кто-то мог решиться в то жестокое время доверить бумаге такие суждения и такие оценки...

«23 июня 1941 г. Я никогда не забуду то утро — ясное, светлое. В пять часов стук в дверь — принесли повестку Владе. У меня замерло сердце, и страх за друга сковал меня. Потом потянулись часы невыносимой муки.

В течение недели их не отправляли, но с восьми утра и до одиннадцати ночи держали в казарме. Я ждала его каждый вечер, слезы давили мне сердце.

8 сентября 1941 г. Владя пропал без вести при бомбежке эшелона.

5 октября 1941 г. Владислав не нашелся. Что могло случиться с ним? Жив ли он? Дни пошли еще тяжелее и мучительнее, надежды так мало, безотрадно на сердце и в будущее смотреть страшно. Владик, неужели твой сын не увидит тебя, и ты не обнимешь его? Пресвятая Богородица, защити и помилуй Владислава, верни его моему крошке».

Чтобы быть хоть чем-то полезной, она идет работать в госпиталь.

«2 ноября 1941 г. Мне удалось устроиться в госпитале. Милый мой, здесь я ухаживаю за ранеными, и все думаю о тебе. Есть тяжело больные, лежат по месяцу и больше; все они такие беспомощные и жалкие; сколько терпения и воли надо, чтобы хоть немножко облегчить их страдания».

В дневнике Лидии Александровны часто звучат гневные слова в адрес тех, кто развязал эту войну.

«26 ноября 1941 г. Пишут об ужасных издевательствах немцев над русскими — ужели можно так осатанеть и уничтожить всю доброту человеческую в сердце? Владя, я не предвижу исхода из этой пытки и в то же время жалко хватаюсь за жизнь, надеясь на Бога, что он пошлет нам встречу на земле».

Кроме разлуки, неизвестности, тяжелых вестей с фронта, добавляются тяготы голода и холода в огромном городе.

«9 декабря 1941 г. Шестой месяц война, и столько же дней я плачу и жду понапрасну. Конца не предвидится. Руки опускаются, делать ничего не хочется; иногда, кажется, что всё в мире кончено, и жизнь невыносима.

Бедная мама, как она перемерзает, с утра и до вечера бегает по городу, чтобы хоть что-нибудь достать поесть, а как же ей быть, когда у меня родится сынишка, совсем она

тогда замается. Иногда мы вместе плачем о тебе, Владик. Какая она хорошая, без нее мне совсем не жить. Папа тоже сильно всё переживает и ворчит помаленьку на окружающую жизнь. Так проходят эти печальные дни.

21 декабря. Что ждет в будущем? В сердце нет ни надежд, ни желаний. Дни проходят тяжелым кошмаром. Что-то будет с моим ребенком? Ужели он умрет с голоду? С продуктами так плохо, начались перебои с черным хлебом, конца войне не предвидится, массовое убийство продолжается. Господи! Ужели всё кончено?

19 января 1942 г. Тяжелое горе давит мне сердце. Что сделали с нашей страной, где ее богатства, где русские люди!? Двадцать пять лет нужды и лишений — и в результате такое предательство».

«21 января 1942 г. Великий гений Ленин, что сделали с твоим учением, как извратили, исказили всё, чему ты учил. Вместо счастья народ получил невиданное рабство, и только кучка людей и НКВД живут. Страна обеднела, народ измучен, запуган. Всюду ложь, несправедливость и насилие. Двадцать лет советской власти не улучшили жизненный уровень масс, а превратили их в жалкие придатки государственной машины, лишенные всяких прав, мыслей и свобод. То, что ты хотел дать русскому народу, великий вождь, не сбылось, и многие шлют тебе проклятья, ибо наше правительство все свои проделки прикрывает твоим именем. Тяжелые дни.

25 января 1942 г. Я не верю, чтобы люди могли все хорошо жить, любое правительство живет только для себя. Придя к власти, люди забывают, что они люди. Во имя счастья будущих поколений заставляют умирать, а на самом деле с каждым годом всё труднее и хуже жить. Какое безумие убить столько народа, и разве правительства от этого страдают? Они так же спят и до отвала едят. Политика всякого правительства — это ложь, наглая до цинизма. Совершенно прав Бакунин, что всякая власть — насилие.

26 января 1942 г. Владя, как хочется мне с тобой поговорить, высказать все, что накопилось в душе, хочется выплакать горе. Обидно за Россию, за людей. Родина моя, никогда ты не была свободной и счастливой, всякая дрянь

правила тобой, а теперь наособицу. Вздохнешь ли ты, Русь, когда-нибудь, или твой удел — вечное рабство и нищенское существование?»

Да, за такие строки несдобровать было бы Лидии Александровне, попади ее дневник в чужие руки!

«12 февраля 1942 г. Иногда люди бывают хорошие. Сегодня я зашла к Шуре Н. на работу, там сидели все наши с завода Воеводина и, как один, дружелюбно и сердечно меня приняли. Мне было очень приятно их сочувствие моему положению и та забота, с какой они говорили со мной о моем здоровье и будущем ребенке. Насколько всё это искренне, не знаю, а только сейчас, как никогда, слова утешения и ласки мне необходимы, они возвращают мне желание жить.

16 февраля 1942 г. Владик, я надеюсь, что ты еще жив. Родной мой, когда же кончится эта война и все страдания? Мама ушла с утра по очередям, сидеть дома одной невыносимо. Обедать сегодня совершенно нечего. В Ленинграде люди мрут тысячами в день, нам пока хоть хлеб дают, но все говорят о сокращении пайка. Что будет! Страшно подумать. Настроение убийственное».

«2 марта 1942 года. В ночь с 1 на 2 родился сын Виталий!

12 апреля 1942 г. Воскресенье. Три месяца я не была в госпитале. Бывает обстановка, которая сильно сближает людей. Дни, проведенные мною с тяжелобольными, оставили в них большое чувство благодарности. Я и не ожидала, что смогу быть настолько полезной людям. С ними мне было хорошо, я помню вечера — зимние, холодные, дома нет огня, на сердце так тоскливо, — и вот я шла в госпиталь, меня ждали, я была нужной: делала перевязки, массажи, поправляла подушки, давала пить, писала письма, читала книги, а иногда мы разговаривали об их семьях, близких, друзьях. Горе мое забывалось, я делала всё, чтобы было легче им; малейшие капризы исполняла без ропота, а некоторые из них даже плакали.

17 мая 1942 г. Любимый мой, до каких же пор будет война? Печаль и слезы в каждом доме, в каждой семье. Последние люди уходят на фронт. Вчера я видела, как отправляли партию, так напомнило дни твоего отъезда, слезы

едва сдержала. Лица мрачные, худые, нет в них жизни, мужества, тупое подчинение чужой воле застыло на них; мало кто смеется, головы опущены, невеселые мысли, видимо, засели в них. Тяжело было смотреть на этих несчастных. Несколько женщин провожали своих близких; молоденькая девушка идет под руку с безусым юношей, она что-то говорит, а он, не слушая, шагает. О чем он задумался? Другая молодая женщина несет котомку, с какой любовью несет она вещи; быть может, это последняя её услуга мужу. Шагов на десять от партии отстали двое — высокий черный мальчик, хорошо одетый, с грустным лицом; он, как большинство, задумчиво смотрит под ноги, а рядом, вытирая время от времени платочком слезы, идет его мать. Безраздельное горе на лице ее. Господи, не дай мне провожать сына на фронт!

Владик, мы всё время голодные, паёк так мал, что нам его остается на несколько дней; об одном боюсь, чтобы мои родители не обессилели окончательно. Живу надеждой, что Витька будет жить лучше, и ты вернешься к нам.

15 июня 1942 г. Начала работать в одиннадцатой палате — пятнадцать человек очень тяжело больных

Добрые мои больные, как хороши и трогательны их заботы обо мне. Вчера купили мороженое моему Витьке, и так они сочувствуют мне и моему положению. Есть же хорошее в людях и благородное. Они выслушивают с терпением про Витьку всю мою болтовню, они говорят про тебя, Владик, и обещают, что ты вернешься. “Сестра Лида” — так зовут меня они, и я горжусь этим, мне легко с ними, и горе не так давит меня».

В архиве семьи Тхоржевских хранятся три записочки из госпиталя от раненых бойцов. «Здравствуй Лида Алекс. Поздравляю Вас с прибавлением семейства. Быть здоровым, выздоравливайте скорей и приходите нас поведать. У нас маленькое изменение. Нас перевели всех, где был клуб на 3-ем этаже. Ходят Колобовников и в том числе и я. Ещё Лида Ваше обещание мы получили — зеркальце. 30/1 — 42г. Зуев». «Здравствуйте Лида! Мы Ваш подарок получили, за что очень благодарим. От нас тоже возьмите маленький подарочек и желаем Вам счастья и здоровья.

Привет от всех. Киселёв, Куйчук, Колобовников. 3/116 — 42 года».

«29 июня 1942 г. Ровно год, как мы расстались... Уехать бы в деревню. Настроение у народа пассивное, многие убиты горем, почти у каждого родные на фронте, — конца войны не видно. В стране голод и слезы, на фронте отступление. Год войны — год ужасных страданий».

Это небольшая часть дневниковых записей Лидии Александровны Тхоржевской. Они иногда прерываются на несколько месяцев. Осенью 1942 года она уезжает в Талицу, где работает начальником участка по производству автола. Семья поселяется на лесном кордоне, где силами Надежды Павловны и Александра Ивановича создают свое хозяйство с коровой, козами, птицей и огородом. Лидия работает в рабочем поселке на Смолокурке. Верхом на коне она объезжает участок и приезжает к сыну и родителям.

Жизнь постепенно устраивается, но она не перестает переживать за мужа и так же страстно пишет ему в письмах о своей любви, о том, что ждет его и уверена в их скорой встрече. В дневнике много описаний природы и народной жизни.

Нам кажется, что Лидия Александровна была незаурядной личностью: ей был свойствен высокий дар любить и хранить верность и видеть окружающий мир без идеологических шор. «Осень, холодная, печальная, летит желтый лист и, как золото, падает на черную дорогу, а вместе с ним — маленькие снежинки; ветер пробирается за ворот, злой, колючий. Владислав мой, и тебе холодно, где ты? Что с тобой? Мрачная поганая жизнь, и на сердце пусто, холодно, уныло. Нечем дышать, еще никогда Россия не знала подобной жизни. Деревни разорены, народ искалечен, скот худой и мало. Все что-то делают, и от этого только хуже. Раздетые и голодные дети, сколько ещё можно терпеть и надеяться, где же исход людским страданиям? Во имя могущества государства, во имя партии гибнет Россия, русский народ. Сколько лагерей, тюрем построено вновь, а если подсчитать все жертвы в них — за это судили Германию, но себя мы не судим». (Дневник Л. А., 10 октября 1946 г.)

Дневник — это свидетельство обыкновенного человека, песчинки в вихре событий XX века о времени и о себе. По нему можно судить, какая доля выпала на женские плечи в годы Великой Отечественной войны, какие трудности переживал тыл и множество людей, которые трудились и творили Победу.

Пусть будет долгим ожидание, но не напрасным

Поезд с власовцами прибыл в Соликамск осенью 1945 года. Им объявили, что они не заключенные, а временно задержанные. «Будете работать на лесоповале как вольнонаёмные. Когда вас отпустят из лагеря, не знаем — приказа нет, но будет».

Многие власовцы действительно были отправлены в Соликамск на лесоповал. Согласно справке Института истории СССР, 36 746 бойцов власовской армии отбыли там наказание и по амнистии от 17 сентября 1955 г. разъехались по домам.

Владислав Павлович Тхоржевский был отдан под суд 18 февраля 1946 г. Во время следствия находился в лагере для заключенных в Соликамске. В мае 1946 г. до приговора он написал Лидии Александровне два письма. Первое письмо на старый городской адрес — соседи переслали в Талицу. Насколько был неуверен Владислав, что он еще нужен Лидии, говорит не только очень осторожный тон письма, но и то, что он адресует его Лидии Александровне *Серебренниковой*.

«Добрый день, Лида!

Ты не сможешь себе представить, как трудно писать это письмо тебе. Оттремела война, а жизнь оказалась помятой и исковерканной. Я вышел из войны живым и здоровым, но за свои грехи перед Родиной пришлось отвечать. Без сомнения, я сумею оправдаться перед ней и лет через пять снова буду полноправным гражданином, но ведь сейчас я арестант. Лучше было бы вернуться в Свердловск без руки или ноги, чем писать сейчас это письмо, но, как видишь, судьба (если таковая существует) решила по-другому. Поэтому только остается сослаться на пословицу “От тюрьмы

да от сумы не зарекайся!» Духом не падаю, т. к. уверен, что я сумею стать человеком, и что в жизни еще не всё потеряно. Сейчас не буду писать, как всё это было, слишком это длинно, да и вспоминать не хочется — если захочешь переписываться, то когда-либо в другом письме. У меня к тебе просьба — написать, как ты живешь и что в твоей жизни изменилось?

Лидушка, ответ сразу, т. к. никаких других просьб не имею...

Для меня только одно ясно — придется много поработать, чтобы оправдаться перед советской властью. Это я должен сделать и сделаю. А трудности этого периода не имеют существенного значения, т. к. я еще молод, а кроме этого имею специальность и если не через месяц, то, возможно, через год сумею устроиться на работу по своей специальности. Написал бы больше, но я просто не могу представить твоей теперешней жизни, а поэтому писать трудно. Желаю тебе всего хорошего, как и жить всегда. Привет близким и родным, а можешь и не передавать. Я на это не буду в претензии. Всего хорошего, дорогая жена! С приветом, Владислав». (Письмо В. П., 16 мая 1946 г.)

Ответ Лидии Александровны, первое письмо:

«Дорогой мой Владик! Твои письма получила. Тебе покажется странным, но они не были для меня неожиданностью. Все эти годы войны и разлуки ты был с нами, и я верила в твое возвращение. Много пережито и передумано, но первое чувство к тебе при всех обстоятельствах оставалось прежним. Самым главным событием в моей жизни за это время [стало] рождение сына 1 марта 1942 года. Ему принадлежит вся моя жизнь, прошлая, настоящая и будущая. Если ты найдешь в этом радость и цель своей жизни, то мы будем счастливы вместе... и если ты не нашел себе другой семьи и не имеешь других привязанностей, то приезжай при первой возможности освобождения. Все свои ошибки перед Родиной ты загладишь, я знаю тебя, твое упорство в работе и честный характер». (Письмо Л. А., 24 апреля 1946 г.)

Второе письмо Лидии Александровны:

«Дорогой любимый Владик! Твое третье письмо получила, но страшно жаль, что ты не получил мои. Всё сердце

выболело за тебя, мой друг, но я верю, что мы встретимся рано или поздно, и тогда счастье будет в наших руках. Главное, ты жив. Надеюсь, что люди не так жестоки и уж не так велика твоя вина, что ты попал в плен. В твою невиновность я верю, и буду верить всегда, даже и тогда, когда кто-либо вздумает бросать в тебя грязью. Самое большое счастье у меня твой сын, он-то хранит меня от всех искушений, не давал падать духом в тяжелые минуты. Я хочу, чтобы ты полюбил его больше меня и всего на свете. Я хочу, чтобы ты завоевал себе жизнь для него и вернулся к нему.

Владик, пиши, можно ли мне приехать к тебе повидаться, можно, нет выслать посылку, что послать? ...Витя играет в поезд и всё везет папочку домой.

Пусть будет долгое ожидание, но не напрасное».

26 июля В. П. Тхоржевский был приговорен по статье 58-б к высшей мере наказания, замененной 20-ю годами каторжных работ и 5-ю годами поражения в правах с конфискацией имущества. Такой приговор был для него полной неожиданностью, т. к. следователь вел во время допросов душевные беседы и давал понять, что наказание не будет тяжелым. Он зачитывал после допроса текст, а В. П. Тхоржевский подписывал, уже не читая.

После вынесения приговора для Владислава начались новые скитания, но уже по советским лагерям.

С апреля 1947 по октябрь 1948 года — отбывал меру наказания в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) п/я 226 г. Ухта в качестве инженера-проектировщика и ст. инженера-электротехника.

С 8 августа 1948 по январь 1949 г. — лагерь Вой-Вож, проектирование электроустановок в лагере нефтяников.

С января 1949 по февраль 1956 г. — в г. Воркуте на шахтах № 6,4,5 в качестве старшего электро-слесаря, заведующим электровозным гаражом.

Лидия Александровна тоже надеялась на более мягкий приговор и, узнав его, пришла в отчаяние.

Первый лагерь для заключенных, который В. П. Тхоржевский увидел на родной земле, располагался в Соликамске и походил на гитлеровские лагеря, как похожи друг на друга близнецы.

«Три ряда колючей проволоки, вышки одной и той же конструкции, расположенные на одних и тех же расстояниях, типовые проходная и ворота.

Даже лозунги схожие: “Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства”, а у гитлеровцев более лаконично: “Радость через труд” или “Работа освобождает”.

Однотипно и управление узниками. В Сувалках имелся арестблок с начальником Иудой и гестаповцем Генрихом, а в ИТЛ — барак усиленного режима во главе с “начальником” из заключенных и лейтенантом внутренних войск. В Сувалках управлял Штерман (Родионов), в ИТЛ — рядчик, тоже из заключенных. Там и тут были голодные угнетённые голодные люди, там и тут — паразиты, сытые и хорошо одетые.

Я сразу понял, что ИТЛ — школа разрушения нравственных устоев людей. В лагерь попадали трудолюбивые крестьянские парни и девушки, случайно или за нарушение каких-то дурацких правил и зверских законов, например, за сбор зимой на полях неубранных колосков пшеницы, а иногда и просто по злему навету. Над ними издевались, закоренелые уголовники “исправляли” их и выходили на свободу с презрением к любому труду, ворами и негодями. При выходе на свободу они получали задание от “воров в законе”, из них вербовали хранителей украденных вещей и барыг».

Из тюрьмы в Перми В. П. Тхоржевский попал в Ухтинский ИТЛ. Тут ему повезло, отправили работать в проектную контору инженером-проектировщиком электроустановок. Владислав Павлович пишет о том, что он начал заниматься самообразованием, подал заявку на изобретение рудничного взрывобезопасного светильника и «получил авторское свидетельство за номером 77116 как равноправный советский гражданин».

Осенью 1948 года его направили в лагерь нефтяников Вой-Вож, где он занимался проектированием электроустановок в лагере нефтяников.

Все эти годы Лидия Александровна и Владислав Павлович ведут активную переписку. Он пишет ей очень подробные письма мелким почерком на четырех листах. Лидия

Александровна в 1948 году начала в Талице строить свой дом, очень устает и сетует в своих письмах. Владислав Павлович отвечает ей с большой любовью. Отвечая на ее сетования, что жизнь уходит и она стареет, он пишет:

«Милая моя, где бы я ни был, я вернусь к тебе как любящий муж и тебе не надо думать, стара ты или нет, буду я тебя любить или нет. Я отвечаю заранее — для меня ты никогда не будешь старой, и моя любовь принадлежит только тебе. Надо уметь ждать, любить, верить и сохранять нервы. Когда это будет, не знаю. Но думаю, что это будет не поздно. <...> Верных друзей мало и цены им нет. Тот, кто был другом, тот может ценить дружбу. Вот почему моё отношение к тебе не только как к жене. Я верю, что ты друг. Не будь этого, я бы забыл тебя, как забывают жен, вот почему я хочу говорить с тобой откровенно, так понимать тебя, как я понимаю себя». (Письмо В. П., 29 сент. 1948 г.)

Это было последнее письмо из лагеря Вой-Вож, до 1954 года писем не будет. В октябре 1948 года — отправка в Воркуту, после чего переписка надолго прекратится. К этому времени на шахте № 6 заканчивалось создание каторжного «Речлага». Фамилии заменили буквенными и цифровыми обозначениями, нашитыми на спину и на ногу. Каторжан сдавали и принимали по номерам.

«На всю жизнь мне запомнились первые дни каторги, которую организовали чиновники Берии в лютые морозы полярной ночи. Круглые сутки темно, мороз 40–45 градусов, над Воркутой иллюминация полярных сияний, на которые никто не смотрел. На шахте не было ни бытовок, ни помещений, где можно было бы спрятаться от холода. После окончания смены клеть поднимала на-гора остатки каторжан, мокрых, перепачканных угольной пылью. Они толпою подходили к воротам, и тишину полярной ночи разрывали вопли:

— Начальники, родимые, в ботинках вода застыла!

— Ведите в лагерь! Погибаем!

В небе красочно мелькали разноцветные ленты сияний, а мороз под пятьдесят градусов белил щеки беззащитных людей. У меня тоже застывала в ботинках вода и штаны

превращались в камень. Я старался ступать осторожно, чтобы они не лопнули и не рассыпались на кусочки. Конвою из жарко натопленной проходной выходить неохота, но дикий вой толпы действует им на нервы, один из них выходит и дает команду на построение в колонну по пять человек в ряд. После построения посчитал, затем снова дал команду:

— Можете расходиться, не хватает двоих! — и ушел в проходную.

Каторжники бросились бежать к единственному зданию шахты, где сидело начальство, крича одно и то же:

— Замерзаем!

— Опять, как вчера, будут искать в шахте погибших, — одеревенелыми губами прошептал мой приятель. — Неужели ждать ещё целый час?!

Снова построили, ещё раз посчитали, выяснили, куда исчезли двое заключенных и какие это номера.

Но испуг на этот раз оказался напрасным, до ушей долетел обнадеживающий разговор:

— Товарищ капитан, поднимай каторжан и веди их в лагерь.

— Они нарушают правила, не подчиняются. Смотрите сами, человек десять не прижали лица к снегу. Я вот этих сначала пристрелю, а потом уж поведу остальных в лагерь.

— Я бы их сам расстрелял, но шахта план не выполняет. Людей нет, а эти, каторжные, в забоях еле-еле, как червяки, ползают, говорят, сил нет. Вот и приходится идти на уступки этим вырождакам, врагам народа!

— Встать! Марш!

Около ворот лагеря снова начинается тот же “спектакль”, но с одним дополнительным актом — шмоном. На морозе каторжане раздевались до нижнего белья, некоторых заставляли снимать и ботинки, после сего поочередно шли на обыск. Затем снова по тому же гнусному сценарию:

— Номер А-776, выходи!.. Номер...

Наконец вместо занавеса открывались лагерные ворота, над которыми висел огромный транспарант: “Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства”. Каторжане бежали в столовую, на ходу оттирая на лицах белые пятна.

После еды нас закрывали в бараках. Все ложились, не снимая одежды. Я снимал только сапоги, чтобы с них вытекла вода, а на ноги «обувал» шапку».

В 1952 году Владислава Павловича назначили механиком внутришахтного транспорта. Быстро изучил особенности электровозов, вагонеток, путей и скиповых подъемников. «У меня сразу же появились рацпредложения, и мы с новым начальником начали менять шахтный транспорт».

1952 год. Лидия Александровна тяжело переживает свое одиночество: «Прочитала всё записанное. Много прошло дней, многое изменилось. Теперь живу в Свердловске, работаю в школе. Витя учится в 3-м классе. О Талице не вспоминаю, а вот Смолокурку вспоминаю иногда, её не забуду. Слава Богу, родители мои живы, с ними мне легче. На сердце как всегда печально. Вспоминаю часто Владислава. Что бы ни загадала, а судьба неумолимо предвещает мне с ними разлуку, даже письма не разрешили писать. Возьму старые письма и плачу, но слёзы не облегчают душу. Одна отрада в моей жизни — это Витя; мечтать о личном счастье нет времени, да и голова поседела». (Дневник Л. А, 1 января 1952 г.)

В 1954 году разрешили писать письма. Лидия и Владислав вырываются из вынужденного молчания. Они вновь ведут свой диалог о дружбе, о любви, о смысле жизни, о долге, о чести, о том, как будут жить после возвращения Владислава. Писем много, они очень большие, на трех-четырёх страницах убористым почерком. За 1954 год — 23 письма, 1955 — 76, 1956 за 2 месяца (январь — февраль) — 14 посланий: письма, открытки, телеграммы.

Из писем этого периода видно, как устала от одиночества, ожидания и забот Лидия Александровна и как устремлен к ней, к ее дому, к своей семье Владислав Павлович. Владислав Павлович был освобожден 17 февраля 1956 г. по амнистии со снятием судимости и поражения в правах.

«В феврале 1956 года я, получив временный паспорт, купил билет до Свердловска в жесткий купейный вагон и вошел в купе. Там уже сидели два офицера войск внутренней охраны.

Над сиденьями висели зеркала, и я впервые за последние десять лет увидел себя воочию. Зеркальное отображе-

ние беспощадно сказало мне правду, от которой я невольно даже отшатнулся в угол. Я увидел лицо, одежду человека второго сорта — вчерашнего раба. Забившись в угол, я боялся повернуться к офицерам. Мне казалось, что сейчас сюда ворвутся охранники, схватят меня за шиворот, выбросят из вагона и, избивая ногами, заорут: “Куда это ты поехал, падаль фашистская?! Как бы не так!” И хотя меня никогда не избивали ни в плену, ни на каторге, тревожное ожидание расправы прекратилось только с того момента, когда поезд набрал скорость и начали исчезать последние огоньки Воркуты.

Но тут меня окружили еще более мрачные мысли: “Куда я еду и зачем? Как встретят? Не останусь ли навсегда человеком второго сорта? Не вернуться ли обратно, пока не поздно”».

«Получилось всё не так, как я боялся. Везде и всюду меня встречали приветливо. Устроился работать конструктором в научно-исследовательский институт (УНИХИМ). В стране начиналась новая жизнь, дела шли на подъем. Нам поручили совершенно новое необычное задание — разработать приборы для сернокислотного цеха Бхилайского металлургического завода в Индии. Доверили это дело мне. Я организовал конструкторский отдел, провел исследовательские работы и издал первую свою книгу “Конструирование приборов для стран с тропическим климатом”. Приборы, разработанные с моим участием, начали работать во многих странах мира.

Никто не лез мне в душу, не расспрашивал о прошлом, да и я о нем никогда не рассказывал. Окружающие меня, наверное, знали что-то обо мне, но оберегали меня от неосторожных намеков».

Владислав Павлович Тхоржевский стал автором 8 изобретений, причем первое свидетельство выдано 8 августа 1949 г., а последнее — 7 июля 1982 г., когда уже на пенсии он работал слесарем в котельной поселка Шарташ, входившего в состав Свердловска. Автор нескольких книг по приборостроению, участник и неоднократный бронзовый призер ВДНХ, отличник химической промышленности СССР. Реабилитирован 18 октября 1991 года.

* * *

Познакомившись с письмами и дневниками Лидии Александровны и Владислава Павловича Тхоржевских, мы соприкоснулись с судьбами удивительных людей.

Лидия Александровна стала отличным педагогом, учителем химии. Много теплых воспоминаний оставили о ней выпускники школы и коллеги. Но главное, они показали, как можно стойко, достойно переносить превратности судьбы, как противостоять давлению внешних обстоятельств и остаться верными самим себе. После смерти Владислава Павловича Лидия Александровна снова начала вести дневник и писать неотправленные письма. Мы начали наше повествование с записки Лидии Александровны и закончим ее же небольшой записью:

«5 ноября 1940 года зарегистрировали брак, а на другой день сходили в церковь на Ивановском, поставили свечи перед иконой Божьей Матери, Владик подарил мне серебряное колечко с аметистом. Выходя из церкви, дали обещание — будем жить до конца дней своих вместе, и похоронят нас в одной могиле, на которой вырастут два цветочка.

В 1956 году, после пятнадцати лет разлуки, открылась дверь, и он зашел с чемоданом в руках. Встретились, как будто не было разлуки, была радость, любовь, счастье.

37 лет совместной жизни. Владик ее прожил, как задумал еще в юности. А я благодарна Господу Богу за встречу и жизнь с необыкновенным человеком, жизнь нелегкую, но романтическую и прекрасную».

Владислав Павлович Тхоржевский умер 9 марта 1993 г. на 77-м году жизни.

Лидия Александровна умерла 30 мая 1994 г. Они похоронены в одной могиле на Шарташском кладбище рядом со «своими старичками».

ВСЕ ПЕРЕЖИТЬ

Александр Даниэль

Четыре работы школьников — из Астрахани, Челябинска, опять из Астрахани, из Новочеркасска. Пять человеческих судеб, спасенных от забвения: Яков Афанасьевич Нюничкин, секретарь сельсовета в рыбацком поселке на Каспии; Григорий Константинович Шастин, главврач больницы ЧТЗ — одной из первых «великих сталинских строек»; Илья Емельянович Бреус, «рабочий-двадцатипятидесятисычник» из Ленинграда, ставший директором Тумакского рыбозавода, и его жена Нина Семеновна Бросалина; Дмитрий Максимович Гальченко, крестьянин-единоличник, житель села Крученая Балка (Ростовская область).

Все судьбы — разные.

Нюничкин, обвиненный в «должностных преступлениях», умер в лагере, располагавшемся в трех километрах от его родного дома, совсем немного не дотянув до конца своего в общем-то пустякового трехлетнего срока.

Шастин, задетый, по его собственному выражению, «рикошетом», взрывной волной от знаменитого августовского процесса Зиновьева-Каменева — самого первого громкого дела, с которого, в сущности, и начался Большой террор 1936-1938 гг., был приговорен к семи годам лагерей. Конец его срока приходился на 1943 год, так что его, скорее всего, по концу срока не освободили, а оставили «при лагере» до конца войны. А в 1949 г. Шастин был вновь арестован как

«повторник» (автор исследования, по всей видимости, не знает о фантастическом Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21.02.1948 и наивно полагает, что «следователям необходимо было дополнить прежние «преступления» какими-то новыми» — в его сознании не укладывается, что человека можно вторично осудить по тем же самым обвинениям, по которым он уже отбыл свой срок) и отправился в «вечную ссылку» в Красноярский край. И тем не менее это — история со сравнительно благополучным концом: Григорий Константинович вернулся из ссылки, дождался реабилитации, переехал в Курганскую область, вновь стал работать врачом и умер в 1978-м, в преклонном возрасте.

Судьбу Бреуса, самого «высокопоставленного» из персонажей этих четырех работ (как-никак директор рыбозавода, номенклатурная должность), якобы определила Военная коллегия Верховного суда СССР 11 августа 1938. На самом деле его судьба была определена ровно за месяц до этого, 10 июля, когда Сталин и Молотов поставили свои автографы на обложке документа под названием «Сталинградская область. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР». Этими двумя автографами был заранее утвержден приговор «по 1-й категории» (т.е. к расстрелу) в отношении 163 человек, дела которых должна была рассматривать выездная сессия ВК ВС в августе 1938-го в Сталинграде. На первой странице списка, под номером 21, значится имя Бреуса Ильи Емельяновича (Архив Президента Российской Федерации, оп. 24, дело 417, лист 40). Все остальное, о чем так увлеченно рассказывает десятиклассница Маргарита Корнякова, — «подготовительное заседание» ВК ВС 10 августа, замена ст. 58-9 на ст. 58-7, решение о слушании дела в порядке, предусмотренном Законом от 1 декабря 1934 и т.д. — уже не имело никакого значения: судьба всех 163 человек и в их числе И.Е. Бреуса была высочайше предрешена месяцем раньше.

Так же точно предрешена была и судьба Нины Семеновны Бросалиной, и никакой развод не мог изменить ее участь. Автор наивно пишет: «14 июля 1938 года Нина Семеновна и Илья Емельянович расторгают брак...» — как будто Бреуса специально выпустили из тюрьмы, чтобы

он мог пойти в ЗАГС и подать заявление: нет, брак с арестованным расторгался в одностороннем порядке! Но это уже не имело никакого значения: пункт 4 оперативного приказа наркома внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937, предписывавший в обязательном порядке арестовывать «жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами», ясно и недвусмысленно гласил: «Аресту подлежат жены, состоявшие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста». В момент ареста! Нина Семеновна сильно опоздала с разводом.

Наконец, Гальченко. Единственный из пяти персонажей, проявивший в какой-то мере «нелояльность», — он твердо отказался пойти в колхоз и остался единоличником. И как ни парадоксально, из пяти именно он оказался единственным, кто не познакомился непосредственно с государственным террором: его не расстреляли, как Бреуса, он не умер в лагере, как Нюничкин, он не прошел через лагеря и ссылки, как Шастин и Бросалина. В 1930–1931 гг., в годы коллективизации, он имел все шансы отправиться на спецпоселение на Север как злостный «подкулачник», — но «раскулачивание» его миновало; не тронули его и во время Большого террора 1937–38. Его «всего лишь» давили налогами, повинностями, урезали его земельный участок, с ним «всего лишь» обращались, как с человеком второго сорта, еще более бесправным, чем бесправные колхозники. В начале своего рассказа авторы мельком упоминают о «тетради № 20» за 1951 год. Значит, Гальченко по крайней мере дожил до этого года — уже не так плохо для человека его нравственных и религиозных убеждений и его социального положения!

Для нас, историков советской эпохи, погруженных в сотни тысяч аналогичных судеб, эти истории не представляют собой ничего нового. Об этих пяти наших соотечественниках и о шестеренках тех государственных механизмов, в которые они угодили, мы знаем больше, чем молодые исследователи, изучавшие конкретные биографии. Мы знаем номера и даты приказов, определявших эти судьбы, мы знаем реальные, а не придуманные следователем обстоятельства,

с неизбежностью приводившие кого-то к расстрелу, кого-то — в Темниковские лагеря, кого-то — в «вечную ссылку». Мы умеем отнести наших персонажей к тем или иным категориям жертв государственного террора и сообщить, например, что судьбу Ильи Бреуса, приговоренного к смерти лично Сталиным и несколькими другими членами Политбюро ЦК ВКП(б), с дальнейшим оформлением этого приговора через Военную коллегия Верховного суда СССР, разделили около 40 тыс. человек, а его жена Нина оказалась одной из примерно 18 тысяч женщин, оформленных Особым совещанием при НКВД как «члены семей изменников Родины». Мы понимаем, что Шастину крупно повезло: для ВК ВС он оказался слишком незначительной фигурой, а время «троек» и «двоек» осенью 1936-го еще не наступило — и его пропустили через облсуд, где процент смертных приговоров был гораздо ниже. Мы понимаем, что на селе должен был сохраняться определенный процент единоличников, дабы можно было демонстрировать миру добровольный характер участия в колхозном строю. И так далее.

Но для наших школьников эта алгебра террора темна и, слава Богу, неинтересна. Их интересуют главным образом две вещи — справедливость и милосердие. И реагируют они на две вещи — на жестокость и несправедливость. Для них это не абстрактные понятия, умноженные на статистику жертв. Они, наши авторы, воспринимают их только конкретно. И каким-то непостижимым образом они умеют учуять *свидетельство* о них в предметах, знаках, символах, неожиданно возникающих среди руин ушедших эпох. В православном кресте, одиноко стоящем посреди заброшенного мусульманского кладбища. В картине, висящей в городском музее, — странной картине, как будто сшитой из нескольких кусочков ткани. В неожиданно лапидарной записи в книге, посвященной истории челябинской больницы. В чьих-то заброшенных дневниках.

И не понимание исторических тонкостей, и не теоретическое морализирование, а именно это умение — услышать свидетельство, откликнуться на его зов, пройти по полустертым следам давнего зла — и есть самое замечательное, что продемонстрировано нашими авторами в их работах.

«Под большим трепетом»

Екатерина Загорулько

Александра Карасева

Александр Лысенко

Давид Юневич

г. Новочеркасск,

Ростовская область

Наша учительница истории предложила нам расшифровать дневник Дмитрия Максимовича Гальченко за 1930 год. Это был крестьянин-единоличник, проживавший в селе Крученая Балка Сальского района Ростовской области. Самой большой проблемой было прочесть записи. Первая сложность заключалась в том, что мы работали не с оригиналом, а с копией, и, как хотим заметить, не самого лучшего качества. Непросто было разобрать почерк. Страницы дневника были затерты, растекались чернила, что делало записи еще непонятнее. Часто встречались кляксы, грамматические ошибки. Поначалу нам казалось, что понять хоть что-то будет просто невозможно, но день за днем наши глаза привыкали к почерку автора, и дочитать текст до конца уже не составляло труда.

Дмитрий Максимович писал кратко и по делу, но часто, даже сам того не желая, он показывал свое отношение к происходящему. Записи в дневнике он делал ежедневно, «под впечатлением» свежих событий.

После того как мы написали работу по первой части этого дневника за 1930 г., летом следующего года наша учительница предложила поехать с ней в село Крученая Балка, где раньше жил Дмитрий Гальченко, чтобы увидеть своими глазами это место и его дневники.

Мы приехали в школу, где хранились остальные дневники Д. М. Гальченко, и познакомились с Татьяной Ивановной Арефьевой, учителем истории из школы села Крученая Балка. Она нам в подробностях рассказала, откуда эти дневники, как они попали именно в эту школу. Оказывается, один школьник просто захотел получить пятерку по истории и сказал, что принесет дневник своего прадедушки, который он нашел у себя на чердаке. Его семья понятия не имела, что это ценный источник, тетради были вынесены на чердак, большая часть из них испорчена мышами.

Дневников Дмитрия Гальченко оказалось немало, как минимум 20 тетрадей. Причем на тетради за 1930 г. стоит номер — 7, то есть они были начаты как минимум в 1923 г., тетрадь 1938—1939 гг. — двенадцатая, на обложке дневника за 1951 г. стоит номер 20. За 28 лет — 20 тетрадей. Три из них (за 1938—1939 г. и за 1951 г.) хранятся в музее, один (за 1930 г.) — в семье, судьба дневника 1937 г. нам неизвестна, но о нем упоминается в записях за 1938 г.

В дневниках за 1938—1939 гг. Гальченко описывает свою жизнь очень скупно. В этой тетради нет подробных записей об оставшемся имуществе. Несмотря на то, что в этом дневнике записи за два года, информации намного меньше, чем в дневнике за 30 год. Возможно, в 1938 г. он уже боится писать откровенно. В этом дневнике Дмитрий Максимович мало пишет о политике, о событиях в селе, в тексте реже встречаются оценки, размышления о жизни. Записи в дневнике 1930 г. были наполнены острым чувством несправедливости, возмущением того, что делала власть, борьбой за выживание, упрямым желанием не поддаваться. Прошло время. Кажется, что Дмитрий Максимович смирился с существующей ситуацией. Он уходит в свою частную жизнь. Но и тут есть записи, в которых он сравнивает настоящее время с прошлым, рассуждает о жизни, сравнивает единоличников и колхозников. Дмитрий Максимович не хотел идти ни на какое сотрудничество с властью, ограничиваясь необходимым для существования. За 9 лет с начала коллективизации он так и не вступил в колхоз.

«Корова Катька. Телка Манька. Овца рябомызя. Кошка серая — одна»

Дмитрий Гальченко ведет свой дневник с 1 января 1930 г. День за днем он описывает события, происходящие в его жизни.

В 1930 г. он подробно описывает это хозяйство, более того, он записывает каждую вещь, которая есть у него и его семьи, то есть проводит подробную инвентаризацию. Крестьянин-единоличник Дмитрий Гальченко имел несколько построек. В 1909 г. был выстроен амбар из дерева, а в 1912-м — каменный дом, крытый «цинком» (металлической крышей), и в 1913—1914 гг. — саманные конюшня и катух (хлев для мелкой скотины) с двумя отделами. Примерно тогда же был построен «бассень цементов. для воды», что для нашей местности очень важно. Такие емкости есть во многих хозяйствах и сейчас, если не проведен водопровод. Затем следует большой перерыв в обустройстве двора — это период Первой мировой и Гражданской войн. Двор начинает обустраиваться только с 1921 г., и для построек используется преимущественно более дешевый и доступный материал — саман. Мы заинтересовались: откуда вообще у крестьянина появился дом, в котором проживала его семья? Мы знаем, что Дмитрий Гальченко родился в 1890 г., на момент написания дневника за 1930 г. ему было 40 лет. А так как дом был выстроен в 1912 г., то мы предполагаем, что он достался ему от родителей.

Вообще Гальченко считался крестьянином-средняком. Но у него были две лошади (правда, одна нерабочая) сеялка, веялка, сепаратор, маслобойка; также он занимался мелкой торговлей. Исходя из этого, мы предполагаем, что при желании его можно отнести и к кулакам.

«Такой жизни никто не приживал еще»

У Гальченко было несколько источников дохода. Основным источником для получения наличных денег был подсобный промысел: рыбалка и продажа домашней продукции. Мы считаем его основным потому, что он еже-

дневно ходил за рыбой и, если был хороший улов, продавал ее. Помимо дохода, получаемого от подсобного промысла, он брался за любую работу, которая только попадалась, ради дополнительного дохода.

Одной из наиболее важных составляющих в хозяйстве Гальченко был скот, который он содержал. Это позволяло ему кормить семью, продавать на рынке продукты или обменивать их на другие необходимые товары.

По сути, жизнь Дмитрия Максимовича была разделена на две половины: хозяйственные заботы и свободное от них время, но это деление весьма условно.

Если говорить о его свободном времени, то в дневнике встречаются записи о том, что он читал газеты, ходил в клуб, в кино, но достаточно регулярно встречается запись о том, что он сам или с друзьями употребляет спиртные напитки. Это могли быть водка, вино, пиво. Независимо от того, праздничный это день или рабочие будни, он всегда находил повод и время для того, чтобы выпить.

Читая дневник Гальченко, нам стало интересно, почему же он так много пил? Было ли это привычное времяпровождение при встрече с друзьями или отдых после тяжелой работы, или же это пристрастие связано с чувством безысходности, которое звучит на всем протяжении дневника: *«вели реч долго о жизни»; «сели ужинать выпили 2 бут. водки и вели реч долго о жизни и в 12 час лег спать».*

Нам стало интересно, только он позволяет себе такое количество алкоголя или для 1930-х годов это было явление массовым? Вот результаты наших поисков. Оказывается, к 1930-м годам проблема пьянства не только не была разрешена, но с переходом к коллективизации еще более усугубилась.

«В 1930 году среди крестьянства отмечалось “небывалое” групповое пьянство, длившееся целыми неделями. Деградация и пьянство являлись своеобразной формой протеста крестьян против новых устоев жизни, принесенных в деревню коммунистами. В это время объемы самогонноварения в деревне стали весьма значительными, пьянство же крестьян приобрело форму социального бедствия»¹.

¹ his.1september.ru/2005/20/24.htm

Но все же Гальченко находил время и для того, чтобы сходить в кино или в клуб со своей женой. Клуб являлся культурным центром села, где собиралось большое количество людей, от молодежи до людей преклонного возраста. Тут проходили собрания, лекции, обсуждались проблемы сельской жизни и т. п. Гальченко читал газеты, но если писали о коллективизации, то Дмитрий Максимович порой просто откладывал газету в сторону.

10 января

«Я получил газеты и читать их нет охоты они все на сплошной коллективизации и я лег спать»

В клуб он ходит и для того, чтобы быть в курсе происходящего, хотя очень многого он не может принять. И главное — это борьбу с религией:

12 января

«В клубе и ночью без божники проводили собрания старшие чтобы закрыть церковь»

30 ноября

«читал Евангелие»

Чтение Евангелия было ему необходимо. Чаще всего эти записи встречаются после каких-то серьезных событий, связанных с коллективизацией. Он часто делает вывод, что выпавшие на долю крестьян испытания — следствие того, что люди отступили от Бога, что это всё — Божья кара.

«Я пока являюс противник колхоза»

Записи Дмитрий Гальченко позволяют нам увидеть, каким было положение крестьянина-единоличника в эпоху «Великого перелома», а точнее, великого крестьянского слома. Мы узнаем какое давление на него оказывают, как сдаются под этим давлением его односельчане.

Практически не было ни дня без плохих вестей. Не случайно 5 февраля он сделал запись: *«Стало жит так как день пережил то и слава богу»*.

Дмитрий Гальченко был одним из немногих грамотных крестьян в своем селе, и, хотя почерк у него, как мы в этом убедились, был совсем не каллиграфический, его постоянно привлекали к ведению документации в колхозе, про-

ведению ревизий, работе в разных комиссиях. У нас есть возможность проследить, как решения власти отражаются на жизни крестьян. 3 января Политбюро ЦК ВКП(б) был представлен проект постановления ЦК ВКП(б) о темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству, который предусматривал сокращение сроков коллективизации, а в отношении зажиточной части крестьянства говорилось, что партия перешла «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». 5 января 1930 года проект постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» был утверждён на заседании Политбюро и 6 января опубликован в «Правде».

Через несколько дней после этого мы читаем о последствиях этого постановления. Уже 1 января Гальченко вызвали в сельсовет осуществлять ревизию. С 1 по 12 января Дмитрий Максимович ежедневно участвовал в проверках.

В эти дни он делает ключевую запись: *«я пока являюсь противник колхоза»*. Что привело к появлению этой записи неясно; возможно, события, связанные с ревизией, разговоры в сельсовете, а возможно, эти слова — результат его размышлений последних дней. Но именно они определяют для Гальченко не только его поведение в 1930 году, но и всю его дальнейшую жизнь.

С этого дня начинаются его постоянные конфликты в сельсовете.

«Тут плачут и скачут»

С 24 января местные крестьяне сдались, *«начали писать в колхоз записался первый Иван Сизько»*.

В конце месяца местного священника посадили в тюрьму за невыплату задатков под трактора, а церковь обложили налогом в 1300 р., иначе ей грозило закрытие, чего, собственно, и добивались власти. Верующие попытались собрать необходимую сумму, но, как пишет Гальченко в дневнике, *«на этом грабежи только начинались»*. 27 января у нескольких жителей села забрали все имущество, как

пишет Гальченко, *«берут что попало всё подгребло я там по-был посмотрел оно страшно»*.

28 января его в очередной раз вызвали в комиссию и расспрашивали о том, почему он не записался в колхоз. В этот день забрали имущество еще у нескольких людей, *«имущество забирали в колхоз что организовывался новый всего села записалос уже много»*.

На следующий день Дмитрию в комиссии задавали те же самые вопросы, к которым он начал уже привыкать, у людей так же продолжали вывозить имущество.

«Сильно разстроенный и со слезами вышел», — делает он запись в дневнике.

30 января он пошел в полеводсоюз получить деньги за сданную рожь. Зерно сдавали по минимальным ценам, но и эти деньги ему не вернули, а переписали их в счет задатка под трактора, *«хотя я и не хотел-бы все равно плати что наложено 75 руб.»*. И снова в комиссии повторилось все то же, что было два дня назад. Теперь Гальченко пригрозили таким образом: *«если не будеш писатся в колхоз то все равно обобществим твое имущество и запишем что ты в колхозе по постановлению общего собрания»*. Но и угрозы не могли заставить Дмитрия Максимовича записаться в колхоз, он стоит на своем: *«я сказал что не пойду в колхоз»*.

Среди противников коллективизации был не он один, все население разделилось: *«некоторые ходят как убитые журные и скучные а некоторые этому рады и смеются»*. Бедняки, получавшие массу преимуществ, вступив в колхоз, *«говорят что у нас теперь всего много и мы хозяева»*. В дальнейшем раскол между колхозниками и единоличниками будет углубляться: колхозники получили право диктовать своим односельчанам. Они особенно активно будут пользоваться этим правом при дележе земель, обложении налогами и в процессе раскулачивания.

В клубе проводят очередное собрание. Рассматривают два вопроса: коллективизации и ликвидация безграмотности, *«постановили что все должны быт в колхозе имущество обобществить. который и не хочет все равно его имущество поступает в колхоз»*.

Здесь же Гальченко отмечает еще одну особенность нового времени. При выборе комиссий, *«кого вычитают тот и остается никаких голосований нет»*.

Гальченко попал в ту комиссию, которая ежедневно досаждала его жене: *«...попал и я в комиссию по ликвидации неграмотности прозбы не принимаются»*.

Как видим, за один месяц на Дмитрия Максимовича свалилось огромное количество проблем и они накапливались, как снежный ком. Остается только удивляться тому, с каким упорством, несмотря на многочисленные угрозы, он сопротивляется, чтобы остаться единоличником, не вступать в колхоз. Он живет под угрозой раскулачивания, власть всячески демонстрирует преимущества в положении тех, кто сдался.

«То и смотри придут калечит»

1 февраля 1930 года ЦИК СССР принял постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Оно отменяло аренду земли и применение наемного труда, а краевым исполкомам давалось право применять все меры против кулачества, вплоть до конфискации имущества и выселения из района и края. С 1 февраля Гальченко должен был ходить с комиссией по ликвидации безграмотности *«по дворам и кто неграмотный и не ходит в школу то сейчас же явится в красную школу на разсправу»*. Когда он выходил из дома, его в очередной раз *«завернули в комиссию по коллективизации и принуждали записаться»*. Дмитрий Максимович отказался.

В своем дневнике Гальченко стал все чаще размышлять о переменах в жизни: *«Жилос очень плохо под большим трепетом то и смотриш не идуць ли забирают имущество как воробей боится кобца так и наша жизнь»*.

Продолжалась «грабировка или ликвидация хозяйств». Тем временем было избрано правление колхоза.

Дмитрий Максимович пошел на мельницу забрать муку, которую смололи из его зерна, но муку ему не дали. Сказали, что *«только тем кто выполнил все задания по хле-*

бозаготовке по обмену семян задатки под трактора потом целевые взносы и записался в коллектив тогда тому и мелять». Гальченко решил пожертвовать мукой, но в колхоз не вступать, а вечером он в дневнике записывает: «Стало жит так как день пережил то и слава богу как день настал и души нет то и смотри придут калечит». Эта фраза записана в начале года, но такие ощущения остаются с ним до конца 1930 года.

8 февраля из села опять «угнали» несколько человек и забрали все их имущество. Гальченко комиссия пригрозила бойкотом, если он не запишется. На следующий день он идти в комиссию и высовываться на улицу побоялся. Через день все-таки пошел в комиссию, а там, как всегда, *«говорили одно и тоже пиши в колхоз вези семена плати задаток за трактор»*. В итоге он согласился только заплатить 50% задатка под трактора и обменять 15 пудов семян.

Несмотря на плохие отношения с сельсоветом, он продолжал состоять в ревкомиссии и присутствовать при передачах кассы. На некоторое время все успокаивается, но вскоре пошли слухи о том, что *«по селам идут бунты за то что обирают дворы или хозяйства даже в селе Екатериновке были убитые и раненые»*. К счастью, бунт не дошел до Крученной Балки, возмущения крестьян приостановили ретивость местных сторонников колхоза, *«по селу притихли не стали обират стало что-то легче»*. Но это не означает, что село не осталось без внимания вышестоящих инстанций. В сельсовет приехали *«сторонники в пальтах с чимоданами и что-то не так некоторым ворочают что брали даже гальченковых мих. иван. и семеновича Андрея пустили домой»*. Кем были эти «сторонники», непонятно, возможно, это были уполномоченные по коллективизации. Ясно только, что они горожане, по фразе *«в пальтах с чимоданами»*. Гальченко описывает ситуацию как «что-то не так», потому что не может понять, с чем связано некоторое смягчение ситуации, потому что ничего хорошего он от этой власти уже не ждет.

Тем временем активно строился поселок при огромном зерновом совхозе «Гигант», целью которого было «обратить первобытную степь в безбрежное море хлебов»: *«Выстроил ся городок гиганта где были степи теперь город»*. Несмотря

на это ездить туда за покупками крестьянину-единоличнику было невозможно: *«Купит там без книжки ничего не дадут»*. Ему снова дали понять преимущества в положении колхозников.

Светлая полоса в жизни села длилась недолго: 10 февраля крайисполком принял свое постановление «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края». Согласно этому постановлению, кулаки выселялись и расселялись в соответствии с их благосостоянием и отношением к советской власти. Уже 27 февраля из Крученой Балки *«выпроводжали 8 семей... куда неизвестно и с прочих сел везли много бедные люди жены дети холод и они плачут»*.

Продолжились набеги на хозяйства: *«ветрянную мельницу боглова разбирали колхоз. и строил ясли для лошадей»*. Естественно, это были ясли для лошадей тех людей, что состояли в колхозе. Гальченко опасается: *«завтра тоже последую этому»*.

В первый день весны вышло утверждение примерного устава сельскохозяйственной артели, согласно которому обобществлялись земли, скот и инвентарь. В личной собственности крестьянина оставались дом, усадьба, одна козья и определенное количество голов мелкого скота.

«Как жит и как быть»

2 марта, последний день Масленицы, для Дмитрия Максимовича был важным, как для верующего человека. Дома у него был «прощальный вечер» — «с церкви пришли брат василий с женой долго сидели говорили как жит и как быть». Гальченко сокрушается: *«...теперь этому всему люди не верить. мало осталось верующих а то много безбожников»*. В начале Великого поста *«зашел в лавку взял сахару по 100 грамм на душу давали»*.

Публикация в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов», в которой он возлагает вину за катастрофические последствия коллективизации на местные власти, давала надежду на некоторое сдерживание местной власти.

Когда в очередной раз его пригласили в комиссию и начали давать указания, он сказал: *«...позвольте мне самому знать что делат пока я еще не вколхозе»*.

Но надежды были напрасны. Уже через день к привычным вопросам на собрании добавляется обсуждение вопроса о *«разселении кулака как класса»*. Гальченко, как ни странно, был избран секретарем собрания. Шло долгое и бурное обсуждение всех вопросов. В итоге Дмитрий Максимович записал: *«не согласится с постановлением Райисполкома»*.

8 марта его вызывали вывезти 4 пуда ячменя, но он просто *«отказал везти»*. В этот день он делает запись, свидетельствующую, что в деревне идет обесценивание денег, некоторые товары идут только на обмен: *«Пришел в лавку хотел купить табаку но его давали только за яйца и железо а за деньги нет недают»*.

На следующий день споры *«где кому сеят»* продолжаются. Конфликты продолжались: *«тут и колхозцы и такие и спор и руганка»*.

Церковь все еще продолжала работать, поэтому Дмитрий Максимович продолжал ее посещать. 13 марта, придя оттуда, он пошел в сельсовет. Там был очередной *«большой спор. Бюро ячейки засело выработывают план как поделит чтобы еще втянут в колхоз больше народу»*.

«Шум и слезы»

В первый день лета вновь проходило собрание, но Дмитрий Максимович не пошел: *«что-то и охоты нет уже только говорить хвалятся а на деле ничего нет»*. Эту оценку власти, колхоза и всех происходящих событий разделяли многие крестьяне, но они не могли высказать ее публично.

3 июня он ходил в опросную комиссию, там *«регистравали посева по налогу»*. Несмотря на то, что урожая еще не было, налоги уже были рассчитаны.

В своем дневнике он точно передает настроение крестьян, чувство безысходности от давления на них власти: *«У меня что-то была досада тоска не мил и белый свет. что-то якобы чувствовалос надо-мной не хорошее»*. Оснований для таких чувств было немало, но то, что происходило в эти дни у него на глазах, его поражает: *«...тут при сел/совете за хлеб сколько было слез люди голодные пришли до кова давай*

хлеба а его нет и в кове спор. шум и слезы». В КОВе — касе общественной взаимопомощи, скорее всего, находился зерновой фонд. «...и тут-же в поле не очень радовало и сама жизнь никчему. очень и очень плохо жилос в особенности крестьянам». Это фразой Гальченко еще раз подчеркивает положение и настроение обычных крестьян.

14 июня Дмитрий Максимович поехал вместе с «поворочной комиссией» посмотреть свой загон, который засеял осенью. «Хлеба нет и корму нет тот-же голод или хуже чем в 1921 году. Как жили раньше и не знали чтобы хлеба нехватало и ничему не видели конца и краю. Тепер жизнь пропала никуда».

26 июня XVI съезд партии ВКП(б) утверждает лозунг «Пятилетку — в 4 года», настаивает на необходимости продолжать коллективизацию, уделяя при этом первостепенное внимание техническому прогрессу.

«Как видно народ голодный»

14 июля «к нам в село прислали хлебозаготовителей. Давай хлеб. А купить нам не разрешается. В лавку пойдеш что купить то тоже не продают говорят что это только для колхоза». Как видим, у членов колхоза были большие привилегии по сравнению с крестьянами-единоличниками даже при покупке хлеба. Гальченко сравнивает времена: «Теперь вздумаеш как жили раньше и тепер то Евангелие написано правильно. И это не жизн а мучение народа хотя и народ стал хуже быт некуда». Он оценивает все страдания народа как божью кару за совершенные грехи.

20 июля из-за неурожая резко обострилась ситуация с зерном, была запрещена продажа хлеба частным лицам, так как первоначально нужно было выполнить хлебозаготовку.

21 июля Дмитрий Максимович пытается купить хлеб, он поехал за хлебом на хутор, там продавали дорого и мало. Но оказалось, что сама покупка хлеба была не единственной проблемой: «...но самая беда по вывозу хлеба нет не дают хоть и купиш то милиция отбирает и везде ездют верхами и не дают купить». С надеждой на лучшее он пое-

хал на станцию Целина. Но там *«народа масса но все купит хлеба а его и напоказ нету»*. Фраза «даже напоказ нету» говорит о том, что товаров не было вообще. Та же ситуация была и с животными: *«На базаре скот тоже отбирали в государство а вольно не давали продат»*. Крестьяне не имели права ни продать, ни забить животное, даже если кормить его было нечем.

На базаре опять *«ничего нет тьма народа если где что продают то тоже спор шум»*. Чтобы купить что-либо, нужно было найти товар, протолкнуться среди остальных желающих, предлагать более высокую цену покупки и успеть его забрать так, чтобы не попасться в руки милиции. Гальченко напрямую обвиняет власть в организации голода: *«...как видно народ голодный, ист нечего хлеб наш украли»*.

26 июля его позвали в сельсовет и *«зделали заседание ревкомиссии и передали кассу сельсовета»*. Работа в ревизионной комиссии, вероятно, и помогла Гальченко остаться в селе и не быть высланным, так как нужны были грамотные люди. В этот день он пишет: *«...местами урожай хороший хлеба а местами нет ничего и тут тоже мор и голод людям где не уродило»*. Те, у кого был хороший урожай, не могли продать хлеб голодным, пусть и по высокой цене. Вместо этого все скупал колхоз за гораздо более низкую цену. Такое вмешательство государства в торговлю повлекло за собой голод 30-х годов.

В связи с голодом в конце июля и в начале августа толпы людей ежедневно собирали колоски с убранных полей. Дмитрий Максимович не исключение: *«...приехали в гигант на сенную балку там масса народа собирають колос и мы тоже стали собирать и собрали 2 мешочка»*. Милиция пыталась препятствовать этому: *«тут народа набилос еще более и нас обратно согнали не давали збират колос тогда немного разъехалис люди мы тоже»*. Подумав, что милиция уехала, Гальченко вновь отправился в поле, но *«...тут нас прихватила милиция с винтовками и я в кучках под соломой пролежал часа 2»*. Можно только предполагать, какой страх он испытал, чего он только не передумал: его могли арестовать, семья могла остаться без кормильца. Поражаясь размерами зерносовхоза «Гигант», он пишет: *«...хутора все*

гигант уничтожил и выгнал всех. И занял все гигант». Как видно из записи, успех «Гиганта» был достигнут жесткими и несправедливыми методами. Его «эффективность» была связана с бедами тысяч людей.

Ежедневно в течение двух недель Гальченко ездил собирать колоски, и, возвращаясь назад, *«боялис чтоб у нас не отобрали зерно».*

«Время обратно настало мучительно и утомительно»

Голодные люди уже не боялись ничего, они были готовы на все, лишь бы просто съесть кусок хлеба. Почувствовав невозможность согнать людей с полей, милиция действовала иначе: *«...ехат было опасно стали много отбирают зерно».* У людей просто стали отбирать собранное по пути домой.

Праздник 19 августа в дневнике Гальченко описан буквально так: *«Праздник Преображения Господне или освящение яблок но их нет особенно овощей никаких нет».* В церкви народа было на редкость немного, *«мало светили яблоки потому что их нет».* Общаясь за обедом со знакомым вечером, *«признали что при советской власти плохо никаких твердых законов нет. и тоже жит нельзя. Время обратно настало мучительно и утомительно стали выселят людей и всем грозили что выселят кто не пойдет в колхоз».*

Постоянные вызовы в комиссию и сельсовет, угрозы, поборы не позволяли Гальченко спокойно работать.

22 августа к нему приходила знакомая, *«у них все забрали хлеба нет».* Планы по хлебозаготовке выполняли беспощадно, людям просто не оставляли заработанный урожай даже на пропитание.

«Наверно скоро и нам конец»

4 сентября, придя на базар, Гальченко не обнаружил никаких строительных материалов: *«...ни лесу никакого и ничего нигде нет не то что раньше было при царизме сколько чего хотиш и покупай».* Когда он попытался продать корову, ему сказали: *«...скот не дают продават на базаре».*

12 сентября Дмитрий Максимович явился в клуб, *«была уже составлена комиссия по терзанию и мучению людей»*. Там ему сказали: *«плати налог страховку бери займы. Затем хлебозаготовка вези 5 пудов хлеба сеят к 25 сентября общественную 5 саж. на рабочую лошадь. Затем мне извещение что должен посеят озимой 4–5 га»*.

Колхоз выдвигал почти невыполнимые требования. Жизнь крестьянина Гальченко стала похожа на жизнь крестьянина при крепостном праве. Также его заставляли брать заем под названием *«пятилетка в 4 года»*. Этот заем был одним из способов получить средства для проведения индустриализации за счет крестьянства. Крестьяне были поставлены в ситуацию, когда они были вынуждены выполнять требования власти по дополнительному налогообложению, в противном случае они могли остаться и без земли, и без возможности купить продукты.

14 сентября, оплатив налог и страховку, Дмитрий Максимович отправился по другим селам, чтобы продать свой товар и купить такой, какого не было в его селе. 18 сентября при попытке купить картофель *«...нас милиция и комса выгнали не дали ничего купить»*. Причина прозвучала следующая: *«...здесь заготовки картофеля»*.

На следующий день он заметил, что *«некоторых задерживали и отбирали картофел хлеб»*. Чувствуя опасность, *«в белой глине тоже обехали село по глухим улицам»*. По слову «тоже» в записи можно понять, что, скрываясь от милиции, он объезжал все села по заброшенным дорогам.

24 сентября по дороге домой он узнал, что *«в Богородицком селе ночью выселили куда неизвестно 30 дворов сразу подъехали подводы колхоза и наваливали и повезли куда ничего низнает»*. Возникла новая волна выселений кулачества, начавшихся еще в феврале.

На следующий же день его вызвали в клуб и там предлагали брать заем, заставляли везти хлеб на хлебозаготовку, *«обратно терзают мучают я пока отовсего отказался»*. Это был своего рода протест, в котором чувствовалось бессилие. Те бунты, которые происходили в течение года, были разрозненными и не принесли результата.

«Как прижмут то ничему не рад»

В октябре начинается новый виток коллективизации и практически каждый день он делает записи о выселениях, арестах, шантаже и все это время Гальченко живет в ожидании катастрофы.

1 октября при дележе земель Дмитрию Максимовичу как единоличнику достаются самые плохие земли.

3 октября придя на базар, он увидел, что кроме спичек и курительной бумаги *«больше ничего не купишь все продают за хлеб»*. Деньги обесценились из-за введения книжек и голода.

6 октября до Гальченко дошли слухи, что его и его семью будут выгонять из села, *«...тут я и тем более разволновался низнал что и делать»*. Вероятно, этот слух распространила местная власть, чтобы он все-таки принял решение идти в колхоз. Перед ним встал очень трудный выбор: или сдать, или рисковать. Выбор был серьезный, и угроза раскулачивания была вполне реальной. В этот же день он пошел в полеводсоюз и заплатил *«что прошлою осенью давали деньги под контрактацию хлеба»*. С него взяли 6%, *«не смотря на то что эти деньги навязывали насильно»*. Деньги ему навязывались еще в прошлом году, чтобы взять с него проценты в этом. Затем он отправился в лавку общества потребителей, где выдавали товары на школьников, но его сыну не дали: *«...давали тем что ближе к сов. власти. бедным красным партизанам активу»*. Помимо взрослых от политики начали страдать и дети, им тоже с раннего возраста показывали преимущества колхозников перед остальными.

12 октября ему опять сказали вывезти овечку на мясозаготовку и взять заем, а при невыполнении этих условий угрожали выселить его из села с ликвидацией имущества. *«Я ничего не сказал только забилос сердце только просился что помилуйте но в конце согласился на завтра вывезт овцу»*. Перед реальной угрозой выселения ему пришлось унижаться перед комиссией.

Гальченко выписывал газеты, но их чтение не могло его успокоить, он видел, что коллективизация идет повсеместно и с большей интенсивностью: *«...видно из газет но нам будет плохо»*.

Давление на единоличников усиливалось. Запись 16 октября: *«Там в лавке что шло недай бог народу толпа и дают и дают товар только тем тем кто прошел регистрацию в нов членов а мы отказалис нам отказали товар ничего не дают. спор крикнул недовольствия народа злота вражда друг на друга. тут комиссия уже при огню вечером ходила описывала имущество граждан единоличников»*. Как видно, обстановка внутри села была накалена, власти удалось сгладить людей: они стали ненавидеть друг друга.

17 октября *«партийцы прямо сказали вези хлеб 3 пуда и овцу»*. С Гальченко перестали считаться, его шантажировали выселением.

19 октября местного священника, брата Василия и еще нескольких человек сажают в тюрьму, *«и тут я ожидал тоже той чаши»*. На базаре ситуация накаляется еще больше: *«...спор шум милиция не уладить»*. Помимо этого кроме водки ничего купить было нельзя.

На следующий день Дмитрий Максимович все же отнес баранчика на мясозаготовку. *«...вес вышел 39 килограм на сумму 8 руб. 78 коп.»*. Как видим, сумма минимальная. Для голодного года такая жертва была огромной, учитывая инфляцию и невозможность купить какие-либо продукты.

21 октября в селе Крученая Балка, в котором жил Гальченко, начали описывать имущество за задолженности или за невыплату того, *«что нанего наложили»*. Продолжили проводить коллективизацию, на каждом из 6 участков села были комиссии по 12 человек.

Дмитрий Максимович был готов терпеть трудности и бороться с ними до конца, хоть и чувствовал свое бессилие. Позиция *«серчат ненужно а нужно терпет»* становится его жизненной линией.

26 октября агроуполномоченный в комиссии сказал Гальченко везти семена и хлеб на хлебозаготовку, брать заем и вступать в колхоз. *«Сколько нужно терпенья все это пережит и где чего брать и чем отдават.»*

На следующий день Иван набирал песок, чтобы отвезти его на строительство птицеводсоюза, *«примут песок или нет его насыпал Иван 50 ведер»*. Песок приняли. За 1050 ки-

лограмм песка Иван получил *«кило хлеба 2 кило муки лоша-
дям крупы 50 гр. и картошки 50 гр.»*.

29 октября его вызвали в комиссию и не отпускали до вечера, но его не удалось сломить: *«...я пока еще не согла-
сился вывозит хлеб потому что его на харчи себе нет пол-
ностью»*.

«Иди из села не мешай»

1 ноября Дмитрию Максимовичу все же пришлось согла-
ситься вывезти мешок хлеба и взять заем 10 рублей, чтобы
не произошло, как у соседа: *«...его выселили и взяли ночью свя-
зали их и повезли на колхозы подводах. А тепер разбирают его
Амбар. И у гальченко Михаила Ив. тоже разбирают Амбар»*.

4 ноября, в праздник Казанской иконы Божьей Матери,
«в селе Богородицком престол». Здесь слово «престол» имеет
значение праздника в честь библейского персонажа или свя-
того, которому посвящено название села. Комиссия выдвигала
всё те же требования и продержала Гальченко до утра.

На следующий день, поехав на хутор Трубецкой, Дми-
трий Максимович увидел такую картину: *«Амбары тоже
у кого купит и кого выселили тоже разбирали. Одним словом
село понемногу все уничтожали»*. Делая эту запись, Гальчен-
ко, имел в виду конкретное село, Крученую Балку, но мы
можем сказать эти слова в целом о политике власти в отно-
шении деревни. В этот день он в своем дневнике фиксирует
изменения, происшедшие с крестьянами: *«...крестьян уже
оголили ничему скота стало очен и очен мало стало где было
2 пары или 3—4 пары быков там уже и хозяев нет выгнали
выселили хозяйство разобрали. а у кого было 8 и 2 лошади ко-
ров 2 или 3 штуки у того тепер если ест корова за лошади то
хорошо а за овец свиней гусей говорит нечего это было у каж-
дого тепер нет. а что пообносилис много уже ходят в рваном
и нигде ничего не возмеш»*.

21 ноября был *«наш престольный праздник Михаила Ар-
хангела»*. В церкви Гальченко *«брал свечу за 15 коп калеке
3 к на тарелочки бросил 4 коп.»*. Также в этот день был вве-
ден штраф за неявку в комиссию в размере 10 рублей. Если
раньше Дмитрий Максимович иногда игнорировал повест-

ки, то теперь он не мог этого сделать. Он отдал комиссии 11 рублей, но облигации брать не стал. *«Такой жизни никто не переживал еще как мы сейчас живем как силу, но трудно нам переживают это время»*. Ему очень бы хотелось вернуться в старые времена. Досада и чувство безысходности начинают одолевать его.

27 ноября в комиссию позвали его жену, ей говорили: *«...плати все давай облигации целевые пай хлеб наши зябь иди в колхоз»*.

30 ноября Дмитрий Максимович читал Евангелие.

«Мы наверно этому достойны и это должно быть»

3 декабря в сельсовете было *«собрание комсода совсе-го села»*. Постановили декабрьскую заготовку мяса, птицы, молока, масла и яиц. Также постановили произвести выплату налогов в течение 10 дней, при этом штрафовать и отдавать под суд тех крестьян, которые не выполнили хлебозаготовку и *«не вспахали зябь»*. Вот что думает Дмитрий Максимович по этому поводу: *«...одним словом я послушал так это адское распоряжение и люди постановляют без голов не понимая ничего как скот»*. Он еще не может понять, является ли тяжелая жизнь крестьян наказанием свыше или же это несправедливое отношение одних людей к другим: *«...все думал как-же это делается и для чего так мучит крестьян или мы наверно этому достойны и это должно быть»*.

21 декабря *«хотел купит овчин но их не было на базаре даже их запрещали продават. я купил смолы кусок за 80 коп. и 2 пачки табаку за 2 руб. и все это тоже с подполы продавалос»*. Как видим, вмешательство власти в торговлю заставляло людей торговать втайне, так как средства для существования были нужны каждому. Без книжек купить что-либо было почти невозможно: *«...хотели купит соли и то нам не дали без книжек»*.

23 декабря из записи, особо не относящейся к политике, можно увидеть, к какому классу причислял себя Дмитрий Максимович: *«Жена сильно болела и Федька. Я пошел в сельсовет и взял справку №3397 к фельдшеру сколько семейства и что я не колхозник середняк»*.

25 декабря священник ходил с молитвой, Гальченко ему дал пирог, хлеба и 10 копеек.

Подпись в конце:

Гальченко Дмитрий Максимов. 1930 г.

1 января он начнет новую тетрадь за 1931 г., и так каждый год. Нам бы хотелось надеяться, что записи в ней будут не такие горестные, как в этой. Но мы знаем, что легкая жизнь крестьянина не будет. Впереди продолжение коллективизации, голод 1933 г., новые репрессии, война.

Восемь лет спустя.

«Иди в колхоз и будешь ездить нето на лошадях»

И восемь лет спустя, в 1938 году, главнейшим вопросом для него и его семьи остается их особый статус — «единоличники». Это выбор Дмитрия Максимовича, который он сделал вопреки многому: вопреки давлению власти, различным обстоятельствам и даже вопреки мнению семьи.

Несмотря на все запреты и преграды для единоличников, Дмитрий Максимович не хотел идти в колхоз ни при каких обстоятельствах. Казалось бы, все уже вступили в колхоз, можно с этим было бы смириться, но тем не менее:

«...я нехотел и иванова жена мне жена давала упреки что я раньше не вступал в колхоз что мы страдали мучились все через меня». (31.01.1938)

Недовольство его близких можно понять. Оставаться единоличником было не так уж просто, приходилось сталкиваться с множеством разных ограничений и запретов. О том, что они единоличники, им напоминали всегда. *«Нам не давали продавать потому что мы единоличники и мы дешевле продавали». (14.06.1938); «...сел/сов Единоличникам не разрешал косить камыш» (01.11.1938); «...тут некоторые колхозники нас и хотели выгнать из очереди как единоличников». (19.02.1939)* Для Гальченко любой человек, хоть как-то представляющий государство, будь то простой продавец в лавке или же председатель сельсовета, уже являлся властью. И это неудивительно, ведь он единоличник — сам за себя. Власть от него требует налоги, отработки, проявления лояльности.

В каких случаях Гальченко соприкасается с властью? По его собственной инициативе это происходит крайне редко. Но только власть никак не оставляет его в покое. Это, во-первых, огромные налоги, которые он уплачивает с трудом; во-вторых, уменьшение размеров земельного надела, до такой степени, что Гальченко по сути его лишается; в-третьих, привлечение к отработкам по указанию колхоза. *«Меня заставили чистит сад кругом клуба где была церковь»*. (05.07.1938), косовица камыша за меньшую цену, требование участия и в общегосударственных мероприятиях.

Вмешательство власти в его жизнь было постоянным. Он, например, не мог самостоятельно распорядиться своим имуществом. Он описывает в дневнике, с каким страхом, прячась от соседей, он решает осмолить поросенка. Дело в том, что он должен был сдать его шкуру государству, а это снижало качество сала, вот он решается послушаться, не сдавать шкуру: *«...зарезал свинку и на тачку ее положили и отвезли на огород за тёрён и там ее осмалил и было за это строго чтобы не смалить а только драть смалил боялся пришел домой посолил мясо остальное убрал.»* (19.04.1938) Чего боялся? Конечно же, доноса соседей.

Об отношении к Дмитрию Максимовичу как к одиноличнику можно судить по его записям о случаях на базаре. Он записывает имя своего обидчика: *«А у нас в лавке давали керосин я ходил мне не дали что я не член кооперации и не кохозник торговец был Барабаш Терентий Констант. Очень серьезный человек и еще дан мне выговор при людях как будто я не человек ия с понишкой головой пришел домой»*. (29.01.1938)

«Как будто не человек» — именно такое отношение к одиноличникам сформировалось у части населения за несколько лет. Считалось, что они, одиноличники, не приносят никакой пользы обществу, следовательно, не должны от государства ничего получать, в том числе и товары.

Через несколько дней Д. М. Гальченко описывает еще одну встречу с вышеуказанным продавцом: *«На разсвете ходил в лавку хотел купит спичек но лавочник Барабаш Т. К. не дал мне спичек что я не член кооперации и сказал чтобы я в лавку не ходил ничего тебе никогда не дам»*. (08.02.1938)

Отказы Дмитрий Максимович получал и в магазине зерносовхоза «Гигант»: «...стоял в очередь в магазин давали чугуны и тапочки но стоял а мне не досталось. а мануфактуру давали по книжкам и у меня ее нет». (26.05.1939)

При любом удобном случае ему всегда напоминали, что он — единоличник, например при продаже товара на рынке. Он пишет о запрете для единоличников торговать из-за конкуренции: «Нам не давали продавать потому что мы единоличники и мы дешевле продавали». (14.06.1938)

Негативное отношение к Дмитрию Максимовичу и его семье было не только у продавцов, но и в очередях, у его односельчан: «...тут некоторые колхозники нас и хотели выгнать из очереди как единоличников». (19.02.1938)

Для Гальченко был важен уже привычный для него момент выключения из общей массы (не член кооперации, «не сталинец и не ленинец», то есть не член колхозов с этими названиями). Но также была необходимость периодически принимать на себя роль «сталинца», чтобы купить товар, хотя и под страхом «разоблачения» и изгнания из очереди. Вот пример одного из наиболее подробных описаний обычного дня на базаре: «...жена пошла в очередь за мануфактурой и её там поругали что она стоит в очередь ведь она не колхозница и не член кооперации и не имем паевой книжки ни одной и она пришла домой тогда я пошел и пришел до кооперации там народу много 3 очереди от каждого колхоза и очередь от Ленинца. Сталинца и я стал на свою очередь в сталинцу и руганья шум крик и почти драка и к вечеру я долез всё-таки пропустили меня но уже брать было нечего и мануфактура кончилась уже нет и дают один предмет хоть цыбарку хоть чулки или детские штаны и я взял на федыку штаны черные за 21 руб. и два платочка носовых за 2 рубля и все и стем пришел домой». (22.02.1939) Думается, что притворяться «сталинцем» ему было тяжело и неприятно. Его могли «разоблачить», унижить, изгнать из очереди.

И все же Дмитрий Максимович сознательно идет «против течения», не вступает в колхоз, понимая и принимая все тяготы единоличной крестьянской жизни. Отчасти по этой причине он воспринимает себя как страдальца, а отчасти из-за влияния церкви, это как вериги носить: «...я еле

еле донес душа выходить вон»; «кому мы нужны и кто нам поможет горе горе нам бедным».

Записи в дневнике отражают готовность к принятию насмешек, трудностей: *«...а кто видит как мы носим и смеётся а в колхоз не хочешь. иди в колхоз и будешь ездить нето на лошадях даже на машине, но я все это терпел и переносил».* Он не приводит доводы в пользу своего выбора, «прочитать» некоторые его представления о преимуществе в положении единоличника можно лишь в записях о церковных праздниках, когда он осуждает работу в эти дни. Трудно сказать, в какой степени этот выбор был обусловлен протестом против советской власти в целом, в какой он связан и с неприятием конкретных лиц, олицетворяющих эту власть в его глазах, но в личных записях он каждый раз подтверждает его: *«...я все это терпел и переносил что будет а буду жит как и жил».*

«Не разрешал косит камыш»

Одним из основных источников дохода Гальченко осенью 1938-го и 1939 гг. была косовица камыша. Косили его и сам Дмитрий, и его сыновья. В эту осень особенно много требовалось камыша, так как был плохой урожай хлеба, а соответственно, мало соломы, нечем топить. Колхозники покупали солому у крестьян-единоличников, чтобы топить печь, так как осень выдалась холодной, соломы требовалось много.

Даже сделав свою работу — покосив камыш, Гальченко вынужден буквально выпрашивать деньги у работодателей: *«...мы хлопотали вес ден чтобы получить деньги за косовицу камыша.»* (05.09.1938); *«пошли в кантору насчет денег что косили камыш. узнали что денег нет».* (29.09.1938); *«пошли в гигант и Липшовское не как не получил денег за камыш».* (29.08.1938)

Этот вид дохода чрезвычайно волновал различных инспекторов. Гальченко не раз вызывали в сельсовет с тем, чтобы выяснить его размер для обложения налогом. *«В сель/сов меня вызывали по поводу камыша что я косил еще летом насчитали на меня 280 снопов и по 40 коп чтобы я им платил за камыш».*

Так же доходом в семье Дмитрия Максимовича была любая мелкая работа. Теперь за нее брался не только он, но и его жена и дети, которые уже выросли и стали зарабатывать деньги и помогать отцу. *«Колька продал лук», «Колька пошел и перевез его», «Гришка приехал с работы», «...жена и Гришка пошли в кут ловить раки», «Ходили собирали на бахче арбузы по буряну искали и привезли на лодке их потом Гришка пошел в О.Р.С. в ларек Федька собирает арбузы».*

Подработку найти трудно, о чем он неоднократно упоминает в дневнике: *«...ходили но нигде не нашли работы и в хлебе беда нигде не купишь», (17.12.1939); «пошли в кантору и узнали что там нет пока никаких работ». (19.12.1939)*

Дмитрий Максимович берется за любую работу, ищет ее зачастую далеко от дома.

В 1938 году сыновья Дмитрия Максимовича работали на предприятиях, он против этого не возражал, даже поддерживал: *«...пришел Иван с Гиганта якобы место нашел на явиваторе но до 10 числа нужно ожидать» (05.02.1938). «Ходил до Дуракова они приехали с фирмы Целинского з/совхоза и еще им нужно рабочих и я с ними договорился чтобы они взяли и Гришку нашего туда на работу». (05.05.1938)*

В 1938—1939 годах мы также наблюдаем крайне тяжелую ситуацию на рынке, да и в целом с продуктами. Товаров или нет вообще, или завозят настолько мало, что их раскупают в считанные минуты. Люди выстраиваются в огромнейшие очереди, ругаются, чтобы купить соль, спички и другие товары первой необходимости. Максим Дмитриевич с женой, как и все остальные, пытаются купить хоть что-нибудь, но всякий раз им говорят, что раз они не состоят в колхозе, то могут очередь даже не занимать, нельзя. Гальченко сталкивается и с другой проблемой: у него нет книжки пайщика, поэтому он не может приобрести некоторые товары.

Не хватало товаров не только в магазинах, но и на базаре: *«Пошли на базар купить мяса или скот, но скота не было и мы долго ходили и купить нечего» (04.06.1938),* поэтому приходилось покупать их «с рук», зачастую при этом цена завышалась.

Чаще всего возникают серьезные проблемы с покупкой одежды и обуви. *«Ничего не купили обуться одетая нет*

ничего». (03.07.1938) При этом, семья постоянно нуждается в обуви. В дневнике часто встречаются упоминания об этом: *«...Жена пришла с гиганта совсем босая сапоги совсем розспались»* (30.03.1938), *«Колька пошел и перевез его он пришел почти босый сапоги его изорвались».* (01.04.1938)

Но и те обноски, которые приходилось носить, нужно было чем-то стирать. Как видно, мыла для одежды тоже не хватало: *«В лавке купил мыла для белья на него был кризис».* (15.11.1938)

Когда в село все же привозили одежду или обувь, создавались большие очереди, достать одежду было тяжело: *«Пошел на базар хотел купить соль но в лавке очередь большая люди душатся кричат ругаются вроде будут дают обув детскую ботинки».* (23.10.1938) Так как одежду было трудно купить, люди старались ее произвести самостоятельно, но для этого требовалась ткань: *«...ходил на базар там в лавке полно людей крик шум руганья в магазине было мануфактуры 2 куса приблизительно метров на 30. а народу чут ли 100 каждому охота купить».* (22.01.1938)

Мыло, ткань и одежда отмечены в его записях как один из самых труднодоступных товаров, ради приобретения которого колхозники готовы были отстаивать даже ночь: *«Встал на зоре собрался и пошел на базар там народу очень много в очереди и стояли всю ночь и очередей много и не поймеш. шум гвал спор руганья и стоят за мылом в ларёк за мануфактурой в лавку я стал тоже в очередь за мылом и стоял и замерз но всетаки взял 1 кус. мыла потом стал в очередь за мануфактурой».* (18.02.1939)

Другой группой дефицитных товаров были керосин и спички. Количество товара на одного покупателя было строго ограничено: *«...я купил в ларьку спичек 2 коробки больше не дают только по 2 коробки».* (22.01.1939)

По записям Дмитрия Максимовича мы можем судить о численности очередей. Он приводит цифры от 600 до 100 человек: *«...пришли на базар жена осталас на толкушке и я пошел за ленинскую за керосин пришел и мне уже очередь занял и я по порядку я 121. и после меня занимали до 500 чел. в 11 час. дня начали давать керосин по 10литр. на челов. и в 1 час. дня я взял».* (15.02.1939)

Порой Дмитрий Максимович и его жена сменяют друг друга в очереди: *«...и пошел опять на базар слдить за очередью там уже составили список и мы были в 4 ряду или очереди 91 записанъ <...> пришел домой а жена пошла на очередь»*.

Не каждому хватало терпения так долго ждать товаров, начинались погромы: *«Опять пошел на базар купить керосину но его еще не привезли из Сальска и очередь уже очень большая а потом привезли и тут стали то сюда то туда стекла выбили в магазине душут друг друга кричать ругаются а дела нет никак приказчик не может выдать керосин и так в ночь толпилис. Меня всего изомяли в очереди»* (19.11.1938); *«спичек не мог купить что было в очереди трудно описать...»*. (12.02.1939)

Налоги

Проанализируем суммы налогов, которые выплачивал Дмитрий Гальченко за 1938–1939 годы. По сравнению с суммами налогов 1930 года, они увеличились почти в 5 раз. Если за 1930 год он заплатил около 119 рублей, то за 1938 год уже больше 561 рубля.

Типология налогов не изменилась с 1930 года.

Один из самых тяжелых для него налогов — мясопоставка. Штрафовали его нещадно. 560 рублей нужно было уплатить за 10 дней, иначе грозились судебными разбирательствами. *«Меня оштрафовали на 260 руб. за мясо нужно 300 руб, за штраф 260 и все это в 10 дневный срок, а не уплачу то будет еще судить уголовный суд областной»*. (31.05.1938) После некоторых колебаний он решил проблему просто — скооперировался с несколькими такими же должниками и они купили теленка для сдачи налога, заплатив за кг мяса по 6 руб. Потому он обрадовался, когда узнал, что в счет поставок можно сдавать птицу: *«Потом узнал можно здат курей в мясо поставку и пришел домой пообедал и наловили курей и я отнес здал в мясо поставку»*. (15.08.1938).

Помимо закрепленных налогов у крестьян, были еще и скрытые, например отработки по указанию сельсовета: *«выгнали в сел/сов. работат»*. (19.04.1938) С вечера присылали повестку с предупреждением об обязательной явке

в сельсовет: *«Принесли из сел/сов повестку явится в сел/сов на завтра к 6 ч утра»*. (04.07.1938) А позже давали указания, что именно нужно делать или что выплачивать: *«Меня заставили чистит сад кругом клуба где была церков»* (05.07.1938), *«гришку выгнали в сел/сов. работат»*.

Подводя итог, можно сказать, что, с одной стороны, Гальченко находит новые дополнительные заработки, но с другой — к этому добавляются налоги, которые все съедают. Проблема поиска работы и ее случайный характер делают его финансовое положение очень неустойчивым. И получается, что между работой и налогами образуется взаимосвязь, от которой никуда не деться. Из-за этого нет желаемого увеличения доходов от проделанной работы, притом, что он уже не имеет того земельного надела, какой обрабатывал в 1930 г., и фактически не держит животных. Более того, в 1938–1939 годах он, живя в селе, покупает зерно, мясо, кисломолочные продукты.

«Душа болела как быт и как жит»

Дмитрий Максимович Гальченко часто вспоминал в своем дневнике далекое прошлое, когда все было по-другому. Все изменения, которые он описывает, носят негативный характер. Единственной отрадой для него становятся воспоминания о давних временах, они не выходят у него из головы. Если в дневнике 1930 года он рассказывал о политических событиях, происходящих в Крученой Балке и соседних населенных пунктах, то сейчас остаются только описания праздников и событий, лично касающихся его.

Дмитрий Максимович не желал общаться с властью, которая его постоянно искала и почти всегда находила. У него было несколько знакомых-единоличников с таким же отношением к власти. Они не хотели участвовать в процессах советской жизни, считали, что это будет поддержка действующему режиму.

В Крученой Балке, где жил Д. М. Гальченко, часто проводились разнообразные переписи населения, измерения земли, описи имущества. Во всем этом Дмитрий Макси-

мович участвовал неохотно. Он указывает на то, что все-союзная перепись 1939 года широко обсуждалась в селе: «...ходили с двора на двор переписчики на 17/1 число все-союзная перепись. за которую много писали в газете и в людях больше ходило разных разговоров. я поужинав и лег спать и тоже думал о переписи». (16.01.1939) Эта перепись проводилась вместо переписи 1937 года, результаты которой были названы дефектными.

Дмитрий Максимович, как и его знакомый Иван Симонович Авдеев, вовсе не хотел «переписываться», среди единоличников было много противников переписи: «...потом пришел до Авдеева Ивана симоновича у него сидел говорили о жизни тут как ест ходил переписчикъ заходить в дом и красный флаг. вешает на дворе или перед хатой в сугроб или на воротах а нето в крышу здания и Авдеев сразу отказался от переписи идите вы с богом я писатся не желаю». (22.01.1939) Переписчик с чувством собственной важности, повесив флаг, хотел показать, что он «захватил крепость», это был знак того, что советская власть «победила», смогла взять в свои руки все слои населения. Это хорошо понимали и Дмитрий Максимович, и Иван Симонович.

«Пришел домой а дома унас тоже ходил переписчик и жена ему все розказала и он записал и меня записали я за это дело болел душой и не ужинал лег спать». (22.01.1939) Дмитрий Максимович переживал не из-за негативных последствий для него и его семьи, а из-за того, что его семья поучаствовала в мероприятии советской власти, таким образом «признав» ее. Он настолько болезненно воспринимает свое участие в переписи, что решает не ужинать в этот день. Он не хотел, чтобы его жизнь единоличника превратилась в жизнь советского человека.

После основной переписи происходили и переписи хозяйства: «Пришли 7 чел от сел/сов. ... они обмеряли огороды и хаты все постройки дворы. И я сними пробыл до вечера ... ужинат было нечего один хлеб» (01.02.1939); «Ходили вымеряли огороды Курсов А.Я. и Волков Мих. Все вымеряли что посеяно и измеряди в ощем намерили со двором 70 сотых гектара» (29.05.1938); «перемеряли опят дворы хаты и потом расписуйся за свой план я от росписи избежал». (03.07.1939)

Плохое предчувствие оправдалось — участок Гальченко значительно сократили: *«Комиссия ходила намеряла огорода а унас отрезали огород оставили двора 20 сот. гектара»*. (27.09.1939)

Сравнивая записи от 29.05.1938 и от 27.09.1939, следует обратить особое внимание на размеры земли семьи Гальченко. Если весной 1938 года они составляли 0,70 га, то осенью 1939-го — уже 0,20 га.

Выборы Дмитрий Максимович воспринимает так же болезненно, как и переписи, он их не признавал и всячески избегает участия в них: *«Спал на лодке домой нельзя иначе сразу же заберут и повезут в клуб или бывшею церков голосоват а я этого боялся. От сел сов ездили безперерыва все искали меня на голосование жену в огороде нашли и взяли на голосование но я не выизжал из реки в камышах спасался и до вечера»*. (26.06.1938)

В то время, когда часть населения воспринимает выборы как праздник, среди всеобщей агитации и радостных статей в газетах Гальченко оценивает их как мучение — *«...это был день выборов. А мне ден мученья»*. Интересно, сколько было таких как он, прячущихся от власти?

Если в 1930 году он был готов ходить в сельсовет и отстаивать свои права, то сейчас он болезненно воспринимал любое общение с сельсоветом, он боялся его: *«Принесли из сел/сов повестку явится в сел/сов на завтра к б ч утра. Я боялся душой что и начто зачто но сердце волновалось тоска досада»*. (04.07.1938) Это состояние боязни, ожидания неприятностей сопровождает все его отношения с властью. Он не может ей противостоять, власть воспринимается как гнетущая сила и вызывает желание спрятаться, уйти подальше.

«Дожили до социализма и теперь идем до коммунизма»

Дмитрий Максимович тосковал по старым временам, он стал чаще болеть, а состояние угнетенности не покидало его. При этом он уделяет большое внимание праздникам. Соблюдать традиции православных праздников

значило сохранить прежнего себя, не прогнуться под новую власть. Если раньше он еженедельно сравнивал прежнюю жизнь и настоящую, то теперь он это делал только по праздникам. Гальченко рассказывает о том, как отмечались православные праздники до установления советской власти и чем люди теперь занимаются во время этих праздников.

«Пасха Христос Воскрес. Воистину Воскрес.

в этот ден раньше все веселило и все праздн. праздник всем праздникам праздник а тепер моркви нет и колхозы работают. и как не праздник.

на той стороне на траве спал и так вес ден прошел.
(24.05.1938)

«В этот день раньше было поминовения родитель а теперь церкви нет и дела нет». (02.05.1938).

Гальченко в своих записях описывает состояние местной церкви и окружающих ее памятников: *«Что наделали кругом церкви все памятники изломаны все разрыто ограда сломана Церковь изуродовали».* (05.07.1938)

Новое время для него воплощается в отсутствии церковного звона: *«Не поймешь люди работают стало что нет праздника и звона к церкви».* (19.06.1938, воскресенье.). Вместо этого — общий сбор на работу колхозников: *«...только слышишь что по колхозам звенять выход на работу».* Очевидно, что эта система его коробит.

Дмитрий Максимович уже понимает, что старую жизнь не вернуть, что крестьяне не смогут жить как раньше, именно это вызывает у него наибольшее огорчение. Похоже, что в эти моменты он теряет осторожность и пишет в дневнике очень критично.

«Приходил Дураков Л. П. и разговорились как раньше этот день праздновали а тепер все работают только одни воспоминания а много уже не знает что нонче за праздник ... праздник Михаила Архистратига у нашем селе был престольный праздник а тепер церкви нет. И праздника нет работай как бык». (21.11.1939)

Тем не менее, небольшая группа, как он выразился, *«частичка только»*, всё же продолжает отмечать православные праздники, хоть и не по всем канонам.

Фотография к работе
Е. Андриановой, Д. Соболева,
А. Колесникова
Капитан Мельников (в центре)
во время службы в армии. 1914

Фотография к работе
Е. Андриановой, Д. Соболева,
А. Колесникова
Капитан Мельников в Персии.
1914

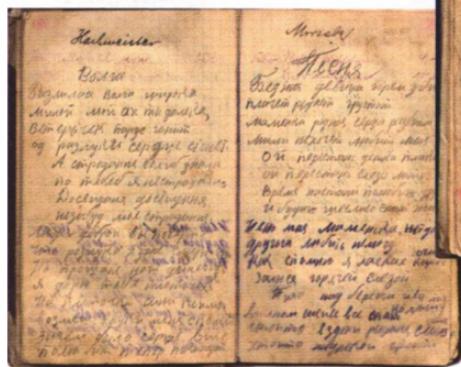
Фотография к работе
Е. Андриановой, Д. Соболева,
А. Колесникова
К.С.Мельников. 1915

Фотография к работе
Е. Андриановой, Д. Соболева,
А. Колесникова
К.С.Мельников. 1917

Фотография к работе Е. Андриановой, Д. Соболева, А. Колесникова
Связисты русской армии в горах. 1916

Фотография к работе
А. Антоновой
Песенник из Урюпинска

4
Handwritten text on the left page, including a large red scribble and some illegible words.

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the left page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Handwritten text on the right page, starting with "Handwritten text" and "The name".

Красноармейскую книжку выдают только тем лицам, которые достигли совершеннолетия.

I. Общие сведения

1. Фамилия Попов

2. Имя и отчество Степан Иванович

3. Звание и должность санитар

4. Имя воинской части (полк, батальон, рота) 830 Стр. Мурс

5. № личного дела 22847

6. № личного дела (указывать только в досрочной призывной книжке)

Личная подпись владельца книжки С.И. Попов

Место жительства Красноарм. рота

Место рождения С.И. Попов

(Место рождения указать)

1. Номер воинской специальности 121

2. Грамотность и общее образование (указать специальность техникума, рабфака или ВУЗа, указать его название) У.О.

3. Национальность Русский

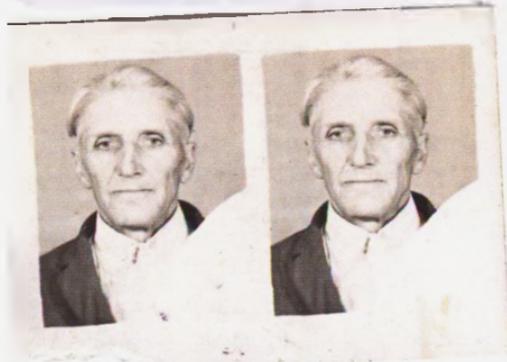
4. Год рождения 1912

5. Год призыва (указывать только в призывной или досрочной призывной книжке) 22.08.41

6. Каким воинством призван Украинский РВС

7. Специальность до призыва тран

Фотография к работе А. Антоновой
Красноармейская книжка
Степана Ивановича Попова

Фотография к работе
А. Антоновой
Степан Иванович
Попов

Фотография к работе А. Антоновой
Выпуск гимназии. 1924

Фотография к работе
А. Антоновой
Герман и няня Аня

Фотография к работе
А. Антоновой
Гимназистки. 1924

Фотография к работе Д. Гизатуллиной
Гостинница Башкирова

Фотография к работе
Д. Гизатуллиной
П. Е. Степанов
и его жена

Фотографии к работе Т. Глазыриной, Е. Епанчинцевой
Владислав и Лидия Тхоржевские. Их судьбу мы прослеживали по
дневникам, письмам, восстанавливали хронологию событий.
Их воспоминания провели нас по событиям тех времен.

Фотографии к работе Т. Глазыриной, Е. Епанчинцевой
Владислав и Лидия в юности во время учебы в Свердловске. 1940

ВКЛЮЧ. СССР
 СВЕРДЛОВСКИЙ
 ГОРОДСКОЙ КОМУНАЛЬНЫЙ

СПРАВКА

Дана настоящая справка Владиславу
Тхоржевскому

в том, что со 1941 года муж. Тхоржевский
Владислав Владимирович (фамилия, имя, отчество)
 призван с 1941 года на работу
 и с 1941 года мобилизован в ряды РККА по
 Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1941 года.

Справка дана для получения льгот, и остается на руках по-
 стольно.

Горелкин - Михаил (Зотов) -
 Начальник 3 части - каштан (Кривошеков).

Фотография к работе
 Т. Глазыриной,
 Е. Епанчинцевой
 Справка
 о мобилизации
 Владислава
 Тхоржевского

★
 СССР
 Народный Комиссариат
 Обороны Союза ССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СССР

Отдел В
 1942 г.
 № ГУКВ 1107
 Москва, 19, ул. Фрунзе, 19.

Гр. Тхоржевский, Л. Л.

По Вашему письму сообщая, что в данное
 время сведений о местопребывании Владислава
Тхоржевского
 не имеется.

И. М. Мухоморов
 Начальник отдела
 Начальник отделения Сорокин

Тип. НКО 664-42

Фотография к работе
 Т. Глазыриной,
 Е. Епанчинцевой
 Ответ на запрос Лидии
 о местоположении мужа

Фотографии к работе
 Т. Глазыриной,
 Е. Епанчинцевой
 Поздравительная
 открытка, написана
 Владиславом
 сыну Виталию

Дорогому сыну Виталию
 от мамы в день
 Рождения умилого Виты.
 Будь умилом,
 Счастливым и добрым.
 М. Е. Ж. Мама

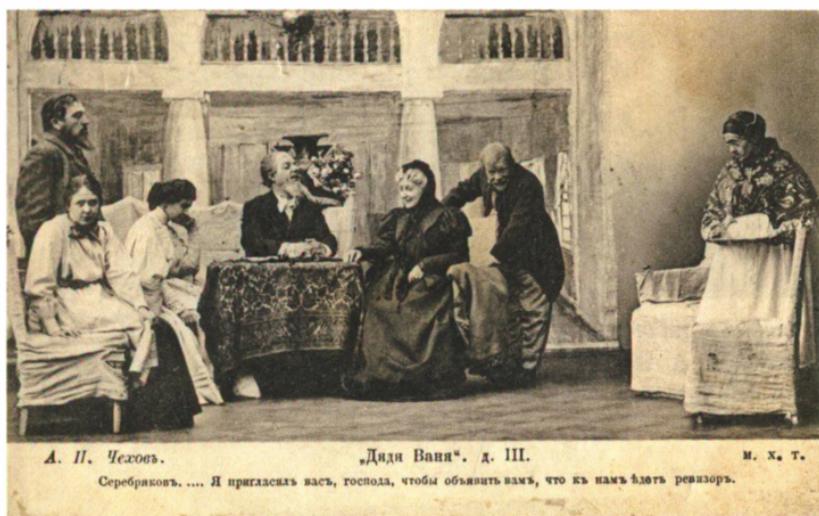
Фотография к работе И. Грибович, Е. Жуковой, А. Магзоевой
Монгольское консульство

Фотография к работе
И. Грибович, Е. Жуковой,
А. Магзоевой
Авторы создали
макет кабинета
Ларисы Литвинцевой

Фотография к работе И. Грибович, Е. Жуковой, А. Магзоевой
Дом, в котором были найдены письма Ларисы Литвинцевой

*Фотография к работе И. Грибович, Е. Жуковой, А. Магзоевой
Спектакль в Городском театре*

*Фотографии к работе И. Грибович, Е. Жуковой, А. Магзоевой
Макет кабинета Ларисы Литвинцевой*

Фотография к работе Д. Мочалова
Дедушка, брат Артём, папа, мама,
бабушка. Малиновка. 1992

Фотография к работе
Д. Мочалова
Родители пасут коров.
Малиновка. 1993

Фотография к работе Д. Мочалова
Папа и Артём. Малиновка. 1992

Фотография к работе Д. Мочалова
Артём во время работы в поле. 2004

Фотография к работе М. Передок
И. М. Зальцман на демонстрации

Фотографии к работе М. Передок
Детали чугунной решётки в «Зальцмановском парке»
(ныне парк им. Терешковой)

Фотография к работе М. Передок
Сохранившиеся скульптуры в «Зальцмановском парке»
(ныне парк им. Терешковой)

Фотография к работе М. Передок
Новостройки на улице И. М. Зальцмана
в микрорайоне Чурилово

*Фотография
к работе
М. Передок*
Исаак
Моисеевич
Зальцман

*Фотография
к работе
О. Регулярной*
Павел Ивано-
вич Чистов, дед
В. А. Бушуева.
1939

Фотография к работе О. Регулярной
Виктор Бушуев

СОЮЗ СОЗИДАТЕЛЕЙ

Сборник
очерков
и воспоминаний

Едину Тришфелу
На память о Союзе.

И. Зальмана
31.5.1987.

ЛЕНИЗДАТ-1982

Фот. № 1
И. М. З.

Фотография к работе М. Передок
Автограф И. М. Зальмана

Фотография к работе О. Регулярной
Павел Иванович Чистов (второй справа).
Приёмка лагеря для немецких военнопленных. 1945

Фотография
к работе
О. Регулярной
Праздник
8 марта
в клубе

Фотография к работе О. Регулярной
В. А. Бушуев с мамой Ниной Павловной

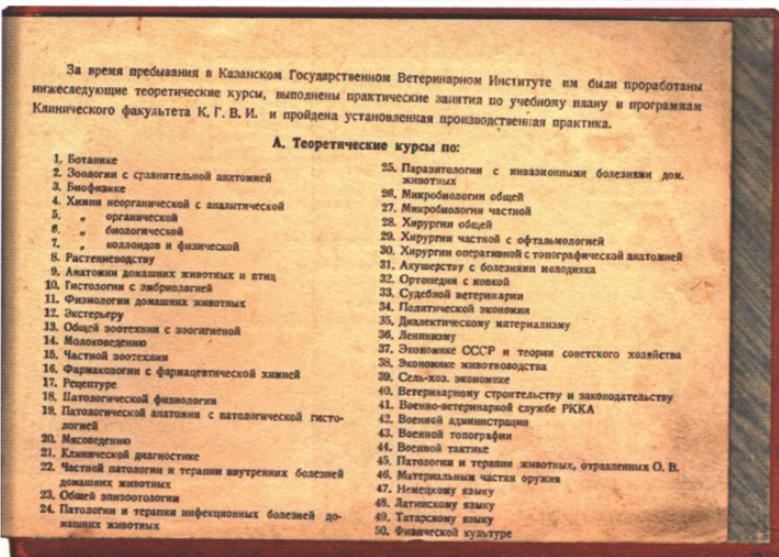
Фотография к работе
О. Регулярной
Новый год. 1998

Фотография к работе
О. Регулярной
Семья Ираиды Васильевны. 1991

Фотографии к работе О. Регулярной
Самодельные игрушки, сделанные В. А. Бушуевым
из остатков пломбировочного материала

Фотографии к работе М. Ямбиковой
Страницы диплома об окончании В. А. Ямбиковым
Казанского государственного ветеринарного института

*Фотографии к работе
М. Ямбиковой*
Василий Александрович
Ямбиков. 1941

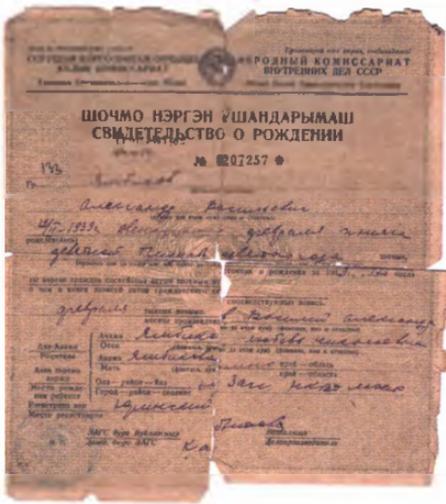
*Фотографии к работе
М. Ямбиковой*
В. А. Ямбиков (в центре)
с сослуживцами. 1942

Фотографии к работе М. Ямбиковой
В. А. Ямбиков. 1942

Фотографии
к работе
М. Ямбиковой
Ответ
на запрос
моего дедушки
(Н. В. Ямбико-
ва) об отце

Фотографии к работе М. Ямбиковой
Свидетельство о рождении
Александра, сына В. А. Ямбикова

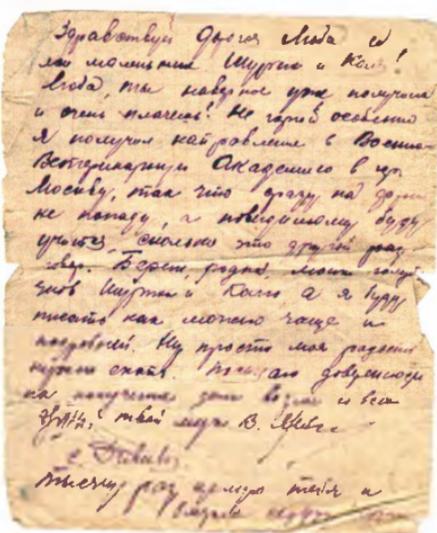
Фотографии к работе
М. Ямбиковой
Свидетельство о рождении
В. А. Ямбикова

Фотографии
к работе
М. Ямбиковой
Конверт,
в котором пришел
ответ на запрос
моего дедушки
(Н. В. Ямбикова)
об отце

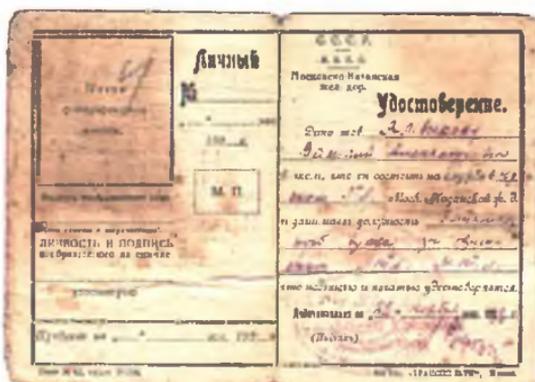

Фотографии к работе М. Ямбиковой
Свидетельство о браке Любови и Василия Ямбиковых

Фотография к работе М. Ямбиковой
Любовь Николаевна,
жена В. А. Ямбикова

Фотография к работе М. Ямбиковой
Письмо В. А. Ямбикова
с фронта. 1941

Фотографии к работе М. Ямбиковой
Удостоверение В. А. Ямбикова

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАДРОВ

103100 г. Москва, К-100

№ 178 4/207115

28 декабря 1975 г.

Тов. ЯМБИКОВУ Н.В.

424025, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская,
дом 46, кв. 79

На Ваше письмо, поступившее из Архива Министерства обороны СССР, сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров старший ветеринарный врач 686 стрелкового полка 411 стрелковой дивизии воен-ветеринар 3 ранга ЯМБИКОВ Василий Александрович, 1910г.рождения пропал без вести в мае 1942г.
Других сведений, к сожалению, не имеется.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА

ВОЙТЕНКО

АК
ЛАХ

АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

142100, г. Подольск, Московской област,

№ 126744

25 октября 1975 г.

Ваше письмо (запрос) за вышеуказанным номером направлено на рассмотрение в Управление Главного Управления Кадров МО СССР г. Москва К-100 откуда Вам будет дан ответ.

Зам. Начальник отдела

[Handwritten signature]

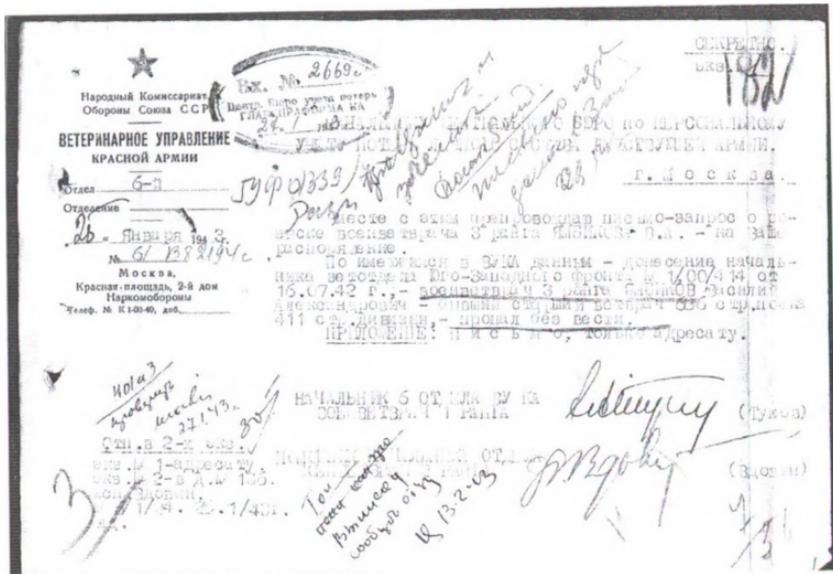
Фотографии к работе М. Ямбиковой
Ответ из Архива Минетстерства Обороны СССР

Здравствуй не моя душа
 Мила, Милый, Каша!
 Я так и ждал по
 переписке, но о ней
 твои слова не так. Как
 сейчас уже моего имени
 в том. Твои мне
 по адресу: Доброволь-
 цес Армии Советов
 номера в 885 н.д. 75/
 губ. Нижегородской области,
 Кресты уездные
 К. Ямбиков

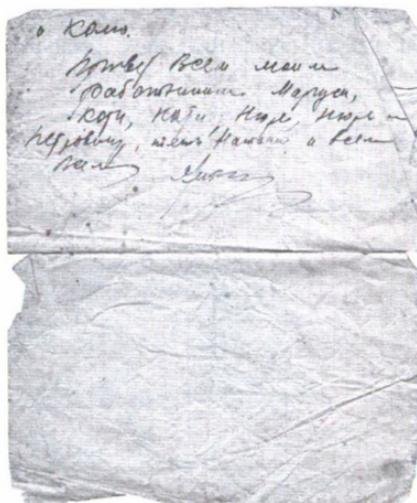
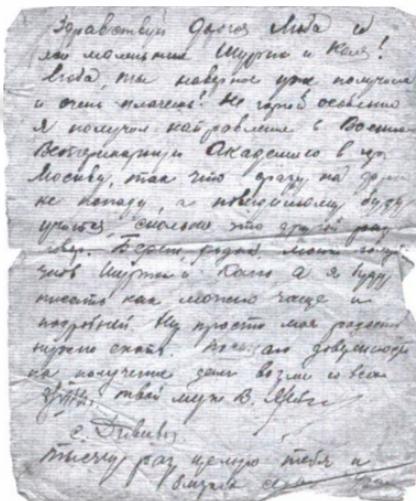
Мила!
 Рада, что в Кресты-уездном
 там, там в лесу, вдали
 от фронта. Но мне не трудно
 не в отпуске, если бы только
 Мила, Милый, Каша!
 Удачи тебе и всем
 Крепко Милый, Каша,
 Милый твой
 К. Ямбиков

Фотографии к работе М. Ямбиковой
 Письма В. А. Ямбикова с фронта

Фотография к работе М. Ямбиковой
Сообщение из Ветеринарного управления Красной армии
о том, что В. А. Ямбиков пропал без вести. 1943

Фотографии к работе М. Ямбиковой
Письма В. А. Ямбикова с фронта

Здравствуйте
свои дорогие
Люба, Шурик и
Коленька!
Толкуем ни вое
ни воем.
Люба тебе даю
бы купила даю
переселить с редька
есть к отцу.
Мам бы вы были
не в таких плохих
землях. Дома
я бы. Милу
свои родители
не так что много

Люба увидели го-
товоготину с
Шурика и Колю.
Вам не много даю
проста я вам
очень много, даю
не потому сам по себе
Похит на И. Шинка
го. Печаль вам
Зорко. Основно мо-
гу, столько и пишу.
Крепко целую
всех вас
Николай
Адрес, пер.: ч.и.с 1827
заст 055

Завтра еще остался один,
сакки Шурик и Колю!
Сегодня вам свои новые сапожки
и эти последние даю.
Печальница даю полова
пота и 1918 (1913)
Ногомиче даю 11 вое
Завтра в 1.
Много незначит в 1918
много даю свои сапожки
сироты даю. Живу даю по
детишки и вое вое даю.
Печальница даю полова и полова
мал даю и от вас всех даю.
Сильно даю. Даю не даю в
Коленька и, даю даю даю
даю и даю, я даю
даю даю

Не даю пока даю
Крепко даю, даю
Печальница и даю.
даю даю даю
1918
250
300
550

Фотографии к работе М. Ямбиковой
Письма В. А. Ямбикова с фронта

Общее состояние религиозной жизни Дмитрий Максимович описывал такими словами: *«Пойти куда церкви нет службы нет и живем как скот ничего не знаем»*. Он относился с иронией к лозунгам коммунистов, считает, что люди стали жить хуже, но потом будут жить еще хуже: *«...и верно что дожили до социализма и теперь идем до коммунизма»*. (05.03.1939)

«Жилос как то скучно и досадно»

Психологическое состояние Дмитрия Максимовича можно оценить как подавленное, в дневнике ни разу не встретилось описание хорошего настроения, он постоянно испытывает грусть, тоску, досаду.

«Садил табак и до вечера грусть тоска сердце болело хот ложись в могилу». (01.06.1938)

«Не ужинав лег спать тоска грусть». (02.06.1938)

«Жилос как то скучно и досадно и все думаеш что ничего нет как жить как быть колхозники много работают а мы все празднуем печал горе и горе». (16.07.1939)

«...был дома и что-то груст тоска досада». (26.11.1939)

Порой досада доводила до мыслей о самоубийстве: *«...потом в 1 час дня я собрался и вышел на двор только досадно и незнаю что делать пошел на овку (?) и пошел через О.Р.С и на греблю там стоял на мосту смотрел как бегить вода мысль была хот смосту да воду»*. (22.01.1939)

Конечно, религиозные убеждения и наличие большой семьи, которую нужно было кормить, не позволяли ему положить на себя руки.

Такое сочетание психологического дискомфорта, потери смысла в жизни, растущей депрессии не могло не сказаться на отношениях в семье. Он все чаще чувствует отчуждение, все чаще возникают разговоры о том, что все трудности семьи связаны с его нежеланием «идти в колхоз».

Он обижается и поэтому пьет. *«Шаталис везде. прогулял до 12 ночи»*. Жена несколько раз выгоняет его из дома, он ночует на улице: *«Меня жена сильно ругала называла нехорошими словами. И она меня выгнала из хаты иди куда хочиш»*

а у нас не живи и я молча пошел на огород. Сильно прозяб». (11.09.1938)

«Жена опять разругалас и выгнала с хаты и я лег среди двора спат без ничего». (13.09.1938) На следующий день ему снова пришлось ночевать во дворе: *«Я думаю господи и чем я провинился что на меня такое сильное нападение жена что хочет то и делает ставит меня хуже всего на свети и сплю я как пес где попало согнусь в крючок<...> И я лег спат на дворе возле копней».* (14.09.1938)

В ситуации, когда он не находит понимания в семье, когда мир вокруг меняется необратимо, дневник становится важнейшей частью жизни Д. М. Гальченко. На него уходило много времени: *«Встал в 7 час. и был дома с хаты нигде боялся выходит чтобы меня мало кто видел и вес ден писал свой дневник ... »* (27.12.1939)

Дмитрий Максимович боялся выходить из дома, потому что его могли поймать и наказать за неучастие в выборах, да и не хотелось ему ни с кем общаться.

«И я писал дневник и заготовлял новый дневник 13ю книгу»

Исследуя дневник крестьянина-единоличника Дмитрия Гальченко разных лет, мы можем проследить за изменениями советской жизни на селе. Именно рядовым крестьянам, которые тогда «тянули» нашу страну, досталась, пожалуй, самая тяжелая жизнь. Нам кажется, что эти записи упрямого единоличника крестьянина Гальченко не только содержат очень ценную информацию для изучения деревенской жизни 30-х годов прошлого века, но и включают таких людей, как Гальченко, вроде бы оказавшегося на обочине магистральных путей советской жизни, в трудную и трагическую историю России первой половины XX века.

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

Перипетии судьбы главного врача больницы
Челябинского тракторного завода
Г. К. Шастина (1934–1936 гг.)

Юлия Фомина
г. Челябинск

Однажды, случайно попав в Музей городской больницы № 8 города Челябинска (больницы Челябинского тракторного завода) и познакомившись с книгой, рассказывающей об ее истории, мы заметили, что информация о первых главных врачах больницы ограничивалась фамилиями и годами: «Шастин (1934–1936)» и «Утробин (1936–1938)». Этот факт привлек наше внимание, после чего создатель и руководитель Музея — Марина Григорьевна Ткаченко объяснила нам, что оба врача были репрессированы и в истории больницы не сохранились даже их имена. Мы решили попробовать найти сведения об этих людях. Биография и судьба врача Утробина так и осталась для нас невыясненной. А вот судьба его предшественника, Григория Константиновича Шастина (1904–1978), собрана нами по крупицам на основе необычного исторического источника — следственных дел, хранящихся в Челябинском областном архиве.

Самую первую информацию мы почерпнули из небольшой справки электронной Книги памяти Красноярского края, из которой узнали его имя и отчество, год рождения, что родился он в Амурской области в станице Екатерининской, имел высшее медицинское образование и был репрессирован в 1936 г. Электронная Книга памяти жертв политических репрессий Челябинской области дополнила

информацию указанием срока — восемь лет лагерей в Архангельской области, и тем, что в 1950-е годы Г. К. Шастин был полностью реабилитирован.

Основным источником для исследования стали документы следственных дел Объединенного Государственного архива Челябинской области (ГУ ОГАЧО) — фонд Р-467, опись 3, дела №№ 2912, 2913, 2914, 2915, 2916. Благодаря сотрудникам архива мы получили уникальную возможность познакомиться с этими делами.

Указанные выше документы объединяет процесс по делу о деятельности «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группы» на Челябинском тракторном заводе. По окончании следствия в данную группу были определены пять человек, в том числе Г. К. Шастин и его брат.

**«С крутого холма, заросшего мелкоколесьем,
открывается красивый вид на Амур».
Родина Г. К. Шастина**

Григорий Константинович Шастин родился 15 января 1904 года в станице Екатерининской Амурской области в многодетной семье священника. Отец Константин Шастин умер в 1910 г. или, по другим данным в 1911 г., когда Гриша был совсем маленьким. Мать ушла из жизни в 1940 г.

Из материалов следственных дел следует, что у него были две сестры и четыре брата. Григорий Шастин в анкете сообщил, что происходил из неимущих.

Родиной семьи Шастиных был край, основу населения которого составляли казаки Амурского казачьего войска, чьими усилиями в середине XIX века амурская земля вошла в состав России. Семья Шастиных проживала в станице Екатерининской, являвшейся центром Екатерининского станичного округа. Станица Екатерининская была основана в 44 верстах выше Благовещенска, на левом берегу реки Амур, при впадении реки Грязнушки, в 1859 г.

В казачьем войске важная роль отводилась священнослужителям, к которым относился и отец Григория Шастина. Однако, по мнению исследователя И. К. Андрианова, духовенство станичных церквей бедствовало,

систематически недополучало от станичников средства на содержание, занималось тяжбой по поводу сбора денег, ремонта церковных зданий, подвоза дров.

Что же стало с родной для Григория Шастина станицей Екатерининской в дальнейшем? Как ни рассматривали мы современные карты, нам не удалось на них найти населенный пункт с таким названием. Центр был перенесен из Екатерининской в соседнее село Михайловку, и станица постепенно исчезла с лица земли.

Путь к профессии — учеба в Ленинграде

Когда пришла пора выбирать профессию, Григорий выбрал путь врача, поехав учиться в Ленинград. Он решил поступать в 1-й Ленинградский медицинский институт (ныне СПбГМУ им. Академика И. П. Павлова). Институт начинал свою историю с конца XIX века как женский медицинский институт, а после Первой мировой войны в условиях острой нехватки медицинских кадров стал называться Петроградским, и в него начали принимать мужчин.

На основании свидетельских показаний Р. С. Любошевской нам удалось установить год поступления Г. К. Шастина в вуз: «В 1922 г. я в одно время с Шастиным поступила в Ленинградский мед. ин-т, где с ним и познакомилась».

Следственные дела 1936 года имеют, хотя и небольшую, но любопытную информацию о времени обучения Григория Шастина. Эта информация прослеживается в анкетах и в вопросах следователей. В институте с учебой все обстояло неплохо, а вот политические взгляды Г. Шастина подвели — в 1925 г. он был исключен из ВЛКСМ, за создание группировки против руководства комитета комсомола. Сам Г. К. Шастин объяснил создание этой «группировки» шуткой, которую не поняли.

Дело состоялось в следующем. Зимой 1924/25 г. группа студентов общежития Первого медицинского института — Шастин, Рябов и Кульнев — создала коммуны, в которой состояло несколько мужчин, а девушек в нее не принимали. В комитете комсомола по этому поводу состоялся това-

ришеский суд и трех инициаторов на 6 месяцев исключили из комсомольской организации.

Когда нашего героя спросили о том, знаком ли он с кем-либо из троцкистов, он назвал имя Сергея Васильевича Кульнева, учившегося в начале 1923 года на одном с ним курсе Медицинского института и проживавшего около полтора лет с ним вместе в одной комнате. Дружили до 1928 года, до момента ареста Кульнева за контрреволюционную троцкистскую деятельность. Помимо этого, жена Кульнева — Наталья Жегалова — являлась подругой детства жены Григория Шастина. Именно вместе с Кульневым Григорий Шастин был исключен из комсомола в 1925 г.

Институт Григорий закончил в 1928 г. Во время учебы в Ленинграде Г. К. Шастин познакомился с Александрой Максимовной, тоже врачом, и вскоре молодые люди поженились. В 1928—1929 гг. Г. К. Шастин служил в Красной армии, после демобилизации был назначен главным врачом районной больницы в селе Глушково Курской области, где проработал около трех лет.

«Аккуратный и добросовестный в работе». После переезда в Челябинск

В конце 1920-х годов Челябинск стал одним из важнейших центров, где развернулось строительство новых заводов, в соответствии с планом индустриализации страны. Летом 1932 г., как сообщается в анкете следственного дела, старшего брата Николая Шастина после окончания двух курсов института имени Плеханова в Москве направили на работу в Челябинск, где он работал в планово-экономическом отделе Челябинского тракторного завода им. И. В. Сталина.

Николай, в отличие от брата, являлся членом партии. Из материалов дел известно, что Николай Шастин в годы Гражданской войны сражался с белогвардейцами в Волочаевском отряде.

Вскоре Григорий с женой был направлен Наркомздравом в город Челябинск на строительство тракторного завода. Там в 1933 г. у супругов родился сын Эрнест, о чем сви-

детельствуют данные анкет и страничка в паспорте Григория Константиновича. Семьи братьев дружили, даже проживали в одном доме, только в разных квартирах по адресу улица Ленина (ныне — улица Свободы), дом 6. Там летом 1936 года братья и будут арестованы органами НКВД.

Главным врачом больницы ЧТЗ Г. К. Шастин был назначен в августе 1934 года и проработал там до времени своего ареста, который случился 23 августа 1936 года.

Однако только 10 сентября 1940 года особым совещанием при НКВД СССР он был осужден на восемь лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) за участие в антисоветской троцкистской организации. Затем он был отправлен из челябинской тюрьмы в «Севдвинлаг МВД», располагавшийся в городе Вельске Архангельской области, где содержался до 18 декабря 1945 года (по другим данным — до 1944 года.).

Г. К. Шастин работал в одном из отделений Севдвинлага главным врачом лазарета. Сведения о повседневной жизни заключенных этого лагеря, в том числе о работе медперсонала, можно почерпнуть из воспоминаний фельдшера А. П. Евстюничева¹. Как видно из них, работа медицинского персонала в лагере играла существенную роль для заключенных: именно медперсонал мог освободить от выхода на изнурительную работу. Поэтому за работой медиков был налажен строгий контроль: «Амбулаторные карточки, тем более истории болезни не велись. Все, кто обращался за медпомощью, записывались в журнал, с указанием фамилии, номера бригады, краткий диагноз и освобожден или нет от работы. Прием проводился до позднего вечера, пока не уходил последний посетитель. Приходило от 30 до 100 человек в день. Почти половина освобождалась от работы».

Одним из самых распространенных диагнозов был дистрофический энтероколит. Таких больных называли по-лагерному «доходягами». И если медик не в силах был улучшить питание, то хотя бы мог освободить от работы, положить к себе в стационар и отправить в лазарет, стре-

¹ *Евстюничев А. П.* Наказание без преступления. Сыктывкар: Мемориал, 1991.

мясь приостановить, задержать истощение, спасти жизнь. Многое делалось и для профилактики заболеваний: «Из лесу привозили ветки сосны или ели, — пишет А. П. Евстуничев. — Я специально освобождал от работы ежедневно двух-трех человек для помощи. Они ошипывали у веток иголки, санитар в деревянном корыте рубил их топором. Измельченная масса засыпалась в бочку и заливалась кипятком. Получался зеленоватый настой. На вечернем приеме я обязательно заставлял пить этот настой всех, а санитар в ведре разносил по баракам. Надо отметить, что многих хвойный настой буквально спасал от цинги».

«На 98% все врачи и фельдшера были из числа осужденных по статье 58-10, заменить их было просто нечем. Администрация вынуждена считаться с ними». К нашему сожалению, автор воспоминаний не приводит конкретных фамилий тех докторов, с кем ему пришлось познакомиться в лагере. Он только пишет, что со многими у него установились дружеские отношения, что он консультировался у них, брал для изучения медицинские книги. Возможно, одним из этих людей был и Григорий Константинович.

По истечении срока заключения Г. К. Шастин остался жить в тех краях на станции Шангалы Северо-Печорской железной дороги. Работал по вольному найму в должности главврача поликлиники № 7 Вельского отделения Севжелдорлага МВД СССР (по данным Красноярского общества «Мемориал», был назначен главврачом Центрального лазарета Первого отделения ИТЛ МВД СССР). Там же он женился второй раз на Галине Ивановне Шастинной, 1919 года рождения, которая работала врачом-рентгенологом вместе с ним в лазарете № 7. В 1946 г. в семье родился сын Сергей.

Но 9 сентября в 1949 г. Г. К. Шастин был повторно арестован за то же самое «преступление», то есть по статье 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР и по приговору суда был выслан на постоянное место проживания в Красноярский край. До 1955 года работал главврачом Маклаковской участковой больницы в Енисейском районе, потом в той же должности переведен в Ирбейский район. Ирбейская районная больница была образована в 1947 г., на то время

в ней работало всего три врача, вызовы обслуживались на лошадях. Нам удалось обнаружить на сайте Ирбея две фотографии Г. К. Шастина с его подчиненными. Из документов следует, что Г. К. Шастин проживал в селе Ирбейском по адресу улица Интернациональная, дом 138. Получается, что жил в частном доме.

О том, как дальше сложилась судьба Г. К. Шастина, помогла установить статья, обнаруженная в интернете, с упоминанием его имени как врача Звериноголовской районной больницы. В статье, посвященной юбилею одного из докторов, говорилось о том, что он, будучи молодым хирургом, поступив на работу в больницу, набирался опыта и учился у коллег, среди которых был «старейший врач больницы Григорий Константинович Шастин». Впоследствии, сын Эрнест, в ходе беседы с нами по скайпу, рассказал о том, как он, после реабилитации отца в 1957 г. помог отцу с переездом в Курганскую область. В следственных делах мы нашли тому подтверждение.

Григорий Константинович, имея богатый опыт руководителя, возглавил эту районную больницу. Так случилось, что Звериноголовское стало его последним пристанищем, там он и был похоронен в 1978 г.

Таковы основные жизненные вехи Григория Константиновича Шастина.

«Больница ЧТЗ находится в совершенно недопустимых условиях». На посту главного врача

Каким же был главный врач Г. К. Шастин, как управлял коллективом больницы ЧТЗ? В протоколах допросов некоторые свидетели называют его «хорошим хозяйственником», «грамотным врачом». Следователи, ведущие записи в протоколе, добросовестно воспроизвели примеры его «контрреволюционной деятельности» на посту главврача, которые Григорий Константинович привел на одном из допросов: «Я скрыл от уголовной ответственности бывшего главврача больницы ЧТЗ А. Ф. Тищенко, который довел больницу до очень тяжелого состояния <...> Я защищал его перед облздравом, не разоблачил его <...>, чем дал ему воз-

возможность продолжать свою преступную деятельность в качестве глав. врача Сталиногорской больницы».

Второй эпизод своей «вредительской» деятельности он связал с вопросом постройки новой больницы ЧТЗ: «Больница ЧТЗ находилась в течение ряда лет и находится в настоящее время в совершенно недопустимых условиях — в ветхих бараках, недостаточных по площади. Следствием этого были скученность и антисанитария, вызвавшие немало жертв среди больных. <...> Радикальным выходом из создавшегося положения являлась постройка новой больницы, и я лично, как врач участвовал в разрешении этого вопроса, но не довел его до конца, вследствие недостаточной настойчивости». Сам Григорий Константинович, а скорее всего, это за него сделали следователи, объяснил все «неверием в заботу партии и правительства о нуждах трудящихся и вытекавшим отсюда неверием в успешное решение поднятого вопроса». Какое неслыханное «преступление»! Конечно, главному врачу больницы очень хотелось ускорить процесс постройки нового здания.

В материалах дела приложены и собственноручно написанные показания самого Григория Константиновича. Они по стилю изложения и по приведенным в них фактам отличаются от протоколов допроса: «Больницу я принял в разваленном состоянии и мне совместно с моими помощниками и общественными и партийными организациями стоило больших трудов привести ее в такое состояние, когда она по постановке лечебной работы считалась нашими руководящими органами одной из лучших в Челябинской области».

Нам удалось просмотреть уникальный альбом, хранящийся в фондах Музея ЧТЗ. Альбом с фотографиями посвящен начальному периоду в истории завода и района — 1930-м годам. Смотришь на фотографии — и диву даешься тому, как за четыре года на пустыре были построены гигантский тракторный завод, а также соцгород при нем. Новенькие здания в стилистике конструктивизма предлагали жителям микрорайона все блага: вот баня, вот прачечная, вот новые четырехэтажные дома, столовая, ФЗУ, кинотеатр... Но всё в раз не построить, потому труженики района

были рады и барачному поселку, и больнице, расположенной тоже в бараке на так называемом «втором участке ЧТЗ» (ныне здесь находится Сад Победы).

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»

В сентябре 1933 г. Григорий Константинович в силу служебных обязанностей познакомился с доктором Н. Л. Лурье, прибывшим для работы в Челябинск. Биографическая информация об этом человеке довольно скудна: родился в 1901 г. в Варшаве, еврей, из мещан, имел высшее медицинское образование, являлся, согласно данным Сахаровского центра, беспартийным, хотя одно время состоял в молодежной организации «Гехолуц» Компартии Германии.

Это знакомство и сыграло роковую роль в судьбе братьев Шастиных. Натан Лурье будет проходить по так называемому «Делу 16-ти», или «Московскому процессу», — делу о деятельности «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Первым в списке арестованных по тому делу значились Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, а последним, шестнадцатым, — Натан Лурье, член компартии Германии. В речи А. Вышинского о его преступлениях говорилось: «В 1934 г., находясь на Челябинское, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь товарищей Кагановича и Орджоникидзе. Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 г. по заданию и предварительному согласованию с Моисеем Лурье пытался произвести во время первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на товарища Жданова».

В «Бюллетене оппозиции» (большевиков-ленинцев) — печатном органе, издаваемом под редакцией Л. Д. Троцкого за границей, о Натане Лурье говорилось: «...абсолютно никому не известен; никаких данных и никаких следов о нем до сих пор не найдено».

Д. Волкогонов в своем исследовании о В. И. Ленине высказывает свое мнение о том, что многие участники процесса надеялись на свое освобождение: «Надеялся и Натан Лазаревич Лурье, написавший в прошении, что

он “неоднократно подготовлял террористические акты над Ворошиловым, Орджоникидзе, Ждановым, будучи для выполнения этого плана вооружен...” Почему надеялся этот “террорист”, вновь повторя под диктовку чудовищные небылицы? Видимо, потому, что ему было лишь 34 года¹. Как бы то ни было, 25 августа 1936 г. все 16 человек были расстреляны. Начались поиски их «соратников» по всей стране.

Уже через три дня в Челябинском УНКВД было подготовлено Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения по статье 58-10: «Шастин Г. К. достаточно изобличается в том, что вел контрреволюционно-троцкистскую агитацию и находился в связи с членом контрреволюционного троцкистско-зиновьевского центра Лурье Натаном». Одновременно, 23–26 августа 1936 г., помимо брата Николая, были арестованы еще несколько человек. Три месяца следователем Натансоном велось следствие, были допрошены десятки людей работавших, друживших, случайно встречавшихся с обвиняемыми, проводились очные ставки, анализировался материал...

Следует отметить, что Григорий Константинович как человек умный предвидел свою судьбу, понимал, что его может ожидать: «После опубликования в печати материалов по процессу троцкистов Шастин всегда был в подавленном настроении. “Дело Лурье” отразится на мне рикошетом», — говорил он своему заместителю.

Следователям очень важно было доказать связь Натана Лурье с местными специалистами, поэтому в большинстве случаев допросы начинались с вопросов о связи с ним: «Вы являетесь участником к<онтр>р<еволюционной> троцкистской террористической группы на ЧТЗ, организованной членом троцкистско-зиновьевского террористического центра Лурье Натаном. Расскажите о деятельности и составе этой к<онтр>р<еволюционной> группы?» Шастин отвечает: «Я участником к<онтр>р<еволюционной> группы не являлся и о ней ничего не знал. О к<онтр>р<еволюци-

¹ Волкогонов Д. А. Ленин: Политический портрет. Кн. 2. М.: Новости, 1996. С. 51.

онной> террористической деятельности Натана Лурье мне стало известно только после опубликованных в газетах материалов процесса».

Так было и на первом допросе А. Р. Колесниковой, жены санитарного врача Г. Н. Кауфмана, 24 августа 1936 г. Но уже в дополнительных показаниях, после «напоминаний» свидетелей, Анастасия Романовна подробно описывает все случаи общения с Н. Л. Лурье: «Натан Лурье в нашей квартире в присутствии Кауфмана был только один раз в конце лета прошлого 1935 г. <...> у мальчика, вернее моего сына, в детском садике гвоздем прокололи ногу. Вследствие чего у него поднялась высокая температура. Я попросила мужа сходить в больницу и привести хирурга Колмановского. Но так как в больнице Колмановского не оказалось, а дежурил Лурье, то Кауфман его и привел для оказания помощи. Н. Лурье, осмотрев ногу и сделав назначение, пробыл всего 3—5 минут и ушел обратно».

Свидетели выдвигали против А. Р. Колесниковой очень серьезные обвинения: «Летом 1935 г., Кузьма Васильевич Рындин (глава обкома партии. — Ю. Ф.) созвал к себе авторитетных врачей города, списочный состав которых формировала Колесникова А. Р., куда она включила Лурье Натана, зная уже о том, что Лурье было запрещено посещать партсобрания. Колесникова, являясь членом комиссии по чистке партии на ЧТЗ, уже тогда знала о том, что Лурье не имеет партбилета, но вместо разоблачения, выяснения этого вопроса до конца, она молчала».

В дополнительных показаниях Анны Романовны от 2 сентября 1936 г. сообщается: «22/VIII с. г. Кауфман придя домой сообщил мне, что Лурье ему когда-то предлагал уехать из Челябинска и устроиться работать в пограничную охрану. Точного места Кауфман снова не указал. Услышав заявление Кауфмана, что Лурье ему предлагал переехать в погранохрану на службу, я стала к Кауфману иметь явное подозрение в его связях с Лурье, собиралась об этом позвонить организациям, но не решилась». Примечательно, что разговор о предложении переехать Кауфман заводит с женой примерно 22 августа 1936 г., то есть в то время, когда повсюду уже идут слушания по делу об «Антисоветском объ-

единенном троцкистско-зиновьевском центре» в Москве. После чего жена «стала иметь явное подозрение» к мужу, а муж поспешил написать заявление в райсовет. Не мудрено — при таком напоре следователей Анастасия Романовна пыталась как-то выйти из создавшейся ситуации.

Более того, А. Р. Колесникова далее сообщает о том, что из-за этого разговора сложилась напряженная ситуация в семье: «На следующий день утром ко мне подошел 6-летний мальчик Женя и сказал: “Мамочка! Зачем ты вчера кричала на папу, что он должен пойти заявить... Не надо на него кричать, ты мне скажи, я с ним поговорю, он меня послушает”. Из этого разговора мальчика у меня сложилось мнение, что и здесь Кауфман обманул меня, подослав ребенка с целью сыграть на моих чувствах, такое мнение у меня возникло сейчас». Печально, но Колесникова пыталась переложить всю «вину» на своего мужа.

Подобные заявления несколько контрастируют с самыми первыми показаниями А. Р. Колесниковой. Видимо, имелось давление со стороны следствия на арестованную.

На допросе 7 сентября 1936 г. Н. К. Шастин давал ответы о встречах с Н. Л. Лурье: «Лурье бывал у меня систематически 1–2 раза в месяц, встречи продолжались 10–20 минут не больше. <...> Бывал часто Кауфман, Шастин Григорий» и другие. Николаю Константиновичу предложили объяснить показания свидетелей о том, что беседы с Лурье были весьма продолжительными и происходили при закрытых дверях, что Н. К. Шастин запрещал кому-либо входить в это время: «Чем объяснить такую секретность этих совещаний?» — вопрошал следователь. На что обвиняемому нечего было ответить, кроме как: «Секретного характера эти разговоры не должны были иметь».

Свидетель, работавший мастером на ЧТЗ, показал, что осенью 1934 г. братья Шастины и Лурье однажды на 30 минут выгнали всех из кабинета, закрывшись на ключ. Второй такой случай был в начале 1935 г. Нам не совсем понятно, что он, мастер коробки скоростей МСЦ ЧТЗ, регулярно делал под дверью начальника планово-экономического отдела завода и так хорошо запоминал, кто и с кем закрывался в кабинете.

Одна из санитарок больницы ЧТЗ, подрабатывала у Н. Л. Лурье (пока он не женился) домработницей, проживая с ним в одной квартире, занимая место на кухне. А уж кто, как не домработница, мог стать лучшим информатором для следствия! «Чаще всего у Лурье бывал в гостях Шастин Григорий Константинович главврач б-цы ЧТЗ. Часто бывал вечерами в рабочие дни, всегда один без жены. Бывал часто у Лурье также д-р Кауфман, тоже без жены. Бывали и другие врачи, некоторых я в лицо знаю, но фамилий не знаю, один из них работает в хирургическом отд-ии б-цы ЧТЗ низкого роста, полный, черный, другой в рентгеновском кабинете той же б-цы — высокий, худощавый, третий жил в 28 доме на 7 участке, работал раньше в здравпункте ЧЗ, затем работал в городе. Меня однажды Лурье послал к нему на квартиру за книгой, которую этот врач брал у Лурье (эта фраза подчеркнута в протоколе. — Ю. Ф.). Из себя он низенький, полный». Какая исчерпывающая информация! Того, кого не знала домработница, она описала по внешним признакам, а следователи только успевали выделять в ее рассказе важные детали, которые могли использовать впоследствии.

Нужно отметить, что домработница указывала, что пока Лурье жил один, «он обычно с этими лицами занимался разговорами», как ей иногда удавалось слышать — говорили о делах больницы, поликлиники, собраниях и т. п. Нам в ее показаниях видится, что это были врачи-трудоголики, которые даже в свободном общении, с накрытым столом говорили исключительно о работе.

Обвинения в тесной связи Григория Шастина с Н. Л. Лурье следуют из многочисленных показаний свидетелей. К примеру, завхоз больницы ЧТЗ отношения своего руководителя с Н. Лурье охарактеризовал так: «Шастин действительно был связан с Лурье, это были два друга, которых редко можно было видеть друг без друга, Шастин когда уезжал в научную командировку в Москву своим заместителем оставил Лурье».

Когда Г. К. Шастина попросили охарактеризовать Н. Л. Лурье с политической стороны, он заявил, что знал его как вполне лояльно настроенного к Советской власти человека.

«Вопрос: Были ли между вами разговоры об оппозиционных течениях внутри партии?»

Ответ: Да были.

Вопрос: Расскажите, о чем именно шла речь?»

Ответ: В 1935 г. в связи с убийством тов. Кирова я беседовал с Лурье, он оценивал это как террористический акт со стороны троцкистов и возмущался этим убийством.

Вопрос: Высказывался ли Лурье сочувственно к оппозиционным течениям внутри партии в частности к зиновьевцам и троцкистам во время ваших совместных бесед?»

Ответ: Нет».

Как отчетливо видно из этого протокола допроса от 24 августа 1936 г., наиболее «контрреволюционными» в данном случае являются сами вопросы следователя.

На допросе 27 августа 1936 г. Г. К. Шастин давал показания о том, что ему известно о Н. Л. Лурье, после его отъезда из Челябинска. Он указал, что сначала Лурье с женой уехали в Москву, а после они в письме к доктору Грозневич, которая поддерживала с ними связь, написали в марте 1936 г., что устроились в Ленинградской клинике и получили комнату. «Я получил от Лурье Натана два письма, — показал Г. К. Шастин. — В первом письме он писал из Ленинграда о том, чтобы я переслал его заработную плату в институт усовершенствования врачей. <...> Во втором письме <...> прислал счет, <...> в котором он просил оплатить ему расходы, связанные с командировкой — что еще писал в этом письме, я не помню. Оба письма были переданы мной в бухгалтерию больницы бухгалтеру Гаврилову». Больше с Лурье Г. К. Шастин не встречался и о том, что в 1936 г. Лурье приезжал в Челябинск, он не знал.

«Террорист» Н. Л. Лурье и его челябинские соратники

Н. Л. Лурье в ходе «Московского процесса» признал, что он занимался троцкистской деятельностью с 1927 г., то есть около девяти лет. В «Бюллетене оппозиции» к этому добавили: «К сожалению, только — об этом никому не было известно. Ни один троцкист, ни в одной стране, ни в 1927 г.,

ни позже, никогда не встречался с Н. Лурье». Н. Л. Лурье в ходе допросов менял свои показания: в июне 1936 г. он признавался только в троцкистских взглядах, отрицал методы террора, а уже в июле признался, что лично должен был участвовать в покушениях на первых лиц страны.

В августе 1932 г. группа Н. Лурье якобы получила задание от некоего Франца Вейца (фашистского охранника, по словам судебных отчетов), совершить покушение на Ворошилова. Но в июле 1933 г. Н. Л. Лурье был направлен Наркомздравом на работу в Челябинск. Здесь он, как следует из материалов дела, ожидает, чтобы кто-либо из вождей, Каганович или Орджоникидзе, приехали в Челябинск. Помимо этого, он признался в том, что пять раз приезжал в Москву с револьвером, с целью произвести покушение, а в последней поездке его чемодан, в котором хранился револьвер, был похищен. Якобы поэтому такой важной улики, как револьвер, и не было обнаружено.

В материалах дел часто фигурируют вопросы об оружии, которое имелось у знакомых Натана Лурье и у него самого. Оказалось, что у санитарного врача Кауфмана какое-то время имелся наган. Сам Г. Н. Кауфман на допросе пояснил, что револьвер он получил под расписку от начальника милиции в 1934 г. «для целей самоохраны в связи с тем, что мне как санврачу приходилось выезжать в поселки Красный партизан, Буденовский и другие в ночное время, где сильно было развито хулиганство». В декабре того же года револьвер также под расписку был сдан обратно. Действительно, эти барачные районы вокруг строящегося соцгорода ЧТЗ были одними из самых криминальных в городе и оружие там было совсем нелишним.

В материалах дела несколько свидетелей и подследственных приводят сведения о том, что Натан Лурье не умел стрелять.

Но несмотря на все вышеописанное, следователи настойчиво искали следы покушений на видных деятелей партии, которые в 1930-е гг. посещали Челябинск. В ходе допроса 24 августа 1936 г. (то есть одного из первых допросов после ареста) следователь спросил Г. К. Шастина о том, были ли у него разговоры с Лурье по поводу приезда

в Челябинск наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Г. К. Шастин ответил, что «когда т. Орджоникидзе приехал в Челябинск, то Лурье в тот же день пришел ко мне в кабинет и просил меня чтобы я добился приема к т. Орджоникидзе по вопросу постройки новой больницы («по вопросу постройки новой больницы» в протоколе подчеркнуто. — Ю. Ф.) на ЧТЗ и чтобы я вместе с собой взял на прием к т. Орджоникидзе и Лурье. Я на это не согласился и возразил Лурье, что это дело дирекции завода и не пошел. И он меня об этом больше не просил».

Как мы видим, в ответе Г. К. Шастина четко прослеживается единственная цель встречи с наркомом тяжелой промышленности — строительство новой больницы для работников завода и жителей района. Это действительно было задачей номер один для нового большого района города.

«Называл своим другом Николаева...» Знал ли Шастин убийцу Кирова?

На допросе 11 сентября 1936 г. А. Р. Колесникова на вопрос о том, как ее муж Кауфман отреагировал на сообщение об убийстве в Ленинграде, вновь очерняет мужа (хотя, возможно, это делали сами следователи): «Кауфман мне своих мнений по этому вопросу не высказывал, но я знала и видела, что он не имеет глубокой печали, как это было в партийных рядах».

Не последнюю роль в подписании обвинительного приговора Г. К. Шастина сыграл и тот факт, что он якобы был знаком по комсомольской работе 1920-х годов с убийцей С. М. Кирова — Николаевым.

Парторг больницы ЧТЗ А. Е. Вловин свидетельствовал: «Из разговоров с Петровой я знаю, что Шастин Григорий называл своим другом Николаева».

В протоколе очной ставки Г. К. Шастина и А. Н. Петровой от 1 октября 1936 г., в начале которого указывалось, что они «личных счетов к друг другу не имеют», А. Н. Петрова заявляла: «Разговор происходил в кабинете Шастина, присутствовали только Шастин и я. Это было утром после

проработки приговора суда над Ленинградскими террористами по отделениям больницы (в тот же день). Шастин, прочитав газету, сказал мне: “черт возьми, ведь Николаев был моим другом — вместе были в комсомоле”. Г. К. Шастин подтвердил, что такой разговор имел место, но в нем он заявлял, что знал по комсомолу в Ленинграде Котолымова и Румянцева, а не Николаева: “Говоря о Котолымове и Румянцеве я их назвал “друзья-приятели”, но друзьями моими они никогда не были”. Знакомство с Николаевым Григорий Шастин категорически отрицал.

«У Григория не все благополучно в части его политических взглядов». Другие «преступления» Шастина

Процитируем опрошенных свидетелей: «Когда шли из общежития по улице Шастин Г. завел разговор о демократии, заявив, что нет у нас настоящей демократии. Как доказательство привел такое соображение, что якобы редко созываются съезды (имел в виду съезды партии или Советов)». Брат Григория — Николай Шастин в своих показаниях рассказывал, что Григорий накануне XVII съезда в разговоре высказал мысль, что съезды бесполезны, так как все решают вожди, а остальные это только подтверждают.

Еще один свидетель припоминал, как Г. К. Шастин называл профсоюзных деятелей «профлодырями», а партийцев — «партлодырями»... Хотя, как следует из отдельных высказываний на страницах дел, Г. К. Шастин писал заявление, чтобы числиться «сочувствующим ВКП(б)». При допросе Д. Е. Бендюкова спрашивали о том, почему, зная Григория Шастина как человека настроенного антисоветски, он дал ему в 1935 г. рекомендацию в сочувствующие ВКП(б), на что последовал ответ: «Я антисоветской личностью Шастина Гр. не считал, а отдельные высказывания расценивал как непонимание некоторых вопросов». Любопытно, что брат Григория на допросе передал свой разговор с Д. Е. Бендюковым по поводу этого случая, при котором Даниил Евдокимович сказал Николаю: «Я дал Григорию

рекомендацию, правда, у Григория не всё благополучно в части его политических взглядов, но ничего — обомнется». Вывод, сделанный Н. К. Шастиным, нас очень удивил: «Отсюда ясно, что Бендюков стремился сознательно протасовать в ряды ВКП(б) Шастина Григория, зная последнего, как человека с троцкистскими настроениями». С трудом верится, что Николай произносил эти слова о своем брате. Да и написаны они как-то официально — смеем предположить, что это слова и выводы следователя.

На страницах дела № 2912 через допросы нескольких свидетелей следователи пытаются установить один из «контрреволюционных эпизодов». Касался он, казалось бы, бытовой ситуации: в июле 1936 г. Бендюков Д. Е., Шастин Н. К., шофер Шастина Н. К. и некий Василий Иванович выехали вечером на рыбалку на реку Миасс. Распили бутылку наливки около костра, Шастин Н. и шофер пошли спать, а Василий Иванович стал ругать советскую власть, «потом перешел к злобным выпадам по адресу т. Сталина. Меня это взорвало и я схватил его за шиворот и придавил к земле. Он продолжал твердить свое, я же кричал: “ты сволочь, контрреволюционер” и т. п. Шофер тут же проснулся и закричал на Вас. Ив. “чего лезешь со своими разговорами”», — рассказывал Д. Е. Бендюков. Вина Николая Шастина состояла в том, что он не мог не слышать, а делал вид, будто бы спал. Впоследствии этот эпизод Д. Е. Бендюков использует для убеждения следователей в своей невиновности: «Я доказал дракой у реки, что я не враг, я люблю Родину и ее вождей».

Признавалось антисоветским и мнение братьев Шастиных о политике в деревне. Николай Шастин в показаниях свидетельствовал: «В 1932 г. в Москве брат Григорий рассказывал мне о якобы массовом голоде, уходе крестьян из деревни, кулацких восстаниях, расценивая это как результат неправильной политики партии в проведении хлебозаготовок 1931 г. на Украине». Другой свидетель рассказывал: «Из конкретных, запомнившихся мне разговоров в период 1933 г. можно указать на контрреволюционные заявления Шастина Григория и Шастина Николая о неправильной политике партии в деревне в области коллективизации.

Они считали, что партия взяла слишком быстрые темпы обобществления сельского хозяйства, что приводило к массовым перегибам, голоду и другим ненужным жертвам в деревне».

Городских врачей в те годы часто направляли для работы в сельскую местность. Как врач Г. К. Шастин видел последствия коллективизации, о чем также говорили допрашиваемые свидетели: «Примерно в начале 1933 г. Шастин Г. рассказывал, что он ездил с бригадой врачей на борьбу с “септической ангиной”, что всякие комиссии, врачебные бригады ищут возбудителя этой болезни, усиленно стараясь доказать, что она инфекционная, а на самом деле, заявил Шастин Г., возбудители тут не причем, просто люди умирают с голода, до того их довели хлебозаготовки». В доказательство Григорий Константинович приводил тот факт, что никто из медработников не заболел, потому что у них был с собой белый хлеб и другие продукты питания. Свидетель добавил, что Г. К. Шастин утверждал: «...все медработники не заявляют открыто о том, что причина болезни голод, только потому, что боятся так говорить, но все якобы прекрасно это понимают, не исключая и представителей органов ОГПУ, которые также понимают, что всё дело в недоедании».

Официальная точка зрения Наркомздрава говорила о том, что септическая ангина — это новый, еще неизвестный вид инфекционного заболевания.

«Втянут.. Не осознал... Колебался...»

Изнурительные допросы следовали с завидной частотой. Мы попытались сделать подсчеты, когда обвиняемые теряли стойкость и подписывали признательные документы. Это происходило, как правило, не ранее двадцатого вопроса. Так, Д. Е. Бендюков 14 октября 1936 г. заявил: «В 32–36 гг. антипартийные и антисоветские разговоры с Шастиным Гр. и Шастиным Ник. я объясняю потерей классовой бдительности <...>. Я их рассматривал, как разговоры о трудностях; или перегибах в политике партии — не понимал, что этим сколачивается к<онтр>р<еволюци-

онная> троцкистская группа». Судя по стилю изъяснения, который мы наблюдали в ответах Д. Е. Бендюкова ранее, такие обороты ему совершенно не были присущи, но он уже готов к признаниям. В протоколе допроса от 21 октября 1936 г. Д. Е. Бендюков на вопрос о том, признает ли себя виновным, отвечает: «Да, я признаю себя виновным в том, что являлся участником контрреволюционной троцкистской группы на ЧТЗ в составе Шастина Николая, Шастина Григория и меня — Бендюкова.

Вопрос: Организатор кто?

Ответ: Шастин Николай.

Вопрос: Охарактеризуйте контрреволюционные разговоры эти.

Ответ: Шастин Н. и Шастин Г. давали троцкистскую оценку положению внутри партии, считая, что настоящей демократии в партии нет (последняя часть фразы в протоколе подчеркнута. — Ю. Ф.)».

И далее полилось: «втянут... не осознал... колебался» и т. п.

Любопытно, что в тот же день Даниил Евдокимович пишет заявление об отказе от показаний, мотивируя это тем, что ранее «подписал, потому, что было тяжелое моральное состояние и хотел ускорить следствие».

Г. К. Шастин «признался» в своих преступлениях достаточно быстро. Уже 28 августа 1936 г. в протоколе допроса читаем в начале допроса:

«Вопрос: Вам неоднократно предъявлялись показания, что Вы вели контрреволюционные разговоры.

Ответ: Еще раз заявляю, что никаких к<онтр>р<еволюционных> и антисоветских разговоров я не слышал, ни от брата Шастина Николая, ни от наших общих знакомых».

Григорий Константинович все категорически отрицает. Но следом идет вопрос: «Вот вам показания брата Шастина Николая, что в Вашем присутствии велись к<онтр>р<еволюционные> разговоры. <...> Предлагается Вам еще раз дать следствию правдивые показания (последняя фраза в протоколе подчеркнута. — Ю. Ф.)». А далее «полилось рекой» признание, торопливо записанное следователем посредством казенного официального язы-

ка, который совсем не был характерен для Г. К. Шастина, с выделением наиболее значимых мест: «Считаю, что мое заpiresательство в дальнейшем бесцельно, признаю себя виновным в том, что я входил в к.р. троцкистскую группу, существовавшую на ЧТЗ. Собираясь друг у друга, мы подвергали клеветнической критике мероприятия ЦК ВКП(б) в области внутрипартийной демократии (последние три слова в протоколе подчеркнуты. — Ю. Ф.) <...>. Мероприятия партии и правительства в области коллективизации <мы называли> неправильными <...> коллективизация проводится насильственным путем, вопреки желанию трудящихся крестьян. Также критиковались мероприятия обкома в частности руководство промышленностью в частности указывалось на то, что обком слишком вмешивается в работу тракторного завода. Вместе с этим высказывалось сочувственное отношение к исключенным из ВКП(б) за участие в оппозиции».

Ну, и следом, как полагается, Г. К. Шастин перечислил состав контрреволюционной троцкистской группы.

Справедливости ради надо напомнить о тех деталях, которые мы разглядели на страницах следственных дел. Например, то, как на соседних страницах отличается подпись подследственного — на одной уверенная, ставшая за время работы с делами нам привычной роспись, а на другой — то ли рука дрожала, то ли перо в руке не держалось: корявая укороченная непривычная роспись. Мысли о физическом воздействии на подследственного не покидали нас на протяжении всего исследования.

Правда, нами ощущалось, что это мысли и слова самих следователей, облаченные в нужные следствию формулировки, на основе изложенных подследственным фактов: «Мне известно, что участник нашей к<онтр>р<еволюционной> группы Бендюков, являвшийся начальником планово-экономического отдела ЧТЗ, исходя из своих к<онтр>р<еволюционных> взглядов, осуществлял вредительство в своей работе на заводе: В разговоре с Николаем Шастинным, в моем присутствии, Бендюков с удовлетворением рассказывал, что ему удалось обмануть Наркомтяжпром, представив заведомо преувеличенные, ложные цифры

себестоимости трактора». Трудно представить, что именно такими выражениями пользовался доктор Шастин.

В ноябре 1936 г. Григорий Константинович собственноручно написал следователю Натансону обращение на пяти страницах, в котором пытался ответить на обвинения, выдвинутые против него в показаниях одного из докторов больницы. Стиль письма заметно отличается от записей, выполненных следователями со слов арестованных. Это грамотная речь образованного человека, логично дающего ответ на каждый пункт обвинения, выдвинутого против него. Так вот, в этом обращении, несмотря на то, что в протоколах допросов он «признал» себя членом троцкистской группы еще 28 августа 1936 г., он твердо заявляет: «Конечно, в моей работе были большие недостатки и упущения, но они ни в коей мере не могут быть объяснены моим желанием вредить охране здоровья рабочих». Складывается ощущение, что когда Г. К. Шастин подписывал протоколы, то он не читал, что там понаписали следователи.

«Заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет». Приговор

Чуть более четырех месяцев длилось следствие по делу «организованной троцкистско-зиновьевской группы на ЧТЗ». Аресты участников группы были проведены в конце августа 1936 г., начиная с 23-го числа, а 27 ноября 1936 г. следственное дело было закончено и направлено в Спецколлегию Челябинского областного суда. В каком из зданий, принадлежащих органам НКВД Челябинска находились подследственные, нам не удалось установить, но скорее всего, это были здания на ул. Васенко или на ул. Коммуны. Окончательная точка в этом деле была поставлена к Новому году. Именем РСФСР 29–30 декабря 1936 г. Челябинский областной суд, Спецколлегия в составе председательствующего Барановского, членов: Емелина и Мартыновой, при секретаре Бабушкине вынесли приговор по делу. Текст приговора изложен на трех страницах и отпечатан на машинке в 17 экземплярах. Изучим его содержание.

В закрытом судебном заседании было рассмотрено дело обвиняемых, Д. Е. Бендюкова, Н. К. Шастина, Г. К. Шастина, Г. Н. Кауфмана, А. Р. Колесниковой. Суд постановил, что указанная «группа обвиняемых, начиная с 1933 г., находясь в рядах ВКП(б), поддерживала связь с к/р. троцкистами, оказывая последним содействие в своей к/р. деятельности, и сами систематически высказывали к.р. троцкистские взгляды по вопросам внутрипартийной демократии, политики ВКП (б) в деревне и др. В частности, упомянутая группа была связана с к/р. террористом Лурье Потапом (так в тексте. — Ю. Ф.), расстрелянного по приговору Военной коллегии Верховного Суда (так в тексте. — Ю. Ф.) СССР, по делу к<онтр>р<еволюционного> троцкистско-зиновьевского террористического центра, работавший врачом на Челябинском тракторном заводе до января 36 г.». «Потап» Лурье — это звучит сильно!

Разберем текст приговора, касающийся конкретных обвинений.

Шастин Григорий Константинович обвинялся в том, что был одним из близких к Лурье людей в Челябинске, поддерживал с ним связь как «служебную, так и бытовую». Поставили в вину Г. К. Шастину и то, что в 1920-е гг. во время учебы в Ленинграде он общался с троцкистом Кульневым. Ужасно звучало и такое обвинение Григория Шастина в том, что он «свои знания врача-терапевта использовал в к<онтр>р<еволюционных> целях, распространяя клеветнические измышления в существовании голода в деревне, ссылаясь при этом на якобы научные источники о возникновении болезни, септической ангины, на почве голода». Кроме этого, Шастина обвинили в том, что он неоднократно высказывал троцкистские взгляды по поводу внутрипартийной демократии.

В итоге, следователи сделали вывод: так как Д. Е. Бендюков и братья Шастины общались между собой — значит, их можно назвать враждебной организованной группой. Наказание обвиняемым назначалось следующее:

— Колесникова А. Р. — заключение в концлагерь на 3 года, поражение в избирательных правах на 1 год;

— Кауфман Г. Н. — заключение в концлагерь на 5 лет, поражение в избирательных правах на 3 года;

— Бендюков Д. Е., Шастин Н. К., Шастин Г. К. — заключение в концлагерь на 7 лет, поражение в избирательных правах на 5 лет.

Всем обвиняемым предварительное заключение, то есть время, проведенное в изоляторе со дня ареста, предлагалось зачесть в срок отбывания наказания. Двух детей Кауфмана Г. Н. и его жены Колесниковой А. Р. 6 и 9 лет передавали органам народного образования для размещения их «в соответствующие детские учреждения». У братьев Шастиных воспитанием детей продолжили заниматься их жены.

19 января 1938 г. Президиум Верховного суда РСФСР на основании протеста Прокурора РСФСР, рассмотрев дело, отменил приговор 29–30 декабря 1936 г. и Определение Коллегии Верховного Суда РСФСР от 17 февраля 1937 г., для направления на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования по признакам ст. 58-10, 11 и 8 УК РСФСР. Пересмотр дела мотивировался «мягкостью приговора». Для этого братья Шастины и Д. Е. Бендюков прибыли вновь в Челябинскую тюрьму. Неизвестно, довелось ли им увидеться в этот момент, смог ли брат обнять брата. Зато доподлинно известно, что к их обвинительным статьям 58-10 и 58-11 при пересмотре дела в июле 1939 г. добавилась статья 58-8 (совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации).

В ходе двух допросов 1939 г. Г. К. Шастин отрицал свою принадлежность к контрреволюционной террористической организации, все выдвигаемые обвинения опровергал, и тем не менее статья 58-8 Григорию Шастину была добавлена.

Среди следственных дел, с которыми нам дали возможность работать, есть дело № 2916, изучая которое, можно подробно представить, как происходил повторный арест Г. К. Шастина в 1949 г. сотрудниками УМГБ по Архангельской области.

К моменту ареста 9 сентября 1949 г. свой срок он уже отбыл. Обвинение было предъявлено по статьям 58-10, 58-11.

Исчерпывающую информацию о местах своего пребывания, начиная с первого ареста, дает сам Григорий Константинович во время допроса 14 сентября 1949 г.: с августа по декабрь 1936 г. находился под следствием во внутренней тюрьме УНКВД г. Челябинска; с декабря 1936 по июнь 1937 г. — в областной тюрьме г. Челябинска; с июня 1937-го по июль 1938 г. — в Восточном ИТЛ на Колыме; с августа 1938-го по ноябрь 1940 г. — в областной тюрьме города Челябинска; с ноября 1940-го по 3 октября 1944 г. — в Севдвинлаге.

При формировании нового дела следователям необходимо было дополнить прежние «преступления» какими-то новыми. Поэтому на допросе 10 сентября 1949 г. следователь спросил Шастина: «Какую враждебную работу вы проводили по освобождению из лагеря?», на что Г. К. Шастин ответил: «Никакой». Тогда следователи стали повторять вопросы из следственных дел, сформированных в 1936 г. Всего четыре допроса, где Шастин постоянно отрицает наличие контрреволюционной террористической группы на ЧТЗ. Отрицает так настойчиво, что следователь регулярно вынужден записывать слова: «Вы говорите неправду!».

После допросов, как водится, было предъявлено обвинение: знакомство с Кульневым, Лурье и нелегальные сборища троцкистов на ЧТЗ — вот пункты обвинения. Все было взято из материалов 1936 г. Чего-то нового предъявить Г. К. Шастину следователи не смогли. Виновным Григорий Константинович себя не признал. Уже 23 сентября 1949 г., то есть примерно через две недели после ареста, был составлен протокол об окончании следствия, а далее последовало обвинительное заключение с ходатайством применить меру наказания — ссылку на постоянное место жительства в отдаленные районы СССР. После этого 2 ноября 1949 г. в выписке из Протокола № 62 Особого Совещания при МГБ СССР было зафиксировано Постановление: «За принадлежность к антисоветской троцкистской группе сослать на поселение в Красноярский край».

24 ноября 1949 г. Григорий Константинович был этапирован из архангельской тюрьмы в Красноярск.

«...за отсутствием состава преступления». **Реабилитация**

Середина и вторая половина 1950-х годов для всех людей, переживших период репрессий, стали временем надежд, вдохновляемых словом «оттепель». Григорий Константинович Шастин еще до знаменитого XX съезда партии начал бороться за восстановление своего доброго имени.

Из заявления челябинскому областному прокурору от 17 марта 1957 г., подшитого к делу № 2916, следует, что он еще в сентябре 1955 г. обращался с жалобой на имя Генерального прокурора СССР, но ответа не получил. В январе 1957 г. он обратился с запросом к помощнику прокурора Уральского военного округа по Челябинской области, который ответил ему, что дело еще в ноябре 1956 г. было передано челябинскому областному прокурору, к которому он и обращается с надеждой, обозначенной на небольшом тетрадном листочке. В конце обращения он (можно представить, с каким ожиданием!!!) написал: «Прошу Вас сообщить мне, каков же результат моей жалобы. Ваше решение по моему делу».

И вот долгожданное событие происходит. Сначала Григорий Константинович получает справку Челябинского областного суда от 2 апреля 1957 г. с долгожданными словами: «Постановление бывшего Особого Совещания при НКВД СССР от 10 сентября 1940 года отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления». Причем постановление касалось обоих братьев Шастиных. Что же больше всего могло порадовать в этом документе братьев? Конечно, основания к прекращению дела: «В основу обвинения Шастиных было положено их самопризнание на предварительном следствии», а также то, что уже при вынесении приговора они виновными себя не признавали, как и то, что 35 допрошенных свидетелей никаких обличающих фактов их вины не предоставили!

В 1997 г. сын Г. К. Шастина Эрнест Григорьевич, проживавший в то время в Ленинграде, направил запрос Прокурору Челябинской области с просьбой выдать ему справку о реабилитации отца. Ему были выданы справ-

ка о полной реабилитации Г. К. Шастина и заключение о признании Э. Г. Шастина пострадавшим от политических репрессий. Это последние документы в персональном деле Григория Константиновича Шастина.

Полтора года кропотливой работы позади. Вместо коротенькой информации «Шастин (1934—1936 гг.)», увиденной нами когда-то в книге по истории больницы ЧТЗ, мы можем рассказывать об этом человеке часами...

Все полученные в ходе исследования материалы переданы в Музей больницы ЧТЗ, Городской музей истории медицины. Мы непременно перешлем нашу работу его сыну — Эрнесту Григорьевичу в Санкт-Петербург. Он, хотя и вырос без отца, но сыном был хорошим — мы видели его письма, подшитые к следственным делам... Пусть наша работа станет своеобразным памятником грамотному врачу, хорошему человеку, равнодушному гражданину своей страны — Григорию Константиновичу Шастину.

История одной картины

Маргарита Корнякова

г. Астрахань

Загадка «Швейцарского пейзажа»

Во время посещения нашего краеведческого музея я обратила внимание на одну картину в зале «Астраханский край в XX веке». Она скромно висела в углу, над гипсовой скульптурой Сталина. Вокруг было много других полотен, но именно «Швейцарский пейзаж», написанный художником Эдуардом Голдевским в начале сороковых годов XX века, значительно отличался от остальных экспонатов.

На картине изображены уютный деревянный домик, счастливые девушки, о чем-то заинтересованно беседующие с лодочником, на заднем плане возвышаются горы, освещенные лучами теплого летнего солнца. Мне захотелось рассмотреть пейзаж получше, и, подойдя ближе, я увидела, что полотно картины состоит из множества сшитых друг с другом небольших кусочков ткани. Эта необычная деталь еще сильнее заинтриговала меня. Сразу же возникли вопросы: «Почему полотно сшито из лоскутков?», «Какова судьба художника?», «Кому принадлежала эта картина?». Я стала расспрашивать об этом сотрудников музея.

Оказалось, что картина была написана в 1944 году по просьбе Нины Семеновны Бреус-Бросалиной белорусским художником, арестованным в 1932 году за антисоветскую агитацию, Эдуардом Викентьевичем Голдевским. В это время

они жили на вольном поселении при Темниковском исправительно-трудовом лагере (или Темлаг). Их срок заключения уже подходил к концу. Эдуард Голдевский, сшив между собой куски портянок и холста, по вечерам писал картину. Работа над ней шла чуть больше года. Интересен и выбор пейзажа — возможно, именно Альпы ассоциировались у Эдуарда Викентьевича со свободой и счастьем. В 1945 году «Швейцарский пейзаж» был подарен Н. С. Бреус-Бросалиной.

В 2001 году Нина Семеновна подарила картину Астраханскому краеведческому музею.

К сожалению, часто судьба репрессированных, таких как семья Бреусов, мало кому известна. Проходит время, уходят в далекое прошлое страшные события сталинских репрессий и постепенно забываются ужасы лагерей, судьбы миллионов людей. Я считаю, что необходимо сохранять и помнить эти.

О судьбе семьи Бреус-Бросалиных осталось совсем немного напоминаний, одним из которых стал написанный на сшитом из лоскутков полотне «Швейцарский пейзаж».

Начало расследования

Пожалуй, именно увидев «Швейцарский пейзаж» и услышав короткий рассказ экскурсовода о хозяйке этого полотна, я по-настоящему задумалась о судьбе репрессированной семьи Бреус-Бросалиных.

Возникшие вопросы не давали мне покоя. За более подробной информацией и в надежде найти какие-либо официальные данные я обратилась в архив Краеведческого музея Астрахани. После получения разрешения директора музея я смогла приступить к изучению архивных материалов семьи Бреус-Бросалиных. Все экспонаты были, как я выяснила, переданы самой Ниной Семеновной вместе с картиной в 2001 году.

В Астраханской областной научной библиотеке имени Н. К. Крупской я разыскала статью, посвященную жизни Нины Семеновны.

В Государственный архив Астраханской области, не смотря на поданное мной заявление и все необходимые

для получения пропуска документы, меня сначала не пропустили. Благодаря моей научной руководительнице мы все-таки получили допуск. Там нашлись протоколы Ту-макского рыбокомбината, в которых упоминается его директор Илья Емельянович Бреус.

Собранные по крупицам материалы все больше и больше раскрывали трагическую историю этой семьи.

К сожалению, самой Нины Семеновны и ее сына Виталия Ильича уже нет в живых; о судьбе ее второго сына, пропавшего при странных обстоятельствах, до сих пор ничего неизвестно.

В интернете я нашла страничку внука Ильи Емельяновича и Нины Семеновны — Бориса Витальевича Бреуса. Он проживает в Астрахани. Я написала ему письмо, договорилась о встрече.

Рано утром Людмила Вадимовна и я отправились на первое в моей жизни настоящее интервью. Мы встретились с Борисом Витальевичем в его квартире. Это был высокий, строгий мужчина, он предложил нам пройти в гостиную. Людмила Вадимовна спросила:

— Не могли бы вы рассказать о вашей бабушке Нине Семеновне и вашем дедушке Илье Емельяновиче?

Я уже с нетерпением была готова записать все, что расскажет Борис Витальевич, но его ответ немного расстроил нас:

— К сожалению, я практически ничего не знаю...

— Может быть, Нина Семеновна рассказывала о своем муже, о его аресте или о годах, проведенных в лагере? — с надеждой спросила я.

Борис Витальевич на мгновенье замер, задумался. Еще в переписке он сообщил, что его бабушка умерла в 2003 году, ей тогда было 92 года, но она практически ничего не рассказывала, поэтому и помнит он немного.

— Бабушка не любила говорить о прошлом... Но она много вспоминала о деде. Говорила, — здесь наш собеседник слегка улыбнулся, — что он был очень высоким и таким красивым, что все девушки, когда он по улице шел, оборачивались.

— Что же случилось с вашим дядей, Борисом Ильичом? — спросила я. Судьба второго сына Нины Семеновны

и Ильи Емельяновича меня очень волновала, ведь во всех источниках и документах, которые у меня уже были, говорилось, что его так и не удалось найти.

— Отец говорил, что он пошел с друзьями в школьную библиотеку и не вернулся. Бабушка его не переставала искать, постоянно писала в прокуратуру заявления, но его так и не смогли найти... У меня есть документы...

Борис Витальевич вышел, вскоре он вернулся с целым альбомом в руках.

Это был настоящий клад! Особенно сильное впечатление на меня произвели совместные фотографии Ильи Емельяновича и Нины Семеновны, разорванные или разрезанные пополам. Страх за жизнь своих родных и за свою жизнь вынудили несчастную женщину скрывать родство с «врагом народа».

Видя наш интерес к судьбе его родных, Борис Витальевич пообещал посетить архив ФСБ Астраханской области, чтобы ознакомиться с делом своего репрессированного деда Ильи Емельяновича.

Я же решила посетить тот самый Тумакский завод, директором которого когда-то был Илья Емельянович Бреус. Когда я приехала в Тумак, местные жители сказали, что рыбзавод закрыт уже около 15 лет. Сейчас предприятие, в советское время бывшее основным местом работы для селян, заброшено, никакой документации или воспоминаний об его истории не осталось, а помещения используются местными жителями для разных целей: в одних содержат скот, в других просто устроена свалка.

Вскоре нам позвонил Борис Витальевич и рассказал, что ему удалось посмотреть материалы дела своего деда, хранившиеся в архиве ФСБ Астраханской области, и даже снять с некоторых из них копии. Стало ясно, что судьба репрессированной Нины Семеновны была только малой частью того, что произошло со всей семьей.

До репрессий

Илья Емельянович Бреус родился в 1901 году в Оренбургской губернии в деревне Курдалияево (или Кардайловск), где получил начальное образование. Он был родом

из знаменитых оренбургских казаков. По семейному преданию, такая необычная фамилия рода произошла от прозвища лихого и бесстрашного казака Брей-Уса.

В 1919 году Илья Емельянович начал служить в кавалерийском полку конармии Семена Михайловича Буденного. В 1926 году стал членом КПСС. С 5 октября 1926-го по 16 мая 1929 года работал в Ленинграде на табачной фабрике имени Урицкого. С 1929-го по 1930 год Илья Емельянович работал в фабричном комитете «в должности председателя культкомиссии и секретаря фабкома».

12 ноября 1929 года на состоявшемся в Москве пленуме ЦК ВКП(б) помимо решения о предстоящем раскулачивании и усилении колхозов партийными кадрами было решено направить в колхозы и МТС 25 тысяч передовых городских рабочих на постоянную работу для руководства совхозами и колхозами. В начале 1930 года Илья Емельянович был командирован в составе группы ленинградских рабочих-двадцатипяти тысячников в Кемеровскую область на Гурьевские рыбные промыслы. В мае того же года в Астрахани как важном рыбопромысловом районе началось строительство одного из самых крупных предприятий СССР. Для строительства нового рыбоконсервно-холодильного комбината в 1931 году были отобраны рабочие из двадцатипяти тысячников. Среди них был и Илья Емельянович Бреус, вскоре назначенный директором строящегося комбината.

На стройке Илья Емельянович встретился с бойкой 19-летней девушкой Ниной Семеновной Бросалиной, которая приехала в Астрахань из села Меловое Саратовской области. Как гласит запись в ее трудовой книжке, она была «заведующей столом личного состава». Совсем скоро Нина Семеновна и Илья Емельянович поженились.

5 октября 1931 года завод был официально открыт. Благодаря усилиям Ильи Емельяновича производство сардинных консервных и жиромучных продуктов наладилось даже раньше, в 1930 году. На территории комбината также находились жемчужно-патовая и жестяно-баночная фабрики, механизированные линии выгрузки с судов рыбы и других речных и морских продуктов и их подачи на обработку.

В 1933 году, когда производство нового завода-гиганта было успешно налажено, Илью Емельяновича назначили директором базы морлова Волго-Каспийского госрыбтреста в Икрянинском районе. В то время там было создано Управление морского активного рыболовства.

18 мая 1933 года в семье Бреусов произошло радостное и долгожданное событие: родились два мальчика-близнеца — Виталий и Борис.

Тумакский рыбокомбинат

30 августа 1936 года Илью Емельяновича Бреуса назначили на должность директора Тумакского рыбозавода в Володарском районе (согласно протоколу пленума Володарского райкома ВКП(б), состоявшегося 30 августа 1936 года). Меня сильно удивило то, что человеку, имеющему всего лишь начальное образование, доверили столь ответственную должность.

В протоколе говорится: «Вывести из состава РП ВКП/б/ тов. Очередко, как исключенного из рядов РКП/б/. Вместо него ввести товарища БРЕУСА /член ВКП/б/ с 1925 года/, Директор Тумакского рыбозавода». Возможно, причиной снятия Очередко с поста директора послужило неоднократное невыполнение госплана.

В начале своего существования Тумакский рыбозавод подавал большие надежды. Это был один из крупнейших рыбообрабатывающих комбинатов страны. Предприятие располагалось в селе Тумак, на реке Бушма. Продукция поставлялась из ближайших рыболовецких колхозов. В июле 1936 года предприятию удалось перевыполнить годовой план вылова рыбы в два раза. Вместо 485 центнеров было выловлено 970 центнеров с каждого сетеподъемника. Это создало ложные впечатления о возможностях астраханского рыбного промысла. В телеграмме наркома тов. А. И. Микояна говорилось об установлении нового годового плана — 1000 центнеров с каждого сетеподъемника. Но эти новые планы выполнить было просто невозможно.

К Илье Емельяновичу когда-то процветавшее предприятие перешло в плачевном состоянии. Лодки-рыбни-

цы и прорези много лет не ремонтировались, а плоты для перевозки и обработки рыбы были заражены «прыгуном» (так местные называют личинку сырной мухи), из-за чего первосортная рыба в лучшем случае переходила во второй или в третий сорт, а иногда и в утиль. Илья Емельянович с головой ушел в наведение порядка в хозяйстве и восстановление былого объема производства завода, вникая во все тонкости нового дела.

Однако в датах протоколов Тумакского рыбозавода существуют явные противоречия. Так, например, в постановлении пленума Володарского райкома ВКП(б) от 22 августа 1936 года «О работе тони “Лицевой” Тумакского рыбозавода» к протоколу бюро РП от 23/VIII/36 директором указан Илья Емельянович Бреус, хотя он был назначен на эту должность только 30 августа 1936 года. К тому же описываемые события датируются 30 августа и не могли быть описаны в отчете от 23 августа. Я предполагаю, что противоречия в документах вызваны тем, что протоколы перепечатывались после ареста Ильи Емельяновича.

В документе выражаются жалобы на отсутствие нужного количества приборов для еды: «В столовой тарелок 6, ложек 13, ножей 37, вилок 18, чаю в столовой не дают и все пьют горячую воду, в столовой имеется 8 столиков и 15 табуреток и те очень грязные, в столовой нет ни одного стакана», на плохую еду и ее отсутствие: «В столовой готовят обед из одной рыбы на 89 человек», «Рыбкооп с перебоями доставляет хлеб в июле и четыре дня хлеба совершенно не было», «Овощи — арбузы, помидоры, виноград не разу на тону не посылались». Имеются жалобы на утаение размера зарплаты рабочих, сокрытие невыполнения плана: «Рабочие не знают процентную оплату и особенно их зарплату за июль и I половину августа, вместо правильного расчета, ввиду невыполнения плана и маленького заработка. Зав. тоней “Лицевой”, и счетовод скрывают это. За месяц на тоне не было собрания». Также рабочие были недовольны тем, что партучеба не была организована: «На тоне неорганизована партучеба и за два месяца не проводилось производственное собрание», «Из 56 неводных рабочих — неграмотных 36, малограмотных — 13, и 7, с которыми ликбез не

ведется». Большое внимание в отчете уделяется ужасным условиям жизни рабочих: «Не все рабочие имеют одеяло, подушки, простыни, брюки и постоянно недостает варешек и портянок». В соответствии с показаниями секретарь бюро РК ВКП(б) постановил директору рыбозавода Илье Емельяновичу Бреусу и председателю промкома Байбакову «сделать всё для устранения тяжелого положения рабочих тони “Лицевой” — необходимые меры предпринять, немедленно устранить все обнаруженные недостатки, их не повторить, тут же проверить лично самим все другие тони гослова рыбзавода».

31 января 1937 года на заседании бюро Володарского райкома ВКП(б) Сталинградской области (о чем говорится в протоколе № 3) была одобрена инициатива Ильи Емельяновича Бреуса и секретаря Байбакова «об изготовлении переходящих красных знамен между цехами, тонями гослова, колхозами, бригадами и приемками». Руководство призвало директоров других заводов и МРС, председателей колхозов последовать примеру директора Тумакского рыбозавода: «Рекомендовать всем директорам рыбозаводов, МРС, председателям колхозов и партработникам по примеру этого подготовить красные переходящие знамена, красные переходящие вымпела-манилки между стойками и реюшками». Из этого мы можем сделать вывод, что Илья Емельянович Бреус поддерживал социалистические соревнования, пытался поддерживать рабочих, стремился поднять уровень выпускаемой продукции и увеличить ее количество.

Но несмотря на все усилия, прикладываемые Ильей Емельяновичем для восстановления нормальной работы завода, и попытки наладить жизнь рабочих, восстановить то, что было разрушено за предыдущие годы, а также продолжать успешно выполнять все растущие госпланы своими силами было практически невозможно.

В Центре хранения современной документации Астраханской области хранится докладная записка Ильи Емельяновича Бреуса управляющему Волго-Каспийским госрыбтрестом и секретарю Володарского райкома ВКП(б) Степанову от 27 июля 1937 года. За полгода до своего ареста директор Тумакского рыбозавода писал: «Несмотря на про-

должительное время запрета, что давало полную возможность МРС [моторно-рыболовным станциям] и колхозам хорошо и своевременно подготовиться к началу осеннего лова, всё же в момент распрета ловцы МРС и колхозов, прикрепленных к Тумакскому рыбозаводу, своевременно на лов не вышли... На тоне Ракуша Некрасовского колхоза неводды сделаны неправильно, рабочих недобор, жилья на тоне нет, бригада живет под стогом сена... Из-за плохой работы приемного флота ловцы вынуждены сокращать выбивку рыбы из сетей, выбивают только на 50%, в некоторых случаях выбрасывают рыбу в море... Плавбазы задерживаются на льдосолебазе по 4–5 суток, приемки идут к ловцам без соли и льда, отчего рыба портится и вываливается в море...»

Из этого очень интересного документа мы видим, что плохое качество продукции и невыполнение планов по поставке обусловлено несогласованностью работы всех элементов предприятия и неналаженными условиями жизни и работы ловцов в колхозах и тонях. Илья Емельянович Бреус прекрасно видел это, пытался решить проблемы, искал помощи у правительства, однако его старания не находили отклика. Возможно, предприятие не пришло бы в катастрофический упадок, если бы планы Ильи Емельяновича, с усердием взявшегося за дело, были осуществлены.

Арест

Вечером 16 января 1938 года Илью Емельяновича арестовали. В дверь дома на улице Новикова постучали. Вошли двое: оперуполномоченный Дутов и сотрудник Астраханского окружного НКВД Кудеев, предъявили ордер на арест и обыск. Илья Емельянович был растерян и лишь повторял жене: «Ты, Ниночка, не беспокойся, это просто недоразумение, я ни в чем не виноват...»

В протоколе обыска говорится, что во время ареста присутствовал также гражданин Шемякин Роман Федорович, который, согласно рассказу Бориса Витальевича, в дом не заходил. Во время обыска в качестве возможных вещественных доказательств были изъяты: партбилет, паспорт, военный билет, револьвер системы Браунинг, бинокль.

Борис Витальевич вспоминал слова бабушки о том страшном моменте в ее жизни: «Когда мужа вывели из дома, один из близнецов — Борис — вырвался из рук бабушки и раздетый выбежал вперед за отцом. Бежал до ворот, плача, уговаривая отпустить папу...»

В этот день арестовали еще 24 человека. Илью Емельяновича и еще 11 человек обвиняли в участии в «правотроцкистской организации», якобы намеревавшейся провести террористические и диверсионно-вредительские операции.

Илью Емельяновича поместили под стражу в тюрьму НКВД. В камере № 22 он находился во время первых допросов с 16 января 1938 года по 11 июля 1938 года.

К моменту первого допроса, 16 января 1938 года, Илью Емельяновича лишили паспорта. При этом с должности директора Тумакского рыбозавода он был снят уже к моменту ареста.

На первом допросе Илья Емельянович не признавал своей вины, отрицал свое участие в правотроцкистской организации. Также на вопрос оперуполномоченного Дутова о близких людях на работе в Госрыбтресте бывший директор завода ответил, что близких лиц на работе не имел. Также Илья Емельянович поясняет, что он работал под руководством «ныне разоблаченных врагов народа Анориянова, Угланова и Фисенко, но в близких отношениях с ними не был за исключением моих разговоров с последними по делам службы». Скорее всего, такими ответами Илья Емельянович старался обезопасить других ни в чем не виновных людей.

С февраля по июль 1938 года Илья Емельянович Бреус находился в Сталинграде, в тюрьме № 1 УНКВД Сталинградской области, в камере № 22.

Второй допрос состоялся 5 февраля 1938 года. Именно на нем Илья Емельянович признает себя виновным в участии в антисоветской организации: «Признаю, что с 1936 г. и до дня ареста я состоял в право-троцкистской организации в рыбной промышленности, проводил я такую борьбу против ВКП/б/ и советского правительства». В признательных показаниях, словно под чью-то диктовку, он рассказывает о том, как вступил в антисоветскую организацию в Ленин-

граде, стал троцкистом и с кем «имел неоднократно беседы троцкистского характера и знал об их практической троцкистской деятельности». На допросе Бреус называет и причину переезда из Ленинграда, явно не соответствующую действительности (вместо назначения на новую должность государством — спастись от ареста как троцкист). Также называются требуемые имена и фамилии (Угланов, Емельянов, Соболев, Лисенко) и имена других арестованных (Кисель Адольф Устинович, Белицкий Андрей Феофанович, Цыганов Андрей Александрович, Шкадин Владимир Алексеевич). Основными вредительскими целями Илья Емельянович называет: «уничтожить рыбные запасы, путем облова запретных зон, разрушения кормовых баз, использования незаконных орудий лова. Выловленную рыбу гноить, превращать в утиль, во вторые и третьи сорта».

Я считаю, что подобные заявления директора рыбозавода, столько работавшего на восстановление нормальной работы, беспокоившегося о качестве рыбы, условиях работы и жизни рыбаков, а также пытавшегося наладить совместную работу всех элементов предприятия (доставшихся ему в совершенной разрухе и с отсутствием необходимых знаний) были продиктованы желанием властей скрыть собственные промахи. Тем более абсурдно звучит и признание Бреуса о намерении вместе с другим арестованным, Лисенко, спланировать и совершить террористический акт против наркома А. И. Микояна при помощи крытой автомашины в Астраханском парке. Трудно усомниться, что эти нелепые показания были либо сфальсифицированы, либо, скорее всего, получены под пытками.

18 февраля 1938 года состоялся последний допрос, на котором Илья Емельянович подтвердил свои слова, сказав, что ничего добавить он не может. Согласно постановлению, «преступления» Ильи Емельяновича подтвердили Шкадин, Очередко, Цыганов. В соответствии с показаниями самого Бреуса и других арестованных, его осудили по статьям 19-58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР за:

1. Активное участие в правотроцкистской, террористической и диверсионно-вредительской организации в рыбной промышленности в Астрахани;

2. Осведомление о готовившемся теракте над тов. Микояном;

3. Проведение диверсионно-вредительской деятельности в рыбной промышленности.

Дело № 5536 было отправлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР. До вынесения приговора Илья Емельянович содержался в ДПЗ Астраханского Округа НКВД.

14 июля 1938 года Нина Семеновна и Илья Емельянович расторгают брак, при этом Нина Семеновна меняет свою фамилию на девичью — Бросалина, а пятилетние сыновья Борис и Виталий остаются под фамилией отца.

10 августа 1938 года в Сталинграде состоялось подготовительное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. До окончания следствия Илье Емельяновичу оставалась прежняя мера пресечения — содержание под стражей. Примечательно, что в самом протоколе имеются исправления ручкой в статьях, в соответствии с которыми шло дело. Вместо перечеркнутой статьи 58-9 УК СССР («Причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях: наказание аналогично статье 58-2») была надписана статья 58-7 («Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путём соответствующего использования государственных учреждений и предприятий»). Было решено также заслушать дело «в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей в порядке закона от 1/ХІІ-1934 года».

На следующий день, 11 августа 1938 года, выездная сессия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в составе корвоенюриста И. О. Матулевича, военюристов 1-го ранга Суслина и Климина, а также секретаря военного юриста 2-го ранга Козлова вынесла приговор Илье Емельяновичу Бреусу (причем в строке состава преступления статья 58-9 так и не была исправлена, а в описании дела — была) — высшая мера наказания: расстрел с конфискацией

личного имущества. Приговор был исполнен незамедлительно. Его, теперь уже бывшей, жене Нине Семеновне сообщили, что он получил срок 10 лет лишения свободы без права переписки.

Арест Нины Семеновны Бросалиной

Совсем скоро по следам одного горя на семью Бреусов обрушилось второе — 2 октября 1938 года Нина Семеновна была арестована «за недонесение на мужа».

Сразу после ареста ее мать и сыновей выселили из их небольшого деревянного дома напротив церкви Иоанна Златоуста. Маленьких Бориса и Виталия хотели поместить в детприемник на улице Кирочной (ныне улица Спартакoвская), на фасаде которого до сих пор имеется зловещая надпись черными буквами: «Н.К.В.Д. Детприемник». Но бабушка не отдала внуков и поспешно уехала с ними в свой старый дом в селе Меловое Саратовской области.

Нина Семеновна была приговорена к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Этапом ее доставили в Темниковский женский лагерь в Мордовии. Нина Семеновна трудилась на лесоповале. Помимо нее в лагере находилось еще около 300 женщин — жен крупных военачальников, чиновников и директоров заводов. По воспоминаниям Нины Семеновны, кормили их соевой кашей, мелкой соленой рыбой — хамсой, в день давали по 400 граммов черного липкого хлеба.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, всех осужденных, чей срок подходил к концу, оставили в лагере на вольном поселении. В 1942 году в поселок Явас Zubово-Полянского района приехала мать Нины Семеновны Мария Викторовна вместе с девятилетними Борисом и Виталием. Семья испытывала большие трудности, они жили впроголодь, но вместе. 28 мая 1942 года Нина Семеновна была официально освобождена из заключения, однако она продолжала жить в Явасе.

На поселении жило много бывших заключенных. Среди них был художник Эдуард Голдевский. По просьбе Нины Семеновны, сшив в единый холст лоскутки ткани и портянок, он начал писать пейзаж в память о самых тяжелых

годах жизни, проведенных в лагере. Работа над полотном заняла около года. Картина вышла большая, а яркие краски осени и позитивная красота природы на ней совсем не сочетаются с пережитыми испытаниями.

В 1945 году Нине Семеновне и ее семье позволили выехать из поселения в Казахстан. До 1949 года они жили сначала у железнодорожной станции Чарская, а затем — у станции Алушта, где Нина Семеновна временно работала в магазине № 6. А 16-летний Борис Ильич устроился на работу в депо, чтобы помочь семье.

В 1949 году семья приехала в Астрахань. Когда Нина Семеновна по работе уехала на некоторое время в Алушту, мальчики остались жить и учиться в квартире на улице Семипалатинской. Из сохранившегося письма Бориса мы видим, как сильно мальчики скучают по маме.

Хотя Нина Бросалина была официально разведена, ее как жену расстрелянного «врага народа» долго не брали на работу. Только после смены отчества (Нина Семеновна стала Ниной Акимовной) она смогла устроиться в магазин одежды и обуви № 15. Однако следом пришла еще одна беда. Пропал сын Борис. Юноша ушел вместе с друзьями в школьную библиотеку и не вернулся. До сих пор неизвестно, что именно с ним случилось. Мать не уставая искала его, много раз писала в прокуратуру, однако поиски так и не дали результатов.

Только 29 апреля 1957 года Нина Бросалина была реабилитирована по решению Военного трибунала Северо-Кавказского Военного округа. Понемногу жизнь стала налаживаться.

Виталий Ильич устроился на работу на Астраханский тепловозоремонтный завод слесарем ремонтно-сборочного цеха, был активным рабочим, за высокие производственные показатели награждался почетными грамотами.

В начале 90-х годов, чтобы сохранить память о пережитых страшных годах лагерей, гибели мужа, о тысячах загубленных жизней, Нина Семеновна выступила за организацию в Астраханской области общественной организации «Мемориал».

4 июня 1993 года был реабилитирован ее бывший муж Илья Емельянович Бреус. В этом же году, 30 октября,

в Октябрьском парке у Лебединого озера состоялся митинг-реквием, на котором было принято решение об установлении на этом месте памятника жертвам политических репрессий. В 1995 году он был торжественно открыт. Среди активистов «Мемориала» и бывших политзаключенных сталинских лагерей была и Нина Семеновна.

Глядя на памятник, невольно задумываешься о тех, кто погиб в годы репрессий, и о том, что пережили те, кто остался жив. Неслучайна символика памятника: птица — символ свободы и счастья; она прикована к земле колючей проволокой — это символ мучительного заключения в лагерях; крыло птицы сломано, так же как была сломана счастливая жизнь несправедливо арестованных людей. Подойдя ближе, можно прочесть строки В. А. Жуковского: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностию — были». Подобные мысли только укрепляют мою уверенность в необходимости сохранения этого этапа истории в памяти людей.

В это же время Нина Семеновна организовала выставку, посвященную жертвам политических репрессий, в библиотеке имени Крупской. Среди экспонатов была и картина «Швейцарский пейзаж». Когда в 2001 году Нина Семеновна почувствовала себя плохо, она передала часть семейного архива и дорогую ей картину в Астраханский краеведческий музей. Возможно, она хотела, чтобы это полотно служило напоминанием будущим поколениям о том, что никогда не должно повториться.

С этой необычной картины началось мое знакомство с трагической историей семьи Бреус-Бросалиных. Каждое событие, каждое имя и дату пришлось восстанавливать по крупицам. Расследование оказалось намного сложнее и глубже, чем я предполагала сначала. Возможно, впервые за свою жизнь я осознала масштаб трагедии, пережитой ни в чем не повинными людьми в 30-е годы XX века. А ведь подобных случаев — сотни тысяч!

Возвращение к событиям прошлого позволило и родным Ильи Емельяновича и Нины Семеновны заново взглянуть на их судьбу: узнав намного больше о том, что пережила их семья, они с еще большей бережностью хранят каждое воспоминание о них, каждый документ и фотографию.

Кто он такой, Яков Нюничкин?

Данил Симонов

г. Астрахань

Как я все узнал

Эта работа — результат совершенно не запланированного исследования, которым я занимался в течение полутора лет. Все началось в моем родном селе Житное, куда я часто приезжаю повидать родственников и где обычно провожу летние каникулы. Вот и летом 2015 года я был там.

Природа в тех краях удивительная: живописные степи и поля простираются на многие километры, и мы с друзьями часто отправляемся на велосипедах по прилегающим к селу районам в поисках новых интересных мест.

Во время одной из таких вылазок мы проезжали мимо казахского кладбища, расположенного на большом бугре, и тогда я впервые обратил внимание на то, что там же, чуть поодаль от мусульманских могил, есть одна с православным крестом. Мне, конечно, стало интересно: откуда на этом кладбище русский православный крест и что за человек там похоронен?

Когда я спросил об этом у друзей, они рассказали мне историю о советском летчике, самолет которого в годы войны якобы разбился где-то недалеко от того бугра, на котором сейчас стоит кладбище. По их словам, похоронили его там же, на месте крушения самолета. Звучало все это не слишком правдоподобно: до Астраханской области нем-

цы, конечно, дошли, но военных действий здесь, по сути, не было, а значит, вероятность крушения самолета все же достаточно мала.

Несколько позже мне пришло в голову обратиться к бабушке. Ее зовут Валентина Яковлевна Семигласова, она родилась в селе Житное в 1946 году и провела там всю жизнь. Вот что она рассказала мне: «Разговор в то время в селе шел такой, что Яков Афанасьевич Нюничкин, так его звали, во время войны якобы вел какую-то подрывную деятельность против власти, в поддержку фашистской Германии, то ли власовец, то ли... Ну, в общем, когда это всё раскрылось, в его родном селе Чулпан провели суд над ним. Он попал в Староволжский лагерь, где тогда содержались военные преступники и предатели родины. История странная, конечно... Когда его посадили, через некоторое время он умер. Тела не выдавали родственникам, и его семья выкрала тело через знакомых. Конечно же, трупа хватились и не нашли, а семья похоронила его там, где русского искать не будут: на казахском кладбище в селе Житное».

То, что я услышал от бабушки, звучало, как мне тогда показалось, более правдоподобно, чем история о летчике. Кроме того, информация была весьма ценной: так, в первую очередь, стало ясно, что, какие бы события тогда ни происходили, все это имело отношение вовсе не к Житному, а к селу Чулпан. Это и послужило отправной точкой моей работы.

Больше всего меня тогда занимали не столько обстоятельства смерти некоего Нюничкина, сколько сама его личность. Правда ли, что он был предателем, что перешел на сторону врага? Справедливо ли был осужден?

Первым делом я решил вернуться на казахское кладбище и найти его могилу. Она выглядела очень опрятно, будто кто-то за ней ухаживал. На памятнике было написано:

«Нюничкин Яков Афанасьевич
1.10.1908—19.01.1950»

Через некоторое время я отправился в архив, ведь если Нюничкина осудили, должно было остаться дело. Такого рода документы хранятся в Архиве новейшей документа-

ции Астраханской области. Там мне подсказали, в какой фонд стоит обратиться, и предупредили, что в выдаче документов могут отказать в соответствии с законом о защите персональных данных.

Дело я нашел в фонде под названием «Обком КПСС Икрянинского района Астраханской области», и в выдаче мне действительно отказали; якобы в документах содержалась личная информация, доступ к которой разрешен только родственникам. Я написал заявление на имя директора архива, но не помогло и это. Зато мне посоветовали обратиться к родственникам Нюничкина и попросить у них доверенность. И тогда я стал их искать.

За помощью я вновь обратился к бабушке, и она рассказала, что моя подруга Наташа, проживающая в Житном, — оказывается, правнучка того самого Нюничкина. Наташа подтвердила это, но сама о родственнице ничего не знала и предложила мне поговорить с ее матерью, Ольгой Александровной. Как выяснилось, за могилой Нюничкина ухаживала именно она. Чтобы встретиться с матерью Наташи, мне надо было ехать в Житное, но тогда у меня не было такой возможности, и встречу пришлось отложить. Через некоторое время мне позвонила бабушка. Она сказала, что Ольга Александровна умерла от инсульта. Что делать дальше, я не знал. Время шло, а доступа к документам у меня по-прежнему не было. Более того, не стало человека, который мог помочь мне и внести ясность в эту запутанную историю.

Позже выяснилось, что жив отец Ольги Александровны, Александр Яковлевич Нюничкин, родной сын Якова Афанасьевича, и найти его можно в селе Чулпан. Я узнал даже его адрес, но, к сожалению, снова откладывал поездку, не представляя, чем это потом обернется. В справочной мне дали номер Александра Яковлевича, а когда я позвонил, к телефону подошла женщина, которая представилась его женой. На разговор она настроена не была, сказала лишь, что он серьезно болен и ответить на мои вопросы не в состоянии. От Наташи я узнал, что за несколько дней до моего звонка Александр Яковлевич перенес инсульт и теперь парализован.

Ситуация казалась безвыходной. В надежде найти хоть что-то я пошел в Государственный архив Астраханской области. Там, как выяснилось, был сломан лифт, и работники не выдавали документы. К слову, документы эти хранились всего этажом выше, и зачем вообще нужен был лифт, непонятно. Мне посоветовали вернуться через год, когда, по их словам, лифт уже будет исправен.

В тот момент я даже решил, что искать уже негде, да и нечего. Однако вскоре все разрешилось самым неожиданным образом: однажды, совершенно случайно, я вновь услышал фамилию Нюничкин. И услышал, как ни странно, от моей тети, Татьяны Анатольевны Семигласовой. Она живет в Старо-Волжском и работает в местном психоневрологическом интернате, территория которого полвека назад была зоной, где и умер Нюничкин. Впрочем, говорила она не про Якова, а про Михаила. Как выяснилось, сын у Нюничкина был не один, а Михаил приходился ему внуком. Связаться с Михаилом было нетрудно. Я позвонил ему, и мы договорились о встрече. Почти в то же время на очередные мои запросы в обоих архивах ответили согласием, и я получил документы.

С Михаилом впоследствии я встречался дважды, и один раз — с его отцом, Иваном Яковлевичем. Оба они оказались очень приветливыми, дружелюбными, с готовностью рассказывали о родственнике все, что знали. Якова в семье помнят, говорят о нем с гордостью, вот только далеко не все дошло до наших дней: на многие вопросы ни внук, ни сын Нюничкина ответить не смогли.

Что я узнал

Афанасий Петрович Нюничкин с женой Агафьей Григорьевной были крестьянами. Жили они в средней полосе, в деревне Знаменка Тамбовской губернии. В начале XX века семья была вынуждена бежать на юг. Многие тогда бежали: чтобы спастись от голода, найти работу и крышу над головой.

В Астраханской губернии работу можно было найти всегда: в силу близости к Каспию была развита рыбная

промышленность, функционировал завод по производству рыбных консервов, и в основном все население так или иначе трудилось в этой отрасли. Впрочем, в начале века и там люди бедствовали.

Нюничкины обосновались в селе Чулпан Икрянинской волости Астраханского уезда Астраханской губернии. Там у них был небольшой участок земли и личное подсобное хозяйство. Не сказать, что дела шли хорошо, но еды хватало, было, где жить и растить детей. В то время все старались выжить, как могли, работали не покладая рук, чтобы прокормить себя и родных; так и Нюничкины — выживали.

Младший сын, Яков Афанасьевич Нюничкин, родился в 1908 году. Как все дети в селе, он ходил в церковно-приходскую школу при Ильинской церкви, где был обучен грамоте, счету и письму. С юных лет (по документам — с 1922 года) до начала коллективизации работал в хозяйстве у отца.

Уже тогда в селах Астраханского округа проходило становление новой власти. Это был беспокойный, болезненный, иногда трагичный процесс.

В архивах сохранилось немало документов, описывающих процесс коллективизации в Астраханском округе. В них содержатся предписания для служащих районных исполнительных комитетов (РИК), а также статистические сводки и отчеты о ходе работы. В информационных сводках читаем следующее:

«В с. Житное, Седлистое беднота к выселению кулачества относится отрицательно. Были случаи срыва собрания бедноты по вопросам раскулачивания. Отдельные бедняки заявляли: “Довольно говорить о кулаках. Даешь хлеба”».

«Наименьшую активность в работе раскулачивания проявляет беднота и батрачество Харабалинского и Икрянинского районов».

«В селе Житном 200 человек колхозников покинули общее собрание с возгласами: “Нечего голову морочить, раз не дают увеличенную норму хлеба”».

По данным на 10 марта 1930 года в Икрянинском районе было раскулачено 553 хозяйства. Семью Нюничкиных ужасы коллективизации обошли стороной: все члены

семьи остались живы, у них по-прежнему был дом и кое-что из нажитого имущества. Однако жизнь изменилась раз и навсегда.

В 1930 году Яков был вынужден вступить в колхоз: теперь он работал не для своей семьи, а для государства. На смену спокойной жизни в селе и размеренному труду в личном хозяйстве пришли трудодни и жесткие графики. До 1934 года он числился звеньевым рыбной ловли при колхозе «Красный чулпановец», затем работал в Рыбпотребсоюзе, а в 1935 году был назначен бригадиром рыбной ловли. Уже в 1938 году Яков, тогда еще беспартийный, становится председателем Чулпанского сельсовета. Трудно судить о его отношении к колхозному строю, был ли он его поборником или просто пытался выжить в этих условиях?

Тогда же, в конце 30-х, произошла одна история, о которой родственники Якова говорить не любят. Во время интервью, когда об этом зашла речь, диктофон просили выключить. Нюничкин на тот момент уже являлся председателем сельсовета, и сверху поступил приказ — уничтожить Ильинскую церковь, единственную церковь в селе. Для жителей села это было потрясением: не просто церковь была бы стерта с лица земли, но и воскресно-приходская школа окончательно перестала бы работать.

Яков долго не мог на это решиться, но выбора у него не было. Можно себе представить, чем мог бы обернуться его отказ выполнить поручение начальства. В итоге церковь была снесена.

Позже по инициативе Якова Нюничкина на месте этой церкви из оставшихся от нее материалов был построен дом-интернат со школой, где учились и дети из соседних сел. Казалось бы, Нюничкин свою вину искупил, вот только историю эту в селе не забыли до сих пор и часто припоминают его потомкам.

В 1941 году началась война, и Якова призвали на фронт в Севастополь, где он служил командиром взвода. В 1943 году он был ранен и вернулся в Чулпан — вернулся героем, с военными наградами, и занял свою прежнюю должность председателя сельсовета. По воспоминаниям родственников, отношение местных жителей к Якову в целом было

хорошим: семьянин, отец четверых детей, участник Отечественной войны, он был ко всему прочему очень отзывчивым человеком. Занимая должность председателя сельсовета, не раз приходил на помощь нуждающимся жителям села, семьям фронтовиков, вдовам и детям. Говорят, именно это его и погубило.

Трагические события, которые перевернули жизнь Якова Нюничкина и его семьи, произошли двумя годами позже, в 1946 году.

Все началось в селе Коклюй Чулпанского сельсовета. Там жила женщина, муж которой умер, оставив ее с маленькими детьми без средств к существованию. Яков не смог закрыть глаза на ее горе — он дал ей лишний участок земли, совсем небольшой, около квадратного метра. Тогда и это могло спасти целую семью. По разным сведениям, имели место еще несколько подобных случаев. Но как и почему доброе дело Якова обернулось для него приговором — никому наверняка не известно. Поговаривают, что кто-то узнал о «щедрости» Нюничкина и стал уже не просить, а требовать лишнюю землю, впрочем, не особенно в ней нуждаясь. А когда получил отказ, пошел и написал донос. И на Якова завели дело. С должности сняли сразу, а вслед за ним уволили почти весь штат сотрудников.

Первое судебное заседание состоялось 6-го и 7 декабря 1946 года. Вместе с Нюничкиным по делу проходил Михаил Павлович Резцов 1915 года рождения. Резцов этот приходился Нюничкину дальним родственником и работал председателем колхоза «Красный чулпановец». По рассказам, мужчины состояли в дружеских отношениях. Вот только дружба эта сыграла с Яковым злую шутку.

Михаил Резцов был обвинен в злоупотреблении служебным положением (ст. 109 УК):

«...подсудимый Резцов Михаил Павлович работая в к/зе “красный Чулпановец” в должности председателя к/за, в период своей работы злоупотреблял своим служебным положением, а именно допускал нарушения устава с/х артели в к/зе заключающее в разбазаривании земли в к/зе в результате чего 32 хозяйства имели земли вверх нормы <...> В допущении содержанного излишка скота у колхозников 39

хозяйств 119 голов скота, <...> нарушил финансовую дисциплину в колхозе, задерживал в подотчетные суммы денег от 2 500 до 6 726 руб. Производил производственные расходы на покупку материалов, зерна и другие материалы в результате чего перерасходовал сверх смет 37 930 руб.».

Нюничкин, проходивший по той же статье, был обвинен в том, что «работая председателем Чулпанского с/совета в период своей работы злоупотреблял своим служебным положением, а именно не принял мер к нарушениям устава рыболовецкой артели в деле самовольной прирезке колхозниками, а также увеличения поголовья скота...»

Получается, оба обвинялись в превышении должностных полномочий, но в данном случае на Нюничкина легла ответственность за деяния Резцова: не проследил за подчиненным. Сами же «преступления» последнего, вернее, их детали, указанные в тексте приговора, вызывают сомнения. Так, например, там написано, что 32 хозяйства Чулпанского сельсовета имели в общей сложности чуть больше 19 километров лишней земли, что сравнимо с площадью самого сельсовета, если не превышает ее. Но самое паразитическое — это суммы денег, которыми якобы оперировал Резцов. Перерасход составил немислимые тридцать семь тысяч девятьсот тридцать рублей. Может, это не чей-то злой умысел, что вполне возможно, а просто грубая ошибка, вот только можно ли допускать подобные ошибки, когда речь идет о судьбе человека?

Если обвинение Резцова ограничивалось одной статьей, Нюничкин был также привлечен по ст. 117 УК. (Статья 117. Получение должностным лицом лично или через посредников в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, которое должностное лицо могло или должно было совершить исключительно вследствие своего служебного положения, — лишение свободы на срок до двух лет.)

По итогам первого слушания Резцов был приговорен к лишению свободы на 3 года, Нюничкин — на 5 лет с конфискацией принадлежащего ему имущества. Приговор был обжалован, и следующее заседание суда состоялось 28 декабря 1946 года.

В судебном определении указано обвинение Резцова по ст. 109 УК, которое осталось неизменным с момента первого заседания, и абсолютно идентичное обвинение Нюничкина, с той только разницей, что теперь преследование Якова по ст. 117 УК обросло некоторыми подробностями: «путем вымогательства получил взятку с Долиной 1000 рублей за выданную справку на продажу коровы и Литвинова Фрола 100 рублей за скрытие от учета козы».

Откуда такие деньги могли взяться в послевоенные годы у голодающих жителей села, которые пытались продать корову или скрыть наличие в хозяйстве одной козы, — большой вопрос. По итогам этого слушания срок заключения Нюничкина сократился с 5 до 3 лет в соответствии с актом об амнистии от 7 июля 1945 г. («Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»).

Яков был исключен из партии, все семейное имущество, включая дом, было конфисковано. Забрали даже военные награды. И самого Нюничкина забрали, забрали — без предупреждения, не дав времени попрощаться с родными. Говорят, он только успел поцеловать младшую дочь, а потом его увели.

Яков Нюничкин оказался на зоне, и ему предстояло провести там долгие три года. Наталья Михайловна, жена Якова, осталась с четырьмя детьми, младшей дочери тогда было всего два года. Они лишились буквально всего, в первую очередь, конечно, мужа и отца, кормильца семьи. Им было негде жить, но говорят, им помогли родственники и знакомые. Наталья устроилась работать в школу, получала в месяц 21 рубль, детям тоже приходилось работать. Все, что у них оставалось, — надежда на скорое возвращение Якова. Никто не знал, что ему уже не суждено живым покинуть территорию лагеря.

Лагерь, в котором оказался Яков Нюничкин, был расположен в поселке Старо-Волжский. Собственно, сам поселок образовался вокруг лагеря, изначально жителями были только его работники.

Стоит ли говорить, какими тяжелыми были условия жизни в лагере? Михаил, внук Якова, рассказывает следующее: «Условия жизни в лагере были ужасными. <...> Спали они на досках, кормили их через раз. Зимой было страшно

холодно, люди иногда замерзали насмерть, а летом убивала астраханская жара до сорока градусов, особенно когда работаешь под знойным солнцем».

Люди гибли от непосильной нагрузки, работая день и ночь в любую погоду, перебиваясь скудным пайком, который получали хорошо если каждый день. Спали на гнилых досках, а порой на голом полу. Потому и болели много, а болезни добивали заключенных окончательно.

Нелегко пришлось и Якову Нюничкину. Казалось бы, дом был рядом, расстояние между селом Чулпан и Старо-Волжским — около 3 километров. Но видеть родных не разрешали. Изредка, раз в полгода, удавалось договориться о коротком свидании.

Тянулись бесконечные для Якова недели и месяцы, не вдали от семьи — но без семьи. И так минуло почти три года. Срок заключения подходил к концу. Началась зима. Холодная, суровая зима, которую Яков так и не смог пережить. От постоянного переохлаждения у него развилось воспаление легких, от которого он, предположительно, и умер в ночь на 19 января 1950 года.

Что же произошло дальше? Как Яков Нюничкин был похоронен на житнинском кладбище? Никто не знает этого наверняка. Отдавать родственникам тела умерших заключенных было запрещено. И конечно, истории о том, как жена Якова выкрала его тело и тайно похоронила в месте, где его никто не смог бы найти, — это вымысел. Существуют две более правдоподобные версии, одну из них мне рассказал сын Якова, а вторую, как ни странно, внук. Первая версия заключается в том, что тело пусть жене и не выдали, но похоронить разрешили. Под строгим надзором, под конвоем, но жена смогла достойно проститься с мужем. Вторая же версия гласит, что жена Якова через знакомых узнала, где и когда хоронят заключенных. В указанное время пришла туда и издалека проследила. Запомнила то место, где был похоронен ее муж, и уже позже установила там крест и надгробие.

Почему все это было на казахском кладбище? Потому что тогда вообще не было никакого кладбища. Там была разве что братская могила.

Что знали все

Уже зная историю Якова Нюничкина, пообщавшись с его родственниками и ознакомившись с материалами дела, я подумал: а что, если есть какая-то третья точка зрения? Не то, что написано в официальных документах, и не то, что помнят родные. И тогда я пошел в библиотеку.

В архивах Областной научной библиотеки им. Крупской я нашел то, что никак не ожидал увидеть: в местном периодическом издании, «Северо-Каспийской правде», которое, кстати, существует и по сей день, в течение всего 1946 года освещались события, происходившие в Чулпане. В том числе неоднократно упоминалось имя Якова Нюничкина. Также я нашел тексты статей и заметок, имеющих прямое отношение к событиям, происходившим в селе Чулпан.

В одном из имеющихся у меня выпусков местной «Правды» нашлась сводка о выполнении плана первого квартала колхозами района на 1 апреля 1946 года. Из нее следует, что колхоз «Красный чулпановец» находится на втором месте в районе по выполнению плана. Похожие показатели успеваемости можно встретить практически в каждом выпуске газеты, и везде колхоз села Чулпан показывает себя хорошо. В сводке за 1 апреля процент выполнения плана колхозом составляет 193,3. Для того времени это очень высокий результат, и достичь его стоило бы немалых усилий. По рассказам моего деда, который в 60-е годы работал заместителем председателя колхоза «Красная звезда» соседнего села Житное, таких показателей в послевоенное время было добиться практически нереально.

В следующих выпусках газеты, от 8 марта и от 11 апреля, появились еще две статьи об успешной работе ловцов колхоза «Красный чулпановец». Один только человек, Ш. Утюшев, выловил 74 центнера рыбы. Результат впечатляющий. Другое звено добыло 86 центнеров рыбы за десять дней. Это почти половина квартального плана. В целом можно заметить, что все статьи о колхозе носили хвалебный характер. Впервые мы наблюдаем изменения в их тоне в выпуске «Северо-Каспийской правды» от 6 июня.

В одной из статей Нюничкин подвергается критике со стороны медработника села Чулпан. Он недоволен работой председателя сельсовета, который разместил прибывшую в село акушерку Л. В. Кабанову с семьей в амбулатории. Им обещали выделить комнату, но шли месяцы, а семья так и жила в амбулатории. Медработник, автор статьи, обвиняет Нюничкина в том, что по его халатности амбулатория превращается в общежитие.

Конечно, сказать наверняка, правда это или нет, мы не можем. Более того, нам неизвестны обстоятельства, при которых сложилась эта ситуация. Можно, конечно, поверить в реальность описанных событий, но с уже сложившимся у меня образом Якова Нюничкина это совсем не совпадает. Встает вопрос: зачем редакторам газеты чернить имя человека, о чьей работе они еще совсем недавно так положительно отзывались? Но дальше — больше.

Выпуск газеты датируется 3 октября — вероятно, самый важный из имеющихся у меня, потому что практически половина его посвящена нарушениям устава колхоза. И это неспроста. Пишут о серьезных нарушениях устава, причем нам сразу говорят, кем именно — колхозниками из «Красного чулпановца».

На нарушителей разом обрушивается поток резкой критики, безосновательных обвинений и едких замечаний — а в конце статьи «призывают к порядку» — всеми доступными средствами.

Эта статья называется «Прихлебатели». Теперь мы видим, что тон газеты резко изменился на противоположный: тех, кого называли передовиками, в разы перевыполнявшими план, теперь назвали прихлебателями.

И председатель сельсовета Нюничкин, и председатель колхоза Резцов, оказывается, не справлялись со своими обязанностями и «нисколько не заботились об укреплении колхоза». Допустили, что некто Кузыченко и Воробьев «обнагтели» и захватили более 1 тыс. кв. метров колхозной земли (более того, последний с супругой посадили картофель в огороде соседей). Снова, как в деле Нюничкина, фигурируют поразительные цифры.

Но верится во все это с трудом. Как так вышло, что «Красный чулпановец», практически передовик труда, вдруг взял и «забыл об уставе колхоза»? Зачем этим людям лишняя земля и лишний скот, ведь дела в колхозе, как писалось раньше, шли хорошо, значит, и земли должно было хватить всем, и пищи. Только, судя по всему, не хватало, и те, кто в одиночку вылавливал по 74 центнера рыбы, то есть 7,4 тонны, домой не приносили ни килограмма. Люди если что-то и скрывали, то не какие-то богатства, а, например, козу или масло. И уж вряд ли это могло свидетельствовать об их злых намерениях.

Последнее упоминание колхоза «Красный чулпановец» — в номере от 10 октября. Пишут, что правление колхоза не выполняет зоотехнические правила, что срывается график. Больше в 1946 году про Чулпан ничего написано не было.

Именно в то время над председателем чулпанского сельсовета ведется следствие.

Очень любопытно наблюдать, как подобные информационные сводки неизменно сопровождаются открытой политической пропагандой. Это создает яркий контраст: заметки о колхозниках, где одних и тех же людей в течение года трижды хвалят, дважды ругают, а потом навсегда забывают о них, перемежаются портретами Иосифа Сталина и коммунистическими лозунгами.

Что я об этом думаю

Полтора года назад, когда я только еще начинал это исследование, я преследовал две цели. Первая — узнать правдивую историю могилы Якова Нюничкина. Вторая — ответить самому себе на вопрос, был ли Яков хорошим человеком, или же плохим? Теперь, по прошествии времени, хочу заметить, что ни то, ни другое сделать мне не удалось.

Историю могилы Якова, как оказалось, не знают даже ближайшие его родственники. А вот вопрос, который я задал себе еще летом 2015 года, злодей Нюничкин или герой, теперь вовсе кажется мне не актуальным.

Я узнал о нем немало противоречивой информации: не раз этот человек попадал в неоднозначные ситуации,

в одно и то же время о нем говорили и писали абсолютно противоположные вещи. Но наиболее важным мне показалось не его обвинение и заключение, не то, что писали о нем в газетах, не воспоминания родных — а история о церкви, которую Яков снес. Это действительно наглядный пример того, как жили люди. Как они, сами того не желая, под влиянием властей ли, или просто тяжелых обстоятельств, оказывались на распутье. Перед ними вставал выбор, который человеку сделать в принципе не под силу. Семья — или гражданский долг? Христианская мораль — или колхозный устав?

Но в целом я считаю, что за всю свою жизнь Яков Нюничкин не сделал никому зла, напротив, пытался помочь людям, быть может, даже понимая, что рано или поздно за свои благородные поступки и добрые дела ему придется дорого поплатиться.

И вот я, проведя это исследование, пусть и не ответил на поставленный мной же в самом начале вопрос, но узнал, что жил на свете такой человек, Яков Афанасьевич Нюничкин. И хочу, чтобы знали другие.

**НА ФРОНТЕ
И В ТЫЛУ**

Лев Рубинштейн

У каждого поколения своя война

Я родился через два года после ее окончания. Понятно, что для моего поколения война — это постоянный фон существования. Взрослые донашивали военную форму. Дети донашивали то, что оставалось от взрослых. Чердаки и сараи ломились от противогазных сумок, планшеток и полевых биноклей. Это ведь и были мои первые игрушки. Квартиры были полны немислимых вещей — перламутровых аккордеонов и картинок в кудрявых рамочках. Это называлось «трофеи».

Люди моего поколения, родившиеся сразу же после войны, привыкли воспринимать войну и все, что с ней связано, как дело сугубо семейное. Я точно так же воспринимаю это и по сей день. Это семейное дело поколения моих родителей. А больше — ничье. Уж извините.

Люди войны — это не только фронтовики, но и те, кто пережил годы плена, и те, кто был угнан на работу в Германию, и те, кто ездили через всю страну в телячьих теплушках в эвакуацию и обратно, и те, кто в толпе беженцев теряли детей, и те, кто, прижавшись друг к другу, дрожали в бомбоубежищах, и те, кто умирали от голода в Ленинграде, и те, кто в четырнадцать лет пошли работать на завод и работали там по десять часов в сутки.

Люди войны — это не только поколение моих родителей, но и поколение моего старшего брата, которому

к началу войны было чуть больше трех лет и который до конца своих дней собирал в ладонь хлебные крошки со стола.

Это было поколение войны. Я рос среди этого поколения.

Мое поколение было в общем-то первым за весь двадцатый век, которое не знало ни войны, ни голода. Но зато мы выросли в семьях, где это знали и помнили очень даже хорошо. И я хорошо помню бесконечные рассказы про фронты и блокады. Про панический страх потерять хлебную карточку. Про многое другое.

А теперь выросло и заявляет о себе поколение, освобожденное от тех табу, что служили для нескольких поколений моральными императивами, худо-бедно скреплявшими и кое-как объединявшими вечно расплывавшееся по швам общество. Подспудный или явный ужас, передававшийся от поколения к поколению, долгое время служил нравственным и политическим тормозом для несущейся неизвестно куда «птицы-тройки».

Это был ужас войны.

Этого ужаса нет сейчас. И это прекрасно. Но это же и опасно.

И потому особенно ценно, что совсем молодые люди озаботились проблемой исторической памяти.

Историю, в том числе и историю самой чудовищной войны, можно рассматривать как историю сражений и дипломатических хитросплетений, историю неслыханных массовых истреблений, историю коллективного жертвенного благородства и не менее коллективной низости.

Но любая история — это всегда совокупность частных человеческих судеб, а другая история никому не нужна, тем более что она все равно никого ничему не учит.

Личные персональные истории, частные человеческие судьбы всегда поучительнее и эмоционально сильнее, чем любые учебники, монографии или исторические романы.

Когда я читал эти удивительные свидетельства, я постоянно ощущал, как расхожая, обретшая в наши дни бездушный казенный оттенок формула про «деда» и «победу» встала, как говорится, на свое законное место.

Блокадное детство

*Анна Носова,
Вероника Молчунова*
г. Санкт-Петербург,
г. Петергоф

Нам очень повезло — во время одной из встреч с людьми, пережившими войну, мы познакомились с удивительным человеком — Верой Александровной Масленниковой.

Вера Александровна рассказывала нам о своем детстве во время блокады. Ее истории оказались настолько интересными, что мы решили написать о судьбе маленькой девочки в осажденном городе.

Вера Александровна Масленникова родилась 19 февраля 1931 года в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга. Мать Веры звали Елизавета Ильинична (1900–1979 гг.) была первым ребенком в многодетной рабоче-крестьянской семье, имела младших брата и сестру. Отец — Александр Михайлович (1901–1947 гг.) был из более зажиточной семьи, которая в тридцатые годы была раскулачена. Вера родилась в 1931-м.

С 1931-го по 1953 год семья проживала по адресу Малая Яблоновка, дом 2. В это время Малая и Большая Яблоновки располагались на своих исторических местах — по правому берегу реки Оккервиль. Сегодня на месте снесенных построек располагается торгово-промышленный комплекс «Яблоновка» и Ладожский вокзал.

В 1939 году Вера пошла в первый класс средней школы № 128. До сегодняшнего дня у Веры Александровны сохранилась фотография ее многочисленного 2 «Б» класса — 37 человек — вместе с их первой учительницей — Александрой Степановой. К началу войны, к 1941 году, основное население Яблоновского микрорайона составляли жители деревень Малая и Большая Яблоновка. В них насчитывалось 30 домов и около 230 жителей. Рабочие ЛЕНГЭС населяли двухэтажные деревянные бараки, в «корпусах» размещалось «пришлое» население — временные рабочие, приехавшие на заработок в Ленинград, а также ремесленники — учащиеся ФЗУ.

В одном из «корпусов» размещался единственный на всю округу магазин, получивший название «сельский». Во время войны именно к этому магазину были «прикреплены» все жители нашего микрорайона для «отоваривания» продовольственных карточек.

С чего же началась война для Веры? Девочка была в ожидании отпуска родителей и поездки к бабушке (маме мамы) под Выборг. Билеты на поезд были куплены, и Вера с нетерпением ждала эту поездку.

Как писала Вера Александровна: «День 22-го июня был удивительно ярким, теплым и солнечным». В назначенный час Вера побежала к речке Оккервиль для того, чтобы на Яблоновском мостике встретить маму, возвращавшуюся с работы: «Летела, как на крыльях». На середине мостика радостно бросилась к матери, а она — в слезах. «Верочка, началась война, мы никуда не поедem», — услышала девочка.

Слово «война» Вера не могла осмыслить до тех пор, пока не пережила ее в блокадном городе. Больше всего потрясло Веру в тот момент было известие об отмене поездки. По-видимому, на отца так сильно повлияла реакция дочери, что он рискнул воспользоваться имеющимися у него билетами, и они поехали вдвоем, без мамы, на пару дней.

Вопреки ожиданиям, Вера Александровна не помнит большой радости от этой мимолетной поездки к бабушке, ведь все были встревожены и грустны. Больше всего, по рассказам Веры Александровны, ей запомнилось возвращение в Ленинград: «В то время комфортного сообщения с Выбор-

гом не было. Курсировали составы с вагончиками, у которых ступеньки с поручнями торчали снаружи вагона. Поезда в эти тревожные дни были переполнены людьми, покидающими этот город и окрестности. Мы с огромным трудом пристроились на нижних ступеньках одного из вагонов, несколько остановок ехали таким образом. Отец держался за поручни, я — за его ногу. Помню, что на каждом повороте, при каждом толчке поезда, отец повторял «Верушка, держись за ногу крепче». Лишь через несколько остановок нам удалось втиснуться в тамбур поезда, где я смогла присесть на корзину с репчатым луком — предвоенным подарком бабушки, который в грядущие блокадные дни оказался для нас бесценным».

Насколько рискованна была данная поездка, стало ясно через пару дней — 26 июня Финляндия объявила войну СССР, а 29 июня началась всеобщая эвакуация населения, и уже 29 августа Выборг стал финским.

С начала войны прошло два с половиной месяца, а немцам удалось полностью окружить Ленинград и замкнуть блокадное кольцо. Задолго до полного окружения города Ленинградское правительство рекомендовало эвакуировать детей, стариков и неработающую часть горожан на большую землю. Родителям Веры было трудно последовать этому совету, так как еще до рождения дочери они потеряли двух малолетних детей: только что родившаяся сестра Веры погибла в родильном доме, а четырехлетний брат умер от скарлатины. Поэтому родители были категорически против эвакуации Веры, тем более, без них — сами они к этому времени уже работали на Ленинградском военном заводе. «Если суждено будет погибнуть — погибнем вместе», — решили они.

Красногвардейский район находился на окраине, и его меньше бомбили фугасными бомбами, но зажигательные часто сыпались дождем. Для них в каждом дворе, на чердаках, были подготовлены ящики с песком, лопаты и клещи, которыми их следовало собирать и тушить в песке, чтобы предотвратить возгорание. Вера Александровна хорошо помнит: что «Эти ещё не разгоревшиеся зажигалки мы, дети, хватали рукавичками за «хвостики» и зарывали в песок, обходясь без других приспособлений». Обстрелы же в Красногвардейском районе были такими же частыми, как

и в центре города. Поначалу при объявлении воздушной тревоги все жильцы дома спускались в земляное укрытие, которое в мирное время использовалось для зимнего хранения овощей. Но сил оставалось все меньше, и прятаться от «судьбы» почти перестали, предпочитая оставаться дома и выспаться, так как утром нужно было идти на работу.

Зиму 1942 года семья Масленниковых переживала полным составом, так как отец — инвалид по зрению — в народное ополчение был призван только весной.

Карточная система была введена 18 июля 1941 года, но при этом, имея дома обычный запас крупы и других долго хранящихся продуктов, жители Ленинграда не отоварили карточек впрок, о чем в скором времени и пожалели. Уже 8 сентября, когда горели Бадаевские склады, ленинградцы устремились к ним с целью заготовить чем-нибудь. Вера Александровна хорошо помнит, что родителям удалось привезти оттуда молочный бидончик олифы, которая в самый голодный зимний период заменяла им масло. 2 сентября произошло первое снижение норм хлеба и других продуктов. Хлеб становился практически единственным продуктом питания. До ноября произошло еще четыре снижения норм хлеба. В ноябре по рабочим карточкам выдавалось по 250 грамм хлеба, остальным — по 125 грамм. Практически у всех жителей Ленинграда стало развиваться блокадное заболевание — дистрофия. В ноябре дистрофия свела в могилу более 11 тысяч человек, в декабре — более 52 тысяч, а в январе и феврале — 199 тысяч ленинградцев.

За голодную зиму 1942 года расположенные вдоль Уткина проспекта «корпуса», заселенные пришлым людом и учениками ФЗУ, практически вымерли. Опустевшие бараки сразу же разбирались на дрова. В феврале, когда Верочка была на постельном режиме, через окно она увидела лошадку, запряженную в сани с дровами. Дрова сразу показались девочке необычными, странными по цвету. Поленья были уложены аккуратно поперек саней, середина поленьев была черной, и только концы были светлого древесного цвета. Когда сани оказались совсем близко, она разглядела, что они были нагружены не дровами: это был обоз с умершими за последние несколько ночей ребятами-ремесленниками.

Их форменные шинели черного цвета и были необычными по цвету «бровнышками», а светлыми концами были их голые ноги с одного конца и непокрытые головы — с другого.

В блокадном Ленинграде оставалась папина мать — Мария Андреевна. Она упорно не покидала городскую квартиру, боясь оставить ее без присмотра. Зимой, после одной из особенно ожесточенных бомбардировок центра города, родители отправились проведать бабушку и, может быть, перевезти ее к себе на Малую Охту. Действительно, за это время одна из бомб попала во двор бабушкиного дома на Съезжинской улице. Взрывная волна выбила все стекла во внутреннем дворе в бабушкиной квартире. Не подоспей родители Веры на помощь вовремя — она бы через день-другой могла замерзнуть. Бабушку привезли на детских саночках. При этом родителям Веры пришлось преодолеть дорогу не менее чем в 20 км.

Привезя бабушку в квартиру, родители решили отогреть ее теплой «ванной». Для этого перед открытой дверцей затопленной круглой печки было поставлено корыто с теплой водой, в которой и пытались помыть и отогреть бабушку. Сидя в этом корыте, бабушка не переставала благодарить маму и молиться за сказочную по блокадным временам благодать.

Но до весны бабушка не дожидка — в то время ей было 84 года, и за предыдущие месяцы организм ее ослаб необратимо.

Верочка очень любила свою бабушку, но похороны ее были тихими, без слез. Тогда по уходящим близким не плакали многие, не потому что им было безразлично, а потому что не было сил у истощенных людей — слезы были непозволительной роскошью мирной жизни. Вспоминая о прошлом, Вера Александровна в свои 84 года не может сдерживать слез: «Особенно ярким случаем моей «слезоточивой способности» в послевоенное время оказалось посещение Пискаревского кладбища. В 1990 году я рискнула присоединиться к экскурсии дошла до скульптуры Матери-Родины и при прочтении первых же строк Ольги Бергольц мне пришлось покинуть группу. Продолжать экскурсию я не могла. Мой летний костюм промок от слез. И я больше никогда, ни при каких обстоятельствах не помышляла снова посетить этот чудовищно трагичный мемориал».

Одним из самых страшных воспоминаний Веры Александровны — история из блокадного детства о мясорубке. На карточках имелись так называемые разовые талоны — на месяц полагалось пол-литра водки и какое-то количество табачных изделий. Вот на эти талоны Верочкиным родителям посчастливилось выменять полмешка овса. Неочищенного, предназначенного для лошадей недалеко расположенной армейской конюшни. Весь объем овса родители распределили на предстоящую голодную зиму — немного более одного стакана в день. Для того, чтобы извлечь из овсяных зерен содержимое, овес требовалось с вечера замочить, чтобы на утро его можно было размолоть в мясорубке. Пропущенный через мясорубку овес доливался водой и отжимался. Из безостой части варили овсяный кисель, а из овсяной шелухи пекли лепешки. Эти колючие лепешки могли есть только родители Веры. Овсяный кисель ели вечером с олифой. Когда в доме появился этот спасительный овес, работа по его перемалыванию досталась маленькой Вере. Она начала эту работу с утра, но не всегда заканчивала ее к приходу родителей — настолько она уже ослабла.

Вера Александровна помнит, что когда при ее небольшом росте становилось невозможно поворачивать рукоятку мясорубки, стоя на полу, она становилась на колени на стул. В первый момент поворачивать рукоятку становилось легче, но зато в таком положении быстро немели коленки. Иногда она даже пыталась в полный рост забраться на стул, но и в этом положении могла простоять недолго. Порой мать, приходила с работы раньше, чем Верочке удавалось закончить, заглядывала в котелок и видела, что еще не весь овес перемолот. А всего-то его было в котелке с диаметром 15 сантиметров, разбухшего за ночь, не более 7 см высотой. Когда кисель был готов, его разливали по тарелкам и Масленниковы садились обедать. Мама норовила в дочкину тарелку добавить из своей. Отец, всегда очень уравновешенный, заметив это, резко останавливал мать и объяснял: «Лиза, этого не делай! Если не выживешь ты, не выживет и она!»

Ежедневная работа по перемалыванию овса на мясорубке для Веры, безусловного дистрофика в тот период, оказалась тяжелейшим блокадным испытанием. Ни обстрелы,

ни бомбежки не оставили такого тяжелого воспоминания, как этот непосильный ежедневный труд, необходимый для выживания. До сих пор Вера Александровна не может ответить на вопрос, почему ей ни разу не пришло в голову, сказать себе или родителям: «Я больше не могу!» Мясорубку-спасительницу она возненавидела, как самого злейшего своего врага. Но вместе с тем отчетливо понимала, что все это было во спасение жизни. После войны семья несколько раз пыталась выбросить ее, но рука не поднималась.

Работа по перемалыванию овса зимой 1942 года прервалась для Верочки сама собой, когда та слегла. За время болезни девочка перечитала всю небольшую семейную библиотеку. Родители в этот период, по-видимому, уже прощались с дочкой. Врач, Вера Георгиевна, знакомая семьи Масленниковых, придумала для Верочки, лежащей в постели, интересную работу. Она приносила для девочки задания — обвязать носовой платочек, сделать на нем мережку или вышить его. Затем требовалось вышить какой-либо узор на сорочке. Этой работой Вера занималась с увлечением — бабушка еще до войны научила внучку и вязать, и вышивать. Вера Георгиевна, которой вряд ли так уж были нужны платочки и сорочки, хорошо знала о пользе трудотерапии. Родители к весне 1942 года раздобыли сушеной черники. Эта ягода, овсяный кисель и трудотерапия поставили маленькую Веру на ноги.

Еще одним тяжким воспоминанием о зиме 1942 года для Веры Александровны оказалась дилемма: как драгоценную луковицу — подарок бабушки из-под Выборга — съесть со 125 г. хлеба? 125 грамм хлеба нужно было съесть в течение дня в два приема — утром и в обед вместе с луковицей. Из тяжелого серо-зеленого кусочка получались только два ломтика, на которых никак не укладывались все колечки лука. И таким образом, оставшийся лук приходилось доедать без хлеба. Таким тяжелым и неаппетитным по цвету хлеб оставался, по крайней мере, до конца блокады. Рассказывая о хлебе, Вера Александровна вспоминает один случай, произошедший с ней уже после блокады: «Отчетливо помню, как в 1944 году я вместе со своими одноклассниками возвращалась из школы домой. И нашей стайке пятиклассников кто-то из взрослых задал серьезный вопрос:

«Что бы вы больше всего хотели из довоенного времени?». Я помню, что отнеслась к вопросу серьезно, и только когда убедилась, что это единственно верный ответ, ответила: «Довоенного хлеба!».

Зимой 1942 года, когда Верочка находилась на постельном режиме, в квартире Масленниковых поселились две крысы. Когда родители Веры были на работе, крысы выходили из своих укрытий и хозяйничали в комнате. Забирались на платяной шкаф, стоявший около кровати девочки.

Голодной зимой 1942 года Масленниковы съели небольшой запас столярного клея, имевшегося в хозяйстве. С Вериной точки зрения, он был вполне съедобен и похож на студень.

Ранней весной 1942 года, как только растаял снег и появилась первая трава, родители с Верой отправились к реке. Отец был большим любителем рыбной ловли, рыбачил с друзьями при помощи невода. Неводы в зимнее время всегда плел сам. Для рыбной ловли с помощью невода один рыболов должен идти по одному берегу реки, второй — по другому. Дочь с отцом остались на правом берегу реки, а мама со своим концом невода перешла по железнодорожному мосту на левый берег, и они медленно стали двигаться вниз по течению. Радость от этой первой весенней прогулки была очень велика. До сих пор Вера Александровна помнит эти яркие впечатления от рыбалки. Видимо, для нее, чудом выкарабкавшейся из объятий голодной смерти, необъяснимым чудом казались первые мелкие фиалочки, только-только проглядывавшие в траве по берегу речки. Вера Александровна Масленникова говорит, что и сейчас отчетливо ощущает их нежный тонкий аромат, вспоминая об этой прогулке. Следуя рядом с отцом по берегу реки, она собирала эти крохотные цветочки в маленький букетик. Берег реки в то время был легко проходим, чист от прибрежной поросли, так как вдоль всего берега от железнодорожного моста и до пешеходного Яблоновского по правому берегу располагались дома. Они стояли высоко над уровнем воды, были отделены заборами от мощеной тропинки. От каждого дома к реке был свой выход. У многих домов имелись мостики на берегу и лодки. Расстояние от железнодорожного моста до Ябло-

новского не больше одного километра. В довоенное время отец с друзьями рыбачил и выше по течению, но в этот раз был намечен кратчайший маршрут. Вера тихонечко двигалась рядом с отцом по берегу, мама в ногу с ними продвигалась по другому берегу реки. В какой-то момент внимание девочки привлекла огромная клыкастая разинутая пасть, медленно двигающаяся вровень с неводом вниз по течению вместе с ними. Девочка была уверена, что видит пасть собаки, неизвестно откуда взявшейся и плывущей вдоль берега. Только она приготовилась окликнуть отца, как он, приложив палец к губам, дал ей знак молчать. И только чуть позже, когда рыбалка закончилась у пешеходного мостика, Верочка узнала, чья огромная пасть в воде так удивила ее — к ним в невод попали две крупнейших размеров щуки. Этот улов оказался счастливым подарком для семьи Масленниковых после голодной зимы. Одну щуку они оставили себе, а другую обменяли на различные продовольственные припасы. Но отца вскоре призвали в ополчение. И счастливая во всех отношениях рыбалка весной 1942 года оказалась для Веры единственной.

Весна для ленинградцев, переживших жестокую голодную зиму 1942 года, стала возможностью пополнить запасы еды — появились растения, среди которых оказывалось много съедобных и которыми в мирное время даже не интересовались, если не считать какого-нибудь хорошо известного щавеля! Собирали крапиву, лебеду, сныть, одуванчики и корни лопуха. Их сразу можно было использовать для приготовления многих блюд. Из лебеды получались мягкие и сладкие лепешки. «Совершенно удивительный был вкус у корней лопуха. Крупные, как морковь, поджаренные на олифе, мне они казались вкуснее картошки. И я удивлялась, почему такую «вкуснятину» не ели в мирное время! Но до сих пор не удосужилась проверить эту точку зрения», — рассказывает Вера Александровна во время нашего интервью.

Весной у людей появилась возможность разбивать на свободных участках земли, пригодных для сельского хозяйства, огороды.

Даже Марсово поле было использовано в качестве огорода. Биологи Ленинградского университета публиковали

для населения информацию о съедобных диких растениях и способах их приготовления в пищу. Также Ботанический сад Университета был раскопан под огородики и распределен между выжившими зимой сотрудниками. Все пригородные сельскохозяйственные земли были использованы для выращивания сельхозпродукции. Многие территории распределены между предприятиями города. Наиболее близкие к городу предоставлены под огороды населению.

19 июня учащихся 6–10 классов мобилизовали на прополку и полив овощей в совхозы и подсобные хозяйства. Эта трудовая повинность продолжалась и в последующие годы.

Весной вместе с мамой, как и многие другие, Вера начала раскапывать клочок земли напротив их дома — спортивную площадку около опустевшего и разобранного на дрова деревянного барака. С большим трудом они раскопали около сотки. Несмотря на то, что Масленниковы жили на территории так называемого «частного сектора», посадочный материал достать было невозможно. В мирное время люди не сажали лишнего, а голодная зима истощила запасы. Совершенно случайно они нашли выброшенные кем-то обломанные проростки картофеля — ими и засадили свой огород. До сих пор Вера Александровна помнит удивление мамы и соседей от полученного осенью урожая — картофель уродился на редкость крупный. Этот огород оставался у них и после снятия блокады и долго поддерживал семью. Кроме картошки Масленниковы выращивали на нем томаты, редиску, морковь, лук.

128-я довоенная школа не открыла свои двери и в сентябре 1942 года. Ближайшая 145-я школа находилась на Новочеркасском проспекте, дом 31. Дорога от дома до школы проходила по Уткину проспекту, затем по Республиканской улице, протяженность которой была не менее двух километров. О транспорте из Яблоновки до Новочеркасского проспекта не было и речи. Немного окрепнув за лето, Верочка с радостью отправилась в новую школу. В 4-м классе у Верочки серьезно начали болеть ноги: опухали, покрывались кровоточащими язвами. Приходилось надевать папины валенки, так как даже в мамину обувь ее больные забинтованные ноги не влезали. Особенно сильно болезнь проявлялась в зимний период. «В огромных папи-

ных валенках шагать два километра было совсем не просто. С большой благодарностью вспоминаю свою одноклассницу Нину Морковкину, которая какой-то период доставляла меня в школу на санках! Она жила на Уткином проспекте недалеко от меня. Рано утром она заходила за мной. И пока я завтракала, добросовестно переписывала к себе в тетради выполненные мною домашние задания. После чего мы ехали в школу, когда бывал возможен санный путь».

Вера Александровна с восторгом вспоминает 27 января 1944 года — день снятия блокады — самый святой праздник для ленинградцев-блокадников. Без преувеличения можно сказать, что он принес радости блокадникам больше, чем день Победы 9 мая 1945 года, до которого еще следовало дожить, оставаясь в блокадном кольце.

Попытки прорвать блокаду предпринимались Ленинградским фронтом уже зимой 1942 года. Первая попытка прорыва блокады была предпринята в районе Невского плацдарма. Вторая 22–28 октября в районе Невского пятачка. Удачной оказалась только операция 9 декабря 1942 года. Советские войска освободили Тихвин и окончательно сорвали попытку немецких войск установить второе кольцо блокады, которое должно было лишить Ленинградцев «Дороги жизни».

Операция по полному снятию блокады началась 14 января 1944 года. 27 января — день полного снятия блокады, день Ленинградской победы.

В 20 часов в городе прогремел салют в 24 залпа из 324 орудий. Население малоэтажного и удаленного от центра района, в котором жила Вера, высыпало совсем не на улицы, а на крыши домов, для того чтобы услышать и, может быть, увидеть хоть что-нибудь. Ликование было настолько всеобщим, что Вера Александровна не может припомнить ни одного равнодушного, неулыбающегося лица.

После снятия блокады мысли все чаще возвращались к довоенному времени. Если в 1944 году на очень серьезный вопрос: «А чего бы вы больше всего хотели из довоенного времени?» после серьезного раздумья Вера ответила: «Довоенного хлеба!», то после снятия блокады пятиклассники вспомнили, как до войны праздновали Новый год. Детям

очень захотелось снова встретить его с елкой! Мечты о новогодней елке для жителей городской окраины не были полной фантастикой. Сразу вдоль дороги, продолжающей Уткин проспект, было мелколесье, где до войны собирали грибы. А вот дальше, на более возвышенных местах, был настоящий лес с хвойными деревьями. Перед наступлением Нового 1945 года три подружки: Нина Морковкина, Ляля Лодыгина и Вера Масленникова, решили раздобыть елки. Пила, топор и санки были у всех, и девочки, не сказав ничего родителям, двинулись в поход за желанными елками.

Дорога, на которую они ориентировались, была хорошо уезжена, и подружки старались все время не терять ее из поля зрения, высматривая желанные елки. Хотелось самую большую и самую пушистую. Наконец, когда уже смеркалось, подружки загрузили на свои саночки так тщательно выбранные новогодние подарки. Привязали их крепко-накрепко к саночкам и отправились в обратный путь. Сумерки их не смущали, дорога была хорошо видна. Но почему-то на обратном пути девочки очень часто останавливались и отдыхали. Им даже приходилось будить друг друга: «Девочки, пошли, а то замерзнем!»

Трудно сказать, в котором часу подружки добрались до дома Веры — он был первым на обратном пути. Совершенно неожиданным для девочек было встретить всех мам в одном дворе! Возвращение маленьких путешественниц для них почему-то оказалось полной неожиданностью. Сильно их не ругали, но своей радости от благополучного завершения экспедиции не скрывали. Девочки торжественно начали развязывать свои сказочные елки, чтобы похвастаться ими. И вот конечный результат — огорчение от него вспоминается по сей день: вершины елок представляли собой ободранные хлысты, волочившиеся по дороге на обратном пути. Родителям стоило большого труда успокоить и утешить детей. Но в конце концов их убедили отпилить верхушки, которые больше никуда не годились. Поскольку нижние половины были пышными и красивыми, подружки кое-как успокоились и смирились со случившимся. Во всяком случае, Новый 1945 год они одни из немногих ленинградцев встречали с новогодними елками.

Письма с фронта Бузулуцкова Василия Никифоровича родным в Урюпинск

Виктория Сазонова
г. Урюпинск,
Волгоградская область

**«Здесь я занимаюсь хорошо,
и меня считают хорошим бойцом...»**

В Урюпинском краеведческом музее хранится переписка со своей семьей Бузулуцкова Василия Никифоровича, красноармейца, погибшего под Москвой в декабре 1941 года. Пожелтевшие солдатские письма оставили беспристрастное свидетельство о трагическом периоде нашей страны. Они рассказывают о внутреннем мире молодого человека начала 40-х годов. Большая часть этих писем посвящена службе в Красной армии, тревожному предвоенному времени.

Бузулуцков Василий Никифорович родился в 1920 году в хуторе Тополи Забурдяевского сельского совета Добринского района Сталинградской области. Перед призывом в армию он жил в городе Урюпинске. В октябре 1940 года его призывают в Красную армию. 16 октября 1940 года Василий прибывает к месту службы — в зенитно-пулеметный взвод 102-го кавалерийского полка. Часть, в которую попал Бузулуцков, входила в элиту Красной армии. Полк носил имя С. М. Буденного и находился в составе 36-й кавалерийской Краснознаменной орденов Ленина и Красной звезды дивизии имени И. В. Сталина 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени И. В. Сталина. На начало войны корпус

находился в составе самой мощной 10-й Армии Западного военного округа и дислоцировался в Белостокском выступе.

102 кавалерийский полк располагался в бывшем имении польского помещика в лесу, недалеко от местечка Рось, в 15 км севернее городка Волковыск в центре Белостокского выступа. До новой государственной границы отсюда всего 120 км. Эти земли только год назад вошли в состав СССР и еще воспринимаются красноармейцами как заграница. «Папа, здесь в Польше из земель ничего нету, и нарадится один картофель, ее завались, а больше ничего не видно...» — пишет в первом своем письме Василий. Анализируя его письма, можно сравнить уровень жизни населения в Западной Белоруссии, бывшей территории Польши, и в Урюпинске. «Живут они хорошо, все богаты. У них сейчас организуются колхозы и совхозы... евреи народ очень хороший и нас, русских, особенно красноармейцев, принимают хорошо, вот например я стою сейчас на квартире у одного еврея. Он живет хорошо, 8 душ семьи. Всегда накормит и напоит...» «Купить у нас тут нечего, но в городе всего до черта из барахла, а поэтому прошу, соберите денег и пришлите, я куплю хороший костюм и еще что-нибудь хорошее». «Вот, например, патефон я спрашивал — 600 рублей, в магазине сколько хочешь, так как у нас они на базаре 1500 рублей, а здесь можно 3 за эти деньги взять».

Контрастом выглядит жизнь в родном городе красноармейца, в одном из писем он спрашивает родных: «...что в магазинах есть, есть ли курево, водка, конфеты. Ведь тогда не было ничего». И совсем скромно выглядят гостинцы, полученные Василием из дома: «Сообщаю вам, что я получил от вас 25.02.41 г. вечером посылку, за что большое вам спасибо. В ней: 30 р. денег, 6 кренделей, кусок сала, сушеные яблоки, сухарь, 20 яиц, пряники, семечки, зерна, 3 носовых платка, воротнички и письмо».

Много места в переписке Василий уделяет бытовым условиям и питанию в Красной армии. В первый день после бани он вместе с другими новобранцами получил качественную форму: кальсоны, рубашку верхнюю, гимнастерку, сапоги, портянки и новый командирский китель. Хуже было организовано питание красноармейцев. В письме от

6 апреля 1941 года Василий Бузулуцков сообщает: «Насчет шамовки, т.е. что кушаем: в сутки одни: сухой паек, сухари, чай, 30 грамм сахару и 30 грамм селедки. Это завтрак. На обед суп гороховый и каша пшенная, вечером каша ячменная и чай. Все с сухариками ржаными, а остальные дни семидневки: утром суп с картошкой, чай, в обедах борщ и каша какая-нибудь, вечером суп и чай. Хлеб всегда ржаной, белый давали только в праздники по 200 грамм. Вот ждем мая. К 1-му мая дадут еще по 200 грамм. В общем, в году белого хлеба скушаем кила 2 и все. Но кушать хватает, и обут и одет хорошо». Мы видим, что в рационе питания красноармейцев накануне войны практически полностью отсутствовали мясо и белый хлеб.

В предвоенные месяцы в Красной армии шла напряженная боевая учеба. Шестого апреля 1941 года Василий пишет родным: «... 6 дней занимаемся с 6 утра и до 9 вечера, а 7-ой день отдыхаем, почти целый день спишь...» В день солдатам давали один час свободного времени, с 10 до 11 вечера. Иногда боевая учеба проводилась без выходных: «Праздник провел на боевом посту, как отличник выезжал на машине при зенитном пулемете...» На службе он изучал устройство военной техники, воинские уставы. Благодаря грамотности, «бойкости и развязности» служба у Василия Бузулуцкого ладилась. Он с гордостью сообщает домой о своих успехах: «Нас троих перевели в наводчики как самых лучших бойцов зенитного пулемета... Имею 4 благодарности от лейтенанта и 3 от командира... Еще имею награду от комсомола, как ответственный редактор стенной газеты», «Папа, я выбран в комиссию окружную по выборам в Верховный Совет. Они у нас будут 15.12.40 г.». Как одному из лучших бойцов ему предлагают поступить в командирское училище. «Папа, насчет школы я не хочу, потому что после оставаться нужно на пожизненно, а это не к чему, все время в подчинении, да и меж. народная обстановка, сами видите, ни к черту. Так что если останешься, то не поживешь как это нужно и не увидишь свою жизнь, да еще попадешь, как вот здесь наши лейтенанты. Они же ни черта ничего хорошего не видят, да и не советуют мне».

Весной зенитно-пулеметный взвод, в котором служил Василий Никифорович, как и большинство зенитных

подразделений 10-й Армии, был направлен на учебные сборы на полигон ПВО Западного военного округа недалеко от станции Крупки железной дороги Минск — Орша. Сборы начались 8 мая и должны были продлиться два месяца. В последнем предвоенном письме Василий пишет: «... спим по 7 часов, остальные занимаемся. Подъем в 6 часов утра, отбой в 11 вечера. В общем, сейчас занимаемся как надо, спишь как убитый». Здесь он в переписке с родными впервые затронул тему международной обстановки и надвигающейся войны: «Нам ответили так, что мы теперь не будем ожидать, когда нас тронут и нарушат нашу границу, а сами пойдём в ближайшие дни, и как сказал младший политрук: “До 1 сентября мы должны кончить войну, а не пойти домой” — это потому что красноармейцы 2-го года собираются домой в сентябре 41 года. И в данный момент нас готовят к этому, мы уже получили такие разовые карандаши, пустотелые, где хранится адрес домашний, если убьют, то есть адрес в боковом кармане зашитый, он называется Медальон. Вся обстановка сейчас и вооружения на боевом изготовлении. Сейчас много набрали новичков. Уже пришли с 22—23 годов красноармейцы, а старших не отпускают домой. Вот то, что сейчас сказали нам о международном положении».

**«Я в настоящее время живой и крепкий,
как и всегда, только стало больше мужества
и силы в борьбе за нашу родину...»**

Первое письмо, полученное семьей Василия в военное время, датировано 3 августа. В нем он указывает свой новый адрес — Полевая почтовая станция 736. Этот адрес принадлежал 27-ой танковой дивизии, преобразованной 1 августа 1941 года в 147-ю танковую бригаду. Но уже 21 августа его взвод входит в 191-ый отдельный зенитно-пулеметный дивизион 7-й бригады ПВО. Перед началом войны основные силы и средства бригады были сосредоточены в районе города Минск. Бригада сыграла важнейшую роль в борьбе с авиацией противника, в условиях, когда Красная армия потеряла большинство своих самолетов. Ее батареи

прикрывали войска и объекты инфраструктуры в Минске и в близлежащих районах. За пять месяцев войны, с 22 июня по 6 декабря, воины бригады сбили 189 самолетов.

Фронтовые письма Бузулуцкого разительно отличаются от довоенных. О себе он рассказывает скупно и формально: «Я в настоящее время живой и крепкий, как и всегда, только стало больше мужества и силы в борьбе за нашу родину, за наших братьев, сестер, матерей и отцов и будьте уверены, что враг получит по заслугам и дорого за это заплатится». В коротких сообщениях совершенно отсутствуют описания боев, фронтового быта и места пребывания. Чем это было вызвано? Недостатком времени, нежеланием волновать родителей или военной цензурой? 21 августа он предупреждает родителей: «Пишите только по этому адресу, пишите как живете, как ваше здоровье и моих знакомых и друзей. Остального мне ничего не пишите, еще как работаете...» Только в одном письме за стихотворными строками он пытается обмануть цензоров и сообщает, на каком участке фронта он воюет:

«Я нахожусь, где Вязьма — город,
Закален уже в борьбе.
Ты знаешь, запад уже пылает
В огне бушующей войны,
И немец лоб свой разбивает
О наши крепкие штыки.
И в письме своем, мамаша,
Хочу сказать я пару слов,
Что победа будет наша,
Разобьем своих врагов».

Теперь намного больше внимания и заботы проявляет Василий к своим близким и знакомым. Они проявляются в скупых и кратких вопросах: «Папа! Вы пишете, что Колю взяли и Мельникова Егора, но, а они пишут вам письма или нет? Еще где сейчас вы работаете. Родные, пишите больше писем... Мама, как ваше здоровье? Вы тоже пишите»¹.
Одного нельзя найти в письмах В. Бузулуцкого — страха

¹ Письмо В.Н. Бузулуцкого родным 10.09.41, ППС 773, 191 озпб / МБУ Волгоградской области Урюпинский художественно-краеведческий музей: Ф., с. 1, п. 2, п. 6-А «Письма с фронта родным Бузулуцкого В.Н.»

и паники перед теми страшными событиями первых месяцев войны, когда в боях и окружении гибли целые армии. Лишь один факт выдает его тревогу за свое будущее. В сентябре 1941 года он отправляет домой посылку с самыми ценными своими вещами, о чем и сообщает семье письмом от 4 октября 1941 года: «Родные, меня сейчас взяли от ребят, с которыми я прослужил 1 год. Вы одного знаете, Гребеников Николай Ф., который со мной сфотографировался на фотокарточках, которые я вам посылал и остальные у меня тоже были сфотографированы, только я отослал их в посылке. Целый альбом, еще там фотоаппарат, бумага и пластинки, тетради, 2-е ручных часов и еще кое-что. И я ее застраховал на 30 руб. Но все ерунда. Сейчас я получил людей, и мне присвоили звание командира РККА, и это доверие я оправдаю перед родиной...» В этом письме он уведомляет, что его назначили младшим командиром и перевели в другое подразделение — 539 отдельный зенитно-пулеметный взвод.

Последнее письмо Василий отправил 10 ноября 1941 года...

«Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты»

Нескоро шли к адресатам солдатские письма в первый год этой страшной войны. Черная весть пришла вместе с письмами боевых товарищей Василия. Первым принесли отправленное 21 января 1942 года сообщение от его друга и сослуживца еще по 102-му кавалерийскому полку Василия Дмитриевича Антоньева. «Добрый день, Никифор Сем. Письмо от Васильева Друга В. Антоньева. Сообщаю вам, что я 20 января 1942 г. получил от вас и еще от родных ваших 15 писем. Еще которые вы писали 24-26 сентября. Никифор Семенович, сообщаю вам, что ваш сын В. Н. убит осколком бомбы. Убит в Моск. обл. село Ржавки около Ленинградского шоссе. Не помню, какого числа. Я своими руками его относил убитого от машины. С первого дня я служил с ним в 102 к.п. Сын ваш погиб на боевом посту за дело мира. Если вам интересно узнать все, то пишите пись-

мо прямо по моему адресу. Адрес — 220 полевая почта, 172 ОЗД Антоньеву Василию Дмитриевичу. Никифор С., сообщите Клаве, что друг ее Вася погиб... В живе он еще мне говорил, что есть друг любимый Клава (медичка). Пока до свидания».

Весной Бузулуцковы получили открытку от командира подразделения, в котором служил их сын, лейтенанта Аркадия Владимировича Курмоярцева. Отправленная 1 марта 1942 года, она возвращала крошечную надежду на то, что их Васенька жив. «Привет с фронта. Здравствуйте, дорогая маменька. Спешу сообщить вам о том, что долго я вам не сообщал о том, что ваш сын был тяжело ранен и отправлен в московский госпиталь, где результаты мне не пришлось узнать. Поэтому, мама, я сообщаю. Ваш сын был ранен в одном бою, и что я лично отправил в госпиталь, но он был жив, а в настоящем не могу ответить, какой результат после того. С приветом, лейтенант Курмоярцев. Напишите ответ. 1/III 42»¹.

Обратившись к материалам сайта «ОБД Мемориал», мы попытались определить действительные обстоятельства гибели и место захоронения Василия Бузулуцкого. По запросу «Бузулуцков Василий Никифорович» открылся всего лишь один документ. В анкете, составленной 6 апреля 1946 года работниками Урюпинского райвоенкомата со слов отца — Никифора Семеновича, указывалось, что В. Н. Бузулуцков умер по пути в госпиталь: «1.03.1942 года командир взвода лейтенант Курмоярцев сообщил, что Бузулуцков был тяжело ранен и отправлен в московский госпиталь»². Почему родители выбрали именно эту версию, отвечая на вопросы работников военкомата? Она оставляла надежду на то, что их сын жив? Или казалась более правдивой, как полученная от командира и подтвержденная со слов неизвестного лейтенанта

¹ Письмо л-та Курмоярцева Бузулуцкову Н.С 1.03.1942 / МБУ Волгоградской области Урюпинский художественно-краеведческий музей: Ф., с. 1, п. 2, п. 6-А «Письма с фронта родным Бузулуцкого В.Н.»

² Анкета на пропавшего без вести Бузулуцкого В.Н., ЦАМО: ф. 58, о. 18004, д. 1260, л. 126-127 / <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=8189544> // 22 ноября 2016

другим фронтовым товарищем сына в письме от 10 июля 1942 года Николаем Гребельниковым: «А теперь сообщая про моего боевого брата Васю. Я узнал, что с ним произошло в последних числах декабря 1941 года. Я встретил одного лейтенанта, фамилии которого я не знаю. Но он знает хорошо Васю. Он был у них ком. взвода. То он мне рассказал, что Васю сильно ранило в голову осколком бомбы, и его отправили в госпиталь. Этот лейтенант тоже был ранен там же, но вместе с Васей они не попали, так как лейтенант был ранен очень легко. После этого ранения Васю отправили в Москву в госпиталь, и он с ним расстался. Я у него спрашивал его адрес, но он мне сказал, что не знает, потому что Васю увезли на самолете. Я хотел взять адрес лейтенанта и отослать вам, но он тоже уезжает в другую часть и адрес не знает»¹.

Таким образом, найденный документ не дал новых сведений о судьбе Василия. Но наш поиск не закончился. Практика работы с материалами сайта «ОБД Мемориал» показывает, что в документах воинских частей и госпиталей фамилии погибших часто указываются с грамматическими ошибками или с искажениями, имя и отчество отсутствуют или заменяются инициалами. И опять поиск не привел к положительным результатам. Оставалась одна надежда.

В госпитальных именных списках погибших доставленные без документов и умершие не приходя в сознание указывались как «неизвестные». Запрос «неизвестный Московская» (область) или «неизвестный Москва» делали по периодам: 12.1941, 01.1942. В письмах указано время ранения — конец декабря 1941 года и место — деревня Ржавки Московской области. Но деревня Ржавки находилась в зоне боевых действий в конце ноября — начале декабря. В конце месяца, в результате контрнаступления фронт был отодвинут от нее на 100 километров на запад. То есть возможно, дата ранения могла быть указана неправильно. С другой стороны, Бузулуцков мог скончатъ-

¹ Письмо Н.Ф. Гребельникова Бузулуцкову Н.С 10.07.1942 / МБУ Волгоградской области Урюпинский художественно-краеведческий музей: Ф., с. 1, п. 2, п. 6-А «Письма с фронта родным Бузулуцкова В.Н.»

ся в госпитале не сразу после ранения. По нашим запросам было получено 97 ссылок на документы. В ходе анализа учетных записей осталось всего восемь вариантов, которые могли относиться к Василию Бузулуцкову по характеру ранения, месту нахождения госпиталя (Москва, западные и северо-западные районы Подмосковья), отсутствию принадлежности умершего к конкретной воинской части. По дате смерти наиболее вероятным из них является сообщение об умершем в ППГ 769 от осколочного ранения черепа с повреждением мозга 28 декабря 1941 года красноармейце. Но этот госпиталь находился в составе 1-й Ударной Армии в прифронтовой зоне, в деревне Астафьево Волоколамского района. Предположить эвакуацию тяжелораненого Василия из-под деревни Ржавки на более чем 60 километров назад к фронту, в обратную сторону от Москвы, где находилось много лечебных учреждений, трудно. Но в материалах сайта «ОБД Мемориал» представлены сведения об умерших «неизвестных» красноармейцах только из 36 медсанбатов и госпиталей. Это лишь малое число лечебных учреждений, находившихся в те дни на Московском направлении. Естественно было бы предположить, что в большинстве из них данные о неизвестных в списки умерших просто не вносились и захоронение Бузулуцкова могло быть не задокументировано.

Требует проверки и первое сообщение от его друга и сослуживца еще по 102-му кавалерийскому полку Антоньева Василия Дмитриевича, в соответствии с которым Василий умер от полученного ранения осколком бомбы у деревни Ржавки на Ленинградском шоссе. Основные бои на этом рубеже развернулись в первых числах декабря 1941 года. К концу декабря фронт находился в 100 километрах от деревни Ржавки, и Бузулуцков мог получить ранение только в результате бомбежки подразделения на марше или на огневой позиции по прикрытию с воздуха тыловых объектов. Сегодня в Зеленоградском районе Московской области у деревни Ржавки находятся две братские воинские могилы на 39-м и 40-м километре Ленинградского шоссе. Первое из них находится на окраине деревни. В учетной

карточке захоронения значится, что в нем погребены воины 16 Армии К. К. Рокоссовского. Обелиск установлен в 1946–1947 гг. по проекту местных жителей».¹ Количество захороненных — 23. В прилагаемых списках фамилии В. Н. Бузулуцкова нет.

История создания братского захоронения, а затем воинского мемориала на 40-м километре Ленинградского шоссе, восстановленная по воспоминаниям местных жителей, заставляет предполагать, что именно эта точка стала если не местом захоронения Василия Бузулуцкова, то местом его смертельного ранения. Бывший директор Зеленоградского краеведческого музея Т. Визбул в книге «Там, где погиб неизвестный солдат» пишет: «В 1954 и 1958 годах появились постановления Правительства СССР о перезахоронениях советских воинов и приближении братских могил к более доступным местам — к населенным пунктам и дорогам. В 1953-м г. останки воинов свозились из братских захоронений, в окрестностях деревни Матушкино, на 40-й километр Ленинградского шоссе. Это место было выбрано неслучайно. Во время войны, еще с 1941 г., там находилась хорошо оборудованная площадка для зенитной установки, а рядом образовалась огромная воронка от разорвавшегося снаряда. Эту территорию углубили, расширили, и она стала последним приютом погибших воинов.

На новом месте, на кирпичном фундаменте была установлена большая пирамидка. Здесь нашли последний приют около 760 погибших советских воинов. Матушинцы вспоминают, что первоначально на пирамидке был список некоторых погибших воинов. Так и просуществовал этот скромный солдатский обелиск до начала строительства памятника-монумента»².

При перезахоронении, на новом месте устанавливается на кирпичном фундаменте большая пирамида из нержавеющей стали, сваренная на заводе «ЭНЕРГОМАШ»

¹ Учетная карточка захоронения. Номер в ВМЦ — 77-43/ <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261648149&page=1> // 11 декабря 2016

² Цитируется по статье Л. Романовой «Предисловие к экспозиции о Великой Отечественной»/ <http://zelao41.ru/predislovie-k-ekspozicii-o-velikoj-otechestvennoj/> / 15 декабря 2016

в г. Химки».¹ Перезахоронения в эту братскую могилу продолжались до начала 70-х годов. На этом месте 24 июня 1974 года открыт Памятник-монумент защитникам Москвы на 40-м километре Ленинградского шоссе.² До последнего времени считалось, что список захороненных в нем был утерян.³

Именно из этого захоронения 2 декабря 1966 года останки одного из покоящегося в братской могиле воина извлекли и позже перезахоронили в Могиле Неизвестного Солдата в Александровском саду у Кремлевской стены. Этот монумент стал символическим надгробием сотням тысяч сынов нашей страны, пропавшим без вести и оставшимся лежать в безымянных могилах на полях сражений Великой Отечественной войны. Одним из них был наш земляк, командир зенитного пулеметного расчета Бузулуцков Василий Никифорович.

¹ Визбул Т. Памятники боевой славы Зеленограда / <http://zelao41.ru/pamyatniki-boevoj-slavy-zelenograda/> / 15 декабря 2016

² Памятник-монумент защитникам Москвы на 40-м километре Ленинградского шоссе / <http://www.netall.ru/gnp/monuments/40/> / 16 декабря 2016

³ Энтузиастам из зеленоградского краеведческого объединения «Земляки» детско-юношеская организация «Республика добра» удалось восстановить список захороненных на этом мемориале воинов, но он носит пока неофициальный характер, многие фамилии из него не подтверждены документами ЦАМО / <https://www.zelenograd.ru/news/41491/> / 16 декабря 2016

«Ехал поезд с Ленинграда...»

Брянщина в годы войны по рассказам
местных жителей

Михаил Алексеев

Петр Ананченко

Ксения Демидова

Мария Немилова

г. Санкт-Петербург

Летом 2015 года мы ездили в фольклорно-этнографическую экспедицию в Брянскую область, где записывали рассказы и песни о войне. Мы учились работать с фольклором на примере материалов военных лет: сначала собирали его в экспедиции, затем расшифровывали полученные записи. Это оказалось очень увлекательно, и на основе собранных материалов мы решили написать это исследование.

Начало войны и период оккупации

Уже в первые дни войны, в июне 41-го, над Брянской областью летали вражеские самолеты. Вот как рассказывала о начале войны Вера Павловна Ольховая из села Петрова Буда (как почти все, кого мы расспрашивали, она говорит с сильным белорусским акцентом): «Я окончила до войны сем классов — это у сорок первом году. У мае месяце нас выпустили, а двадцать второго июня уже началась война. Мы всё бегали к сельсовету, слушали радива, и так мы и говорили: “А, это нядели две—тры, ну месяц...” А она пять лет пошти прдлилась.

Ну, а уже с первого июля нас усех трудоспособных погнали копать противотанковые рвы, чтобы танки сюда не прошли. И мы копали весь июль...»

24 июня 1941 года Брянская область перешла на военное положение, началась мобилизация в армию, а мирное население привлекли к производству оружия. Были организованы учебные пункты, в которых людей обучали военному делу. Это пригодилось, когда стали формироваться партизанские отряды. В августе, после создания Брянского фронта, началось строительство защитных сооружений.

Брянск был важным промышленным городом и транспортным пунктом, через который проходила перевозка солдат, оружия и боеприпасов.

О том, как уходили на фронт, нам рассказала жительница деревни Овчинец Нина Александровна Овсянникова: *«Помню, как провожали папу. Только вот не помню число и день, знаю, что где-то в августе... в 41-м году. Я помню, как он меня вёл за руку, а сестру нёс на руках (ей был годик), а мама несла его сумку».*

Солдаты защищали Брянщину с севера, запада и юга и сдерживали немцев около двух месяцев, но оборона была прорвана и край оккупировали фашисты. В оккупации люди переживали и голод, и страх, несправедливость и издевательства со стороны не только немцев, но и местных полицейских. Об этом нам рассказывала Нина Александровна Овсянникова в деревне Овчинец Суражского района: *«Я помню хорошо, когда мы жили с немцами. Но немцы у нас в селе вредного ничего не делали... Мы вот тут около колодца, а они моются, лошадей поют, а мы сидим: босиком, цыпки на ногах, аж кров текёт, и ждём. Они соберутся, нас шоколадками угощали, но не полностью, по кусочку, по долочке. Если шоколада нет, они по грудке сахару нам давали, и мы уже их ждали. А вот свои полицейские, их, наверно, человек 15 было в селе, вот эти творили чудеса. Да, потому что староста здесь, на нашей улице, жил... Издевался, как хотел, над людьми: и раздевали, и скот отбирали, и яйца куриные, всё забирали только свои...»*

Староста деревни Овчинец не проявил никакого патриотизма и никакой жалости к людям. Он из злобы хотел сдать 180 односельчан немцам — якобы за связь с партизанами, хотя, возможно, некоторые действительно им помогали. В этом списке оказалась и мама Нины Александров-

ны. Но один человек, который был связан с партизанами, но для вида работал на немцев в гестапо, обнаружил этот список. Он сам был из Овчинца и всех этих людей знал лично. Он уничтожил список, а на этого злого старосту написал донос.

О том, что ее мать находилась на волосок от гибели, Нина Александровна узнала намного позже. В 1955 году она работала в Суражской больнице вместе с женой того самого человека, который фактически спас почти две сотни своих односельчан. От нее Нина Александровна и узнала подробности этой истории.

Среди полицейских были разные люди. В некоторых селах они старались смягчить положение жителей, а также держали связь с партизанами.

Удивительно, что многие очевидцы говорили нам, что партизан боялись не меньше, чем немцев. Возможно, потому, что те, кого мы опрашивали, во время войны были детьми и не всё понимали, а те «партизаны», которые отнимали последние крохи у многодетных семей, были вовсе не партизанами, а грабителями.

Вот так нам рассказывали о партизанах в деревне Костенчи: *«Всякия были и партизаны, и немцы. Моя мать зарезала кабана большого. В печи были ковбасы обжаривались, а они пришли, партизаны. “И чаго, как вкусно у тябе, хозяйка, как пахнет... в печке!” Яна говорить: “Я вас угощу”. Ну, я, говорить, вытяну две больших и им даю. А они все забрали, хоть бы одну деткам оставили.*

У нас же во тут леса кругом, и там хутора были, ещё там сёл багато... Так были такія, что под видом партизан ездили во по сёлах, и забирали усе... просто грабили. Во, моя свекровь рассказывала, гврить: “В день боимся немцев, в ночь боимся партизан. Як загавкали собаки на горе, это уже едут партизаны. Дак то не пертизаны были, хануги”. А были, гврить, такія партизаны, что они шли во на Унечу, на Рассуху, на жалезныя дороги, на станции. Яны зайдуть, попытають: “Ти есть в тябе хоть крошка хлеба, и портянки дай переодеть, переобуть». Во, гврить, то были партизаны. А это так...”»

Не было семьи, в которой не случилась бы какая-то своя беда. Но самое страшное, когда близкие люди становились

заклятыми врагами. Трагическую историю поведала нам Екатерина Онуфриевна Мельникова.

У одной женщины было два сына. Один из них пошел в лес к партизанам, а другой перешел на сторону немцев и был полицаем в деревне. После того, как освободили эту территорию от немцев, брат-полицай пошел повиниться к брату-партизану. *«Я уже, наверно, подойду, дак можа мяне брат помилует, дак прыметь»*. Так тот, который партизаном был, прямо при матери убил своего брата-предателя. Мать старалась защитить своего сына, но безуспешно. *«И matka его тянеть, за плечи взяла, тянеть сына этага. А тому партизану даже хоть бы што. И кров тячеть по ёй, и йна волокла яго. А брат брата забив и всё»*.

Люди в оккупации переживали страшный голод. Ели то, что нам, людям, живущим в мирное время, показалось бы несъедобным. О голоде нам рассказывала жительница поселка Небольсинский Нина Гавриловна Сенина: *«Ели и липовый лист... И осот ели, и крапиву ели, всё на свете, что было... Щавель был — в банку скорей, какую банку найдешь... ну, тада в банку, на костёрчик...»*

Но тяжелее всего было тем, кто попадал в тюрьму по той или иной причине. О том, что они пережили, нам рассказывала жительница поселка Сенькин Ров Мария Яковлевна Галянок. Ее арестовали вместе с матерью и сестрой: *«...Мы пошли в чатвёртый класс, и вот из чатвёртага класса нас арестовали и забрали в тюрьму с сямьёю. Потому что отец коммунист был, брата арестовали за связь с партизанами и ён сбежал, ушёл в партизаны. Он ушёл из-под стражи, а на другой день нас арестовали з матерью... сястра и мяне... иише семь сямей с Костенич... и бросили в тюрьму. И шесть месяцев мы были в тюрьме, под расстрелом... Ежедневно ждали расстрел, кого когда расстреляют. Расстрелы шли, в 12 часов приезжает чёрный ворон, набирает, а мы ж ня знаем, кого будуть брать. Прощаются дети с матерям, друг с другом прощаются, кого будуть седни брать. Потом нас у Клиницы отправили. Из Костенич этих на паруки люди взяли семьи, а нас и некому было брать, да и боялися нас брать, что отец коммунист, брат партизан, нас некому было брать. [Мы] были жестокие преступники немцам...»*

Ну, и отправили нас в Клинцы. Набили нас 180 человек у камеру... из 4-х районов нас набили, и мы так, не лежали, не сядели, а впритык вотак, один к одному прижавши были. Но потом разгрузили: молодежь в Германию отобрали, а мы остались. И так мы страдали на этих нарах: клопы, вши, блохи, параша... В день нам 150 грамм хлеба овсянага, во такая шароки [Мария Яковлевна показывает 4 пальца], и кружку баланды, с бурака с ботвы. Во, насякуть лопатую, зварють и кружку нам, там... литры не было, можа тры четвьярти литры...»

Нам даже трудно вообразить, что испытывали заключенные.

«А сядуть женщины, плачуть-плачуть, а тады сядуть во так во [рукой подперев щеку] и песни запоють... Даже в тюрьме мы сидели в камеры, такие голоса были у женщин, многа, со всего района ж... И вот запели: “Звенить звонок насчет поверки...” И вот як гаркнуть! Охранник ту-ту-ту... щас засов в камеру... и вы понимаете... во так во прыскочить, во так во станеть к стяне во так во и стоить, покуда закончуть песню, а потом можесть: “Прекратите песни”. Вот такие были люди... А голоса, голоса у этих женщин!»

Некоторые жители деревень и сёл поначалу не думали, что на их долю выпадут такие испытания, они-то считали, что их жизнь с немцами будет лучше прежней, но потом поняли, что глубоко заблуждались. О том, как встречали немцев, нам рассказывала в поселке Сенькин Ров та же Мария Яковлевна: *«А потом як... с хлебом-солью встречали немцев... некоторые выходили и во... хлеб-соль. А ён як дал чёсу тута нам, тады уже опомнились люди, что к чаму».*

Немцы тоже вели себя по-разному. Встречались такие, которые совершали и хорошие поступки. Об этом нам рассказывала Лидия Ивановна Хорунова из деревни Лопазна: *«Один раз я пришла, там машина была такая [показывает], вот такая длинная, пленных взяли откуда-то. Такая квадратика увярху, и они руки протягивают у тую дирку. А я принясла путинок гурков. На калясо стала и подаю. А немцы ходють и бьють во так во хнутиком по рукам их, тых людей. А я встала на калясо (я ж маленькая ще бала) и у руки даю*

им, они хватают. Один такой шофёр тэй машины подошёл, за уши взял и об землю. Тады хорошо, что асфальту не было! А тады другой подыходя, высокий такой, увесь в ремнях. Того за шкир моття и об землю самого. Те самый начальник. Вот те крест на мене, я правду говорю».

Немцы стремились психологически воздействовать на население. Поэтому они сбрасывали листовки, чтобы переманить жителей на свою сторону или сломить их моральный дух. О таких листовках нам рассказывала уроженка деревни Дубровка Анна Дмитриевна Значкова: *«А немцы ище листовки кидали. С самолёта мешок высыпали, и вот кажется — летают бабочки, мелькает что-то — листовка летит. А в листовках было: “Бей жиды, политрука, рожка просит кирпича”. Это они против советских».*

Психологически воздействовать пытались не только немцы, но и русские. Удивительно, но Анна Дмитриевна, которой, когда мы ее опрашивали, было 84 года, помнила содержание листовки, которую прочитала в далеком 1943 году. *«А когда уже отступали немцы, и наши самолёты летали над дярвней, наши тоже листовки кидали. И я однажды подняла такой листок и прочитала. А страшно же, надо ж было его запрятать от немцев. Печатными буквами написано:*

*Интярэсную картину
Предстоит нам посмотреть,
Как на площади Берлина
Гитлер будет сам висеть.*

*От земли на метров десять
С туго стянутой петлёй
Меж столбов яго повесить,
Чтобы видел люд честной.*

*А когда же закопають
На кладбище на глухом,
Сверху камнями придавят,
Надпись сделают потом:*

*“Здесь ляжить под камнем сим
Бывший Хвюрер — сукин сын,*

*В жизни пыжился, кривлялся,
Покорить народ пытался,
Сделать этага не смог
И на висельнице сдох!»*

Вот такой стих».

Очень много людей было уведено в Германию из-за нехватки там рабочей силы. Увозили огромными партиями.

«А на поезде как сажали тада: впереди паровоза вагоны были такие — просто площадка, и всё, на эту площадку сажали... посадили нас увсих, и впереди поезда вагоны эти. А делалось это для того, чтобы в случае, что на мину нарвётся, дык чтоб первых уже нас, а поезд цел остался...»

По пути делали остановки в лагерях, где тоже были нечеловеческие условия.

«И довели до Клинцов. А в Клинцах-то мы сидели несколько дней в лагере тоже с военнопленными. Господи, только говорить неудобно, чуть воши не зъели всех!..»

После прибытия всем угнанным ставили клеймо: буква, порядок цифр или цветное пятно. *«Потом нас выгнали на площадку, ну, и начали... Нам сказали: “Становитесь по семьям”. Мы, еще трое, брат был же. Вот нас — кому желтое клеймо, кому синее, кому зеленое. Клеймили краскою... Там были покупатели, уже с Германии была покупательница... Вот нас заклеямили и из Калужской области две семьи заклеямили одинаковой краской, а хозяйка эта ходит и смотрит, какое ей досталось клеймо. Вот, например, мы зеленые и те зеленые. Она нас называет и ведет с собою...*

Довезли до Польши. У Польше усих вроде в баню, там помыли в бане и каждому на лоб штамп поставили и номер на шее. Уже мы эти хвамилиши потеряли, только по номеру были.

У Польше город Лида, город Лида, вот поставили уже на руку штампы. На руке же поставили буквы: мне попалась буква “Д”. От из-за этой буквы запретили одевать рубашку, только руки голые все. И по этой букве уже приезжали покупатели, как говорить, в этот лагерь — немцы, которым нужны рабочие. Вот и по этой буквы брали: вот у меня буква “Д”, и я попал в Десау...»

В Германии встречались хорошие немцы. Угнанный в Германию житель Василий Иванович Темняков из села Брянкустичи рассказал о его дружбе с ветераном Первой мировой: *«Немец был такой старый-старый, калека-немец. Казав: “Я русских солдат не боюсь, я боюсь казаков”. В ту войну яго казаки поймали, ноги повыкрутили и пустили... Да, в Первую мировую... Я пясок нагружал на повозку, а он возил. Я ему помогав уже, ён мне тоже... старичок был сознательный, як тока хозяин идет, так тады: “Подымайся!” или что-нибудь... А як только хозяин пошёв, так: “Посяди, посяди”. Жалев, ён мяне юнгой звал усё... Ён на мяне всё тока «юнга, юнга, юнга». А я уже с йим научився: я яму рассказав якия слова. Если на конях... коня подгонять, у нас “Но!” говорить, а ён по своему “Гия!” кричить на них. Я говорю: “По-нашему ‘Но.’” И вот ён крычить: “Но!” Хороший был дедок, хоть и немец...»*

Были в Германии группы, призывавшие к сопротивлению: *«Ну, там какия-то организации были. Находили мы такия листовочки, вроде вот... Написано:*

*Друзья! Вы там бяз дела не сидите:
Как можете, так немцам и вредите:
Бейте, жгите и ломайте,
Ни на миг не забывайте,
Что своей вы Родины сыны.»*

Среди угнанных были и такие, которые не добрались до Германии, остались в Польше: *«...До Германии нас не допустили, в Барановичах остановили — это Барановичи межуются с Польшею, недалеко от Польши — граница. Тут приехали какие-то люди на лошадях, вот разбирают в работники надо были. Нашу маму никто не бярет, потому что у нас пятеро детей, работать же надо, а ей работать с детьми: маленькая — один под один, ну никто не бярет. А потом один священник и говорить: “Я эту кобету (там говорить не “женщину”, а “кобету”) забираю”. И нас забрал этот батюшка...»*

Приходилось жить на месте до освобождения Брянщины или даже до окончания войны и потом возвращаться домой.

«Мы жили там, питались мы конечно вместе с ними, ну, а побираться все равно (не “побираться” там называется, а “жабровать”) ходили по поселку, потому что это у нас в крови было так-то. Пойдем, и что-нибудь вкусенького дадут. Да, давали люди и хлебушка, и муку, крупу, к празднику ячечек и сальца дадут. И все, все вот так-то. И вот однажды идем, несем сумочки свои, едут немцы навстречу, полиции. Мы покидали эти сумочки и в костел побегли, в польский. Они слезли, поглядели в наши сумочки, поразвярнули, что там ничёга нету, и поехали своей дорогой. Мы тогда выскочили из костелика и скорей домой. И больше побираться не стали ходить. А потом сюды приехали, неделю с Барановской области ехали до Ржаницы на товарном поезде. Хлебушка заработано было, мука была, рожь была. Нас обокрали, как голую белку. Да это уже в 45-м было. И вот мы приехали сюда на пепелище».

Освобождение Брянщины и жизнь до победы

Оккупация немецкими войсками Брянщины длилась почти два года: с октября 1941 по конец сентября 1943 года. Первая попытка освободить эти земли, предпринятая в марте 1943-го, не увенчалась успехом. Наступлению наших военных помешала оборонительная линия «Хаген», сооруженная вдоль правого берега Десны по приказанию немецкого командования.

Вот как о строительстве укреплений в окрестностях Брянска рассказывает газета «Правда» от 18 сентября 1943 года: «Когда гитлеровцы потерпели непоправимое поражение под Орлом, они всеми силами пытались удержаться западнее его. Но немецкие войска не выдержали сильного удара наших войск и вынуждены были откатиться почти на сто километров к западу. Только за Карачевом, уже собственно на подступах к Брянску, немцам удалось зацепиться за лесной массив и построить оборону.

На сооружение оборонительных поясов вокруг Брянска немцы гнали тысячи мирных советских граждан. Немцы устраивали многодневные облавы на мирное население, спрятавшееся в лесах, и отправляли тысячи людей на обо-

ронительные работы к Брянску и на берега реки Десны. Здесь от голода, непосильного труда, от болезней погибли тысячи жителей деревень, прилегающих к брянскому узлу сопротивления немцев. На строительстве оборонительных рубежей погибло также много военнопленных и мирных жителей, привезенных сюда из районов Белоруссии и Смоленской области».

Переломным моментом в освобождении Брянщины стал сентябрь 1943 года.

В сводке информбюро об этих событиях говорилось так: «На Гомельском направлении части Н-ского соединения ночью переправились через реку Судость и на рассвете атаковали немцев, оборонявших город Погар. В ожесточенной схватке советские бойцы разгромили вражеский гарнизон и овладели городом. Уничтожено до 1.500 немецких солдат и офицеров. Захвачены 25 орудий, более 100 пулеметов, два вещевых, два инженерных, артиллерийский и продовольственный склады.

В лесах в районе Клетня и восточнее Погар наши войска освободили около 100.000 советских граждан, которых немцы угоняли на каторгу в Германию».

22–23 сентября советские военные вошли в Мглин, Стародуб, а также важный железнодорожный узел Унечу, куда позже перевели штаб Брянского фронта. Тогда же к западу от Клетни и на севере Суражского района нашими частями была форсирована река Ипутя.

Вот как об этом вспоминает очевидец этих событий Нина Александровна Овсянникова: *«Вы знаете, Овчинец освобождали полтора суток, у нас был большой бой за наше село. У нас тут на горе стояла церковь, а при въезде в Овчинец стояла мельница, и немцы на этих точках засели, а разведка шла из-за Ипутя, с Унечи. И как только до Ипутя доходят: “Ура!”... В Ипуте не вода была, кров была, столько погибло людей. У нас тут около памятника мало хвामीлий, но я помню что был такой разговор, что 700 человек погибло за освобождение Овчинца. У нас в одной хатке вот напротив администрации нашей... там стоит маленькая хатка такая, там три раза в атаку сходились... прямо в доме. И был день такой, знайте, пасмурный, морозящий дождь, 25 сентября.*

И я помню у нас в огороде стояла скирда соломы, и мы были в окопе. И вдруг утром мама нас будит и с сестрой и говорит: “Дети, просыпайтесь, пришли наши”. Это, знаете, передать нельзя, это надо видеть, какая радость была во всех на глазах... Я без слёз вспоминать не могу».

Отступая, немцы старались причинить как можно больше ущерба. Поджигали дома и хозяйственные постройки, а то и все поселение.

Лидия Ивановна Хорунова из села Лопазна рассказала: *«Там пошла на твой край, где я жила... там нема ничёга... всё спалено. И скот поубеват и двор спален увесь. Там в окопе сядели, у цыганово деда, а на моя тетка была грамотная женщина. Она положила свою перину напротив желеба. И они кинули гранату туды. Двор спалили, все спалили. Граната спереду заплутала они только дым был. Ну вылезли они оттуда...»*

Нина Александровна Овсянникова вспоминает: *«Когда отступали немцы, они запалили один дом при въезде в Овчинец, один при выезде. Они отступали на Белоруссию... Чтoб йим ночью было светло отступать... понимаете, вот эти дома горели. Ну а на нашей улице четыре дома сгорело, сгорели просто от снарядов, от пуль... и сельский совет сгорел. Это я помню, как они горели, это я всё помню... потому что мне уже было 8 лет. Мы вечерами сидели у окна и наблюдали, как Клиницы горят, как Унеча горит — отражение [в небе], когда немцы отступали. [В 1943 году] нас освободили: Сураж 23 сентября, нас 25 сентября. Унечу, может, числа 22-го, я не знаю».*

Можно найти подтверждение этим словам и в периодической печати того времени. Газета «Правда» от 18 сентября 1943 года рассказывает об отступлении немцев из Брянска: «Чувствуя свою обреченность, немецкие дикари стали яростно разрушать город. Они взорвали машиностроительный завод имени Кирова, швейную фабрику, Дом советов, Дом связи. Гитлеровские варвары разрушили все культурные учреждения. В горы битого кирпича превращены городской драматический театр, краеведческий музей, лесотехнический институт, больницы, школы.

Около Брянска существовал лесной государственный заповедник, в котором выращивались ценнейшие поро-

ды деревьев. Немцы методично уничтожали здесь то, над чем десятилетиями трудились советские ученые. Научный центр мирового значения был осквернен и разрушен».

Освобождение Брянщины закончилось в последних числах сентября взятием нашими войсками Злынки, Гордеевки, Красной Горы.

Вспоминает Вера Павловна Ольховая из села Петрова Буда: *«А мы только вернулись с поселка, мы ж прятались, когда отступали, вот этак мост, через который вы ехали, его взорвали наши солдаты, чтоб немцев задержать, пока они вперед пойдут. Ну, и так мы у дзюревню приехали с того поселка, подходит к нам военный и говорит: “Вам надо убраться, здесь счас бой будет, потому что немцы в соседнем сяле, а мы вот здесь”. И мы поехали в Барануоку. Вот мы там ночи две переночавали, так тихо всё прошло, что немцев погнали. И мы вернулись домой и стали жить...»*

Лидия Ивановна Хорунова: *«Я тоже жила у тетки там на конце дзюревни. У нас дзютей много, пятеро детей, а у яё поумирали дети. Она меня забрала. И уже як отступали, я пришла сюды. Отсюда я уже не могла пойти. Уже мамочки моей не было. Повыгнали, кудысь погнали немцы, як отступали. Погнали немцы на луг. А я попала к чужим людям. Мне уже поворота дальше некуды. Загнали усех кто остался. И меня погнали туды, гнали, гнали. Ясь не одну, а богато там людей. Не одну мяне. И пригнали нас у ров. Вот такой большенный ров, к промыю. И дождь лил три дни. Посадили в тэй ров. Там “кэтьюши” снаряд разорвется, тут “ванюша” разорвется. Я мы сидим в дождь ня евши. Малые вси. Немцы из “ванюши” бзють, а наши с “кэтьюши”. Мамочки моей там не было. И тады мне сказали люди, что там и там в противотанковой канаве мои вся сямья. Туда и корову повяли, и свинку даже повяли. И я иду по Глыбокой туды, в противотанковую канаву, показали мне дорогу. Тады всё зарослей таких не было. Иду: чтьось як пчёлы коло мяне — вжжжж вжжж, а это пули так свистали. И мяне и ня убили. Я прышла туды, мене мамачка покормила, хлеба кусок отрззала. Корова ж там наша была, кружечку молока и у тэй окоп посадила мяне, где наши вси дети, и вси там люди было — богато. Я поела и заснула, мокрая ж уся, голодная. Тады мамка моя говора: “Дачушечка,*

вставай уже, пойдем домой, уже немцев выгнали". Идём мы домой во по Песчатке, во тут во, по тэй дороге с противотанковой канавы, а уже лежать, хто над окопом, хто так во руки склавши — убитые, кто так ляжить... убитый... Пришли мы двору. У нас... голодные ж тоже... Пришли мы домой, [нерзб.] была с бульбою у печи стояла, выняли, бабушка наша пришла к нам довидаться с другога края. Поели... и поели всю тую бульбу, во как...»

Покидая ранее оккупированные населенные пункты, немцы угоняли с собой в плен мирных жителей. Некоторым советским гражданам из-за спешки и неразберихи удавалось сбежать: «... Мужчин усех забрали, их мобилизовали в июле или даже в первых числах августа, но они разбежались, до реки доехали, до Ипутя, разбежались, не вярнулся только один парень. И так никто не знал, где он, и то ли он пошел туда за линию фронта, то ли он погиб там».

Отступая, немцы вели за собой и военнопленных. Сердобольные мирные жители не только подкармливали их, но и помогали бежать. Но как правило, после того, как они возвращались на освобожденные от немцев территории, их вновь отправляли на фронт, на самые трудные участки, с которых мало кому удавалось вернуться живым.

Осенью 1943 года после освобождения Брянска фронт в этом регионе передвинулся в направлении Гомеля. Вот как об этом вспоминает Надежда Ильинична Ткачева из деревни Костеничи: «Мой отец под Рославлем попал в плен, и их гнали на Мглин... Мглин наш рядом тут... И ён тагда утёк. Гврить: "Я в хвортку вярнулся (а народу ж тада богато гнали), — говорить, — и вскочил на двор, а там ище один стоить, тоже утёк. И нас, — говорить, — бабка эта спровадила в баню, и мы там в яё бане переночевали. Потом она дала нам грабли, и мы, — говорить, — с граблями, ну, идём на работу. И пошли. А тогда, — говорить, — когда уже освободили Костеничи, всех этих Касянских (тут многа было таких, что поутекали с плена) всех погнали в Белоруссию на Сож под Гомелем... Гомельская область, Кормянский район, там были сильныя бои...»

Операция по освобождению Гомельской области началась 23 сентября 1943 года. К октябрю советским вой-

скам удалось форсировать Десну, Сож, Днепр. Начались ожесточенные бои за освобождение восточных районов Белоруссии. Кормянский район, упоминаемый Надеждой Ильиничной, был освобожден лишь спустя два месяца.

«И туда погнали майго съвёкра. И вот када мой отец уже ишёл с боя зь раненой рукою, мужа майго отец... вляи в бой его. Вот ён спрашивает: “Илля, а что тебя ранило?” А ён гаворить: “У руку”. — “Ой, брат мой, який ты счастливый, я так боюсь, чтоб мяне в живот не ранило!” И в том бою его снайпер убил. Сядели яны в окопе, с своим соседом, и ён закурив... Закурив, и снайпер яго в голову, и там же яго закопали... Огонёк заметив, ён закурив. Тэй там погиб».

Брянскую область полностью освободили 28 сентября 1943 года, но для всех война продолжалась. На заводах стали производить оружие и технику для солдат.

После снятия оккупации мирная жизнь наладилась не сразу. Немцы, отступая, поджигали дома, некоторые населенные пункты были сожжены до половины, а то и больше.

Как нелегко было восстанавливать нормальную жизнь, нам рассказала Екатерина Онуфриевна Мельникова из деревни Шамордино: *«Ну приехали и на всё сляо быв сарай, тамочка, ну, коровник одных не сгореу, и наша хата не сгорела... И сарай, было две постройки. А людей же... наше село, тады рядом, тады ище посёлочки, ну богато людей, иде же родич який прочувся, дак у нас ужо забита тая хата была всё... а спали игде, солому постелем».*

Когда война закончилась совсем, в семьи стали возвращаться мужчины. Не все солдаты сразу пришли с войны, а многие не пришли вовсе. О возвращении мужчин мы слышали в деревне Костеничи такое: *«После войны уже сильно пели у нас в Костеничах. Вот женщины, удовы особенно, собярутся на работу, уже ж колхозы восстановили... Прыдут на работу, особенно хто в бригаде, в поляводстве работал. Вот они сядуть песню петь: и пяють, и плачуть. Которья пришёл с войны, той хорошо петь, которья не пришли — сидять и, гварять, поём и плачем. Это мне свекров рассказывала.*

И тады уже в 45-м году... [не сразу] все попришли... А вось, работаем на поле, идеть солдат по дороге. Ну, кажем: “Чий

жа это идет, чий жа это идет?» И все, говорить, бягим яму на встречу. Прибягим, и тый или ня тый... То ня мой... А чей идет, той уже радость большая».

На оккупированных территориях с небывалой радостью праздновали День Победы. Об этом нам тоже рассказывала жительница села Овчинец Нина Александровна Овсянникова: «Ну а когда День Победы был, это мне было уже 10-ть, это вообще... нельзя передать. Село всё и пело, и плясало, и забыли о том, что похоронки попришли, такая была радость. Радио у нас не было в селе, я не знаю, откуда люди узнавали...»

И все-таки раны, нанесенные войной, не заживут никогда.

Боль в песенных строках:

песни, записанные бывшими фашистскими узниками в проверочно-фильтрационном лагере № 219 летом 1945 года

Анна Антонова

г. Урюпинск, Волгоградская область

В музей Урюпинского Лицея принесли реликвию — маленький блокнот в твердом переплете. На его страницах были записаны песни узников фашистских лагерей. У нас появилась уникальная возможность понять через строки песен, что пережили эти люди. Основными источниками исследования стали песенник и личные документы Степана Ивановича Попова.

Степан Иванович Попов, ветеран Великой Отечественной войны, один из лучших механизаторов Антошинской МТС, а затем совхоза «Искра», умер 25 февраля 2004 года. Так получилось, что сегодня подробно рассказать о его жизни уже некому. У него не было детей, скончались сестра и брат. К счастью, у дальних родственников сохранились его личные документы и фронтовой блокнот. По этим материалам, хранящимся в архиве семьи Кудрявцевых, мы попытались рассказать о человеке, сохранившем ценнейшую военную реликвию.

Свидетельства былого...

Степан Иванович Попов родился 21 декабря 1917 года в небольшом хуторе Сурочий, спрятанном на дне степной балки, в северо-восточной части Урюпинского района. Как и многие его сверстники 20-х годов, чье детство прошло

на селе, смог получить только начальное образование. После коллективизации освоил профессию тракториста-комбайнера. 15 сентября 1938 года был призван на действительную службу в Красную армию, где служил в 14 отдельном полку связи телефонистом. Уволен в запас 12 декабря 1940 года.

22 августа 1941 года его мобилизовали на фронт. В октябре Степан Иванович направляется шофером в 209 пушечный артиллерийский полк Резерва Главного Командования. Весной 42-го полк находился в составе 6 армии Юго-Западного фронта. 12 мая 1942 года началась трагическая Харьковская наступательная операция. Из-за просчетов советского командования войска фронта оказались в окружении. Красная армия потеряла 277 190 человек, из них 170 958 безвозвратно. Артиллеристы с их тяжелыми пушками и тихоходными тягачами не имели шансов вырваться из окружения. 27 мая 1942 года Степан Попов был контужен в голову и попал в плен. В концлагере он работал на шахтах вместе с чехами и югославами. 29 марта 1945 года лагерь освободила американская армия. После передачи советской стороне с сентября 1945 года он проходил службу санитаром в 530 медико-санитарной роте.

Так получилось, что самыми счастливыми днями его военной жизни стало время пребывания в проверочно-фильтрационном лагере № 219, куда он попал после освобождения из плена. Здесь он встретил свою любовь — украинскую девушку Надю, угнанную на работы в Германию. Эта чувство наложило отпечаток на всю его жизнь. Война разлучила их. Вернувшись домой, он долго искал свою любовь. Довоенный брак с Поповой Александрой Егоровной распался. В семейной жизни он так и остался несчастлив, но как самую дорогую реликвию хранил он всю жизнь блокнот, в который они с Надей записали свои любимые песни.

О чем рассказал старый блокнот?

Нельзя оставаться равнодушным, когда держишь в руках старые документы. А попавший в наши руки песенник вызывает особые чувства.

Блокнот размером 205 на 125 миллиметров содержит записи, выполненные карандашом и перьевой ручкой на двух языках. В верхней части страниц просматриваются первичные двухстрочные надписи латиницей. Ниже на страничках находятся записи песен на русском языке. Большинство из них записаны двумя людьми. На это указывают особенности почерка. И только песня «Огонек (ответ)» записана третьим человеком. Подпись под этой песней «Лагерь № 219 п/п 52703/19» позволила нам определить место записи. Они сделаны в проверочно-фильтрационном лагере НКВД для бывших военнопленных и перемещенных лиц. Располагался он в городе Витшток в 80 км северо-западнее Берлина. Время составления песенника можно определить лишь примерно — лето 1945 года. В нем записаны 16 песен, и лишь для двух указано время записи. Четвертый текст вписан 4 июня 1945 года, а десятый — 8 июля того же года.

Автора восьми текстов можно легко установить по автографам в конце песен. Они записаны Надей, девушкой, угнанной на работы в Германию. Эти подписи являются посвящением любимому человеку. В них трогательно подчеркиваются очень близкие отношения, возникшие со Степаном: «писала твоя жена Надя», «писала Надя Попова».

Мы думаем, что блокнот изначально принадлежал С. И. Попову, который не подписывал своих песен. Русские и украинские песни Надежда записывала при помощи национальных алфавитов. Это может говорить о том, что она была из восточной Украины. Более грамотные украинские тексты, ошибки в русском языке, связанные с особенностями украинского произношения, свидетельствуют о том, что именно украинский язык был для нее родным. Видимо, переход в песнях на русский язык произошел по просьбе слушателей, товарищей Надежды по несчастью. Что касается вопроса об азбуке, то, действительно, до 1939 года, когда к СССР были присоединены западные земли Украины, существовало несколько азбук. Но в рукописи Надежды нет никаких следов иных азбук, чем та, которой пользовались в советских школах. А судя по лексике, таких следов вообще быть не может, потому что, скорее всего, это девушка из восточных или южных районов Украины, там,

где русский язык оказал более сильное влияние даже на сельских жителей. В тексте песен нет диалектных слов, по которым можно было бы определить, из какой местности происходит Надежда.

Перевод 5 строфы первой украинской песни «Наша жизнь» подтверждает этот вывод. Текст блокнота «Ох! Зачем меня мать породила, Ох! Зачем меня мать родила, Лучше б в море была утопила чем в германскую жизнь одала» разительно отличается своей лексикой от классического украинского языка — «Ох! Навіщо мене мати породила, Ох! Навіщо мене мати народила, Краше б в море мене була втопила, Ніж (чому, аніж, шо) в німецьку життя віддала».

Многое о Надежде могут рассказать и жанры любимых ею песен. Преимущественно это переделки — «Синего платочка», песен, относящихся к «тюремному романсу»: «Из далеко Колымского Края», «Коли, дівчата, була я з вами», «Здравствуй, мать, прими привет от сына...»; литературно исторические песни и романсы «От павших твердынь Порт-Артура» и «Я люблю вас так безумно». Можно с уверенностью предполагать, что родилась и выросла она в городе или малом промышленном центре. В отличие от нее, у Степана Ивановича, выросшего в казачьем крае, преобладают народные песни и песни, ставшими любимыми у солдат в годы войны.

Огромную ценность представляет содержание песен, записанных в блокноте. Наряду с общеизвестными и любимыми произведениями здесь представлены только что созданные «переделка» на танго «Огонек» — «Ковыляй потихонечку» и производная от «Спят курганы темные» — «Позор девушке гуляющей с немцами». А «Ответ девушек» на последнюю песню — возможно, уникальная запись. Мы не нашли этого варианта песни ни в песенных сборниках, ни на тематических сайтах интернета. Но особенно интересным показался фольклор узников фашистских лагерей и «остарбайтеров». Его содержание и будет рассмотрено подробно. Русские тексты отредактированы автором данной работы; украинские — Виктором Владимировичем Федотовым.

Строки, пропитанные болью

Первые песни, записанные в блокноте, содержат переживания, связанные с фашистской неволей: освобождение, недолгое пребывание в проверочно-фильтрационном лагере НКВД не смогли стереть из памяти душевных и физических мук. В произведениях, созданных узниками, с особым трагизмом звучит тема вины за то, что они оказались в немецкой неволе. Эту вину они возлагают в первую очередь на предателей в Красной армии. «На память песенка из жизни русского пленного»:

Не жалея ни жизни ни крови,
мы дрались, отражая десант,
Но изменник и трус по дешевке
предал нас генерал-лейтенант.

Боль слышится в строках, посвященных погибшим товарищам:

Только ворон по ветру услышит
вздых последний груди молодой.

Плен осознается как крушение жизненных надежд, предчувствие неизбежной гибели, горя, омрачившего будущую жизнь. Но надежда вернуться домой не покидает пленников:

Ах ты Русь ты моя дорогая,
не вернемся мы больше к тебе.
Кто вернется, тот век не забудет,
все расскажет родимой семье.

Всё расскажет, покатаются слёзы,
рюмку выпей, вскружит голова,
Дай господь нам вернуться до дома,
продолжать трудовые дела.

В песнях по-разному описаны положение пленных и угнанных на работы в Германию. Так общей и для оstarбайтеров и военнопленных является тема голода. Но для первых это скорее проблема недоедания:

Получивши кусок хлеба
полицай нам кафе выдает,
а второй с поднявшей плеткой
отправляет бессильных в завод.

Питание пленных было настолько мизерным, что многие из них умирали от голода:

На кормежку нельзя обижаться,
нас кормили сказать на убой,
Грамм по двести с опилками хлеба
и пол литра баланды с ботвой...

А по утру, всех мертвых свозили
в тот безвестный большущий сарай,
Как обоймы в порядок складали,
для отправки готовили в рай.

Народные песни передавали детали страшной лагерной жизни, где и отношение немцев к советским людям было особо жестоким:

Не забыть и о вас полицай,
все ребята один к одному,
Один бьет, а другой убивает,
умер вечная память ему.

Те из оstarбайтеров, кто работал на фабриках, пусть и находились в рабочих лагерях, но получали даже маленькую зарплату и имели право выхода в город, хоть и с отличительным знаком "OST" на груди. Тем не менее они повсюду чувствовали презрительное отношение к себе и могли быть подвергнуты немотивированному насилию. Песня «Наша жизнь» на мотив украинской народной песни «Коли, дівчата, була я з вами»:

Костюм з остом тут скрізь провіряють
і прохода ніде не дають,
З ресторанів, — крамнць выганяють
і сабакаю русскою звать.

В обстановке насилия и унижений на чужбине с особой силой ощущалась тоска по родине, которая в основ-

ном олицетворялась с родным домом и, в первую очередь, с родной матерью. Эта тема присутствует в каждом произведении, слова которого писались в неволе. Звучит она и в народных песнях, собранных в блокноте, — «От павших твердынь Порт-Артура» и в переделанной «Здравствуй, мать, прими привет от сына...»:

Я лягу на германской постели
вспоминаю про родной я дом,
Ох как вспомню про маму родную
то залюсю горячей слезой.

Со временем пребывания в проверочно-фильтрационном лагере, пусть еще и не на воле, но в окружении своих соотечественников, стираются из памяти пережитые ужасы. На место лагерных песен приходят новые. Главной их темой становится любовь. Вспыхнувшее между бывшим солдатом и угнанной с Украины девушкой чувство Степан передает в записанных песнях. Надя же буквально подчеркивает свою любовь. В названии записанного ей 2 июля 1945 года романа «Я вас люблю» слово «я» подчеркнуто пятью пирамидально сокращающимися черточками, слово «вас» — шестью, а слово «люблю» уже семью черточками. И эти песни она подписывает: «писала твоя жена Надя». Но их внезапное счастье омрачалось осознанием не только предстоящего неизбежного расставания, но и пониманием того, что Степана дома ждала его жена Александра. Эту тревогу Надя воплотила в измененные, возможно, ею самой строчки «Синего платочка»:

Ласковой нежной улыбкой,
ты повстречала меня
В черном жакете
в синем берете
«Ост» на груди у тебя.

Помню, как ты улыбалась
и говорила шутя
«Ост» оторвется,
память сотрется,
ты позабудешь меня.

Порой ночной,
мы повстречались с тобой.
Но не забыть мне
нежной улыбки
девушки русской с «Остом».

Может быть, встретимся снова,
время у нас впереди,
В черном жакете,
в синем берете,
и без «Оста» на груди.

Не только близкая разлука тревожила Степана Попова. Возможность скорого возвращения домой вызывала не только надежду и радость, но и беспокойство о том, как его встретят дома. Они нашли отражение в вариантах песни «Огонек» и ее переделке, обретшей самостоятельную жизнь — «Ковыляй потихонечку». По существу это одна песня, но в первом случае говорится о любви и верности, а в другом — об измене «искалеченному» в сражениях воину.

Но еще большую тревогу вызывал вопрос, как встретят на Родине красноармейца, попавшего в плен к немцам, и девушку, работавшую в годы войны на фашистскую Германию. Как отнесутся к ним окружающие?

Не случайно последние два текста сборника отражают эти переживания. Песня «Молодые девушки» на мотив «Спят курганы темные» имеет название «Позор девушке гуляющей с немцем». Она родилась на Украине в годы немецкой оккупации. После освобождения Донбасса ее записал журналист газеты «Правда» Б. Л. Горбатов. Он вставил ее в повесть «Непокоренные», изданную в 1943 году. Благодаря этой книге песня стала необычайно популярной в последние годы войны. В ней говорилось об украинских девушках, позабывших своих «лейтенантов-соколов» и подаривших свою любовь немецким солдатам. Символично, что последней записью в сборнике является «Ответ девушек», где содержится попытка оправдаться в несправедливых обвинениях. Эти строки проникнуты горечью и обидой:

Дорогие соколы разве позабыли вы,
сколько горя девушкам принесла война.
Плачут они бедные, горем убиваются,
проклинают девушки свои лагеря...
С матерями старыми и детьми малыми,
отдали вы немцу нас
Лейтенанты летчики, соколы отважные,
Сколько раз о верности Родине клялись,
Но в пору тяжелую клятву позабыли вы,
В первых же сражениях немцы взяли нас.

Этими строками и обрывается дневник — уникальный документ Военной эпохи, обрывается и история любви и жизни двух людей, сохранивших в песенных строках чувства и переживания людей, побывавших в фашистской неволе.

Работа над изучением блокнота помогла мне научиться анализировать исторические источники. Научила вчитываться и понимать каждое слово попавших к нам в руки документов. Песенник является уникальным памятником военного фольклора, и я уверена, что нужно сделать его доступным для профессиональных исследователей и любителей истории и народной песни.

Горькая память

Ярослава Сидорова

с. Елбань, Новосибирская область

Главная героиня моего повествования — сельская девочка, самая обычная, из большой крестьянской семьи, где помимо старшего брата и семерых младших сестреночек, матери и отца, под одной крышей проживали бабушка и дедушка. И имя у нее очень распространенное для того времени — Лида. (По ее воспоминаниям, в классе, где обучалось в последний предвоенный год 17 детей, это имя носили четыре девочки). После войны она станет учительницей и долгие годы будет работать в начальной школе. Из многочисленных сестер выживут только трое, остальных унесут болезни. Брат погибнет в первый год войны. Отец останется лежать в чужой земле, убитый на подступах к Берлину. Похоронка на него придет в апреле 1945 года.

Сегодня Лиды уже нет в живых, но остались ее воспоминания. Я использовала воспоминания не только моей героини, но и многочисленные рассказы ее ровесников, записанные и мной, и моими друзьями-краеведами.

А детства-то, кажется, и не было у меня

Осень сорок третьего выдалась ранняя и холодная. Уже в конце сентября дождь шел часто со снегом, темные тучи низко висели над посеревшими от воды избами, грязь хлюпала под ногами. Колхозный хлеб не был убран с полей, хотя

работали с самого рассвета и допоздна: с четырех утра до десяти вечера. Почти все трудоспособные мужики ушли на фронт уже в первый год войны, ушли и брат Лиды с отцом. Не осталось и лошадей, за исключением нескольких «непригодных для фронта». Правда, в распоряжении колхозников оставались два старых трактора ХТЗ, которые без конца ломались, запчастей не было, и получалось, что эта техника создавала одни проблемы — ее было необходимо чинить любыми способами, чтобы не попасть под суд за саботаж.

Было бы неправильным утверждать, что людьми, в их стремлении убрать урожай, прополоть колхозные поля, падая от бессилия к концу дня, двигал лишь страх попасть под суд. Присутствовало искреннее желание помочь фронту, приблизить возвращение отцов и братьев с той, более страшной жатвы — где на полях оставались жизни бесконечно дорогих людей. Об этом говорят и Лидия, и все «дети войны», с кем пришлось нам общаться. Но люди находились в состоянии постоянной тревоги, особенно когда узнавали, что кого-то из знакомых осудили, даже за однодневный прогул. Таких случаев было много — наказания распространялись на «уклонистов от сельхозработ» и на школьных учителей.

Однажды утром Лида узнала, что в суд передано дело на ее любимую учительницу Тамару Васильевну Молеву, у нее была высокая температура, и она лежала в полубессознательном состоянии почти сутки, а в это время приказ по школе был издан. Позже, к счастью, разобрались и наказывать не стали, но выписка из приказа уже ушла в суд, Тамару Васильевну вызывали в район, беседовали. Решение об оправдании пришло не сразу. Можно представить, в каком напряжении жила в эти дни учительница.

Нам удалось найти в районном архиве два документа, подтверждающих такие случаи: Акт и выписку из приказа. Публикуем их полностью, сохраняя оригинальную орфографию и пунктуацию:

Акт¹

1943 мая 26 мы нижеподписавшиеся директор Елбанской СШ Валов И.В. и счетовод школы Бусыгина А.С. с/листа

¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. № 3, опись 1, дело 12

составили настоящий акт на учительницу Елбанской СШ Молеву Т.В. в том что она 26 мая 1943 г. не вышла на работу. Несмотря на то что 25 мая был издан приказ по школе о включении в фронтовой декадник по завершении посевной 1943 года. И был составлен приказ по школе где было указано где, на какой работе должен находиться каждый сотрудник школы. Т. Малева с приказом и нарядом по школе была ознакомлена 25 мая, но 26 мая не выполнила приказ и наряд, чем нарушила трудовую дисциплину без уважительных причин. Прошу н/суд принять меры на основании закона от 26 июня 1940 года о прогулах.

Директор счетовод

«Выписка из приказа №26 По Елбанской средней школе от 26 мая 1943 года За саботаж в проведении фронтового декадника и совершенный прогул 26 мая 1943 года учительницу Молеву Тамару Васильевну привлечь к судебной ответственности по закону от 26 июня 1940 года о прогулах и опозданиях.

Подпись _____»¹

Жестоко наказывали и за другие мелкие провинности. Горсть же зерна, вынесенного в дырявых сапогах, могла обойтись очень дорого. Горькая память сохранилась у многих старожиллов села о женщине, которая сутками работала в поле на тракторе. Дома лежали с тяжелейшей септической ангиной четверо малолетних детей под присмотром ее старенькой матери. Мать до последнего верила, что их можно спасти, если лучше кормить. Именно эта надежда и толкнула ее на опрометчивый шаг — взять зерно, насыпав за пазуху несколько горстей. Обошлось. Повторила. Итог — увезли, взяв прямо на дороге, по пути домой. Чья-то «бдительность» убила целую семью. Дети вскоре умерли один за другим, бабушка ушла из жизни с последним внуком. А мать навсегда исчезла в одном из лагерей. Мы нашли свидетельство именно этого «преступления» в районной газете «Социалистическое льноводство» за сентябрь 1943 года, появившееся, видимо, вскоре после преступления трактористки.

¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. № 3, опись 1, дело 12

«Штурвальная Елбанской МТС Мочалова М. П., работая в колхозе «1 мая», Петушихинского сельсовета, на обмолоте пшеницы неоднократно совершала хищения зерна. За расхищение колхозного хлеба Мочалова арестована. Следствие закончено и дело передано в Маслянинский народный суд

*Районный прокурор, мл. советник юстиции
С.Преображенский»¹*

Лида знала Марию Мочалову, высокую и очень худую женщину, помнила ее сморщенное лицо, неестественно большие скулы и всегда больные глаза. Тем страшнее было узнать, что семьи не стало в одночасье. Поздним вечером, когда уже было совсем темно, мать взяла с собой Лиду, прихватила немного жмыха, несколько вареных в мундире картофелин и пошла к соседям. Картина, представившаяся Лиде, врезалась в память на всю жизнь: «Нетопленная печь, подвывание из-под лохмотьев на топчане, и пустой, какой-то неживой взгляд старухи с всклокоченными седыми волосами. А еще её немота потрясла нас — она так и не произнесла ни слова, из кривившихся в гримасе губ время от времени вырывалось какое-то мычание. Она сидела за дощатым, голым столом неподвижно, плечи опущены, просто сидела и смотрела в одну точку. Я тогда впервые узнала, как выглядит приближение смерти, ненужной, несправедливой»².

Мать Лиды после ареста соседки долго плакала по вечерам и буквально умоляла детей не брать ни зернышка колхозного хлеба.

Да Лида и сама понимала, какими могут быть последствия, хотя признавалась, что горсть-другую украдкой все-таки съедала, и сестры не могли удержаться от искушения проглотить горькие, набухшие от влаги и начинающие подгнивать зерна. Это и вызвало в конце концов тяжелую ангину и смерть самых младших. Четверо умерли с разни-

¹ «В районной прокуратуре» //«Социалистическое льноводство», 27 сентября 1943 года

² Из воспоминаний Л.Е. Кроповой. Записано: Нерода Т.Ю. в 1999г. М-лы хранятся в музее Елбанской СОШ.

цей в несколько недель. Сначала заболела пятилетняя Валя, у нее поднялась температура, все тело покрылось сыпью, она перестала есть, тихо, очень жалобно стонала. Потом те же муки постигли двойняшек — семилетних Катю и Ньюру, последней ушла Зина. Глаза у бабушки не просыхали, она без конца прикладывала к лицу край своей старенькой рубашки, крестилась, что-то шептала. Молила, наверное, сохранить жизнь остальным. Была такая боль в семье, что не отпускала никого ни на один миг, пустоту не заполнял ни изматывающий труд, ни редкие письма от отца с фронта. Ему правды о детях жена не написала, он так и не узнал, что не только сын погиб, но и девочки. «Я часто по ночам слышала, как мама плачет». В 1943–1944 годах умерло в селе от этой ангины очень много детей. Болезнь бушевала по всем деревням района.

Во время войны тяжело работали не только взрослые. Школьники трудились под присмотром своих учителей в поле и на заготовке сена, занятия отодвигались до наступления морозов. И при первых признаках потепления вся школа снова выходила на трудовой фронт. Просыпаться Лиде всегда было тяжело, будила детей обычно бабушка. Ей было уже почти восемьдесят, она с трудом передвигалась по избе, к общественным работам не привлекалась, а вот все заботы о семье брала на себя. Затопив печь, сварив то, что называлось завтраком (затируху-похлебку из воды с мукой, кипятком, заваренный травами, иногда драмики), она будила детей. Начинала со старшей. «Помню её широкие шершавые ладони, тихий хрипловатый голос и слова, полные нежности и боли — “вставай, дитёнок, пора, вставай”».

Лида встает, снимает с веревки над печкой домотканую поддевку и старую мамину кофточку, приятно ощущая идущее от них печное тепло. Но держится оно недолго, два шага от печки отойдешь и уже зябнешь. Дрова семья готовила зимой, когда было меньше работы. Валили деревья, выволакивали на себе к наезженной колее, там пилили на чурки и вывозили на санках домой. Кололи уже по настоящему морозу — так дерево легче подавалось.

Разбитые грубые ботинки, штопаная много раз дедушкой шабурка¹, из которой Лида давно выросла, до последнего момента продолжают сушиться, разложенные и развешанные на припечке. Лида помогает собраться младшим, стараясь укутать потеплее, обматывая старенькими шалями, платками. Дедушка и мать уходили всегда раньше, старик иногда и вовсе не ночевал дома, он был кузнецом, одним на четыре деревни вокруг, работы из-за изношенных тракторов и жаток, которые без конца ломались, было столько, что не хватало суток.

У школы уже собрались ребяташки, окружив учительницу, слушали последние новости с фронтов, всем хотелось услышать, что «наша армия героически бьет фашистов, и скоро война закончится победой!» Как же хотелось дождаться этого дня, когда отцы вернутся домой, когда можно будет сытно есть и спать, спать, не боясь опоздать на работу!

Осенняя же уборка заканчивалась, когда «решение о её завершении принимала сама сибирская природа»: слякоть сменялась крепким морозом, снег, вчера еще мокрый, талый, грязный, превращался в одно прекрасное утро в жесткий, шершавый, режущий руки наст. Тогда начинались для детей учебные дни. Правда, «выходили в школу далеко не все, причина была в том, что последняя обувь разбита на поле, валенок на всех в семье не хватало, за прогулы занятий по причине отсутствия одежды, обуви — власть не карала. Получалось, что некоторые начинали первый класс три года подряд, а потом становились переростками, пережили очередную зиму без учебы, шли работать».

Кроме уборочных работ дети выполняли и другие не менее тяжелые обязанности, которые и взрослым не всегда под силу. Заготовка дров была одной из таких повинностей. Помимо того, что нужно было спилить деревья, вывезти из леса и расколоть для себя — иначе семья в условиях сибирских морозов и метелей не выживет, надо было и школу обеспечить топливом. Все делалось вручную, пил не хватало,

¹ Шабурка — «самошитое» пальто, верх из льняного полотна, внутренняя сторона — из ветоши, старых тряпок и пр. (пояснение — Сизиковой В.А.)

точить их было нечем («оселки были не у многих, их берегли, давали соседям неохотно»). В заготовке дров, как правило, принимали участие ученики абсолютно всех возрастов и все педагоги. Но заготовить их в достаточном количестве никогда не получалось, поэтому школа отапливалась плохо, «даже вода в баке замерзала». «...Дрова в школу не вывезены, здание не отапливается, учащиеся и учителя занимают в пальто и шапках, температура в классах ниже нуля...»¹

Но были в «трудовых десантах» школьников военной поры и светлые моменты. «Начиная с пятого класса, мы летом выезжали на Костюшку (отделение Елбанского совхоза) на заготовку сена. Работа не была легкой, но мы радовались результатам своего труда. Особенно нравилось укладывать сухую траву в скирды: волокушами, на себе стаскивали копешки, а затем укладывали в стога. Два-три ученика, как правило помладше и послабее, наверху принимают навильники, а несколько человек подают снизу. Работали по пятнадцать часов, а то и больше, торопясь не упустить погоду, управиться до дождей. Когда солнце садилось, разводили костер и продолжали работать».

Меньше хотелось детям работать на прополке, что было тоже обязательным в летний период. Планы, которые доводились до старшеклассников, не отличались по объему от взрослых. Трудились весь световой день. «С утра мы начинали бодро, присев на корточки, продвигались вперед быстро. Только пугала площадь, казалось, невозможно все заданные гектары не только прополоть, а просто пройти, поэтому старались вперед не смотреть. А уже к обеду ползали на четвереньках, дергая сорняки. Спины не гнулись, ноги болели, руки в кровавых ссадинах, порезах. В солнечную погоду все страдали от головной боли — напекало, в дождливую пробирал озноб, одежда была мокрая насквозь. Но ни то, ни другое не было, по твердому убеждению руководства, основанием для прекращения работ. Но зато какая гордость охватывала, когда в районной газете появлялась заметка о нашей героической борьбе с сорняком!»²

¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. № 3, опись 1, дело 12.

² Там же.

«...многие школьники перевыполнили нормы выработки взрослых. Комсомолка Карева Валя за шесть дней прополола 55 соток. Дневную норму она выполняла на 160–170%. Учащиеся 5–6 классов пропололи 10 гектаров льна. По восемь соток в день пропалывают ученицы Щенникова и Вершкова при норме 6 соток»¹.

Учительские будни

Когда Лиде исполнилось 16 лет, она была принята учителем начальной школы. В распорядке жизни мало что изменилось, те же колхозные работы, сено, дрова, прополка, жатва. Только добавилось ответственности за деревенских детей. Зимними вечерами при слабом свете керосиновой лампы подолгу готовилась к урокам, политинформациям, линейкам. Несмотря на множество трудностей (не было учебников, тетрадей; холод в классе, голодные глаза детей, известия о похоронках и многое другое) Лиде нравилась работа в школе.

«Мне помогало то, что я не слишком далеко опередила учеников в возрасте. Они относились ко мне очень хорошо, можно сказать, мы дружили. Я их жалела, любила. Когда становилось совсем холодно, мы устраивали зарядку прямо в классе, приседали, прыгали, хлопали ладошками. Им это очень нравилось, они сами часто предлагали сделать «переменку с физкультурой». Встречаясь со многими из них уже в 60–70-е годы, я слышала достаточно добрых слов о нашей школьной жизни. Было, конечно, не просто из вчерашней школьницы стать вдруг учительницей, но я очень старалась. Ходила пешком в районо, за тридцать с лишним километров. Мне очень помогали и советом, и литературой. Многие дети, особенно ученики первого-второго классов, после уроков не спешили домой. Мы разучивали стихи, песни. Вместе варили свеклу. Клубни делили поровну и съедали, а отвар смешивали с сажей — получались чернила. Писали на чем придется, приносили старые, еще

¹ Школьники удаляют сорняки // «Социалистическое льноводство», 15 июня 1945года

довоенные газеты, использовали даже бересту. Иногда ребятишкам выпадали скудные подарки к новому году — кому карандаш, кому тетрадь». «Тетрадку исписывали от корочки до корочки, да и на обложке писали, когда заканчивались чистые листочки». Лида пришла учительствовать прямо со школьной скамьи не одна. Совсем молоденькие девушки, сразу после 9 класса, имевшие хорошие результаты экзаменов, все, по распоряжению районо, были направлены на педагогическую работу. Но жизнь учительниц военной и послевоенной поры была очень трудной. В архиве сохранилось много писем на имя заведующей районо Ф. Г. Кашиной, которые можно назвать криком о помощи. Одно из них приведем полностью:

«Фроня Георгиевна!

Очень Вас прошу, отпустите меня из района. Мне очень трудно жить здесь одной. Вы знаете, что я приехала поздней осенью, продуктов питания у меня не было, пришлось всю зиму выменивать картошку и другие овощи на вещи, которых у меня было очень мало. Сейчас у меня нет ни картошки, ни вещей. Огорода я посадить не могу, а без огорода не прожить. Затем дома одна мама, она нетрудоспособная, нигде не работает, я должна ей оказать материальную помощь, а сейчас я этого сделать не могу. В армии сейчас находятся сестра и брат, второй братишка, который ехал ко мне, я не знаю где, он наверное где-нибудь сидит в тюрьме, от него нет никаких известий. Дорогая Фроня Георгиевна, а сейчас еще одно горе. Вы знаете, наверное, что у нас сбежала счетовод, так вот она не выдала мне карточки на хлеб и сбежала. Я ходила несколько раз в сельсовет, но там говорят, что сделать ничего не могут, и я уже 5 дней как не получаю хлеба. Сегодня провела испытания в 7 классе по алгебре, написали работу на 100%

Прошу Вас, Фроня Георгиевна, пожалуйста отпустите меня, Валов не возражает, чтоб меня уволили, он видит как плохо я живу, вечно голодная. Так же у меня порвалась вся обувь, весной я уже ходила чуть не босая, а сейчас даже нечего обувать.

Пока все. С приветом.

А.Х. Дьяченко»

Дальнейшая судьба этой девушки, эвакуированной из Ленинграда, нам неизвестна, хочется надеяться, что ее все-таки отпустили домой. Пожилые односельчане рассказывают, что эвакуированным было очень тяжело. В основном это были городские люди, совершенно не приспособленные к сельской жизни, да еще в суровых сибирских условиях. К тому же учителя находились под постоянным бдительным контролем власти. Директорам вменялось в обязанность следить за уровнем сознательности педагогов, их настроением, поступками, словами. Особенно за эвакуированными! И строчились доносы в виде докладных записок от отдельных учителей, директоров, просто «сознательных граждан». Вот, например, директор школы предлагает разобраться с учительницей К. М. Толкачевой, перечисляя «недопустимые для советского человека поступки», в которых она «замечена»:

«1. Отказ от участия в подписке на займ в коллективе

2. Вела и ведет работу по разложению трудовой дисциплины среди учителей и технических работников. Учительнице Фоминой предложила распустить Октябрьскую группу, заявляя при этом, что нечего нагружать себя лишней работой

3. Учительнице Фоминой рассказывала, что во время поездки в Новосибирск и Прокопьевск ходила в церковь, это посещение произвело на нее благоприятное впечатление

4. Учительница Фомина заявила, что если бы и дальше мы находились под влиянием Толкачевой, то нас всех бы судили.

5. Вступить в комсомол Толкачева категорически отказывается.

Вышеизложенные факты, заслуживают серьезного внимания и требуют немедленного вмешательства с Вашей стороны.

Директор Коноплева»¹

Читаешь документы того времени и удивляешься. Под суд — потому что не уложились в отведенные пять дней на заготовку сена для личного хозяйства и пропустила обще-

¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 3, дело 12, опись 1,

ственные работы, тому, что никто не обращал внимание на то, что учительница оставалась еще и матерью, надо было кормить детей, отапливать избу, косить сено для своей единственной кормилицы, коровы. Мы, сельские жители, знаем с ранних лет, что покос — это очень трудоемкий процесс, даже при наличии техники, мужчин-механизаторов. Что могла успеть женщина в одиночку накосить и убрать за пять дней? А директор Никоновской школы написал сразу в две инстанции: в суд и в районо, видимо, следуя требованиям «реагирования» на подобные преступления:

«Зав. Маслянинским РайОНО т. Кашиной

От директора Никоновской НШ

Тимошенко Ф.И.

Докладная записка

Вторично ставлю Вас в известность о том, что учительницы Никоновской НШ, Толкачева К.М. и Бирюкова К.М. были мною отпущены в г.Сталинск в отпуск к родителям сроком с 3 по 11 июля 1943 года. Они же пробыли там до 19 июля, просрочив на 8 дней. Такое запаздание они объяснили мне тем, что якобы Вы им дали отпуск до 18, тогда как я об этом ничего не знаю.

Я прошу этот вопрос выяснить и если они нарушили трудовую дисциплину, за это их надо привлечь к уголовной ответственности.

Кроме этого 20 июля с/г учительница Крыжан Ал.Ив. не вышла на работу в школу, а пошла косить себе сено.

19 июля мною было ей предупреждено, о том, что 20 июля пойдем грести сено для школьных лошадей. Однако она не пошла грести сено для школы, а пошла косить сено себе. Такие нарушения дисциплины я считаю прогулом и прошу оформленное мною дело передать в суд для привлечения к ответственности

Директор Тимошенко

23.7.1943 г.»¹

А Толкачева, похоже, вообще «враг», ведь в более раннем документе мы прочли, что она и «в комсомол вступать категорически отказывается».

¹ Фонд 3, опись 1, дело 12.

Очень недружелюбным, почти враждебным было отношение власти к немцам, выселенным в Маслянинский район. Даже на должность уборщицы в школу принимать на работу, их запрещалось. Эта директива рассыпалась по всем району под грифом «не подлежит разглашению».

Настороженное отношение было у власти и к другим национальностям, например к полякам. Их требовалось всех «учесть» и списки отправить в область...¹

Культпоход в сиротский дом

В годы войны, начиная с 1942-го, в Маслянинский район стали прибывать дети — сироты, эвакуированные из Москвы, Ленинграда и других городов. Были открыты четыре детских дома: в Маслянино, в Никоново, в Пайвино, в Александровке. К сожалению, в архивах мы не нашли информации о том, как жили дети в них в годы войны. Но зато сохранились подробные отчеты о проверке детских домов в первые послевоенные годы. Предполагаем, что и тот, и другой периоды мало отличаются.

В архивах документов оказалось не так много, в основном отчеты о проверке жизни и быта детей.

Еще во время войны Лида со своими учениками к большим праздникам, например ко Дню Октябрьской революции, часто готовила концертную программу. Выступали обычно в сельском клубе. Народу было немного. Да и неуютно было в холодном, неотопляемом помещении «сельского храма культуры»: «...на стенах копоть и грязь, неотремонтированные, с выломанными дверцами печи служат для сбора мусора. А если бы их можно было топить, то дров — ни полена» — так описывается ситуация в критической заметке «Вечером в Елбанском клубе» на страницах районной газеты. Трудно представить радостно-счастливые звуки песен и стихов в таких условиях, но детям хотелось праздника. Они мыли грязный дощатый пол, украшали хвойными ветками сцену. В репертуаре были стихи

¹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. 3, дело 10, опись 1, с. 32–34.

о Ленине, о Сталине и песни. Одну из них наши ребята в свое время записали со слов Лидии:

В чистом полюшке дороженька видна
Вся проторена до желтого песка.
Жизнь хорошая, как солнышка, ясна.
Не вернутся к нам ни горе, ни тоска.
По-над речкой расстилается туман,
Росы чистые упали на траву,
Я надену свой бордовый сарафан,
Я малины, красной ягоды нарву.
Молодая да веселая пройдуся.
Не вернется к нам ни горе, ни беда.
Я своей работой — славою горжусь.
Я — ударница колхозного труда.
Кто колхозную дорогу проложил?
Кто колхозную дорогу проторил?
Это Ленин нам дорожку проложил,
Это Сталин нам дорожку проторил!

В ноябре Лида со своими юными артистами отправилась в далекое село Александровку, в детский дом — «давать концерт». Вопрос решался долго, с трудом, но руководство, понимая важность инициативы, выделило лошадь и сани. Пятеро ребятшек и их юная учительница, зарывшись в сено, взяли курс на Маслянино. Ехали долго, но было весело, время от времени соскакивали с повозки и бежали рядом, чтобы согреться. К вечеру прибыли на место. Там их ждали — дети пяти-шести лет высыпали на улицу, нечасто к ним приезжали гости! Запомнилось Лиде насколько серьезными, совсем не детскими были лица малышей. Невероятная худоба, невозможность определить, мальчик перед тобой или девочка: головы обриты, вместо платьев рваные рубахи не по росту, короткие штаны, ноги у многих босые, в цыпках, коростах. Трудно было Лиду, видевшую и нищету, и голод своих подопечных, чем-то удивить, но здесь потрясения начались еще на входе в Детский дом. То, что она увидела внутри, мало походило на жилое помещение. «Холодно, грязно. Окна без стекол. Вместо крова-

¹ Записано Сидоровым А. в 1999 г. Хранится в музее Елбанской СОШ.

тей деревянные топчаны без матрацев, с ворохом рваного тряпья. По стенам и тряпкам свободно снуют клопы. Ни одной игрушки или книжки мы не увидели, хотя в детдоме жили совсем маленькие дети. Хотя нет, одна девчушка захотела меня чем-то удивить, и потянула за подол со словами “Айда”! Я последовала за ней, к топчану, где, видимо, спала девчушка. Подойдя, она завернула тряпье и извлекла оттуда маленькое поленце. На конце его были нарисованы сажей два пятна неровных, глаза, и палочка — рот. Краской послужила сажа или обычная грязь — что-то черное. И прятала она свою единственную игрушку, потому что отберут».

Мы нашли в архивах папку с актами обследования детских домов отделом образования Маслянинского района. Вот результаты сухого отчета о проверке детских домов весной 1945 года:

«...детские дома в неудовлетворительном состоянии. В Никоновском и Маслянинском детских домах учебно-воспитательная работа запущена, посев не произведен, заготовка дров и ремонт — не проводятся. Воспитанники не обеспечены нательным и постельным бельем, одеждой. Директора детских домов от учебно-воспитательной работы самоустраились»¹.

А здесь результаты проверки уже в 1946 году того самого Александровского детского дома, куда с концертом ездили елбанские школьники:

«Для ремонта окон требуется стекло. Детский дом стекла не имеет. Побелка комнат не производилась. Будет производиться после полного ремонта здания.

Дров заготовлено 400 кубометров, подвезено 100 кубометров.

Детский дом имеет большую потребность в жестком и мягком инвентаре. В наличии имеются кровати и топчаны. Стульев, столов, скамеек имеется очень мало. Белья

¹ Акт обследования Маслянинского детского дома от 20 июля 1948 г ГАНУ, Ф. 3, опись 1, дело 1.

постельного имеется по одной паре. Зимней одежды для всех воспитанников не хватает. Валенки требуют ремонта»¹.

А вот как описывает автор документа внешний облик детдомовцев: *«Рваные, непростиранные вещи. Дети спят в верхней одежде. Завшивленность 50%. Чесотка».*

Списки детей с пометками «сирота», или: «отец погиб, мать осуждена» позволяют предположить, что осуждена была женщина в военные годы за те же прогулы или колотки.

Завершая свое погружение в мир военного и послевоенного детства сельской глубинки, затерявшейся на сибирских просторах, испытываю настоящую боль. Боль за детей, не познавших радостей, свойственных возрасту: не было беззаботности, которая и делает людей счастливыми в начале жизненного пути. Не было нормального питания, одежды, счастья в глазах изможденных матерей. Тяжелый труд стал для них обязательным условием выживания.

Понимаю, что война во многом определила трудности жизни. Но разве была сытой деревня в довоенные годы? Крестьяне встретили войну, уже будучи раздетыми, разутыми и голодными. Власть выкачала все, что можно у крестьян: ни одежды, ни запасов продуктов, ни хлеба, ни мяса. А война отобрала и самих мужчин. Дети приравнялись к взрослым. Изнурительный труд, хроническое недоедание, смерть братьев и сестер. Жизнь в постоянной работе и тревоге делала их не по годам взрослыми уже в 8–10 лет. Мало что изменилось и в последующее десятилетие; та же жизнь по законам военного времени, тот же голод. Поэтому и говорят сегодня все, кто родился в 30–40-е «У нас не было детства...»

¹ Там же

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

Собственно, нет ничего интереснее, чем жизнь одного отдельно взятого человека на фоне грандиозных исторических процессов. Этот человек может быть героем, может быть обывателем, может быть продуктом своей эпохи, может ей противостоять. Главное, что центр внимания смещается с надличных институтов (государство, партия, геополитические интересы) на тот незаметный центр, вокруг которого история вращается. На человека.

Работы очень разные. И по методу — от семейного рассказа о «своих» до научного (пять лет работали!) биографического исследования о земляке. И по интонации — от лирической до отстраненной. И много еще по чему. Но всякий раз мы видим прошлое сквозь призму человеческой судьбы. Читаем ли мы о том, как бабушке досталась $\frac{1}{4}$ соленого гуся в дорогу, и она была счастлива. Наблюдаем ли за встречей близких родственников, всю жизнь проведенных вдалеке друг от друга, а потом повстречавшихся и обнаруживших, что характеры у них похожи, двоюродный дед — «генералиссимус», бабушка — «императрица». Смотрим ли на гитлеровскую Германию и рузвельтовские США глазами советского инженера. Или изучаем путь жестковатого организатора производства.

Возможно, это вообще единственно возможный путь, особенно в нашей стране, с ее сложно устроенной памя-

тью. Мы не можем сочинить удобный миф о том, что были какие-то плохие «они», которые пришли и заставили хороших «нас» жить неправильно. (Так довольно часто действуют в Восточной Европе; «они» действительно пришли, но было много чего другого). Мы в большинстве своем наследники и жертв и палачей, обывателей и героев, партийных инженеров и крестьян на торфоразработках. Нам нужно жить, помнить и знать. Обо всем, обо всех.

Школьники — авторы работ — тяготеют к разным жанрам. Одни, как было сказано, к научному исследованию. Другие к архивным разысканиям, к адаптации чужих воспоминаний. Третьи к литературной обработке прошлого. Без вымысла и даже без домысла, но с очевидной тягой к ярким эпизодам. Все они при этом идут от единицы к миллионам, а от миллионов — к единице и никогда не мыслят категориями «массы». В результате мы лучше понимаем — и время, и себя, и страну. Скажем, в одном из эссе читаем о начальнике-удмурте, который увидел деревенских девчонок, по глупости намазавшихся «чудо-смесью» и покрывшихся волдырями, и обозвал их дурами, а потом (когда они после бани пришли с очистившейся кожей) не узнал и спросил изумленно: «Дуры, это вы?». Что дает подобный эпизод для изучения грандиозных процессов? Считай — ничего. А для прочувствованного понимания времени? Многое, если не все.

Драма без антрактов

Мария Ямбикова

г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл

В жизни каждого из нас случаются встречи, многие из которых заставляют по-новому взглянуть на себя, на прошлое своей семьи. Не знаю, когда бы я дозрела до столь серьезного и важного дела, если бы не счастливая случайность. В июле нынешнего года в гости к моему деду приехала его двоюродная сестра Татьяна Юрьевна Нерода, в девичестве Ямбикова. Они практически не знали друг друга, хотя их отцы были родными братьями. У них общие дедушка и бабушка, которых оба очень хорошо помнят. Татьяна Юрьевна, тетя Таня, не просто разбудила мое любопытство, она помогла раскопать в нашем семейном архиве письма моего деда с фронта, увлекла меня идеей сохранения семейной памяти, уговорила написать историю нашей семьи.

Генералиссимус и императрица

Свою работу я начала с судеб моих прапрадедушки и прапрабабушки. Их пару близкие друзья в шутку называли союзом императрицы и генералиссимуса, не только за совпадение по именам с известными историческими личностями, но и за особенность характеров. Александр Васильевич — «главнокомандующий» в любой ситуации, в том числе и в семейных отношениях. Елизавета Петровна — красивая, хорошо образованная женщина, прекрасно

владела французским и немецким языками, глубоко разбиралась в искусстве, любила театр.

Александр Васильевич и Елизавета Петровна Ямбиковы родились в конце XIX века. По рождению они принадлежали к разным сословиям: Александр — из семьи зажиточного, крестьянина, Лиза воспитывалась у дяди, дирижера Казанского оперного театра. Объединяло то, что родители их хотели дать образование своим детям и сделали это, исходя из своих возможностей.

Александр первоначальное образование получил в церковно-приходской школе, немного поработал земским писарем, затем пошел учиться в открывшееся земское училище, которое позволило ему сменить свое «скучное», как ему казалось, занятие в управе на службу ветеринарным фельдшером. Работал увлеченно, практиковал в селе Сумки, поселке Юрино и окрестных селах. Многие из его друзей, бывших крестьянских детей, становились в то время баржевладельцами, записывались в купеческое и мещанское сословие. Высокий (2 м с лишним), широкоплечий, уверенный в себе, он покорило белокурую, хрупкую Лизу. Трудно сказать, что привлекло ее, «тургеневскую» девушку, владеющую в совершенстве французским и немецким, играющую на фортепиано, в Александре. Говорят, противоположности притягиваются. Видимо, в нашем случае так и произошло. Не смутило Лизу и его «глубокое оканье», напротив, это позволило сравнивать его с Максимом Горьким, которого она так обожала.

Их встреча произошла в оперном театре, куда случайно пришел молодой ветеринар, чтобы «занять» свободный вечер в один из служебных приездов в Казань.

К этому времени Лиза окончила Казанский институт благородных девиц и уже обучалась на юридическом факультете Казанского университета. (Того самого, откуда был исключен в свое время вождь пролетариата Владимир Ульянов.) Лиза рано потеряла родителей и воспитывалась в семье дяди, где не было собственных детей. Росла в любви, на ее имя были «отписаны» пять доходных домов в Казани, ее окружали книги, театр. Уже в юности она сочиняла стихи, которые даже публиковались на страницах местных

газет. В 1909 году они поженились. Лиза завершала образование, Александр практиковал ветеринарным фельдшером. Лиза в 1910 году родила сына Василия, моего прадеда, полную копию своего отца. Уже в восемь лет он пытался переплыть Волгу, мерялся силой в драках с мальчишками вдвое старше его, любил лошадей и еще в подростковом возрасте мог укротить рысака, оседлать которого не рисковали и взрослые мужики. Елизавета Петровна воспитывала увещеваниями и просьбами, а отец нет-нет да и охаживал ремнем. И он был всегда для всех сыновей (позже родятся Коля и Юра) непререкаемым авторитетом.

Когда началась Первая мировая, Александр Васильевич ушел в действующую армию. В одном из боев потерял ступню — был награжден, комиссован и всю оставшуюся жизнь ходил на деревянном протезе. Это было трудно физически — при весе в 120 кг. Но жизнелюбие и желание доказать свою состоятельность позволили остаться таким же уверенным в себе, как и до войны.

Уже в 1915 году он открыл первую ветеринарную клинику в Сумках. Подтверждение этому есть и в некоторых архивах и публикациях по истории Марий Эл. Располагалось село в устье реки Сумка, на правом ее берегу, при впадении в Волгу. Выгодное географическое расположение села Сумки на старинном сухопутном Московско-Казанском (Сибирском) тракте и вблизи волжского пути сыграло важную роль в том, что здесь исстари проводились базарные дни и ярмарки. Ежегодно осенью, на Покрова, сюда приезжали купцы, крестьяне-торговцы, коробейники, бакалейщики, лотошники из соседних уездов и губерний. На базарной площади шумел балаган, играла гармонь; народ катался на каруселях и самокатах. Елизавета Петровна не очень любила «разгул простолюдинов», но Александр Васильевич «ставил на место» свою жену. Как вспоминал позже сын Юрий, достаточно было его хмурого взгляда, чтобы жена ретировалась: «Прости, Саша, я что-то не то сказала...» И они, одевшись понаряднее (Александр в «выходном» костюме, в светлой рубашке-косоворотке, обув единственную ногу в начищенный хромовый сапог, заметно прихрамывая, поблескивая цепочкой от карманных часов; Лиза в своем «выходном» платье из синего бархата),

вышагивали рука об руку по шумной, пестрой праздничной базарной площади. Их узнавали, кланялись, радостно улыбались. Население окрестных деревень и Сумок не только праздники любило, у большинства были крепкие хозяйства: свои лошади, коровы, овцы, большие пашни. Работы для ветеринара было предостаточно. Александр Васильевич никогда не отказывал в помощи. Профессию любил фанатично. Позже, уже вместе с сыном Василием, он поступил в Казанский ветеринарный институт имени Баумана и получил высшее образование. Впоследствии его блестящие знания и человеческая порядочность дадут право Александру Васильевичу возглавить ветеринарную службу одного из лучших в стране конезаводов (в Починках Горьковской области).

Елизавета Петровна же никогда не оставляла надежды вернуться назад, в родную Казань. Она была юристом по диплому и не теряла надежды реализовать свою мечту — сделать адвокатскую карьеру. Так потом и случится, Елизавета Петровна станет одним из лучших адвокатов, будет зачислена в члены Коллегии Марийского республиканского суда. И придется ее адвокатская деятельность на самые трудные 20–30-е годы: защита «врагов» — кулаков, вредителей, священников. Но это будет позже.

В конце августа того же 1918 года, когда они уже вернулись в Казань, едва не лишился жизни Александр Васильевич. В город вошли белые, отыскивали красноармейцев, подозрительных лиц. Поступали ничуть не лучше, чем красные до этого. По семейному преданию, Александр Васильевич был схвачен на улице. Расстреливали прямо у стены одного из каменных зданий. Когда молодой солдат повел его к этой стене, Лиза с криками бросилась к стоявшей поодаль группе офицеров и упала на колени прямо в пыль. И случилось чудо: один из стоявших с удивлением воскликнул: «Лиза? Что такое? Встань!» Оказалось, что этим офицером был брат Лизиной подруги по институту благородных девиц. А Елизавета только и смогла прокричать — там Саша, мой муж! Последовало резкое «Отставить!» и Александра Васильевича без каких-либо проверок вывели из толпы обреченных. Наверное, самое страшное, что может быть в любой гражданской войне, — это то, что

люди оказываются втянутыми в смертельную бойню непонятно за что, лишаясь при этом простого человеческого благополучия, семейных будней и радостей... Вечером семья поспешила назад, в Сумки.

Сегодня от самого села Сумки осталось совсем немного домов. Во время постройки Чебоксарского водохранилища оно попало в зону затопления. К сожалению, в советское время интересы «каких-то» полутора тысяч людей оказывались такой мелочью по сравнению с масштабами соцстроительства! Сохранилась каменная церковь, построенная в 1824 году и относящаяся по своим формам к архитектурным памятникам XVIII века — она повторила облик простоявшей здесь более ста лет деревянной церкви. В 1939 г. Сумская церковь была закрыта. Здание превратили, как это случалось повсеместно в период воинствующего атеизма, в зерносклад.

Семья Ямбиковых прожила в Сумках, затем в Юрино — до 1929 года, до поступления Александра Васильевича и Васи в Казанский ветеринарный институт. О казанском периоде их жизни информации мало, в основном это то, что сохранилось в памяти дочери Юрия по его рассказам. Был свой дом-пятистенник, богатая библиотека. Адвокатская практика Елизаветы Петровны позволяла не бедствовать, но излишеств тоже не было, что не удивительно, поскольку 30-е годы были голодными, особенно для Поволжья. Юрий запомнил, что вокруг них всегда было много нищих, голодных. Они знали, что Ямбиковы всегда «подают». И действительно, милосердие отличало в семье всех: и родителей, и детей. Это качество они сумели передать и нам, их потомкам.

В 1929 году семья отправляется в Починки Горьковской области. Александр Васильевич и Василий назначаются на ветеринарную службу в элитный конезавод, основанный еще императрицей Елизаветой Петровной.

Починковская страница: «И песнь во славу коммунизма, и метка черная “врага”»

С 1929 по 1937 год семья Ямбиковых жила обычной жизнью советских граждан. Отец и старший сын работали с большим вдохновением. Лошади были центром вни-

мания, любви и заботы. Вася под началом отца осваивал практику. Юрка и Коля днями пропадали в конюшнях, купали в волжских водах своих любимцев, «объезжали» молодых жеребцов. Для мальчишек лошадь стала на всю жизнь символом красоты и верности. Юра (Юрий Александрович, ставший уже после Великой Отечественной зоотехником) мог с закрытыми глазами нарисовать силуэт летящего скакуна.

Василий стал хорошим специалистом. Не очень щедрый на похвалу отец делился с Лизой тем, что «Васька у нас молодец, хороший врач получился, толковый». Юра вспоминал, что в свои 10–12 лет они с Колей прекрасно знали, что такое сап, сибирская язва. Они знали, как правильно ухаживать за лошастью, и могли отличить здоровую от больной, в случае надобности оказать ей первую помощь. Надо сказать, что на фоне разразившегося страшного голода опасность возникновения эпидемий была вполне реальной: народ раскапывал скотомогильники, страх отступал перед желанием спастись от мучительной голодной смерти. Сам же Александр Васильевич прекрасно понимая опасность инфекционных болезней, запретил захоронения туш животных без сжигания. Но в случае, если можно было после хорошей термической обработки мясо павшей лошади употреблять, его отдавали людям, стоящим в ожидании спасения у ворот конезавода. Засуха, неурожай 1932–1933 годов сказывались и на лошадях, кормов катастрофически не хватало. Ветеринар не мог спасти животных от голода. Это понимали все, но было ясно и другое: виновный будет рано или поздно назначен. Это произошло, когда, казалось, и падеж прекратился, и кормов стало больше — в 1937 году: погибли сразу три лошади. Уже на следующий день Александра Васильевича и его сына вызвали по повестке в отдел НКВД. Допрашивали отдельно. Мало что известно о допросах, но они сводились к одному: требовали признаться в причастности к вредительской группе и отравлении животных. Александра Васильевича допрашивали, не позволяя сесть, это продолжалось в течение всего первого дня. А поскольку он был на одной ноге (вместо второй — протез), это было мучительно. Показали заявление-донос,

написанный фельдшером конезавода неким Виноградовым. (Эту фамилию помнят и Лиза, и Татьяна — дети Юрия.) Знают они о нем и то, что он был человеком недалеким и завистливым, а еще подворовывал медпрепараты, содержащие наркотические вещества, за что получил уже не одно серьезное предупреждение от Ямбикова-старшего. Вот и нашел способ отомстить.

Я нашла материалы о том, что массовые репрессии проводились в это время во всех сельскохозяйственных районах Горьковской области. В последние месяцы 1937 г. в ряде районов прошли судебные процессы над «вредителями сельского хозяйства». «Врагов народа» разоблачали в земельных органах, в МТС. Работники облзо (областного земельного отдела) во главе с начальником управления С. М. Тихоновым были обвинены в уничтожении колхозного скота, срыве строительства 13 МТС, выводе из строя тракторного парка и т. д. По делу о «контрреволюционной организации правых» в облзо арестовали 116 человек¹. Когда я читала документы, указывающие на вредительскую деятельность тех или иных «врагов», то многое просто поражало своей абсурдностью. Например, руководитель Дивеевского района Безденежных обвинялся в том, что он специально выводил район в передовики, чтобы потом получить высокий прием в Кремле и совершить покушение на кого-либо из вождей.

Вернемся к судьбе Ямбиковых. Александра Васильевича промучили допросами неделю и на удивление и радость отчаявшейся жены и младших детей выпустили. Вернулся под вечер... абсолютно седой. Слезы, вопросы. А он молчал. Елизавета Петровна, боясь его гнева, притихла. Ждала, когда сам захочет что-то сказать. Сказал мало: о том, что пережил, — он много позже расскажет Юрию, уже студенту Горьковского сельхозинститута. Тогда же он сообщил Елизавете Петровне, что Васю надо спасать, а для этого установить и доказать точную причину гибели последних лошадей. Среди коллег были и порядочные люди, по просьбе опального ветврача принес-

¹ НОЦДНИ. Ф. 3, оп. 1, д. 497, л. 188.

ли образцы тканей умерших животных. Несколько суток просидел над микроскопом, над справочниками, колбами и пробирками.

И однажды ночью он, всегда сдержанный, знающий цену словам и эмоциям, звенящим возгласом разбудил всех: нашел, нашел, нашел! Все прибежали в комнату к отцу. Не прошли даром тревожные ночи, он все-таки обнаружил причину. Заключение, сделанное Александром Васильевичем и подтвержденное коллегами, стало основанием для написания ходатайств в разные инстанции. Здесь внесла значительную лепту и Елизавета Петровна при составлении текстов прошений, применив свой адвокатский опыт. Далее была трудная поездка в Москву, в течение месяца томительные очереди в «казенные кабинеты». Немногим так везло, но она добилась встречи с «самим Калининым». Этот факт знают все в нашей семье. Потянулись месяцы ожидания обещанного официального ответа. Это было тягостно, тем более что почти никто из арестованных не возвращался. Забрали многих вчерашних друзей семьи, просто знакомых, но удивительный факт — Василий вернулся через полгода, худой, сильно изменившийся. Юрий (брат) часто рассказывал своим дочерям: «Уходил в пальто, вернулся в фуфайке, явно не своего размера, руки голые торчат, разбитые сапоги и лицо не того веселого балагура, к которому привыкли все, а человека, многое пережившего. Тема разговоров о том, где был и как жил, была под строжайшим запретом. Так ничего и не узнали, в 1943-м он погиб... Может, останься живым, рассказал бы, но не пришлось».

Тридцать шесть страниц любви

Дедушка, Николай Васильевич, с нескрываемым волнением извлек из шкафчика, стоящего в гостиной, старинную медную шкатулку. В ней хранилась целая стопка пожелтевших от времени писем. Их писал мой прадедушка Василий с фронта своей жене и детям. Я понимала, что письма эти — настоящая семейная реликвия. Моему деду не исполнилось и года, а старшему брату Шурику было

чуть больше полутора, когда их отец, Василий Ямбиков, навсегда покинул родной дом.

Тридцать шесть листочков, желтых, потертых. Последнее датировано июлем 42-го. Выцвели чернила, а в тех, где автор писал карандашом, многое и вовсе не прочитывается. До начала боевых действий можно найти адрес пребывания, какую-то информацию о конкретной местности. Потом — все это тщательно вымарано.

Василий не сразу попал на фронт. В своем первом письме, датированном еще 11 мая 1941 года, он пишет, что проходит курсы в Московской Военно-ветеринарной академии. Уже ощущается угроза войны, но людей убеждают: не паниковать, войны не будет. Отсутствие тревоги прочитывается и в первых письмах молодого ветеринара: «Дорогая Люба! В Военно-Ветеринарную Академию прибыл благополучно. Нас здесь много, нам выдали свидетельства сроком до 1 октября 1941 года — о том, что я являюсь слушателем сбора. Выдали постельное белье, матрац, койку. Я здесь оказался вместе с ветврачом Соболевым. Он работал в Шатковском районе, в совхозе «Власть Советов». А ты постарайся получить жалованье, то, что мне причитается. В баклаборатории работникам скажи, чтобы не тужили, так как я взят только до 1 октября». Нельзя не обратить внимание на ставшее символом времени слово — «взят». Прошло всего три года с тех пор, когда он тоже был «взят» и чудом возвратился. И теперь не «призван», не «командирован на курсы», а какое-то обреченное — «взят». И все же это были письма с воли, их он мог отправлять и получать ответы; тогда же, три года назад, он был лишен такой возможности. «Здравствуйте, дорогие Люба и мои маленькие Шурик и Коленька!» — так начинаются практически все письма, отправленные домой. Дополнялось это обращение часто словами «любимые мои», «родные». Он очень любил свою семью. Тем тяжелее, наверное, была разлука. Поэтому в каждом письме желание помочь, защитить.

Еще там, в Академии, он узнал из писем, что у Любы проблемы с получением расчета — Вася уехал срочно, не успев оформить все свои дела. Семья осталась без средств к существованию. И свои первые же деньги, полученные

на курсах (300 рублей), он отправляет «телеграфом» домой. 18-го июля 1941 года Василий пишет: «Сегодня был у начальника курсов ветакадемии. Он сказал, что если тебе не отдадут деньги, сходи в военкомат, их обяжут все отдать». И следом отправляет маленькую записку, датированную тем же числом. В ней он сообщает, что отправляет денежный аттестат на ежемесячное пособие в 700 рублей. Кроме этого посылает телеграфным переводом почти все свое жалованье.

Находясь еще в Москве, он пишет о том, что им выдали карточки на продуктовые и промышленные товары, сетует, что «купить можно всё, но посылать не разрешают». И везде у писем теплая концовка: «Целую крепко-крепко, родные мои Любочка, Шурик, Коленька!», «За меня не переживайте, всё будет хорошо», «Береги себя и детишек»...

Фотография, присланная в июле 1941-го Любе и сыновьям, не могла не вселять надежды, что такой сильный, уверенный в себе человек вернется к тем, кто так его любит и ждет. И ждали. Люба писала письма часто, но видимо, доходили не все, особенно, когда Вася был отправлен в действующую армию. Это следует из его слов: «я вам написал уже 20 писем, а получил только 2».

В августе 1941 года Василий сообщил: что «...получил я назначение в стрелковую дивизию в качестве начальника дивизионного ветлазарета. Нахожусь сейчас в Днепропетровской области. Гор. Ново-Московск, в лагерях. Под моим началом 60 человек команды ветлазарета. Постараюсь завтра выслать не меньше 600 рублей, а, может, и больше. Все сердце изболелось, ведь ничего не знаю, как Вы там? Родная Любочка, обо мне не беспокойся, не плачь. Я не пропаду. Одно, чего прошу, чтобы Коленька и Шурик хорошо себя чувствовали. Береги их и купай каждый день, чтобы не болели. Обнимаю тебя крепко-крепко!». В одном из московских писем, когда уже шли первые месяцы войны, Василий просит Любу написать ему адреса братишек Юры и Коли, те уже были на фронте. Особенно беспокоился о Юре — совсем мальчишка, только отпраздновал выпускной и уже воюет. Коля пока учился в летной школе, была надежда, что не погибнет, может, просто не успеет — война

закончится. Но уже к концу 41-го у большинства воюющих такие надежды, похоже, иссякли. Так говорил и Юрий, который уже в октябре побывал в тяжелейших боях под Москвой, выходил из окружения, шел в наступление, умирал и выживал на госпитальной койке... Он единственный из троих братьев вернется и случится это только в 1946 году. Оказавшись во фронтовой полосе, Василий стал писать совсем коротенькие письма. Иногда это были просто записки с информацией, что он жив и здоров. Но неизменными были вопросы о детях. С большим трепетом относился к любой информации о них. Дает необходимые советы и наказания жене по воспитанию детей. «Люба, всё твое внимание и весь твой труд должен идти на воспитание детей, я не хочу, чтоб мои Шурик и Коля были хуже кого-нибудь». «Ты, родная, узнай в Юрине, есть ли учителя музыки и танцев, спроси, как и что нужно делать и, если есть возможность обучать игре на пианино, гармонике, нужно будет учить. Я тогда 100–200 рублей буду высылать специально на это дело». Сам Василий очень хорошо умел играть на гармонии. Еще до войны соседи частенько вечерами собирались во дворе их дома, чтобы его послушать.

В семье Ямбиковых все и всегда поддерживали друг друга. Я имела возможность убедиться в этом и сама, найдя неожиданно среди писем Василия два письма от его братьев, адресованные жене Василия Любе. Одно — от Коли, это даже не письмо в привычном понимании, а скорее, маленькая торопливая записка. Из нее видно, что Николай просит фотографии племянников, высылает им свою. И скромное — «посылаю вам еще 300 рублей, сколько смогу, столько вышлю». Здесь же он дает адрес части Юры. Эта записка очень трогательна тем, что она — объединяющий символ для всех трех братьев, разъединенных войной. Юра в своем письме поддерживает жену брата почти по-детски: «Вася вернется обязательно, а я тебе привезу настоящих берлинских духов, обязательно пришлю гостинчиков моим дорогим племянникам!» В довоенной жизни Юру и Николая всегда защищал Вася — будь то дворовые разборки или трудная задача по химии... Война развела их по разным фронтам, по разным родам войск.

Автор этой записки, совсем молодой летчик-истребитель, погибнет чуть позже Васи.

Сохранилась найденная родными информация: копия награжденного приказа от 16 августа 1943 года о награждении младшего лейтенанта Николая Александровича Ямбикова Орденом Отечественной войны 1-й степени. Он, как это случится ранее, в 1942 году, со старшим братом, «пропал без вести». Так и не найдено следов. По мнению Юрия, «сгорел он вместе с самолетом».

Последние 10 писем Василия проникнуты горькой тоской по семье. «Если б мне сейчас пришлось обнять тебя, Люба, то, наверное, раздавил бы тебя. Каждая весточка, каждое письмо от Вас — это праздничный день в моей жизни». Одной из особенностей его писем является то, что Василий всегда писал с заглавной буквы слова «Вам», «Вас», с большим уважением обращаясь к своим родным. Писал о себе и положении дел на фронте крайне скупно, особенно о своей службе: «очень много работы, воюем», кормят нормально» главным в письмах было желание согреть своих близких. Изобилие ласковых слов, пожеланий, надежды увидеть. В апреле 1942 года, помимо своих пожеланий благополучия он просит жену не волноваться за его судьбу, «а я, как ты сама знаешь, не пропаду ни в каких условиях, я видел на своем веку всякие...» Нет причин задумываться, о каких условиях говорил Василий. И действительно, как не поверить в счастливый исход, если однажды вернулся он оттуда, откуда чаще не возвращаются...

Тем временем на южном направлении шли ожесточенные бои, часть, в которой находился Василий, была подвергнута мощным обстрелам около города Краснограда. Василий по поводу этих событий писал: «...твой муж, Любонька, уже знает запах пороха и оказался не трусом» и в последнем письме: «Твой Вася не трус и им не будет!». Зная его отчаянную смелость в мирной жизни, граничащую подчас с безумием, ни Люба, ни родители, ни брат Юрий не сомневались, когда с середины мая 1942 года прекратили приходить письма: случилось худшее. Правда, долго теплилась слабенькая надежда: вдруг где-то в госпи-

гале, не в состоянии подать весточку. Но время тянулось, писем не было.

И лишь только в марте 1943 года пришло страшное извещение. Сухая бесчувственная информация, означающая конец ожиданиям:

«ВХ №2669

Центральное бюро учета потерь

Главупраформа КА

21.1.1943

— донесение начальника Ветотдела Юго-Западного фронта № 1/00/414 от 16.07.42 г., — военврач 3 ранга Ямбиков Василий Александрович — бывший старший ветврач 636 стрелкового полка 411 стрелковой дивизии, — пропал без вести.

Начальник 6 отдела ВУ КА

Военветврач 1 ранга Туков

Помощник начальника отдела

Военветврач 2 ранга Вдовин».

Получается, что пропал Василий еще в мае 42-го, а информацию прислали только в марте 43-го. Полной картины майской трагедии 636 стрелкового полка нет в учебниках истории, но я ее нашла: «12 мая советское командование начало Харьковскую наступательную операцию... 17 мая немцы нанесли удар в тыл наступающим частям, и к 23 мая значительные силы 6-й и 57-й армий оказались в котле. В ходе ликвидации котла 411 сд была уничтожена».

Печален тот факт, что вердикт «пропал без вести» долгое время воспринимался в нашем обществе как метка неблагонадежности. Может, потому, что шло это от государства: пропал, а не погиб. Может, в плену? А это уже считалось позором. Хотя ситуация с «харьковским котлом» ни в коей мере, на мой взгляд, не может быть объяснена нежеланием солдат хорошо воевать. Я перечитала много литературы об этом тяжелом событии Великой Отечественной. В моем понимании есть конкретные виновники ситуации — Баграмян, Хрущев и Сталин. Их просчеты, недопонимание положения и традиционное безразличие к конкретным человеческим жизням. В итоге — «харьковский котел»:

87 тысяч погибших и 230 тысяч солдат и офицеров попали в плен. 230 тысяч семей даже похоронок не получили, им пришли извещения «пропал без вести», такие же, как и моим родным. Конечно же, это вовсе не предполагает массовой измены со стороны солдат и офицеров, их предательства или малодушия... Слишком хорошо я изучила характеры Ямбиковых, чтобы думать иначе.

У меня появилось чувство истории собственной семьи

Я попыталась изучить историю семьи Ямбиковых, охватив лишь первую половину XX века. Теперь даже странно, что еще недавно все они были далеки для меня, где-то в забытом времени, которое показывают в фильмах.

Мне открылись страницы жизни интересных, красивых, добрых людей, родных мне. Они прожили трудную жизнь, сохраняя при этом главные человеческие качества: честность, доброту, ответственность за тех, кто рядом. И никакие внешние обстоятельства, вмешивающиеся в их судьбы, не лишили их человечности.

У меня появилось чувство истории собственной семьи, абсолютно новое для меня. И еще один важный момент: я обязана найти следы «пропавших без вести» летчика-истребителя, младшего лейтенанта Николая Александровича Ямбикова и военветврача 1 ранга, лейтенанта Василия Александровича Ямбикова!

Соединенные Штаты Америки глазами советского инженера Михаила Алексеевича Храпко. 1936 г.

Егор Кулев
г. Челябинск

Моя работа посвящена истории одного путешествия. Оно случилось в далеком 1936 году. Это была служебная командировка Михаила Алексеевича Храпко (1904 — не ранее 1993 г.), конечной целью которой было посещение Америки.

Если в нескольких словах обрисовать жизнь Михаила Алексеевича, то получится примерно так: родился и детство провел в Закавказье; начал учиться в Тбилисском политехническом, перевелся в Ленинградский; став инженером, попал на строительство Челябинского тракторного завода (ЧТЗ); затем 17 лет провел в КБ закрытого типа (в «шарашке») и на «вечном поселении» в Игарке; реабилитация; остаток жизни — работа в научном институте в Ленинграде. Но мы остановились на описании всего одного года — года командировки в США группы инженеров ЧТЗ для изучения производственного опыта.

Мемуары М. А. Храпко представляют собой две стандартные бумажные папки с набранным на печатной машинке текстом. В общей сложности воспоминания составляют 545 машинописных, ничем не скрепленных страниц формата «А-4». Текст набран на одной стороне листа, разборчив, на редкость хорошо сохранился и поэтому

легко читается. Текст имеет ряд стилистических ошибок, встречаются опечатки, исправления, выполненные позже, но в целом набран грамотно. Все страницы пронумерованы вручную в верхнем правом углу. Папки также хорошо сохранились, каждая из них имеет наклеенное поверх название, выполненное чернилами: «М. А. Храпко. История моей жизни. Часть I» и «М. А. Храпко. История моей жизни. Часть II».

Мемуары, охватывающие почти весь период жизни Михаила Алексеевича, были написаны в городе Ленинграде. Автор начал их писать в середине 1987 года, на 84 году жизни. Историческая обстановка в момент написания мемуаров была очень бурной — годы перестройки, в обществе формировался новый взгляд на историю советского периода, стали обсуждать многое из того, что раньше называли запретными темами. Видимо, исторические условия придавали большую свободу автору воспоминаний.

Цель написания воспоминаний Михаил Алексеевич определил так: «Я решил написать повесть о жизни русской интеллигентной семьи с конца 19-го столетия и о себе до настоящего времени». При этом он указывал, что его воспоминания охватывают большой период «интересной, богатой многими интересными событиями, но и очень не легкой жизни нашей страны».

Следует указать их важную особенность. Она состоит в том, что, несмотря на многие тяжелые моменты своей жизни, Михаил Алексеевич не дает категорических оценок, не клянет свою судьбу, не проклинает тех, кто принес ему несчастья — он просто повествует о событиях своей жизни. Сам он отметил это так: «Я пишу только о том, что я знаю, что я видел, переживал и перенес без всякого преувеличения и замалчивания, с предельной честностью и объективностью. Иначе писать нет смысла, хочу, чтобы мне верили».

М. А. Храпко родился в 1904 г. в городе Эривань (ныне — Ереван), куда его отец — Алексей Григорьевич Храпко — был направлен на преподавательскую работу. Мать — Нина Захарьевна — преподавала арифметику в эриванской гимназии. Отец, по словам Михаила Алексеевича, был хорошим семьянином, жили они очень дружно.

В грудном возрасте Михаил остался без отца, убитого 8 января 1905 г. националистами в уличной стычке. Детство и юность Михаила Алексеевича прошли в Тифлисе (ныне — Тбилиси), куда к родственникам матери после гибели отца переехала вся семья. Сам Храпко с большой теплотой вспоминает свое детство, хоть оно было очень трудным.

В 1912 г. Михаил «держал экзамены в подготовительный класс» гимназии и был туда зачислен, где и обучался в течение 10 лет, на которые пришлось мировая война, революция, оккупация Закавказья немцами, англичанами, потом установление власти Советов.

В 1922 г. в возрасте около 18 лет поступил на механический факультет только что открывшегося Тифлисского политехнического института, но при этом подрабатывал преподавателем физкультуры в женской гимназии.

В 1925 г. Михаил принимает решение перевестись из Тбилисского политехнического института в технический вуз в Ленинграде, который станет для него впоследствии самым родным до конца его дней. Побывав в институтах города, он принял решение: «...увидев Политехнический институт ни о каком другом институте я не думал, а о нем мечтал». В институт он был принят на механический факультет, чему был несказанно рад: «Ура! Я студент, я ленинградец и зачислен на получение гос. стипендии — буду получать 23 рубля в месяц!».

Годы обучения М. А. Храпко запомнились так: «Занимался я с удовольствием, легко и все условия жизни способствовали этому». Будучи студентом 5 курса, М. А. Храпко был «законтрактован» на Челябинсктракторострой (ЧТС) и получал стипендию от них в размере 140 рублей. Таким образом, его место работы как специалиста было предопределено — весной 1930 г. после успешного окончания института, без защиты дипломного проекта (индустриализации срочно требовались инженеры), Михаил Алексеевич был направлен в Челябинск, на строительство тракторного завода.

Как ни жаль было расставаться М. А. Храпко с Ленинградом, обязательства требовали своего исполнения, впе-

реди его ожидала работа в Челябинске. Свой первый день в городе Храпко описывает так: «Поздно вечером 28 апреля 1930 г. поезд прибыл в г. Челябинск. Было очень тепло и темно. Не буду описывать всех скитаний по темным улицам Челябинска, как расспрашивал случайных прохожих, которые сперва шарахались от меня в сторону, а затем, успокоившись, посылали меня, то в одном направлении, то в другом. Наконец я добрался до общежития ЧТС на ул. Цвиллинга, дом № 5 или 7. Это был большой двухэтажный дом, в котором раньше помещалась богадельня...» После долгих хлопот и переговоров его заселили в это общежитие: «Я был почти нормально устроен по условиям тех времен — имел крышу над головой (в комнате на 34 человека), технический справочник Хютте, но у меня еще не было примуса для того, чтобы считаться вполне устроенным молодым инженером-специалистом на ЧТС», — вспоминал он впоследствии.

В Челябинске Михаил Алексеевич работает инженером сборочной группы опытного завода, затем начальником отделения механосборочного цеха основного завода. Под его руководством в 1932 г. был собран первый, опытный, образец трактора С-60, а во время торжественного выхода первых тракторов с территории завода 15 мая 1933 г., за управлением головного трактора находился Михаил Алексеевич вместе с М. Я. Макагоном. Эти снимки обошли многие периодические издания и попали на страницы учебников. Вот только после 1937 г. на некоторых снимках М. Я. Макагон оказался без своего спутника — фотографию Храпко было приказано «вымарать». Но это будет позже.

В феврале 1936 г. М. А. Храпко в составе группы инженеров-специалистов завода был направлен почти на год в командировку в США, в которой Михаил Алексеевич изучал опыт работы заводов «Катерпиллер», «Форд» и других предприятий.

По возвращении из заграничной командировки, в январе 1937 г., М. А. Храпко получил сначала должность начальника цеха наладки, а затем начальника цеха топливной аппаратуры. А далее наступила черная полоса в жизни Михаила Алексеевича. 28 сентября 1937 г. он внезапно был уволен

«за связь с врагами». Накануне в ночь с 27 на 28 сентября, перед рассветом, был арестован в своей квартире и бесследно исчез для товарищей по работе, для родных и близких Элизар Ильич Гуревич, главный инженер по реконструкции завода и представленный к награждению орденом Ленина. 6 ноября того же года был арестован и М. А. Храпко. Подобная участь постигла не единицы или десятки, а сотни рабочих и инженерно-технических работников ЧТЗ. По нашим подсчетам, выполненным на основе электронной Книги Памяти жертв политических репрессий Челябинской области, это более 80 представителей руководящего состава завода, более 100 специалистов среднего звена и даже около 200 представителей рабочих специальностей. Всего 398 арестованных работников ЧТЗ, из которых 162 были приговорены к высшей мере наказания.

После «следствия», длившегося 2,5 года, Храпко был приговорен к 10 годам лишения свободы. Но еще раньше, «после третьего тура следствия», не огласив судебного решения, в августе 1938 г. Михаила Алексеевича и еще семь арестованных инженеров ЧТЗ собрали в одной камере с вещами, отвезли на вокзал, посадили в «стольпинский вагон» и повезли в неизвестном направлении. Начинался новый этап жизни — работа в конструкторском бюро тюремного типа, зовущемся в народе «шарашками», в Тушинской шарашке, в Казани, в Ленинграде под руководством А. Д. Чаромского, В. П. Глушко и других выдающихся конструкторов.

После окончания срока в 1947 г. М. А. Храпко выдали паспорт, и он продолжил работу руководителем технологической группы в ОКБ-30 в качестве вольнонаемного сотрудника с временной пропиской в Ленинграде. 28 декабря 1948 г. прописку не продлили, М. А. Храпко вынудили уволиться, а также в 24 часа покинуть город на Неве. В ту же ночь он был повторно арестован. После нескольких месяцев тюремного пребывания, в конце апреля 1949 г. Храпко зачитали приговор, который определял пожизненную ссылку на поселение. Затем последовал путь: Ленинград — Вологда — Красноярск — Игарка. Все изменилось после 5 марта 1953 г. Сестра М. А. Храпко и он сам написали про-

шения о пересмотре дела. В апреле 1955 г. пришел долгожданный ответ об отмене приговора и Михаил Алексеевич выехал в Москву для получения всех документов о реабилитации. Предложений о дальнейшей работе оказалось много — Челябинск, Москва, Одесса, Ленинград. Конечно же, не сомневаясь, он выбрал город, который очаровал его в далеком 1925 г. — это был Ленинград.

В сентябре 1955 г., Михаил Алексеевич стал сотрудником Всесоюзного института транспортного машиностроения (ВНИИТМ). В нем Храпко проработал инженером-конструктором, потом ведущим инженером, начальником конструкторского бюро отдела всю оставшуюся жизнь.

США — СССР: опыт экономического сотрудничества в первой половине XX века

Начальная история Челябинского тракторного завода тесно связана с американскими компаниями. 29 мая 1929 г. Совет народных комиссаров принял постановление «О приступе к постройке тракторного завода на Урале», для координации и управления стройкой был создан Челябинсктракторострой (ЧТС), как филиал Гипромеза. В январе 1930 г. начались переговоры с руководством американской корпорации Caterpillar об оказании технической помощи. В апреле 1930 г. началась командировка. Советскую группу возглавлял будущий главный инженер ЧТЗ, Элизар Ильич Гуревич, под руководством которого выпадет впоследствии работать нашему герою.

В задачу группы входила доработка эскизного проекта ЧТЗ, представленного Гипромезом, с учетом американского опыта организации крупных предприятий и новейших достижений зарубежной науки и техники в области тракторостроения.

Генеральный проект завода был завершён и передан в Челябинск 1 июня 1930 г. План разбивки цехов оказался настолько точен, что произведенная затем закладка фундаментов не потребовала никаких изменений.

Результатом всех этих командировок стал торжественный пуск завода 1 июня 1933 г.

По отзывам всех советских стажеров, зарубежная техническая помощь и учеба на рабочих местах стала для них замечательной производственной и жизненной школой. Такое сотрудничество с Западом в межвоенный период принесло нашей стране неизмеримо больше пользы, чем долгие годы противостояния и самоизоляции¹.

Всего за десятилетие (с 1923-го по 1933 гг.) советской стороной с компаниями США было заключено 59 договоров из 170 заключенных в целом. Это помогло превратить Южный Урал в 30-е гг. в крупный индустриальный центр страны.

Предыстория командировки

В конце января 1935 года, выступая на VII Всесоюзном съезде Советов, Г. К. Орджоникидзе говорит о необходимости в кратчайший срок перевести тракторы ЧТЗ на дизели. Попытки разработки дизельного двигателя велись во всем мире, в том числе и на ЧТЗ.

М. А. Храпко пишет: «Для оснащения оборудованием новых цехов, пусковых моторов и топливной аппаратуры, а также дизельмоторного и механосборочного цехов, необходимо было заказать большое количество импортных и отечественных станков. Для уточнения технологических процессов, выбора и заказа импортного оборудования в США была направлена группа инженеров, возглавляемая Э. И. Гуревичем. В эту группы был включен и я».

Когда список командируемых в США был утвержден, группа, куда входили девять человек, выдвинулась в Москву в конце 1936 г.

Долгая дорога в Америку

Когда группа инженеров прибыла из Челябинска в Москву, они остановились в небольшой гостинице «Эрмитаж» около центрального почтамта, где и стали ожидать

¹ Базаров, В. Как американец Альберт Кан создал военно-промышленный комплекс Советского Союза. — [Электронный ресурс]. — URL.: <http://berkovich-zametki.com>

оформления документов. Вот как вспоминает сам Храпко: «Оформление документов тянулось довольно долго. Задержка с оформлением командировки в США беспокоила всех нас: две недели ничего не делали, мы к этому не привыкли. Э. И. Гуревич беспокоился больше всех. Ему представилась возможность, и он позвонил Наркому внутренних дел Ежову о задержке с оформлением. Не знаю, помог ли этот разговор, но нам выдали заграничные паспорта большого неудобного размера, в красном атласном переплете с гербом СССР».

Храпко описывает бюрократические особенности получения документов в те годы: «Получив заграничные паспорта и соответствующие инструкции, мы были в полпредстве США в СССР, где нам оформили визы на въезд в США на 4 месяца. Остальные транзитные визы, через Польшу и Германию, были оформлены без нашего участия».

Получив документы, группу разбили на части, одни с тяжелыми чемоданами, набитыми технической документацией, поехали до Берлина на поезде, другие через два дня вылетели самолетом с посадками в Великих Луках, Кенигсберге (Калининграде), Данциге (Гданьск). 11 марта 1936 г. вся группа собралась в советском пансионате на Гайсбергштрассе.

Любопытно, что еще в дни ожидания документов в Москве сотрудница НКВД провела «строгий внешний осмотр» командированных. Храпко отметил, что «одеты мы все были хорошо», тем не менее желающих предложили заказать костюмы в Москве, воспользовался этим лишь Ю. И. Вержинский, которому сшили прекрасный костюм. Три дня группе пришлось провести в Берлине и тут уже они от костюмов «не отвернулись» — всем, кроме Вержинского и Мирошиной сшили костюмы. «К сожалению, в спешке, костюмы были заказаны из одного материала темно-синего цвета. Костюмы были очень хорошими, но когда мы все вместе собирались в столовой океанского теплохода за одним столом, нас принимали за музыкантов какого-то оркестра», — с иронией пишет Храпко.

В своих мемуарах М. А. Храпко достаточно подробно вспоминает время пребывания в Германии, описывает

то, какое тяжелое впечатление произвела на всю группу тогдашняя обстановка. «Германия, Кёнигсберг произвели на нас большое впечатление, но очень тяжелое. Все мы знали, что в Германии — фашизм, но когда увидишь все своими глазами, впечатление ужасное. Зеленое поле аэропорта в Кёнигсберге в прекрасном состоянии. У маленького учебного самолета на поле большая группа мальчуганов с повязками со свастикой на рукавах. Таможенные чиновники, с военной выправкой, тоже со свастикой на рукавах. В Кёнигсберге сели на самолеты пассажиры: огромный военный с рассеченным носом с большим орденом, со свастикой, старая женщина с огромным медальоном на груди, со свастикой. Старую женщину провожала целая толпа, у всех свастики. Провожавшие и она взаимно приветствовали друг друга поднятием руки и возгласами «Хайль Гитлер». Кругом образцовый порядок, все на военный лад, везде свастика, впечатление ужасное, ощущаешь фашизм».

Это впечатление усилилось в Берлине: «Идешь по улице и видишь военных, одетых в военную форму, и слышишь поступь военных сапог. У меня было такое подавленное состояние, что даже не хотелось говорить полным голосом. Когда я сказал об этом товарищем, оказалось, что и у всех такое же ощущение».

Особо запомнилось им то, что случилось в магазине одежды: «Мне понравился галстук на витрине маленького магазина. Вместе с Зеликом Шлямбергом мы зашли в этот магазин. Старик-хозяин магазина — еврей, он понял, что мы из Советского Союза. В магазине, кроме нас, никого не было. Хозяин магазина, озираясь по сторонам, с ужасом в глазах, рассказывал Зелику: “Боже мой, что они вытворяют”. Он нас проводил до двери и все так же, озираясь по сторонам, продолжал шепотом рассказывать об ужасах в Германии». Михаил Алексеевич пишет, что все члены группы рады были покинуть Берлин, отправившись 15 марта по железной дороге в Гамбург. На вокзале им запомнились улыбающиеся, разговорчивые носильщики, они были единственными немцами, у кого не было свастики...

Запомнилась Михаилу Алексеевичу и трансатлантическая поездка на теплоходе «Дойчланд» компании «Гам-

бург-Америка». Судно считалось небольшим и небыстрым — оно прибывало в Нью-Йорк из Гамбурга на шестой день плавания, а самые крупные французский теплоход «Нормандия» и английский «Квин-Мери» прибывали в Нью-Йорк на четвертый день.

После соблюдения всех формальностей 16 марта 1936 г. группа инженеров, возглавляемая Э. И. Гуревичем, вступила на палубу океанского теплохода, который следовал до Нью-Йорка. Для группы были куплены билеты 2 класса (туристического), разместили их в каюты по 2 человека.

На теплоходе было достаточно развлечений, начиная с того, что первые два дня плавания стояла замечательная погода и Храпко с товарищами, находясь на палубе, любовались океаном, чайками, встречными пароходами. А также совершали экскурсии по теплоходу, играли в салоне в карты, в шахматы, вечерами смотрели кинокартины, слушали радио и танцевали.

М. А. Храпко особо запомнился день 19 марта, когда на теплоходе поднялась легкая суета, и это было связано с подготовкой к выступлению Гитлера в Гамбурге: «Когда началась трансляция речи Гитлера, немцы-пассажиры, а их было большинство на теплоходе, все встали, а мы продолжали сидеть в салоне, играть в карты, читать и играть в шахматы. Правда, мы не разговаривали громко, не мешали слушать передачу, но немцы на нас смотрели косо. Выступление Гитлера было крикливым, почти истеричным и неприятным».

Америка

И вот он, берег Америки! «Впечатление от вида на Нью-Йорк, расположенного в устье реки Гудзон, было огромным, хотя все мы видели на снимках и в кино этот вид, но в натуре он был грандиозным». Действительно, рассматривая снимки 1936 г. приходится однозначно соглашаться с автором.

По прибытию в Нью-Йорк 22 марта их встретили представители Амторга. Вечером пошли гулять пешком по городу, смогли обойти много мест: центр, остров Манхэттен,

Бродвей. Первое впечатление было очень сильным, больше всего поразило количество световых реклам и автомобилей. В этой части воспоминаний М. А. Храпко делает уточнение, что он не будет описывать достопримечательности, так как о них много написано и все о них знают, а будет описывать только то, с чем им пришлось «столкнуться в процессе жизни и работы».

Гостиница, в которой они проживали, располагалась в центре города, недалеко от Амторга на 5 авеню, где им уже было выделено помещение для работы. На следующий день они направились в консульство СССР в Нью-Йорке, где в первую очередь у них отобрали загранпаспорта, руководствуясь тем что «для жизни в США никаких паспортов не требуется».

В консульстве им были выданы инструкции, касающиеся поведения во время пребывания в Соединенных Штатах. Основными были: напоминание о том, что они являются гражданами СССР и должны вести себя с достоинством; останавливаться только в приличных отелях или частных квартирах; предупреждение о том, что не стоит заводить уличных знакомств с женщинами и с эмигрантами.

Храпко пишет, что ежемесячно всем членам группы выплачивались командировочные в размере 150 долларов, еще по прибытии в США им были выплачены деньги на экипировку в размере 80 долларов. Так же по фактической стоимости оплачивались расходы на междугородние передвижения и служебные расходы. Но не были оплачены расходы на гостиницы и частные квартиры. Выгоднее было жить на частной квартире, как и поступили челябинцы, сняв комнаты в квартире за 50 долларов в месяц.

Главной целью их поездки был выбор и заказ оборудования, необходимого для реконструкции существующих цехов ЧТЗ, оборудования для двух новых цехов, заказ модели для отливки всех крупных чугунных деталей двигателя, дизеля, пусковых моторов и топливной аппаратуры.

По истечении срока командировки, длившейся четыре месяца, часть группы отправилось обратно в СССР. Оставшейся части группы командировочная виза была продлена еще на четыре месяца.

После завершения оформления заказа всем членам группы была предоставлена возможность совершить поездки по основным автомобильным и тракторным заводам для ознакомления с современным производством. После возвращения в Нью-Йорк из поездки по заводам, для приемки оборудования в США остались: Митревич и Шлямбер — в Нью-Йорке, Вержинский — в Маскигене, Филимонов — в Рокфорде и Храпко — в Детройте. Каждый из оставшихся принимал оборудование на станкостроительных заводах, расположенных в этих городах и в их районе. М. А. Храпко с гордостью пишет, что ни один принятый им станок не имел дефектов при сборке и эксплуатации на ЧТЗ.

Все они хотели как можно больше узнать о США, оценить жизнь американцев, посмотреть все интересное, но «не закрывать глаза на отрицательные стороны жизни». И первое, о чем пишет Михаил Алексеевич, — это возможность покупок. Он купил себе удобный фотоаппарат 6 на 9 см «для пластинок и фильмпаков», т.к. в СССР еще не было пленочных аппаратов и пленок. Как напишет он в заключительных воспоминаниях, — все его фотографии будут утрачены при аресте в 1937 г.

Что касается одежды, Храпко не увлекался ее приобретением, но «был одет так, чтобы внешним видом не отличаться от американцев и не обращать на себя внимание». Тем не менее покупки делать приходилось, одежду и обувь они покупали в обычных магазинах. Повседневную обувь приобретали в магазинах «Том Макэн». Эти магазины во всех городах США продавали чехословацкую обувь по стандартной цене 3 доллара 75 центов за пару обуви любого фасона. Костюмы покупали в магазинах готовой одежды. Все остальные вещи, такие как часы, радио, патефоны и т.д., покупали в магазине в Амторге — там они стоили дешевле и были хорошего качества.

Как написал сам Храпко, наиболее интересным периодом их пребывания в США был Нью-Йоркский. «Во-первых, потому, что он был первым, когда все окружающее является новым, производящим большое впечатление, в этом огромном, самом характерном городе США. Во-вторых, мы были все вместе, все время и на работе, и в свободное

время, что очень важно в чужой стране, среди незнакомых людей, обстановки и условий». Но есть и еще одно важное обстоятельство пребывания в чужой стране — знание языка. Сам Михаил Алексеевич в детстве занимался французским, в гимназии — немецким, в институте — английским. И кстати, описывая поездку в Филадельфию, не без гордости пишет, что остался доволен знанием английского языка: «Меня понимали, и я понимал собеседников». Находясь в чужой стране, он многое делал для совершенствования языка — занимался на уроках в Амторге, часто ходил в кино, прочитал две книги.

В своих воспоминаниях М. А. Храпко описал основные развлечения. Они поднимались на 102-этажный небоскреб «Эмпайрстетбилдинг», в один из выходных они в компании знакомых девушек отправились в Центральный парк, где смогли пострелять в тире.

Михаил Алексеевич, как человек опрятный, в своих воспоминаниях отдает должное и опрятности новых американских знакомых: «Они не выйдут из дома пока не будут тщательно одеты во все глаженное, причесаны и слегка покрашены». В то же время девушки отказывались ездить с русскими друзьями за город на автобусе или электричке, предпочитая машины: «Это роняло их достоинство в глазах окружающих, что они общаются с такими, у которых нет машин. Везде свой порядок, свои взгляды», — грустно констатировал Храпко.

Поэтому Храпко с товарищами в одно из воскресений взяли и поехали одни, без девушек, на пляж Джанс Бич, на Атлантическом океане. Видимо, пляж настолько потряс Михаила Алексеевича, что этому описанию он отводит более страницы. Он восхищался его размерами, благоустройством (песчаный пляж), количеством отдыхающих. Впечатлили и вышки спасателей через каждые 100–150 метров. Кроме основной обязанности спасатели помогали родителям отыскивать заблудившихся детей. Удивила и комфортность пляжа, оборудованного раздевалками, шкафчиками для одежды, запираемыми на замок, и душами с пресной водой, а также множество открытых буфетов и урн для мусора.

В одно из воскресений группа отправилась в Вашингтон, столицу США. М. А. Храпко пишет, что и здесь он сделал множество снимков, даже заснял Белый дом, забравшись на ограду. Своего рода потрясением для Михаила Алексеевича можно назвать и то, что снимать в Америке разрешалось все и везде. Храпко, как и другим инженерам из «закрытого» города Челябинска, где снимать разрешалось только специальным фотоаппаратам, это было удивительно.

Быть в Америке и не посетить кинотеатр было бы странно. Несколько раз группа была в «Рэдио Сити». Удивиться было чему: «После показа фильма, экран убирался, открывалась огромная сцена, из-под пола перед сценой поднималась платформа с симфоническим оркестром, человек 80 музыкантов с дирижером за пультом, и начинался дивертисмент. Состоял он, главным образом, из массовых балетных выступлений сотен девушек. Впечатление, особенно первое, от посещения «Рэдио Сити» было огромным из-за его грандиозности». Удивляла и высокая стоимость билета — 1 доллар.

Также им удалось побывать в цирке в огромном помещении «Медисон Сквер гарден» с местами для 20 тысяч зрителей. Представление хорошо помнилось Храпко даже спустя 50 лет. Проходило оно на трех аренах и двух эстрадах сразу, они были окружены манежем, на котором проводились скачки и джигитовка ковбоев, казаков, индейцев. Количество актеров было огромным, перед началом все участники «с лошадьми, слонами и всякими уродливыми людьми совершали обход по манежу — их было много сотен, они заполняли весь манеж». Потрясло и другое — было много детей, публика грызла орехи, а скорлупу, бумажки бросала на пол. Храпко обозначил это так: «ведут себя своеобразно, по-американски».

По окончании периода работы в Нью-Йорке, когда все заказы были оформлены, челябинские инженеры отправились на ознакомление с производством на самые передовые станкостроительные и машиностроительные заводы. Всей группе интересно было ознакомиться с постановкой производства тракторов и автомобилей в США, с заготовительны-

ми цехами, механической обработкой деталей, со сборкой и испытанием двигателей и автомашин. Они посетили основные автомобильные заводы «Дженерал моторс корпорейшен», «Крайслер» и «Форд Мотор Ко» в городах: Детройт и Флинт — в штате Мичиган, Милуоки — штат Висконсин; Чикаго — штат Иллинойс; Пеория — штат Иллинойс и другие города. На каждом заводе они проводили 1–2 дня.

На осмотр заводов Форда затратили три недели. Конвейерное производство Форда потрясало. Храпко подробно описывает эту технологию и условия труда: 8 часов рабочий день, 2 смены, перерыв на завтрак 15 минут; каждую минуту с конвейера сходили по 3 машины, каждые 20 секунд — одна; непрерывно работали три линии конвейера; на операции отводилось по 1 минуте (ни курить, ни отходить не разрешалось). Конвейер останавливался лишь в обеденный перерыв, который проходил тут же — на тележках развозилось упакованная еда за 5 центов, а через 15 минут все на рабочих местах, мусор убирается неграми-уборщиками. Храпко назвал это «изумительной организацией» производства. Очень много полезного было «подсмотрено» на этом производстве. Михаил Алексеевич даже отметил, что конвейерное производство хорошо помнит спустя 50 лет. Все автозаводы принимали челябинских гостей очень радушно и любезно.

Во всех городах США, в которых довелось побывать челябинской группе, они хотели узнать как можно больше о достопримечательностях городов и о жизни американцев. В Чикаго впервые познакомились с белоэмигрантом — он был вежлив и приветлив. Несмотря на указания консульства, челябинцы пообщались с ним.

Завершая поездку по заводам, возвращаясь в Нью-Йорк, челябинцы заехали в Буффало посмотреть Ниагарский водопад: «Сам водопад производит исключительное, грандиозное впечатление, так же, как и поездка на теплоходике под водопадом. Мы были и на Канадской стороне Ниагарского водопада. Ниагара является границей между США и Канадой. Очень красив и фантастичен Ниагарский водопад ночью в темноте, подсвеченный мощными меняющимися разноцветными прожекторами».

Часть группы по истечении второй четырехмесячной визы покинула США и отправилась обратно в СССР. Оставшаяся часть распределилась по районам для приема оборудования. Храпко был направлен в Детройт, где не только принимал станки, когда они были готовы и предъявлялись на сдачу, но имел возможность наблюдать за станками в процессе их изготовления, сборки и наладки.

Повседневная жизнь казалась Михаилу Алексеевичу удивительной. Так, проживая на квартире в Ричмонде, он узнал от хозяйки, что из дома можно надолго уйти и не запирать двери, что молоко и почту развозчики оставляют на ступенях возле входа, что в этом маленьком городке в воскресные дни почти все жители собираются в церкви.

Храпко удалось встретить новый 1937 год в Нью-Йорке, в компании своих советских друзей, после завершения всех работ. В час ночи все пошли гулять по главным улицам Нью-Йорка: «На улицах движение транспорта в новогоднюю ночь было прекращено. Во всю ширину улиц двигалась нарядная толпа, со всякими погремушками, дудками, маскарадными масками. Совсем незнакомые люди обращались друг к другу с пожеланием счастливого нового года. На перекрестках улиц было много полицейских, но никаких беспорядков и драк не было, не было и пьяных, но все были в приподнятом, радостном настроении. Рождественские праздники — для детей, а новый год для взрослых и детей». Любопытное замечание, видимо, навеянное воспоминаниями о родине, о том, что не было ни беспорядков, ни пьяных.

Когда подошло время отправляться домой, группа обратилась с просьбой, чтобы обратный рейс из США в Европу был организован на любом, только не на немецком теплоходе. Их просьба была удовлетворена — 9 января 1937 г. они отправились на родину на французском теплоходе. Вот как вспоминает Храпко последние дни в США: «Последние дни в Нью-Йорке были заняты подготовкой к отъезду и всякими хлопотами: получением паспортов, получением билетов на теплоход и другими делами. Погода стояла ясная, теплая настолько, что мне, одетому в легкий плащ,

было жарко, и я несколько раз в день пил апельсиновый сок, на прощанье с США».

Обратный рейс был значительно хуже, чем плавание туда: «Обратный рейс в Европу был хуже: было довольно холодно и волны в океане были огромными. По радио передавали, что финский грузовой теплоход получил повреждение и подает сигналы SOS («терплю бедствие»), но наш теплоход продолжал следовать своим курсом. Это сообщение вызвало беспокойство у пассажиров, наиболее нервные не ложились спать, не раздевались на ночь — находились «в боевой готовности». Так продолжалось двое суток.

На шестой день теплоход прибыл в порт Гавр, оттуда на поезде группа перебралась в Париж, где в первый же день Храпко и другие пошли гулять пешком, чтобы лучше ознакомиться с городом. Три дня пролетели очень быстро, и они выехали из Парижа в Берлин, где их опять разместили в общежитии при торгпредстве на Гайсбергштрассе. Любопытная деталь осталась в памяти Михаила Алексеевича о том, как вечером все присутствующие с воодушевлением пели «Широка страна моя родная».

Из Берлина прямым поездом выехали в Москву. «Чем дальше двигались на восток, тем сильнее были морозы. На нашей границе в вагон вошли наши пограничники, проверили наши документы и поздравили с возвращением на Родину. Это было очень приятно, но мы мерзли в дороге, а в Москве был мороз — 25°С. Особенно доставалось ушам — мы были в шляпах».

В январе 1937 г. группа вернулась на родной завод. Естественно, мы задаёмся вопросом о том, что дала эта поездка? Главный ответ был дан в декабрьском выпуске 1936 г. заводской многотиражки «Наш трактор»: *«Из Нью-Йорка в СССР следует пароход «Челюскинец» с оборудованием для ЧТЗ. Пароход везет 76 станков и инвентарь для модельной мастерской литейного цеха»*. За время командировки только М. А. Храпко организовал закупку для ЧТЗ сверлильных станков «Бейкер», фрезерных и шлифовальных станков «Цинциннати», производственного оборудования фирмы «Чадвиг», многошпиндельных станков «Натко», моде-

лей для крупных чугунных деталей дизельного двигателя «Лейкфаундримешин Ко».

Сам Михаил Алексеевич тоже рассуждал об итогах. Во-первых, он понял многое о себе — о нем отзывались как о хорошем специалисте, не без его участия был исправлен ряд недочетов на самих американских заводах (они всплывали во время осмотра станков для закупки). Во-вторых, это осознание привело к повышению самооценки, развитию уверенности и большей самостоятельности в его работе. В-третьих, увидев высокий уровень организации производства, нужно было добиваться того же на родном предприятии.

А станки, закупленные в 1936 г., по утверждению специалистов проработали по 40—45 лет на Челябинском заводе, выпускающая трактора.

«Бархатный орешек с металлом внутри»:

Исаак Моисеевич Зальцман в Челябинске.
1941–1949 гг.

Мария Передок
Челябинск

Герой нашего исследования — Исаак Моисеевич Зальцман. Пять лет мы собирали информацию о нем. Сначала мы изучили, какой он был директор, потом — что сделал для нашего города за восемь лет пребывания в нем. Собрал воспоминания людей, знавших его лично, попытались составить его портрет, затем попробовали выяснить, за что и почему он попал в немилость, параллельно изучив вопрос о его руководстве трудмобилизованными бойцами из Средней Азии. Мы пытались реализовать социальный проект — установить памятную доску на доме, где проживал Исаак Моисеевич.

Сразу хотим отметить, что пять лет назад, в то время, когда наше исследование только начиналось, информация об И. М. Зальцмане была ограниченной: как в литературе, так и в интернете чаще всего пересказывались одни и те же сюжеты, зачастую искаженные и домысленные авторами. Нам кажется, это связано с тем, что долгое время упоминание имени нашего героя не поощрялось в связи с его опалой, начавшейся в 1949 году.

Источники, которыми мы пользовались, можно разделить на три вида: изданные в советские годы, в постсоветский период и современные. Первые личность И. М. Зальцмана делают блеклой, искаженной; вторые можно охарактеризовать как дискуссионные, с попытками разобраться

и оценить масштабы личности. Но вот наступил современный этап, связанный с появлением молодых историков. Нам понравились работы кандидата исторических наук А. Н. Федорова¹ — они выверены и взвешены. Что касается работ свердловских историков А.В. Сушкова и Н.А. Михалева², то с ними нам трудно согласиться — слишком они тенденциозны, показывают только одну сторону деятельности И. М. Зальцмана. Называя его «коррупционером», авторы не приводят ни одного факта преступлений самого директора, лишь его окружения. Такое ощущение, что извечное соперничество в том, какой завод был более значимым в годы войны — Челябинский Кировский или Нижне-Тагильский, разгорается вновь.

Спустя десятилетия лет герой нашего исследования продолжает притягивать к себе тех, кто желает понять прошлое, да еще в такое грозное время, как война.

Взлеты

Начало жизненного пути

Исаак Моисеевич Зальцман родился 26 ноября (9 декабря) 1905 г. в поселке Томашполь Ямпольского уезда Подольской губернии в семье портного и домохозяйки, был самым старшим из семи детей.

«Тяжелым и безрадостным было мое детство, — писал он в своих воспоминаниях³. — Постоянная нужда, тяжелая борьба за кусок хлеба были каждодневными спутниками нашей семьи. С большим трудом родители смогли дать мне

¹ Федоров А. Н. Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 годах // Вестник ЮУрГУ. № 7 (47). 2005.

² Сушков А. В., Михалев Н. А. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы»: Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета: История, № 22, 2014; Сушков А. В. «Талантливый танкостроитель, один из лучших людей нашей страны»: Избрание И. М. Зальцмана депутатом Верховного совета СССР в 1946 году // Гороховские чтения: Сб. материалов VI региональной музейной конференции. Челябинск: Челябинский гос. краевед. музей, 2015.

³ Зальцман И. М. Срочное задание // Т-34. Путь к Победе: Воспоминания танкостроителей и танкистов. Киев: Политиздат Украины, 1989.

начальное образование. В 1919 г. я окончил двухклассную народную школу. С 14-летнего возраста начал свою трудовую жизнь». Работать Зальцман начал на свекловичных плантациях, а позже на сахарном заводе. В 1922 г. вступил в комсомол.

Вместе с другими комсомольцами, работавшими на сахарном заводе, Исаак Зальцман был мобилизован в специальный отряд ЧОН (части особого назначения). Отряды довелось не раз участвовать в боевых операциях — осенью 1922 г. отражать налет банды на их населенный пункт, сопровождать обозы с хлебом и обороняться от нападений на них. В одной из таких поездок Исаак Зальцман был ранен. Отец, искалеченный петлюровцами, скончался в 1928 г., а из всей большой семьи в последующие годы осталась одна сестра — Мария Моисеевна, которая проживала в Виннице.

Вероятно, храбрость и убежденность молодого комсомольца Зальцмана сделали его заметной фигурой среди товарищей: «В 1927 г. мне доверили работать культпропом и избрали секретарем комсомольской организации города Брацлава Винницкой области». В 1928 г. он был принят в партию. Далее был направлен в сельскую местность с главной целью — создавать колхозы.

Карьера нашего героя могла быть совсем иной — он вполне мог стать известным партийным деятелем на Украине. Но не стал. А все потому, что одновременно с комсомольской работой он закончил профтехшколу, получил среднее образование и профессиональное — специальность токаря, после чего в 1929 г. был направлен на учебу в Одесский политехнический институт, который успешно окончил в 1933 г.

Дальнейший его путь лежал в Ленинград: «По окончании Одесского института, я был направлен на работу на легендарный завод “Красный путиловец” на должность мастера. Здесь начало моего становления продолжилось по пути: заместитель начальника цеха, начальник турбинного цеха, главный инженер завода, а в 1938 г. мне был доверен пост директора Ленинградского Кировского (Путиловского) завода». В город на Неве Исаак Моисеевич поедет вместе со своей женой. В 1928 г. он женился на Ханне

Иосифовне Бронштейн. Впоследствии она окончит Агрономический институт, будет работать в Ленинграде на гидролизном заводе.

В разгар Большого террора обвинения во «вредительстве» послужили основанием для чисток на Кировском заводе, которые коснулись прежде всего руководства предприятия, что затем позволило ряду управленцев, в том числе и И. М. Зальцману, продвинуться вверх по служебной лестнице.

Нам очень хотелось увидеть, каким он был в эти годы. Рассматривая фотографию работников Кировского завода 1940 г., диву даешься — худощавый, интеллигентного вида молодой человек в окружении солидных мужчин — инженера, рабочих, парторга. На их фоне он так хрупко выглядит! Но именно его назначили директором крупнейшего в стране промышленного производства. Значит, что-то в нем было такое, что отличало от многих.

И. М. Зальцман уверенно шагал по карьерной лестнице потому как, безусловно, обладал выдающимися организаторскими способностями. Это подтверждают и награды, полученные им в этот период: орден Ленина за № 4469 за успешное освоение и выпуск новых типов танков, пушек и тракторов (1939), орден Трудового Красного Знамени (1940).

Ленинград. Производство. Война

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1941 г. за выдающиеся заслуги в обеспечении Красной армии танковой техникой в трудных условиях военного времени И. М. Зальцману присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и молот». Он был двадцатым человеком в стране, получившим это звание, и это была самая главная из всех его наград. В начале войны Кировский завод оказался практически на линии фронта, всего в 4 км от врага. Ни днем, ни ночью Зальцман не покидал стен предприятия. Завод продолжал делать танки в соответствии с планом. В июле 1941 г. первые девять дней завод обязан был «сдавать военпредам под пломбу» по три танка в день, все

последующие дни — уже по четыре. И. М. Зальцман в своей автобиографии пишет, что завод к концу июля стал выпускать по 10 танков в день. Зачастую из кабинета директора с оружием в руках кировцы шли защищать подступы к своему заводу. Враг приближался к городу, и крупнейшее производство военной техники стали готовить к переброске в тыл страны. 16 июля 1941 г. для Кировского завода было выделено 1000 единиц подвижного состава для эвакуации оборудования. Перед этим, на второй день войны, в ЦК партии были вызваны директор Кировского завода И. М. Зальцман и главный конструктор Ж. Я. Котин. Им сказали: «Вылетайте в Челябинск, выясните возможность организации там в короткий срок массового производства танков. Вылетайте завтра. Когда вернетесь, доложите свои соображения Политбюро»¹. Через несколько дней в ЦК уже было известно мнение кировцев: если Челябинскому тракторному заводу оказать необходимую помощь людьми и оборудованием, то через два-три месяца он сможет давать фронту 15 тяжелых танков в сутки.

И. М. Зальцман решил не торопиться с эвакуацией и до предела использовать действующее танковое производство в Ленинграде. Тем временем в Челябинске местные и прикомандированные специалисты должны были развернуть грандиозный, невиданный в мире комбинат тяжелых танков. Постановлением ГКО от 1 июля 1941 г. был утвержден график выпуска танков «КВ-1» на челябинском заводе с постоянным наращиванием мощностей: если в июле требовали 25 танков, то в декабре уже 175! Известна грозная телеграмма Сталина, направленная на Уралмашзавод, в начале которой он просит «честно и в срок» поставить для челябинского завода корпуса для танков «КВ», а заканчивает так: «Если вы окажетесь нарушителями своего долга перед родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и интересами своей родины». Но на постоянную работу директор и значительная часть коллектива завода прибудут позже, эвакуировавшись из осажденного Ленинграда самолетами.

¹ Челябинск. Челябинск, 1976. С. 89–90.

Танкоград. И. М. Зальцман в Челябинске

В октябре 1941 г. Зальцман становится руководителем Челябинского Кировского завода и одновременно заместителем наркома танковой промышленности СССР.

По пути из Ленинграда в Челябинск И. М. Зальцман и Ж. Я. Котин были приняты И. В. Сталиным. В ходе разговора выяснилось, что многие рабочие отказываются выезжать на Урал. Сталин спросил, как называется местный завод. «Челябинский тракторный завод имени Сталина», — ответил Зальцман. «А вы назовите его Кировским заводом на Урале», — посоветовал Сталин¹. Что и было вскоре выполнено. В приказе Народного комиссара танковой промышленности В. Малышева от 6 октября 1941 г. говорится о смене названий заводов, в том числе о переименовании ЧТЗ им. Сталина в Кировский завод, а также об образовании Комбината по производству танков «КВ», состоящего помимо ЧТЗ из нескольких уральских заводов. Директором этого Комбината был назначен И. М. Зальцман с оставлением его в должности руководителя Кировского завода. В выписке к этому приказу говорилось об эвакуации оборудования и кадров Кировского завода в Челябинск. И уже 11 октября 1941 г. среди приказов директора завода под № 469 появляется запись о принятии руководства заводом И. М. Зальцманом.

Коллектив, которым предстояло руководить, был колоссален. Сам Зальцман в автобиографии, назвав цифру 75 тыс. работников, перечисляет, из каких коллективов сложился легендарный «Танкоград»: ЧТЗ, Ленинградский Кировский завод, Московский завод «Красный пролетарий», Московский завод шлифовальных станков, часть Сталинградского тракторного завода, Харьковский дизельный завод и множество мелких предприятий.

Рассказывают, что, прилетев в Челябинск, Зальцман сразу пошел по цехам, а закончив обход поздним вечером,

¹ Устьянцев С. Элита российской индустрии: Челябинский тракторный завод. Екатеринбург, 2008. С. 47.

он распорядился собрать командный состав и ведущих специалистов. Встав возле края стола президиума, он безо всяких предисловий обратился к присутствующим: «Работаем мы пока что плохо. Мало, очень мало даем танков Красной Армии. Я хочу, чтобы вы все зарубили себе на носу одно: чем хуже вы работаете, тем больше пользы приносите Гитлеру».

Известно и другое его высказывание: «Товарищ Сталин дал мне приказ раскрутить производство танков, и я гусеницами раздавлю каждого, кто попытается мне мешать», — заявлял И. М. Зальцман¹.

В эти годы вопрос дисциплины был ключевым. Приказ директора ЧКЗ от 20 октября 1941 г. касался трудовой дисциплины руководящих работников:

«1. Всем начальникам цехов и отделов в любое время дня или ночи сообщать в мой секретариат о месте своего нахождения. В случае пребывания на территории завода вне своего отдела или цеха, об этом в любое время должен знать секретарь начальника отдела или цеха.

2. По моему вызову являться из любого места в течение 5—7 минут. За опоздание по моему вызову буду немедленно увольнять с завода»².

Согласно приказам директора, в январе 1942 г. было отдано под суд 12 человек, а в феврале уже 524³. Причинами сурового наказания в годы войны становились чаще всего нарушения трудовой дисциплины: опоздания и невыходы на работу. Когда вчитываешься в эти приказы, понимаешь, что зачастую люди нарушали «по необходимости». Однажды нам встретился документ, в котором человек объяснял причину невыхода: ранняя весна, распутица, до завода приходилось идти по жуткому бездорожью (дорога была разбита танками, проходившими на испытательный поли-

¹ *Сергийчук В.* Танковый король России. Киев: Ничлава, 2005.

² ОГАЧО, ф. Р-792, оп. 5, д. 11, л. 127.

³ *Салмина М. С., Ерохина Т. В.* Труд по законам военного времени (Кировский завод в годы Великой Отечественной войны) // Исторические чтения: Материалы научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Неизвестная война: малоизученные страницы Великой Отечественной», 2004. Вып. 9. Челябинск, 2005. С. 37.

гон и обратно), а у человека элементарно не было обуви. Так и работали...

А Москва все требовала танки. Первый заказ на большую партию танков KB-1 для нужд фронта поступил на Челябинский Кировский завод 17 октября 1941 г. Поставленную задачу он выполнил — в течение одного месяца весь завод перестроился на производство новых машин. Считается, что технически это невозможно. Зальцман доказал: возможно. Через месяц с территории завода вышел первый челябинский танк «KB». «К концу октября производство тяжелого танка «KB» стало серийным, в начале 1942 г. массовым», — отмечал Исаак Моисеевич в своих воспоминаниях.

Многие исследователи пишут о нестандартных производственных решениях директора Кировского завода. Например, как в кризисных условиях битвы за Москву сборка танков завершалась на ходу. Это было связано с тем, что доставка пусковых двигателей, производившихся эвакуированными предприятиями, задерживалась. И. М. Зальцман принял решение отправлять танки эшелонами в Москву, где они будут дожидаться пусковых двигателей в своей столице.

Одноразовым нестандартным решением проблемы И. М. Зальцман упоминает в своей автобиографии. В ноябре 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования требовала от завода наращивания темпов. Завод к этому времени смог выйти на показатель 15 танков в день, чего было недостаточно. Но и сделать больше — затруднительно, так как сказывалась нехватка рабочей силы. Тогда нашли выход: стали приглашать на сборку танкистов запасного полка, ожидающих танки. Они заодно повышали свои знания и навыки перед отправкой на фронт.

Помимо главной производственной задачи, решал директор в конце 1941 — начале 1942 гг. и массу текущих проблем работников. Форсированное строительство жилья, проблемы с обувью, здоровьем, отдыхом, питанием рабочих — все эти вопросы также лежали на плечах директора. И это только малая часть того, что решал директор в первые годы войны.

Между Тагилом и Челябинском

В феврале 1942 г. Исаак Моисеевич был направлен в Нижний Тагил для организации массового производства средних танков.

Помимо фактического руководства двумя заводами, 14 июля 1942 г. И. М. Зальцман был назначен наркомом танковой промышленности СССР.

Современные историки признают, что выдающаяся роль И. М. Зальцмана в Нижнем Тагиле заключалась в том, что он в поразительно короткие сроки сумел организовать поточное производство танка «Т-34» на конвейере Уралвагонзавода. Леонид Бородихин описывает, как Зальцман впервые появился там и увидел, что конвейер был завален артиллерийскими «передками» — ящиками для снарядов: «Заводское начальство, которое трепетало перед всеильным Лаврентием Берией, курировавшим артиллерию, безропотно исполняло волю его военпредов в ущерб сборке танков. А Зальцману Сталин предоставил неограниченные полномочия и право принимать решения самостоятельно с последующей передачей информации в Центральный Комитет партии. Потому первое, что сделал новый директор (предварительно убедившись, что запас для артиллеристов создан намного вперед), распорядился отправить “передки” к такой-то матери. Уже через несколько часов эта тема “всплыла” на самом высшем уровне. Однако Верховный принял сторону танкового замнаркома»¹.

Эту историю И. М. Зальцман любил рассказывать сам, вспоминая, как одержал победу. Потому что после решения о «передках» в его кабинете по приказу Л. П. Берии появились «соответствующие товарищи» и заявили, что он арестован. Тогда Зальцман вызвал охрану и попросил удалить пришедших его арестовывать с территории завода. После этого позвонил сам Л. П. Берия. Зальцман рассказывал сыну, что большего матерщинника он никогда не слышал. А когда Берия выговорился, Зальцман привел свои доводы, ну, а затем вмешался Сталин.

¹ *Бородихин Л.* Эхо Великой Победы: Берия до танкового наркома не добрался [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru>

Возвращение в Танкоград

Решив производственные проблемы с выпуском военной техники в Нижнем Тагиле, в июле 1943 г. И. М. Зальцман по приказу Л. П. Берии, приехавшего в Челябинск, был возвращен на должность директора Челябинского Кировского завода.

Прошел еще год войны. Нужны были новые танки. Решили в режиме строгой секретности выпустить три пробных танка. В испытаниях участвовали и все те люди, которые предлагали его к выпуску: «Помню, — пишет первый секретарь Челябинского обкома партии Н. С. Патоличев, — собирались мы ночью у директора завода. Затем И. М. Зальцман, С. Н. Махонин, Ж. Я. Котин, Н. Л. Духов, другие конструкторы и я шли в цех, садились в танки и уезжали за город, в степь. С рассветом начинались испытания. Вечером возвращались в Челябинск. Испытания продолжались, пока не убедились, что танки готовы. Все показатели были превосходны»¹.

4 сентября 1943 г. ГКО принял решение о начале серийного производства танка ИС-1. В том же 1943 г. под руководством И. М. Зальцмана в течение 52 дней завод освоил выпуск новых танков ИС-2. Историк С. Нетребенко приводит воспоминания немецкого танкиста Отто Кариуса, который писал о том, что танк ИС-2 являлся единственным достойным соперником немецкому «Тигру». Немецких танкистов их командование заставляло уклоняться от открытых боев с этим танком, нужно было действовать только из засад². Летом 1944 г. за массовый выпуск новых тяжелых танков, артсамоходов и новых дизель-моторов правительство наградило Челябинский Кировский завод орденом Красной Звезды, а директора — орденом Трудового Красного Знамени.

Наряду с решением насущных проблем, 21 марта 1943 г. И. М. Зальцман издает весьма любопытный, выбиваю-

¹ *Патоличев Н. С.* Испытание на зрелость. М.: Политиздат, 1977. С. 259–260.

² *Лурье Л.* Зальцман — король танков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.5-tv.ru>.

шийся из общего ряда приказ. Приказ был направлен на «воспитание навыков личного примера в одежде для мастеров завода», по которому руководящему составу завода предписывалось носить рабочую одежду определенного образца, установленного директором. Униформа была обязательна для начальников цехов и их заместителей, для начальника цеха по производству, начальников участков, мастеров, начальников смен, механиков и энергетиков цехов. Был наложен запрет на ношение верхней одежды внутри цехов — Зальцман хотел добиться аккуратного вида труженников завода.

За выдающиеся заслуги в освоении нового типа танка в 1945 г. Зальцман был награжден орденом Кутузова II степени а также орденом Суворова I степени. В том же году ему присвоено звание генерала-майора инженерно-танковой службы СССР. В 1946 г. он — лауреат Сталинской премии. Еще бы! Ведь всего за годы войны Танкоград под его руководством освоил выпуск семи типов танков и САУ, шести типов танковых дизелей, было отправлено на фронт 18 тыс. танков и САУ, 48,5 тыс. моторов.

Зальцман — челябинцам

Не меньше Исаак Моисеевич сделал и для работников завода, и для города Челябинска в целом. Для улучшения положения работников предприятия директор настоял на организации торговли хлебом и другими продуктами питания на территории завода.

Директор заботился и о здоровье рабочих завода. За все военные годы он не допустил эпидемии сыпного тифа. По его приказу были построены бани. Многих жителей Челябинска Исаак Зальцман в буквальном смысле спас от смерти. Каждый месяц он делал обход в медико-санитарной части завода и решал все имевшиеся организационные вопросы.

Особо директор завода следил за рабочими-подростками. Он приказывал перевести подростков на 6-часовой рабочий день, запретил сверхурочные и ночные (позже 22:00) работы, работу в выходные дни, запретил привлекать их к

тяжелым и вредным работам, приказал полностью оплатить подросткам все задолженности. И. М. Зальцман обязал начальников цехов и мастеров обеспечить подростков трехразовым питанием, обеспечить «условия для правильного использования» их труда, заниматься повышением их квалификации, обеспечить рабочих-подростков жильем, обувью, одеждой, следить за соответствием их здоровья и выполняемой работой. В конце приказа от 27 августа 1943 г. содержалось грозное предупреждение: «Начальникам цехов, отделов, отделений и мастерам учесть, что виновные в нарушении законодательства по труду подростков будут привлекаться к строгой ответственности. Директор завода Зальцман».

Тем не менее, нарушения в отношении рабочих-подростков продолжались. 23 декабря 1943 г., то есть всего через четыре месяца после строгого приказа об искоренении нарушений, в докладной записке помощника директора Д. Кривицкого говорится о том, что за восемь ночей было задержано 324 человека, большинству из них было от 15 до 17 лет¹. Главными причинами ночевок на территории завода были названы: «совершенно разутые (без обуви) 25 чел., с обувью, негодной для носки (т.е. порванные ботинки, сапоги) — 175 чел., не имеют верхней одежды — 100 чел. и 34 чел. потому, что было холодно на улице (морозы)»². Далее Д. Кривицкий описывает ужасающую картину их облика: «Все задержанные имеют внешний вид — грязные, оборванные, разутые, завшивленные, нестриженные, некоторые из них в цехах живут по несколько месяцев и столько же времени не ходили в баню. Никто из них не имеет сменного белья». А ведь это были «квалифицированные рабочие завода», на что указывает автор докладной записки!

В военные годы было очень тяжело добираться до завода, кругом бездорожье. Рабочие приходили на смену вымотанными в борьбе с непролазной грязью. Один из ветеранов ЧТЗ рассказал журналисту Е. Францевой: «Между малой проходной ЧТЗ и там, где сейчас высится храм Васи-

¹ Тогда была война... 1941–1945: Сборник документов и материалов. Челябинск: Книга, 2005. С. 45.

² Там же.

лия Великого, в войну стояли танки, грязь была непролазная. И вот женщины пожаловались директору завода, что дорога на работу для них — мучение. «Посадил Зальцман в “эмку” заводских руководителей, привез на это место. Открыл дверку, предложил выйти из машины. Сам — в сапогах, а “товарищи” — в туфлях. Но полезли в грязь»¹.

Асфальтовый завод выпускал мало продукции, и директор распорядился выпустить за счет брака чугунные плиты и из них сделать пешеходные тротуары на 2-м, 3-м и 5-м участках. А улицу Спартака (ныне проспект Ленина) распорядился заасфальтировать на всем протяжении².

Много заводчан продолжало жить в бараках, подвалах, остро требовалось жилье. Еще острее вопросы жилья встали после окончания войны. В городе было много эвакуированных, большая часть которых хотела вернуться домой.

Особо обсудили вопрос о поселке Кировского завода. На дирекцию посыпалась критика: «Теперь, на 1945 год принять надо план благоустройства поселка на Кировском заводе, потому что ничего в этом году не сделали, и поселок остается неблагоустроенным: стоят большие дома и больше ничего. Он не приобрел ни типа города, ни типа поселка. Уж если город, так в городе асфальтовые тротуары, озеленение. <...> Это результат небрежного отношения к культурным вопросам на Кировском заводе. Думаю, что вообще руководству завода, партийному комитету, строительным организациям, бытовым организациям надо, чтобы Кировский завод имел такие же успехи в культурно-бытовом строительстве и благоустройстве жилья, быта, как и в производственных вопросах»³.

В итоге решение жилищных проблем стало первоочередной заботой руководства завода. В 1945 г. активизировалось строительство городка Кировец, за который была получена III премия на строительном-архитектурном конкурсе РСФСР. Кварталы двух- и трехэтажных кирпичных и шлакоблочных домов возводили своими силами. В теч-

¹ Францева Е. Загадка Зальцмана // Челябинский рабочий. 22.12.2001.

² Ерусалимчик Г. И. Разные судьбы — общая судьба (из истории евреев Челябинска). Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 1999. С. 133.

³ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 42, д. 24, л. 363–369.

ние первого послевоенного 1946 г. было сдано под заселение 17 двухэтажных домов. Дома Кировского городка были из шлакоблоков, имели все удобства, во дворе которых были даже сараи для разведения кур и поросят¹.

В это же время начался «самстрой» — организованное планомерное возведение индивидуальных домов на специально выделенных участках. Будущие жильцы строили их сами, временно оставляя цеха и переходя в специальный участок УКСа; денежные кредиты, необходимую технику и материалы также выделял завод. Так были заложены поселки Первоозерный и Плановый. Всего в 1945—1946 гг. были построены 43 дома. Плановые поселки сохраняются и до наших дней.

В первые послевоенные годы в Тракторозаводском районе создается детский парк. О том, каким образом Зальцман приложил руку к созданию парка, имеется две версии, одна из которых описывается в летописи района: «Комсомольцы во главе с комсоргом Любой Запольской (в замужестве Ханутиной) решили на пустыре при выезде в Ленинский район разбить Зеленый городок. Он поддержал и словом, и делом. <...> Воскресники и субботники по другим делам, когда нужно было, переводил сюда. Выделял по необходимости транспорт. Кстати, он где-то достал (тогда-то!) и саженьцы, до 30 видов разных пород, строго-настрога приказав коммунальщикам поливать, чтобы прижились. Затем огородил территорию решетками со Спартаком и пустил охрану, чтобы не ломали, не топтали»². А согласно другой версии, высказанной ветеранами завода, сам Зальцман приехал однажды на этот пустырь, на котором была настоящая свалка. Тогда он заставил всю территорию разбить на квадраты, к каждому прикрепил цех, заставил высадить деревья таким образом, чтобы они не повторялись — местный дендрарий решил создать. Потом все было огорожено и два года туда никого не пускали³.

¹ *Ерусалимчик Г. И.* Цит. соч. С. 133.

² *Моисеев А. П.* Это нашей истории строки... Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. С. 114.

³ Материалы В. Г. Борисова о И. М. Зальцмане в Фондах Челябинского государственного краеведческого музея.

Парк сохранился до наших дней. Хотя сейчас он не выдерживает конкуренции с более крупными парками нашего города, он очень любим жителями района и используется для прогулок с детьми, для отдыха ветеранов, которые по-прежнему зовут его «Исакиевский парк» или «Зальцмановский сад».

Падения

Трудности конверсии

В период конверсии военного производства карьера директора И. М. Зальцмана пошатнулась. Прежде всего, по причинам, которые понимали как он, так и руководители. Министр транспортного машиностроения В. А. Малышев в письме к И. М. Зальцману от 4 ноября 1946 г. подверг глубокому анализу состояние дел на предприятии, показал причины серьезных неудач легендарного коллектива. Современные историки считают, что причинами стали переоценка своих сил и недооценивание послевоенной перестройки, штурмовщина, за которую выплачивались крупные денежные премии, распространение аккордных форм работы, отсутствие экономических расчетов, военкомандные методы управления. Из-за неправильного распределения внимания и ресурсов директорский корпус стал подвергаться критике руководителей министерств.

А недовольство и рабочих, и инженеров, и партийных деятелей, как следует из документов, нарастало: «Директор завода тов. Зальцман решение парткома о ремонтной службе на заводе не выполнил». Старший Военпред Храмцов остро поставил вопрос о качестве продукции: «Я хочу заявить партийному комитету о том, что машины, выпускаемые Кировским заводом, низкого качества. И это качество не будет высоким, если директор завода, главный инженер, главный конструктор завода не изменят своего мнения, что это машины первоклассные».

Критика директора завода специфическим образом выплеснулась и в ходе проведения выборов в депутаты Верховного Совета РСФСР в феврале 1947 г., когда прямо

на бланках бюллетеней избиратели выражали свое мнение: «Голосовать мы голосуем, а жизни хорошей не видим». (Борисов 2001.)

Весной 1948 г. начались перебои с продуктами, в частности, с хлебом. В Информации парткома Кировского завода от 6 марта 1948 г. приводится ряд фактов. В столовой № 16, которая обслуживала 15 цехов, отпускали хлеба по 300 г, многие рабочие остались до утра, так как не выдали хлеба, а потом ворвались в столовую. Одна из работниц заявила: «У меня семья второй день без хлеба, вчера в магазине в очереди чуть не насмерть задавило мою дочь 8-летнюю, разве я могу спокойно работать?». «Молодые рабочие ЦТА [Цеха топливной аппаратуры. — М. П.] собравшись в столовую, и увидев появившегося начальника цеха между собой говорят: “Вот стукнуть бы ему в голову, то появился бы хлеб и очереди прекратились бы, виноваты в этом вот такие начальники”». С окончанием войны для работников завода, для жителей города ожидаемых изменений не произошло.

Информаторы парткома Кировского завода сообщали еще об одной проблеме: некоторые рабочие отказывались участвовать в сборе средств III государственного займа, проводившегося весной 1948 г. Главные причины крылись в социально-бытовой сфере: «дайте квартиру, подпишемся»; «работают, но не получали квартиры»; «не помогают в ремонте квартир»; «не отпускают домой»; «заработка не хватает и цены очень высокие, особенно на жиры и мясо»; «низкий заработок»; «непомерно большая сумма квартплаты в общежитиях — 50 руб., когда условия жизни в общежитиях исключительно скверные»; «подпишемся на заем тогда, когда отпустят в Ленинград» и т. п.¹

В одной из партинформаций указывалось на прямую ответственность И. М. Зальцмана за решение жилищного вопроса: «В цехе № 300 рабочий Яковлев с женой живет в общежитии, заявил: “Дайте мне комнату, подпишусь на полуторамесячный оклад. Зальцман обещал на активах

¹ ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 824, лл. 70–83.

еще в 1945 г. обеспечить всех рабочих жильем, однако до сих пор ничего нет»¹.

В итоге директор И. М. Зальцман, выступая на всевозможных конференциях и совещаниях, был вынужден признать, что предприятие не справилось с подготовкой мощностей для увеличенного плана, задолжало свыше 3 тыс. тракторов. Завод получил на 1948 год задание — довести выпуск тракторов до 65–75 штук в сутки. Между тем по проекту мощность завода к концу пятилетки, к 1951 г., должна была составлять лишь 50 машин в сутки. «После 2-х летнего невыполнения заводом программы по спецпроизводству, Зальцман в 1948 г. решил выполнить программу любой ценой и в середине ноября 1949 г. в цехе была объявлена штурмовщина», — говорил начальник БТК цеха МХ-2 Варзов².

Заводчане, прежде всего руководители среднего звена, принимавшие в годы войны жесткий зальцмановский стиль и оправдывавшие его неизбежные издержки суровостью военного времени, в новых, мирных условиях не склонны были мириться с перегибами.

Судилище

И вот наступил 1949 год. В. Д. Тарасов, работавший референтом И. М. Зальцмана, 10 апреля записывает в своем дневнике: «Вчера с завода пришел очень поздно: готовили материалы Зальцману к его выступлению на активе в министерстве <...>. Наш Зверев Арсентий Мартемьянович написал большое письмо в Москву и оклеветал завод, облил грязью его руководство, хотя в некоторой части я сам присоединяюсь к его высказываниям. Надо признать, что несправедливость подчас даже вопиющая, имеет место у нас на заводе». Уже 20 апреля в дневнике появилась запись о том, что на завод приезжала комиссия из министерства, «проверяли факты, изложенные в письме т. Зверева т. Сталину. Сделаны предварительные выводы, не очень

¹ ОГАЧО, ф. П-288, оп. 11, д. 192, лл. 37–40.

² ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 904, л. 39.

приятного для завода содержания». Итогом всего стало Постановление ЦК ВКП(б) о непартийном поведении И. М. Зальцмана.

Спустя несколько десятилетий, Исаак Моисеевич рассказывал журналисту А. Гервашу о том, как его в июне 1949 г. вызвали в Москву, в Комитет партийного контроля (КПК). Войдя в кабинет заместителя председателя КПК М. Ф. Шкирятова, И. М. Зальцман понял, что дело серьезное. Рядом с другими членами Комитета он увидел секретарей ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова и М. А. Суслова. Шкирятов без предисловий заявил: «В бывшем ленинградском руководстве оказались враги народа. Ты многих знаешь. Поэтому должен помочь нам и написать, что тебе известно об их преступных замыслах и действиях». И. М. Зальцман вспомнил и неприятную для него встречу с Л. П. Берией в 1948 г., который посоветовал ему не общаться с А. А. Кузнецовым. Бывая по делам в ЦК партии, И. М. Зальцман ненадолго заглядывал к А. А. Кузнецову; однажды в коридоре его остановил Л. П. Берия: «К кому это ты ходишь? У кого был?», и, пригласив Зальцмана в кабинет, сказал: «Нашел себе генерала! Хочешь, сниму ему погоны? Хочешь, опять тебя наркомом назначу? Ты это запомни: нечего к нему ходить...»¹. А на заседании КПК в 1949 г., тщательно обдумывая каждую фразу, Исаак Моисеевич на нескольких страницах изложил примеры совместной работы в военные годы с лидерами ленинградских коммунистов, не вспомнив ничего из того, что указывало бы на их враждебные действия против партии и советской власти, добавил: «Об этих людях ничего плохого не знаю, можете меня расстрелять, но больше мне сказать нечего».

В челябинском архиве в фонде П-124, оп. 1 хранится дело № 904 под названием «Стенограмма собрания партийного актива по обсуждению постановления ЦК ВКП(б) “Об антипартийном поведении Зальцмана”» от 19 июля 1949 г. Внимательно читаем стенограмму и видим, какого свойства выдвигались обвинения директору, в какой форме они звучали. Парторг Орлов начал выступление

¹ Герваш А. Танковый нарком // Труд. 13.10.1988.

с того, что снятие Зальцмана с работы признал «безусловно правильным» и убежденно сказал, что «партийный актив сегодня одобрит это решение». В качестве аргументов он назвал грубейшие ошибки в руководстве, нарушения советских законов, «большие нарушения в партийности»: «Зальцман загнил в таком здоровом партийном коллективе, какой мы имеем». Старый большевик Белостоцкий (он учился в школе Лонжюмо, встречался с В. И. Лениным), начальник цеха металлоконструкций: «Зальцман считает, что мы ничто, вроде неполноценной нации, если сравнивать со взглядами фашистов»¹.

Проанализировав сам документ, можно выделить причины снятия директора. Во-первых, недовольство рабочих Зальцманом (грубое отношение, «штурмовщина», зажим критики, невыполнение заданий по улучшению жизни рабочих, оскорбления и т. п). Во-вторых, экономическая проблема. В-третьих, производственная причина (невыполнение заводом плана выпуска тракторов, срыв планов). Нужно сказать, что полностью доверять данному делу мы не можем, так как в нем есть необъективные высказывания и моменты, связанные, например, с личными обидами.

Партийный актив завода осудил поведение своего бывшего директора, предложив исключить его из партии, в которой он состоял с 1928 г.

А далее — по инстанциям. В сентябре 1949 г. вопрос о И. М. Зальцмане рассмотрела Комиссия партийного контроля, в результате чего 10 сентября 1949 г. появилась записка М. Ф. Шкирятова, адресованная Г. М. Маленкову, в которой приводился список «прегрешений» И. М. Зальцмана. Это были установленные факты его недостойного поведения (издевательство, хулиганство, оскорбления, унижения, высокомерие, зазнайство и прочее). Его обвинили в том, что «находясь в связях с бывшими ленинградскими руководителями, в 1945 г. он принес Кузнецову А. А. отделанную золотом и драгоценными камнями маршальскую шашку, изготовленную по специальному заказу за

¹ ОГАЧО, ф. П-124, оп. 1, д. 904, лл. 42–43.

счет средств завода»¹. Непонятно, что более взволновало в этом факте Комиссию — то, что это подарок А. А. Кузнецову, или то, что за счет заводских средств.

Особое обвинение касалось также неверной подборки и расстановки кадров — Зальцмана критиковали за покровительство «лицам с еврейскими фамилиями». «Политически бесчестным» посчитала Комиссия и взаимоотношения с Еврейским Антифашистским комитетом, члены которого были арестованы. Хотя Зальцман заявил, что никаких связей с ним не было и никого из этого комитета он не знает. Но Комиссия выяснила, что в 1946 г. Зальцман бывал в Москве у председателя комитета народного артиста СССР Соломона Михоэлса, и к делу была приложена телеграмма: «Уважаемый Соломон Михайлович, Вашу телеграмму получил. С удовольствием помогу театру. Прошу выслать представителя. Благодарю за горячий привет. Сердечно приветствую вас. Жму вашу руку. Зальцман». После чего «в мае 1946 г. Зальцман отгрузил с завода в адрес Московского еврейского театра 5 вагонов леса, 3 тонны железа, 800 кг красок и другие материалы. Эти факты свидетельствуют о том, что Зальцман был в близких отношениях с Михоэлсом и что-то скрывает от партии»².

Опираясь на все вышесказанное, Бюро КПК приняло решение об исключении его из партии.

Вопрос о причинах «падения» И. М. Зальцмана с занимаемых высот не закрыт по сей день. В этом вопросе остается ряд невыясненных моментов. К сожалению, доступ к московским делам возможен только при согласии детей И. М. Зальцмана, а они очень настороженно относятся к тем, кто желает изучить эти документы. И мы их понимаем — столько грязи, пустого очернительства деятельности их отца было за все годы. И они, как дети, имеют право чтить светлую память родного им человека. На причины снятия у них имеются собственные суждения.

О «недовольствах отцом» вспоминает сын Исаака Моисеевича — Леонид Зальцман: «Были и другие недовольные,

¹ М. Ф. Шкирятов — Г. М. Маленкову о «деле Зальцмана». 10.09.1949 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org>.

² Там же.

что особенно проявилось в связи с Ленинградским делом (1949 год). Многие представители высшего звена в Ленинграде были расстреляны или репрессированы. Были задеты люди и на периферии, особенно те, кто находился в тесном контакте с Ленинградской партийной организацией. В их числе оказался и отец. Сначала на отца оказывалось давление. Угрозами и посулами (предлагали посты вплоть до министра) хотели добиться от него показаний против А. А. Кузнецова. Но отец отказался. Тогда было сфабриковано партийное обвинение. Затем последовали снятие с работы и перевод в генералы запаса, исключение из партии, направление мастером на небольшой завод в город Муром и потом перевод в том же качестве в Орел. При этом отцу не было предъявлено ни одного юридического обвинения!»¹.

Сам Исаак Моисеевич в некоторых интервью и в своей автобиографии, написанной в мае 1987 г., не обходит стороной вопроса о своей отставке: «В 1949–1955 гг. мне пришлось пережить тяжелое время, я был сурово наказан по партийной линии в связи с так называемым “Ленинградским делом”».

Личность

Теперь же поговорим об Исааке Моисеевиче как о человеке, о личности. Посмотрим на него глазами других людей.

Высказываний о его горячности, непредсказуемости в поступках, грубости нами в ходе исследования было встречено предостаточно. Говорили, что он был скор на расправу с теми, за кем видел вину. Его горячность проявлялась порой весьма оригинально. Бывало, соберет директор начальников цехов, производственных служб. Те сидят, ждут. Директор встает со стула, отходит от стола, молча смотрит на всех, а потом вдруг: «Вон из кабинета!»².

¹ Зальцман Л. И. Смелость, честность, человечность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proatom.ru>.

² Кондратенко А. Король танков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.orp.orel.ru>.

Многие приписывали ему манию величия. Достаточно жесткие высказывания последовали на заседании Партийного актива Тракторозаводского райкома партии в августе 1946 г. Секретарь партбюро Цеха топливной аппаратуры по фамилии Донец заявил, что директор мнит из себя вождя, при его появлении на различных собраниях все должны вставать и приветствовать его. В этом же выступлении директора обвинили в том, что вместо решения вопросов строительства домов он занят личными делами: «вопросами дачи, а на даче коров значительное количество, вопросы рысаков, вопросы отъезда на курорт — надо было организовать на аэродроме прощальный бал». Сначала и мы подумали, что возможно, что парторг прав. Но, изучая личную учетную карточку И. М. Зальцмана, хранящуюся в Музее ЧТЗ, мы обнаружили только две записи о том, что Исаак Моисеевич находился в отпусках. Это было в 1946 и в 1948 гг. А в Челябинске И. М. Зальцман работал с 1941 г.!

Когда на собрании партактива весной 1946 г. И. М. Зальцману «указали на его ошибки», прежде всего на грубость, то он признал и пообещал исправить их. Впоследствии его «предупреждали» в райкоме, в горкоме, в обкоме партии. Но характер и стиль выковывался годами, да при этом военными годами. И ему было трудно изменить себя.

Прочитав сотни воспоминаний о директоре Кировского завода, мы поняли, как его боялись. Рассказы о его угрозах пистолетом регулярно всплывали перед нами.

Слухи о директоре касались и его национальности. Л. А. Тростенцова в своих воспоминаниях в 1996 г. указывала, что как только прибыл И. М. Зальцман на завод, сразу «снял всех русских с начальствующих должностей и поставил евреев»¹.

Обратимся к более надежным источникам, к воспоминаниям тех людей, которые не в пересказах, а на основе собственного мнения говорят о И. М. Зальцмане. Н. С. Патоличев вспоминал в 1970-е гг. о нем осторожно, очень специфически (другим директорам заводов и ключевым фигурам

¹ Материалы В. Г. Борисова о И. М. Зальцмане в Фондах Челябинского государственного краеведческого музея.

в годы войны дается отдельная подробная характеристика): «Случается, что хорошее иной пытается подгрести под себя, а плохое отталкивать на других. Могу твердо сказать, что на Челябинском не было таких. Разумеется, были и там производственные стычки, особенно на утренних летучках, когда И. М. Зальцман иногда чрезмерно резко критиковал начальников цехов. Однако какой же это был великолепный организатор! Критикуя, он не перекаладывал всё на их плечи, он многое делал не только в организации производства, но и в налаживании быта рабочих»¹.

И. М. Зальцман умел разговаривать с разными людьми: от Верховного Главнокомандующего до рабочего, стоящего у станка.

Ветеран завода В. В. Гусев о своем директоре: «На заводе он знал всё до мелочей. Обход по цехам делал один, правда, при оружии, но без сопровождающих. В любое время мог оказаться в самой отдаленной точке завода и по-простецки поговорить с рабочими, получить от них нужную информацию.<...> На его плечах лежало не только огромное производство, но и вопросы быта»².

Ради выполнения производственного задания директор проявлял чудеса изобретательности и находчивости. С. Шулькин описал несколько таких эпизодов, чему был свидетелем. Когда в очередной раз потребовали дать дополнительно какое-то количество танков, а резервы были исчерпаны, Зальцман пришел в сборочный цех и поставил в конце конвейера ящик с маслом, сказав, что та бригада, которая соберет последний танк, получит этот ящик. «Стоит ли говорить, как рвались к этому последнему танку рабочие». В другой раз, когда из-за массовых заболеваний остановился один из сборочных конвейеров, Зальцман приказал вызвать пожарную команду. Когда они прибыли со словами: «Где горит, товарищ генерал?», то он ответил: «План горит, всю команду на конвейер!»³. С. Шулькин поясняет, какой это был риск, потому что случись в это вре-

¹ Патолычев Н. С. Цит. соч.

² Попов Л. А. Годы, опаленные войной. Челябинск: Книга, 2011.

³ Шулькин С. Броня крепка [Электронный ресурс]. URL: <http://thefireofthewar.ru>.

мя настоящий пожар, особенно на военном объекте, даже Зальцману пришлось бы туго.

Зальцман был очень разным: мог снять с должности и назначить бригадиром грузчиков начальника УКСа за то, что тот возражал против переброски 100 рабочих на уборку стружки. Мог щедрой рукой платить футболистам заводской команды за каждый забитый гол. И в то же время проигнорировать просьбу администрации цеха поощрить при уходе на пенсию отработавшего 47 лет на Кировском заводе рабочего¹.

И. М. Зальцман обладал хорошим чувством юмора, умел разрядить обстановку. Вспоминает ветеран завода: «Вскоре после Победы танкоградцы-ленинградцы засобирались домой. Но теперь Родине понадобились тракторы, и отпускать людей запрещали. На заводе возник стихийный митинг, страсти кипели нешуточные. Слово взял директор:

— Жилые дома строим?

— Да!

— Театр построили?

— Построили!

— Стадион?

— Да!

— Хотите, я вам Исаакиевский собор построю?!

Раздался дружный хохот. Затем договорились, что уезжать ленинградцы станут постепенно, подготовив себе замену. Никого после митинга не арестовали — директор не позволил².

Любил Исаак Моисеевич произвести эффект на окружающих. Рассказывают историю о том, как находясь в ссылке в Муроме, опальный Зальцман, который, кстати, пришелся ко двору новому коллективу, приходил в выходной день в парадной форме в городской ресторан и заказывал три стопки по сто грамм: за Героя Зальцмана, за генерала Зальцмана и за наркома Зальцмана³.

¹ Кондратенко А. Король танков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.org.orel.ru>.

² Арсенина И. Исаак Зальцман — властный и страстный [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediazavod.ru>.

³ Сергийчук В. Три по сто за Исаака Зальцмана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ostrovforum.net>.

Известно, что незадолго до своей смерти в 1988 г. Исаак Моисеевич попросил своих детей сделать так, чтобы на его могильной плите обязательно были изображены: проходная Кировского завода, где он начинал работать мастером, заводская труба, определившая его судьбу, и танки, сделавшие на весь мир известной фамилию Зальцман. Дети постарались выполнить просьбу отца. Умер Исаак Моисеевич Зальцман 17 июля 1988 г.

Память

Каким же удивительным оказался герой нашего исследования! Так же обстоит дело и с памятью об этом человеке. Мировой «король танков», «российский Форд» — его имя известно за рубежом. А у себя дома, на родине, он на долгие годы был забыт. Сначала секретность производства, затем снятие с работы, исключение из партии и последовавшее за ними забвение. Мы пытались найти книги о нем — и нашли только две. Мы пытались найти его имя в фильмах, ведь тема Великой войны в советские годы всегда была актуальна, — чаще всего это короткие эпизоды. В киноэпопее «Блокада» (режиссер М. Ершов) показан Кировский завод, нашлось место нашему герою и даже называется его фамилия. Но это лишь эпизоды.

Российские режиссеры не обошли стороной и послевоенную судьбу И. М. Зальцмана. В 1961 г. режиссером В. Басовым был снят фильм «Битва в пути», в котором противопоставляются линии двух людей: директора «сталинской закалки» Семена Вальгана (прообразом которого стал И. М. Зальцман) и главного инженера Дмитрия Бахирева. В основу фильма легли послевоенные события на ЧКЗ, снятие директора. Время «оттепели» было удачным для критики сталинских директоров.

В 1984 г. режиссерами П. Коганом и П. Мостовым был снят по роману И. Герасимова многосерийный фильм «Предел возможного», в котором И. М. Зальцман стал прообразом главного героя. Ему даже инициалы сохранили и в фильме зовут Игнат Матвеевич Ремез. Нам понравилась игра актера Виталия Соломина, которому вполне

удались образ директора и его характер. Но исторические события показаны весьма приближенно к действительности, и линия жизни Исаака Моисеевича показана, можно сказать, пунктирно.

Документальное кино также не баловало героя нашего исследования, ограничиваясь эпизодическими обращениями к его биографии и делам. Единственным исключением можно назвать посвященный персонально И. М. Зальцману фильм Льва Лурье, созданный на Санкт-Петербургской студии телевидения.

А что же Челябинск? Как в нашем городе сохранена память о легендарном человеке, который прожил здесь около восьми лет и успел так много сделать для него?

Во-первых, его всегда помнили и помнят люди, которым довелось знать его. Со многими жителями Челябинска он продолжал дружить и после отъезда, например, с Е. В. Мамонтовым, прошедшим путь от конструктора до главного инженера ЧТЗ, бывшего секретарем Челябинского горкома и обкома КПСС. За высоченный рост и гремучий бас И. М. Зальцман любовно называл Евгения Васильевича «Мамонтом». Челябинцы навешали своего бывшего директора в Ленинграде — это были его сослуживцы и друзья, журналисты, краеведы, даже представители поисковых отрядов школьников, как, например ученики 107-й школы в 1983 г. Сам Исаак Моисеевич в одном из писем писал: «Очень надеюсь, что до смерти смогу еще повидать Челябинск, славный Танкоград»¹.

Но, как сказала дочь Исаака Моисеевича Татьяна: «Он не мог себе позволить приехать в Челябинск по частному приглашению, он ждал приглашения от завода, но так и не дождался...»².

Оказалось, что покинув город в 1949 г., он покинул его навсегда. Его имя в Челябинске долго оставалось известным, хотя многие люди произносили его шепотом. Заводчане не приглашали его на юбилеи, удалялось упомина-

¹ Командармы индустрии: Архив южноуральского журналиста: В 3 кн. Кн. 1. М.: Дело, 2004.

² Штанько-Зальцман Т. И. На всю оставшуюся жизнь // Городской романс: Сборник. Челябинск: ЮУКИ, 1996. С. 192.

ние его фамилии из книг, журнальных и газетных статей (за редким исключением), заменялось словом «директор». Вместе с тем, отношение челябинцев к Исааку Моисеевичу было разным: жители города им восхищались и возмущались одновременно, но, как нам кажется, все без исключения понимали, что это личность.

В эпоху гласности имя И. М. Зальцмана осторожно стало появляться на страницах челябинских газет. Иногда этому сопутствовали горячие споры. Большинство ветеранов завода горой встали за своего директора, и это говорит само за себя.

Первым официальным памятным знаком И. М. Зальцману в Челябинске стала мемориальная доска, открытая в 1995 г. на здании заводоуправления ЧТЗ. На открытии был сын Исаака Моисеевича — Леонид. Все присутствующие прослушали звуковое приветствие челябинцам, записанное И. М. Зальцманом к 50-летию завода в 1983 г. В фондах нашего школьного музея «Наследие» хранится аудиокассета, которую мы, раздобыв старый магнитофон, полностью расшифровали. С каким теплом о бывшем директоре говорили те, кому выпала возможность общаться с ним, и вспоминали они о нем в официальной обстановке впервые с 1949 г.!

В 2007 г. на окраине города в микрорайоне Чурилово появилась улица, носящая его имя, а вот на доме, в котором он жил, нет даже памятной доски.

Некоторые материалы можно увидеть в музеях города: в Музее ЧТЗ; в музее «Наследие» нашей школы (руководитель С. В. Нефедова) хранятся документы и фотографии, воспоминания ветеранов завода, газетные статьи, аудиозаписи. Об этих документах мечтали многие — и Музей ЧТЗ, и Государственный архив, и Краеведческий музей... Но решение Ефима Григорьевича, годами формировавшего этот комплекс документов, было непреклонным, и мы ценим его решение, стараемся, чтобы об этих уникальных материалах узнало как можно больше челябинцев.

В ГУ ОГАЧО также можно познакомиться с целым пластом документов и фотографий, а также с личными вещами И. М. Зальцмана — сотрудники архива бережно хра-

нят генеральские погоны, часы, записную книжку и удостоверение начальника участка.

Своеобразной памятью, но не персонифицированной, можно считать памятник на Комсомольской площади нашего города — на высоком постаменте стоит танк ИС-3, созданный в то время, когда директором завода был Исаак Моисеевич. И надпись на постаменте: «Уральцы — вам, чьи руки золотые, ковали здесь Победу над врагом» в полной мере можно отнести к герою нашего исследования. Памятью об И. М. Зальцмане можно считать и выставку военной техники в Саду Победы, расположенном в Тракторозаводском районе города Челябинска. Многие экспонаты, находящиеся на выставке, сделаны заводчанами в грозное военное время.

Челябинские пенсионеры, идущие отдохнуть и погулять в парк имени В. Н. Терешковой, по привычке зовут его «Зальцмановский сад», и, возможно, проходя мимо гипсовых скульптур или знаменитых решеток-ограждений, сохранившихся с того времени, также вспоминают легендарного директора, подарившего горожанам этот парк.

В 2006 г. И. М. Зальцман был выдвинут на народную премию «Светлое прошлое», которая ежегодно вручается Фондом известного барда О. Митяева знаменитым челябинцам, тем, кто прославил Челябинскую область в стране и за рубежом. Жаль, конечно, что самому Исааку Моисеевичу не довелось получить ее, но за него это сделала дочь Татьяна Исааковна.

К 70-летию Победы, с апреля 2015 г. в городе появились автобусы, троллейбусы, трамваи, на которых были изображены выдающиеся земляки, чьими усилиями приближалась великая Победа. Информацию для транспортников, как мы выяснили, готовили сотрудники областного архива. В том числе там был и портрет И. М. Зальцмана. Подобный портрет поместили и на школьных тетрадях.

* * *

Итак, в ходе нашего пятилетнего исследования мы попытались на основе разнообразных источников собрать во-

едино факты из биографии И. М. Зальцмана, относящиеся к периоду жизни в городе Челябинске. Исаак Моисеевич, обладая незаурядными способностями и организаторским талантом, смог объединить тысячи людей, трудившихся бок о бок (по разным оценкам в годы войны на заводе работало 75—80 тыс. человек более чем 50 национальностей), прибывших на Урал из разных мест (Ленинградский Кировский, харьковские дизелестроительный и станкостроительный заводы, московские заводы «Красный пролетарий» и шлифовальных станков, цехи завода «Динамо», Воронежский завод резинопаронитовых изделий и часть Сталинградского тракторного завода).

Но также мы установили и тот факт, что его жесткие методы управления, которыегодились для экстремальной военной ситуации, в мирное время не срабатывали, что ускорило отставку в 1949 г.. Начался период «падений»: Причиной тому стал целый комплекс проблем. Это и неудачи в производственной деятельности, проблема личностных взаимоотношений, политическая конъюнктура.

Наиболее трудной для нас стала глава, рассказывающая о личности Исаака Моисеевича. Его так трудно «уловить», понять, сформировать четкое о нем представление как у нас самих, так и у тех, кто будет знакомиться с нашей работой...

Во многих статьях, посвященных И. М. Зальцману, приводятся слова, сказанные советской писательницей Мариэттой Шагинян: «Зальцман — бархатный орешек с металлом внутри». Какая емкая характеристика! Мы тоже не раз задумывались, изучая его фотографии, о том, как не сочетается его внешний вид с характером, делами и поступками. На снимках — улыбчивый, обаятельный, трогательный, в жизни — волевой, жесткий, порой доходящий до жестокости, ради достижения цели идущий на все. Таков наш герой.

«Примечай будни...»

Оксана Елисова

г., Саранск, Республика Мордовия

Моя бабушка, Алия Халимовна Тенишева (Шехмаметьева), говоря про собственную юность, рассказывает, как ездила по вербовке на торфопредприятие рабочего поселка Аять Свердловской области. И хотя это была очень тяжелая работа, бабушка о том периоде своей жизни всегда вспоминает только хорошее. Наверное, в юности трудности переносятся легче, чем в зрелом возрасте. Как в любое другое время, в годы бабушкиной юности люди стремились каким-либо образом заработать, чтобы их близкие, да и они сами, могли жить лучше. В колхозе, где работала бабушка в конце 1950-х — начале 1960-х годов, зарплату платили пудами зерна. Поэтому, как только представилась возможность на полгода уехать из села на заработки, сельские девушки тут же отправились туда. Полвека назад молодежь ехала на заработки не в Москву, куда все сейчас прямо-таки рвутся, а за Урал — добывать торф.

С 1961 по 1964 год в татарские села Лобановка, Вачеево, Ново-Кадышево Ельниковского района Мордовской АССР приезжал вербовщик с торфопредприятия Свердловской области, куда на сезонную работу требовались рабочие. В Советском Союзе было достаточное количество торфодобывающих предприятий, но не хватало рабочих рук. Работа очень трудная, поэтому такие условия могли выдержать только те, кто с детства привык к тяжелой рабо-

те, то есть деревенская молодежь. Стране нужен был торф, а на его добычу и просушку требовались рабочие. Поэтому и ездили вербовщики по сельской глубинке, чтобы найти тех, кто поедет работать на торфодобычу.

Лето 2013 года я провела в татарских селах Новое Кадышево, Вачеево, Лобановка, где беседовала с теми, кто вместе с бабушкой ездил на торф. Фотографий у них почти не сохранилось, «карточки» куда-то затерялись за прошедшие 50 лет. Этим людям было удивительно, что кому-то вдруг стала интересна их жизнь на торфе. «А зачем тебе все это надо?» — такой вопрос мне задавали неоднократно. Приходилось объяснять, что я хочу узнать, как жили тогда эти девушки, в первый раз уехавшие из родной деревни за Урал на заработки. Ведь бабушка была в то время всего на несколько лет старше, чем я сейчас.

Особенности работы на торфодобыче

Моя бабушка в молодости ездила на «торфяные» заработки три раза, в 1961–1963 годах, и эти моменты навсегда сохранились в ее памяти.

В начале мая 1961 года на овцеферму в селе Лобановка приехал вербовщик и рассказывал о том, что в Свердловской области есть торфопредприятие, где требуются рабочие на сезонную работу с мая по октябрь. На вопрос девушек: «Какая зарплата?» отвечал: «Хорошо будете работать — до трехсот рублей выйдет». Все задали один и тот же вопрос: «Новыми?». После обмена денег прошло всего несколько месяцев, поэтому сразу поверить в столь большую сумму было трудно. Таких денег в колхозе никто и никогда не видел и в руках не держал. Поэтому, спросив у вербовщика, что это за работа, и услышав в ответ: «Торфодобыча и торфосушка», сразу же согласились. Отъезд намечался на 2–3 мая. Ехать надо было через Краснослободск в Саранск, а оттуда поездом Харьков — Свердловск до станции Аять, где и находилась торфодобыча.

Когда вербовщик спросил о возрасте, бабушка честно ответила, что ей исполнилось только 16, но работы она не боится, потому что с 11 лет ей пришлось бросить школу,

чтобы работать почти наравне со взрослыми. С этого возраста она уже косила, укладывала стога сена, так как другие боялись стоять с вилами на самом верху скирды. Запрягала и распрягала лошадь, стригла овец, доила корову, ночами помогала братьям пасти табун. Ее мать решила, что четырех классов начальной школы вполне достаточно, а девочкам грамота вообще не нужна: печь хлеб, варить щи, стирать белье, мыть полы она и так научится. В самом начале 5-го класса бабушка вынуждена была бросить школу, при том что ее старшие братья и сестра закончили всего по 2 класса. Но ведь был уже 1956 год, война закончилась 11 лет назад, а в бабушкиной семье все продолжали жить по традициям 100-летней давности.

Документов у бабушки вообще никогда не было, ее родители не забивали себе голову такой «срундой», как точная дата рождения детей. При получении различных бумаг называли месяц и число, какие им больше нравились. Год иногда верно указывался в документах сельского совета, а иногда приблизительно. Так и выбирали себе день рождения. Тогда жителям села паспорта на руки не выдавались, а для того, чтобы на какое-то время выехать, нужно было брать временный. В данном случае за удостоверением личности надо было отправляться в город Темников. А чтобы до него добраться, 18 км шли пешком до райцентра — села Пурдошки, оттуда минут двадцать летели на самолете.

Указывая возраст, бабушка прибавила себе год, надеясь, что так точно возьмут на работу. В дорогу ей дали четвертую часть соленого гуся — неслыханная роскошь по тем временам! — и несколько домашних пресных булочек. В семье, где росла бабушка, осенью каждую гусиную тушку перед засолкой в дубовой кадке разрубали на 8 частей. Сначала куски круто посыпали солью, потом через несколько дней заливали рассолом. Так мясо хранилось до конца апреля — начала мая. На обед для семьи из восьми человек варили похлебку из одной восьмой части гуся, после еды всем выдавали по кусочку мяса. На следующий день в печи просто разогревалась оставшаяся половина супа, гусятины после нее уже не было. Вот так и жили, растягивая заготовленную с осени солонину на весь год.

Из Лобановки в райцентр девушек повез на машине вербовщик Юра. Это было для них непривычно, ведь обычный деревенский транспорт — лошадь с телегой. Вербовщику были выданы торфопредприятием деньги на дорожные расходы, поэтому за дорогу платил он сам. Больше всего девушки боялись, что эти деньги в дальнейшем у них вычтут из зарплаты.

На станции Аять их поселили в общежития для завербованных — деревянные бараки. Сходив один раз в столовую, решили готовить еду сами. Готовили те, кто, отработав ночную смену, днем отдыхал. А в столовой не питались из экономии: там нужно было деньги отдавать, а к этому деревенские девушки не привыкли. «Да и свининой могут накормить в этой столовой», — именно этого больше всего боялись молодые татарки.

На работу вышли на следующий день после приезда. До торфодобычи надо было ехать 7 км. Добирались на дрезине: так называли небольшой паровоз с двумя вагонами. Была проложена узкоколейка, по которой на станцию доставляли уже готовый торф.

Татарки еще в своей деревне договорились с вербовщиком (а он работал в управлении торфопредприятия), чтобы их взяли на торфодобывающий комбайн подсобниками. Просто спросили: «А где работа полегче?» Туда и устроились. Мордовкам же оставалось только одно — тяжелая работа в поле. На торфодобывающем комбайне работали в две смены по 12 часов, с 6-ти утра до 18-ти — дневная, с 18-ти до 6-ти — ночная. Выходных не было. Летом, если работали в ночную смену, днем собирали ягоды в лесу, варили варенье. В июле помогали мотористу заготавливать сено, — он держал корову. К этой работе девушки привыкли с детства, поэтому они совершенно спокойно после ночной смены целый день работали на сене. А вечером снова шли на работу. Во время ночных дежурств иногда они дремали, стоя у транспортерной ленты, где из поступающего торфа нужно были убирать части корней деревьев, камни, ветки. За такой сон бригадир-удмурт в шутку называл их «пожарные лошади». На торфодобыче работать было легче, чем на торфосушке, где

работали мордовки из соседних с Лобановкой сел. Такой график выдержать было очень трудно: девушки работали с 4 часов утра и до заката солнца («мордва здоровые»). Работали они в одну смену, получали, если погода хорошая, до 380 рублей. А при дожде просто сидели в будке: торфодобыча не велась. При добыче торфа с нового участка приходил лаборант и проверял качество добываемого сырья. Большое поле — его называли «карта» — было покрыто длинными линиями из кирпичиков торфа. При подсыхании их переворачивали, еще через какое-то время ставили на торец. Когда торф был уже практически готов, из него строили примерно метровые сооружения, напоминающие колодцы. Затем торф из этих «колодцев» укладывали в корзины и на плечах несли к узкоколейке, где складывали в пирамиды. Крошки торфа отправлялись на удобрения. Увозили их вагонами: ничего не пропадало. Бабушка вспоминала, что у морденок работа была «адская»: к концу смены даже новые рукавицы превращались в ветошь, а из-под ногтей у девушек начинала сочиться кровь. После смены они держали руки в тазу, куда была налита вода с перекисью водорода. Как могли, так и лечились. Но никто никого не принуждал на такую невыносимо тяжелую работу: была заинтересованность финансовая. Не выдержишь условий этой работы — уезжай домой и получай палочки-трудодни и зарплату в пудах зерна. «Мордовки были загорелые, как чугуны», но все они живы до сих пор, хотя некоторым уже под восемьдесят.

Зарплата на торфопредприятии была приличная: в месяц получалось 300–320 рублей новыми деньгами. В колхозе никто даже мечтать не мог о такой зарплате. Даже через 10 лет, в начале 1970-х годов, работая в колхозе, бабушка получала зарплату 30–40 рублей.

Жительница села Теньгушево (это райцентр на окраине Мордовии) Валентина Петровна Щепетова, 1947 г. р., в 1964 году получала на торфопредприятии в Смоленской области зарплату 90 рублей в месяц. Можно сделать вывод, что в разных областях СССР на торфопредприятиях зарплата могла отличаться в разы. За Уралом платили гораздо больше, чем центральных областях Советского Союза.

Летом 1961 года бабушка в первый раз попробовала «городскую еду»: батон с подсолнечным маслом и булку с маргарином: «Так вкусно было!» Это навсегда осталось у нее в памяти как самое вкусное блюдо, что попробовала во времена своей юности. В первый раз она увидела, а затем и попробовала пшено, сварив из него кашу. Пшено продавали только завербованным рабочим торфопредприятия, простые жители поселка купить эту крупу не могли. Домой в Лобановку с собой привезла 13 кг пшена, отрезы ситца, крепдешина («Сошьем всем платья!»), 30 м льняной материи для полотенец. Из ягод, собранных в лесу, сварила ведро варенья для дома. Купила черный хлопчатобумажный материал, чтобы шить из него фуфайки, которые потом продавались на базаре в Ельниках. Посылала домой денежные переводы — два раза по 200 рублей, купить лошадь на мясо. Лошадь стоила тогда 200 рублей. «В семье 8 человек, а в колхозе только пудами зерна платили зарплату: надо было помогать родителям, поднимать младших».

Все девушки покупали в первую очередь что-то для дома. Бабушка купила цинковое ведро, кастрюлю большую, чтобы варенье домой привезти. Для себя приобрела сапожки на меху, до этого ничего, кроме валенок, зимой в деревне не обували. Купила большой коричневый чемодан, чтобы привезти в нем новые вещи. В городе Глазове она приобрела неслыханную по деревенским меркам роскошь — капроновые чулки. «В Лобановке ни у кого таких не было», — до сих пор вспоминает бабушка. После первой стирки она решила погладить их утюгом, в результате от чулок осталась только пена. Зато новые чулки бабушка, наученная горьким опытом, больше уже никогда не гладила. Купила себе темно-синее зимнее пальто с цигейковым воротником, пуховый платок. «Носила их лет 18», — сказала бабушка с необычайной гордостью. Все деньги, что заработала на торфе, привезла матери. Домой девушки ехали бесплатно — за билеты платило торфопредприятие.

В 1962 году на торф собрались ехать уже пять девушек из Лобановки, всем хотелось заработать.

Сания Ибрагимовна Шехмаметьева, 1938 г. р., вспоминает: «Зимой готовились к поездке: прями пряжу и вязали

свитера. Готовые изделия дома красили в зеленый, бордовый, голубой цвета. Краску покупали на базаре в селе Ельники. Вода, краска, соль, уксус — и любой цвет готов. Недели через три после прибытия поехали в город Глазов, чтобы на рынке продать то, что связали за зиму. Кроме свитеров привезли красиво связанные женские шарфы — «паутинки» длиной 2 м. Вязка у них ажурная, по краям — зубчики. Ширина шарфа была 1 м. «Паутинки» продавались лучше свитеров. Все девушки привезли с собой на торф связанные за зиму свитера и «паутинки».

С половины октября начались заморозки: «Добыча (бабушка всегда ставит ударение на первый слог, наверное, это профессиональное) кончается, торф не сохнет». В один из дней девушки упали с тележки трактора в торфяную жижу, глубина в этом месте была 1,5 метра. Сверху их засыпало хворостом. Мастер Субботин долго кричал, что из-за глупых девчонок он в тюрьму садиться не хочет. Ответ девушек поражает своей наивностью: «Ну что же, посидишь немножко». На что Субботин ответил: «Всё, домой собирайтесь, на этот год торф для вас окончен». Как и в прошлом году, домой их довез вербовщик. В гостинец родителям бабушка привезла 15 кг пшена и деньги.

В августе того же года бабушка с подругами в Свердловске увидели на столбе объявление: «Нужны рабочие на строительство Братской ГЭС». Долго искали нужный адрес. Там был вербовщик, составлявший списки тех, кто хотел уехать на строительство в Братск. Обещал зарплату до 550 рублей в месяц. Это же на 250 рублей больше, чем они получают здесь! Не боялись никакой тяжелой работы, поэтому тут же решили завербоваться в Братск. Но документов с собой ни у кого не было, а отъезд был запланирован в этот же вечер. Так и вернулись домой ни с чем.

В 1963 году из Лобановки и Вачеева (татарское село в одном километре) поехало уже семь человек, так как все знали о размере зарплаты на торфе. Жили в том же бараке, только комната была на 11 человек. В этом году впервые сделали для завербованных рабочих танцплощадку. Она находилась метрах в двухстах от барака. Танцплощадка — это настил из досок, поднятый на

метр от земли. Рядом с танцплощадкой — кино. Билет в кино синий, цена 23 копейки. Ходили редко — экономили деньги. «Хотелось, конечно, сходить, но денег жалко было. Четыре раза пойдешь, и рубля нет». Народ был деревенский, экономный, получая по 300 рублей, они сэкономили даже на билетах в кино. В Свердловске бабушка в первый раз в жизни купила себе плащ — предмет роскоши для деревенских девушек, и туфли. Денег родным в деревню не посылала, — откладывала для себя. До конца сезона не доработала, вышла замуж за моего деда и уехала назад в деревню.

После возвращения бабушка больше не ездила ни на какие заработки, вышла замуж, пошли дети. Но до сих пор воспоминания живы.

«Примечай будни, а праздники сами придут»

Запомнилось бабушке празднование Троицы в июне 1962 года. За 2,5 месяца пребывания на торфе татарские девушки подружились с русскими и мордовками, и к празднику все вместе наряжали общежитие березовыми ветками. Татарки это делали от души и с большим удовольствием, совершенно не задумываясь о том, что Троица — праздник православный и к мусульманам отношения не имеет. Вопросы религии девушек вообще мало интересовали. Они вместе жили в общежитии, не разделяя друг друга на своих и чужих. К празднику испекли кто что мог. Даже купили бутылку вина на 10 человек, праздник все-таки. Попробовали — не понравилось. Вердикт: невкусно. Много пели, плясали под гармонь. Так и справили Троицу все вместе — русские, татарки и мордовки. Татарок поразило, как хорошо две мордовки, стоя друг напротив друга, пели русские «страдания».

В 1962 году приехавшие на торф девушки стали покупать себе наряды подороже: «Белый свет увидели, когда из колхоза уехали». Очень понравился бабушке железнодорожный вокзал в Свердловске: «Большой, красивый, чистый, а главное — понятный, не то, что в Саранске или в Горьком».

Еще в июле 1962 года девушка Вера, которая тоже приехала на торф из Ельниковского района Мордовии, вышла замуж за местного парня. Так бабушка впервые побывала на русской свадьбе: до этого она видела только деревенские татарские свадьбы. Невеста была в обычном крепдешинном платье. Бабушку удивило, что русская невеста — без платка и лицо у нее открыто. Да и сидит рядом с женихом, и все гости ее видят. Бабушка запомнила, что гостей угощали окрошкой: «Я тогда ее в первый раз в жизни попробовала. А то в деревне все время на завтрак ели либо сваренную картошку в мундире с разбавленным водой квашеным молоком — аряном, либо с огуречным рассолом, куда были накрошены соленые огурцы». Еще на свадьбе гостям дали салат «викторию», которую бабушка никогда раньше не пробовала. Столы поставили в саду под яблонями. Прошло уже более 50 лет, а ту свадьбу с окрошкой и «викторией» бабушка вспоминает до сих пор. Такого простого и вместе с тем необычного сочетания свадебных блюд бабушке встретить никогда больше не довелось.

После того как Вера, их соседка по комнате, вышла замуж, девушки решили, что надо готовить приданое. Бабушка с улыбкой говорит об этом времени: «Приданое готовили, а жениха-то не было». Халифья Хасяновна Сухова (Кремчеева), 1946 г. р., из села Новое Кадышево вспоминает: «Купили льняной специальный материал, из которого потом нарезали полотенца, края которых украсили вышивкой. Купили белый коленкор — хлопчатобумажную ткань, чтобы нарезать из него носовые платки. На татарской свадьбе нужно было всем гостям подарить вышитые и обвязанные крючком носовые платки. Они красиво укладывались на подносе, с которым обходили всех гостей. Каждому из приглашенных полагалось подарить носовой платок, а он взамен должен был положить на поднос деньги. Отдельный платок вышивался для жениха: он был больше остальных, а вышивка гораздо красивее, чем на других платках. Также был куплен материал, из которого делали скатерти, вышивая их по краям. Скатерти готовились как для себя, так и для матери будущего мужа».

Работа работой, но душа, особенно молодая, требует праздника.

«Ради красоты и потерпеть не грех». Про «чугуны»

Как-то в августовский вечер 1962 года девушки засиделись на крыльце общежития. Долго разговаривали, смеялись, а потом кто-то из них спросил: «А что это мы такие черные, как чугуны?» Все задумались. Работать по 16 часов в поле, перекладывая кирпичики торфа, и не загореть было невозможно. Девушка из Ульяновска возразила: «Почему, как чугуны? Можем стать, как младенцы. Помолодеем». Все были озадачены: как можно убрать такой сильный загар за столь короткое время? Девушка из Ульяновска поделилась рецептом «эликсира молодости». Все его составляющие были куплены на следующий день в ближайшем магазине. Взяли вазелин, пузырек йода, банку крема «Снежинка» (тара стеклянная с узким горлышком), все перемешали. Первыми рискнули нанести эту «адскую смесь» на лица 4 мордовки из деревни Большие Мордовские Пошаты, которая находилась недалеко от Лобановки. А им было по 22–23 года. Эксперимент с «чудо-кремом» произвели вечером: «А может, к утру уже помолодеем?» Когда посмотрели на «экспериментаторов» утром — ужаснулись: они похожи были не на чугуны, а на, назовем их политкорректно, афроамериканцев. На работу идти нужно в любом случае, поэтому лица замотали платками, оставив одни глаза. В таком виде они ходили два дня, а потом пошли в баню. Завербованным рабочим давали два дня в неделю, чтобы сходить в поселковую баню, где можно было не только мыться, но и стирать. А постельное белье было казенное: в стирку его забирала комендант, потом она же выдавала чистое. После бани приходят радостные: с их лиц старая кожа цвета чугуна слезла, появилась новая — белая с розовым румянцем. Бабушка сама решила попробовать так «помолодеть» (а ей на тот момент было 17 лет), «чтобы в деревне прям ахнули». Нанесли с девушками этот «чудодейственный эликсир» себе на лица. Дальше началось «самое интересное»: «Лицо горело адом. Всю ночь просидели на крыльце», пытаясь найти хоть какое-то облегчение. Утром на работу пошли, замотав лица платками. Бригадир-удмурт, посмотрев на девчонок, сказал в сердцах: «Дуры! Зачем?!» «А бригадир

нам казался старым, ему тогда лет 30 было». Два дня ходили с волдырями на лицах — ожог кожи. Потом пошли в баню: черная кожа слезла, боль прошла. Пришли на работу без платков, лица у всех белые с легким розовым румянцем. Бригадир-удмурт, удивленно взглянув на них, спросил: «Дуры, это вы?» Вопрос остался без ответа.

Девушки ходили очень довольные своей вновь приобретенной красотой: «Все черные, а мы беленькие». «Осенью в деревне все так и ахнули, особенно ребята». Сразу вспомнилась фраза: «Красота — это страшная сила».

На торфопредприятии в поселке Аять работали девушки из Башкирии, Ульяновской области, Мордовии. На торфодобывающих комбайнах работали механизаторы из Саратовской области, было несколько приезжих из Удмуртии. Никто из Свердловской области не шел работать на торфопредприятия: не устраивали слишком тяжелые условия работы, даже несмотря на высокую оплату труда. Жители поселка Аять, где жили приезжие рабочие, не хотели каждый день так далеко добираться до работы. Семь километров туда, семь обратно. Сейчас таких приезжих рабочих называют «гастарбайтерами». Получается, что таким «гастарбайтером» три сезона за Уралом была моя родная бабушка.

**ИЗ СССР
В РОССИЮ**

Работы по периоду 1985–2000 гг. (увековеченного триединой народной формулой «перестройка, перестрелка, переключка») традиционно составляют меньшинство среди присылаемых на конкурс. Жюри обычно бурно радуется каждой такой работе, понимая сложность описания и осмысления близкого, кровоточащего и буквально забитого современными пропагандистскими штампами времени. «Геополитическая катастрофа», «лихие девяностые», «мировая закулиса».... У нас нет традиции историографического описания этих важнейших лет, нет консенсуса по поводу того, что считать победами, а что поражениями, кого — героями, а кого преступниками, «развал» или «распад» СССР произошел и так далее. А.К. Толстой саркастически полагал: «Ходить бывает склизко по камешкам иным, итак, о том, что близко, мы лучше промолчим».

Наши авторы решили не промолчать, а разобраться. Каково было заново, практически «с нуля» начинать жизнь русским беженцам из Узбекистана в воронежской деревне... И почему материальные трудности на поверку оказались порой менее тяжелыми, чем моральные — то, что семью в деревне называли «беженцы», а сами они считали себя «вынужденными переселенцами» и настаивали на том.

О чем думали и как жили бюджетники Няндомы в горбачевские и ельцинские годы: «О том, что Сталин “пло-

хой”, люди знали еще со времен XX съезда КПСС, но информация о том, что и Ленин “плохой”, просто ошеломила сознание народа. В этих условиях начинали пробивать дорогу новые идеи. Но многие, привыкнув к старой размеренной жизни, пусть и не такой свободной, тосковали по так называемому “застою” и стабильности. К тому же одной “гласностью” сыт не будешь. Велось много споров о том, как необходимо было реформировать экономику, но бесспорно то, что о людях думали в последнюю очередь». Наивный на первый взгляд вывод автора стоит многих томов, посвященных как горбачевским, так и последующим, так называемым либеральным экономическим реформам 1990-х.

Как действовала талонная система в Волгограде в перестроечное время и каким образом приспособлялись к ней люди, как дефицит буквально всего необходимого для жизни человека влиял на эту самую жизнь и какие качества людей раскрывал: «Особенно нелегко приходилось одиноким людям. По талону на моющие средства можно было приобрести в течение месяца 100 г мыла. Соответственно, чтобы купить одну упаковку шампуня или хозяйственного мыла нужно было предъявить несколько талонов (обычно два). Интересно, каково это выбирать, ты в этом месяце купаешься или стираешь вещи? Семьям из нескольких человек в этой ситуации было несколько проще — некоторые талоны они могли отоварить мылом, а некоторые — стиральным порошком. А если человек жил один? У моей руководительницы была большая семья, и они помогали своей одинокой соседке, отдавая один свой талон, так как четыре куска мыла на пятерых вполне можно растянуть на месяц».

Лучшие конкурсные работы — это не только собранные, систематизированные и осмысленные свидетельства, но это Свидетельство в высоком и самом серьезном смысле слова — как исповедание правды, в наших исторических условиях даже и без ГУЛАГов и голодоморов правды во многом мученической. «Ох и жизнь нам задалась, не приведи Господи», — вспоминает бабушка из «немалиновой» Маглиновки.

Так вполне рядовая предновогодняя история вырастает в собирательный образ времени: «Моей маме однажды повезло. Очень редко, но бывало, что товар «выбрасывали» без талонов. Мама рассказывала, что под Новый год выбросили партию шампанского без талонов. Она несколько часов простояла в очереди на морозе, чтобы заполучить бутылочку шампанского на праздник, но когда подошла очередь, ей просто-напросто не поверили, что она совершеннолетняя. Пришлось возвращаться домой за паспортом и снова выстоять очередь. Но оказалось — и это была большая удача, что ей все же удалось купить даже не одну бутылку шампанского. И это называлась счастливая жизнь народа, о которой везде говорилось тогда? Если честно, я не понимаю этого». Так и хочется сказать автору — пожалуйста, не понимай таких вещей и дальше, держи глаза открытыми и сердце живым, не поддавайся соблазнам примирения со злом и его оправдания всякими там «такое было время», «а у нас так всегда», «такой менталитет народа» и т.п.

Интересно, что практически ничего такого нет на страницах наших учебников, даже в недавно появившихся наконец-то главах об истории повседневности, где все приглажено и офотошоплено в духе «старых песен о главном». И получается, что как в древней Руси были своеобразным «народным учебником истории» (по выражению академика Б. Д. Грекова), так в современной эту роль могут играть в том числе и присланные на мемориальный конкурс работы. Читайте их!

Кто придумал «перестройку»,

или Жизнь работников бюджетной сферы
в 1980–1990-х годах

Ольга Регулярная

г. Няндомы, Архангельская область

Перестройка, перестройка... Изменения в общественной жизни

Все наши собеседники «родом из СССР». Школы и вузы они закончили еще в «застойное» советское время, а в самостоятельную жизнь вступали уже на рубеже 80–90-х годов XX века, в эпоху рыночных реформ. Именно этот период для многих оказался наиболее тяжелым. Начавшийся в 1985 году и связанный с именем нового генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева период советской истории принято называть перестройкой.

Перестройка, перестройка,
Вся я перестроилась,
Я в директора влюбилась
И к нему пристроилась!

Так частушкой начала свой рассказ Ольга Станиславовна Борган (1960 г. р.) о перестройке. В 1985 году, после окончания театрального отделения Культпросветучилища в Архангельске, она прибыла по распределению в Отдел культуры Няндомского района. Как говорит Ольга Станиславовна, до 1985 года их деятельность контролировал отдел пропаганды и агитации райкома КПСС. Контроль был жесткий. Например, когда готовили какое-либо городское

массовое мероприятие, перед членами отдела пропаганды и агитации нужно было показать все наработки и сценарий к мероприятию. Каждую строчку сценария читали и подробно расспрашивали, зачем то или иное в этом сценарии. Часто говорили, что это читать нельзя, а это петь нельзя. Запрещались те частушки, в которых усматривались намеки на критику руководства и власти. Но даже после тщательного корректирования сценария Ольга Станиславовна многое включала в программу обратно. «Делали хитро, один экземпляр сценария отдавали на проверку, а другой, который реализовывали и воплощали в жизнь, оставляли у себя». Как ведущую, Ольгу Станиславовну перед праздником два-три раза прослушивали, чтобы ничего лишнего она не сказала, никаких шуток не отпускала, и даже импровизация не приветствовалась.

Еще одним направлением работы отдела культуры являлись выступления агитационных бригад. В них участвовали все желающие, это были люди разных профессий и возрастов, в основном комсомольцы. С агитбригадой обычно ездили на посевную, сенокосы, на фермы. Работников на фермах не хватало и поэтому во время уборочной после выступления артисты-агитаторы тоже брали в руки грабли или тяпки.

У Ираиды Васильевны Мозгалевой к концу 1980-х уже была семья и двое маленьких детей. Работая в библиотеке, она отмечала, что с началом перестройки на людей обрушился шквал неслыханной информации. Ей запомнились телепередачи «Взгляд» с Владом Листьевым. В них говорили о проблемах, которые раньше замалчивались.

Также стали появляться произведения, ранее запрещенные: «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана, «Реквием» А. А. Ахматовой, «Софья Петровна» Л. К. Чуковской, «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака, а также произведения А. И. Солженицына и В. В. Набокова. Школьникам стали давать для чтения книги авторов, о которых люди более старшего поколения и не слышали. В библиотеку поступали журналы, например, «Новый мир» и др., в которых раскрывались «белые пятна истории». У Ираиды Васильевны возникало чувство

обманутого человека. Столько лет она не знала всей правды о жизни своей страны. Библиотеку в годы перестройки посещало очень много читателей. У людей на подписку денег не хватало, и читать свежие газеты и журналы они приходили в библиотеку.

Курс на «гласность» тоже был провозглашен на XXVII съезде КПСС в 1986 году. Как говорил М. С. Горбачев: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении». И, как отмечали наши собеседники, в результате воздействия новой информации у людей складывалось представление о том, что сейчас, когда стали известны многие негативные моменты истории, подобное не повторится. С преподаванием истории складывалась сложная ситуация, так как учебники изменились не сразу и их содержание совсем не соответствовало той информации, которая появлялась в газетах и журналах.

Ольга Павловна Кузнецова, учитель математики школы № 3, вспоминает, что начало перестройки повлекло изменения в работе: «На работе перестройка заявила о себе большей свободой, избавлением от лишних бумаг. В свободной форме разрешили писать планы уроков, разрешили использовать конспекты уроков за прошлый год. Количество собраний сократилось. Остались только педсоветы и открытые партийные собрания. Первоначально ощущалась какая-то новизна, повеяло переменами, но потом они сошли на нет... Я являлась членом КПСС, понимала, что, не будучи членом КПСС, невозможно попытаться сделать карьеру. Но в конце 80-х я вышла из КПСС».

Вступить в КПСС предлагали и Ольге Станиславовне Борган. Но она в коммунизм попросту не верила. Ей претило то, что для многих членство в партии являлось возможностью иметь какие-то льготы. И когда ее вызвали в партком, на предложение о вступлении в КПСС, она ответила, что вступать не будет. Уже активно шла перестройка, и это восприняли довольно спокойно. «После путча 1991 года, — говорит Ольга Станиславовна, — многие учителя стали выходить из КПСС. Даже самые ярые коммунисты

стали оставлять свои билеты на партсобраниях. Многие после выхода из партии были рады этому, так как посещать собрания больше не придется, платить ничего будет не надо, да и ответственности становилось меньше». А раньше членство в партии давало много привилегий, например, когда на школу выделяли дефицитные импортные вещи (обувь и одежду), их в первую очередь получали члены партии, а потом остальные работники.

О вехе перемен говорит и Александра Николаевна Зорина (1971 г. р.): «До поступления в институт я жила в Няндоме, а потом вместе с родителями в 1989 году переехала в Архангельск — вспоминает она сегодня. Перестройка запомнилась появлением таких передач на телевидении как “Прожектор Перестройки”, выявляющий нелицеприятные моменты в советской действительности, “Взгляд”, “Музыкальный ринг”, “Программа А” о различных музыкальных группах. Эти передачи ждали, так как раньше музыкальных передач на телевидении было мало». Новшеством стали и прямые эфиры утренних и ночных передач, общественные дискуссии. Ранее у советского зрителя выбор был весьма ограниченный: главная информационная программа «Время», общественно-политические программы; трансляции съездов, концертов к датам, хоккейных и футбольных матчей, соревнований по фигурному катанию; редкие западные фильмы, прошедшие цензуру; никакой рекламы.

Но чувства были какие-то противоречивые, как говорит Александра Николаевна Зорина. В 1986 году она ездила школьницей во всесоюзный пионерский лагерь «Артек». В начале смены их собирали и объясняли, как надо отвечать иностранцам (а «Артек» был международным лагерем) на вопросы о том, почему у нас в стране еще имеются отдельные проблемы. Например, так: «У нас была война, не всё еще налажено...» Сейчас это звучит как-то странно. Но другой наш респондент, Ираида Васильевна Мозгалева, тоже говорит, что в лесопункт, где она жила, из средней полосы приезжали люди на заработки и хозяйственные трудности все еще объясняли пережитой войной. А это уже были 1970-е годы.

Обобщая, стоит сказать, что годы перестройки действительно запомнились людям как время разительных перемен, формировавших веру в скорейшие изменения в ближайшем будущем во всех областях жизни. Гласность давала возможность людям узнать всю правду о делах минувших дней, раскрыть «белые пятна» и не подрывала веру в социализм. Напротив, стремилась его обновить. Люди стали получать больше информации, для них оказались доступны многие произведения художественной литературы, зарубежные фильмы стали идти в прокате и по телевизору.

О том, что Сталин «плохой», люди знали еще со времен XX съезда КПСС, но информация о том, что и Ленин «плохой», просто ошеломила сознание народа. В этих условиях начинали пробивать дорогу новые идеи. Но многие, привыкнув к старой размеренной жизни, пусть и не такой свободной, тосковали по так называемому «застою» и стабильности. К тому же одной «гласностью» сыт не будешь. К концу 80-х люди уже разуверились в возможности «обновления» социализма, стал наблюдаться отток из КПСС, хотя первоначально очень многие связывали успешность карьеры с членством в партии, но престиж ее все падал и падал.

«Не до жиру, быть бы живу»

На изменившихся телевизионных экранах во время перестройки стали мелькать модно одетые люди, артисты, зарубежные и отечественные, которые становились примером для подражания. Но одеться так же могли не многие, так как сохранялся пресловутый советский дефицит товаров широкого потребления. Что-то в магазинах продавали, но не вещи, отвечающие модным тенденциям второй половины 1980-х. «К 1987 году, — вспоминает Г. Н. Сошнева, — в быту мало что еще изменилось, но возникло частное предпринимательство и появились первые кооперативы. Это отразилось и на рынке, который стал насыщаться кооперативными товарами широкого потребления. Учитывая сохранявшийся товарный дефицит в государственных магазинах, некоторые мои однокурсницы купили себе

выпускные платья из модной ткани на городском рынке, которые продавали швейные кооперативы. Цены на эти товары были выше, чем в государственных магазинах, но швеи, работавшие частным образом, где-то доставали модный шифон с люрексом. Купить же в магазине что-то стоящее редко удавалось».

Хотелось купить туфли, меховые шапки, но... «Когда поступила в институт, на 1-м курсе понадобились сапоги, — говорит А. Н. Зорина. — Удалось купить в магазине от фабрики “Северянка” на два размера больше. Но радовалась и этому, с носком получалось как раз». Радовались женщины покупкам на фабрике «Северянка» и потому, что к концу 80-х предприятие стало выпускать несколько улучшенные образцы обуви. Раньше местная продукция выглядела совершенно непрезентабельно.

«Мы, конечно, не голодали, — вспоминает Александра Николаевна, — был огород, овцы в домашнем хозяйстве, но всегда чувствовалась нервозность от того, что нужно продукты “доставать”, стоять в огромных очередях за чем угодно. Например, за колбасой по субботам в магазине “Волна” или “Ударный”. “Дайте, пожалуйста, вашего мальчика (девочку)”, — такую просьбу можно было в очереди часто услышать, так как каждый покупатель имел возможность купить норму на человека (500 г), а заполучив “мальчика” удавалось купить больше».

Г. Н. Сошнева, начинавшая работать под станцией Коноша, точнее в Коноше-2, отмечала, что к концу 80-х в магазинах становилось все более пусто. «Сейчас даже трудно вспомнить, чем я питалась — говорит она. Кое-что привозила от родителей, но полноценно обедала в школьной столовой, там что-то брала себе на ужин по совету буфетчицы. Оказалось, что так делают многие, учитывая дефицит продуктов в магазине и наличие их в общественном питании». И вот, захватив в школу стеклянную банку с капроновой крышкой, она и покупала себе что-то на ужин. «Холодильника у меня не было, как и телевизора, — продолжает она. — Я бы его купила с легкостью после второй зарплаты, но в магазине ничего не оказалось. Первоначально я даже и не догадывалась, что нет телевизоров в продаже. Попро-

сила учеников помочь привезти из магазина, но оказалось, что телевизоров в продаже нет, и в ближайшее время не предвидится. Поэтому довольствовалась транзисторным приемником, привезенным из дома».

В самом конце 80-х — начале 90-х, чтобы одеться модно, студенты даже пользовались возможностью купить что-либо в Салоне для новобрачных, подав заявление в ЗАГС и получив заветное «Приглашение в салон» розового цвета. «В салоне не оказалось моего размера туфель, — вспоминает А. Н. Зорина, — и я купила, какие были. Потом пыталась продать их на импровизированном рынке, на стадионе “Динамо” в Архангельске. А вот итальянские сапоги по Приглашению оказались замечательными, все подружки завидовали». Рынком и комиссионными магазинами в то время пользовались многие, что-то перепродавая или покупая. Многие вязали и шили для себя сами, так как достать товары в магазинах было практически невозможно. Схемы вязания брали из газет и журналов. Например, Галина Николаевна Сошнева говорит, что частенько вязала для себя и сынишки.

Восьмидесятые годы многим запомнились острым дефицитом самых разных товаров. «Примерно в 1988 пришла в магазин за детскими колготками, — вспоминает Зоя Николаевна Романова. — Думала купить внукам, но оказалось, что только “многодетным”, а тем, у кого два ребенка, уже не полагается». С талонами в конце 80-х — в 1990-м стало легче, считает она. Но продуктов не хватало. Приходилось «растягивать» их и беречь. Введение талонов на водку она тоже поддерживала, так как считала, что так можно несколько затормозить развивающийся в СССР алкоголизм.

Талоны появились в связи с антиалкогольной кампанией в СССР в 1985 году. «Но самогонщикам это сыграло только на руку, — говорит Зоя Николаевна. — Продажу алкогольной продукции притормозили, но нужда у людей не пропала. Самогонщики довольно хорошо развивались до начала 90-х годов, так как государство не особо следило за их деятельностью». Как рассказывала Зоя Николаевна, соседи-самогонщики богатели на глазах. А вот Ольга Станиславовна обменивала талоны на водку на талоны на хлеб, сахар, мясо и прочее. Выкручивались, как могли, кто-то

менял талон на талон, а кто-то талон на водку на несколько талонов на другие продукты. Г. Н. Сошнева тоже отмечает, что продукты даже по талонам нужно было еще «достать». Иногда удавалось купить в школьном буфете полуфабрикаты (пельмени или котлеты). Буфетчица специально развешивала по 1 кг в бумажные пакеты для учителей. Такие моменты становились маленькой радостью, так как на какое-то время решался «продовольственный вопрос».

На октябрь 1990 г. пришлось свадьба Галины Николаевны, которая стала испытанием для двух семей, так как необходимо было закупить продукты и вино для гостей. В ход пошли связи в магазинах, талоны. А когда в повестке дня появился вопрос подготовки «приданого» для ребенка, никто и не вспомнил о плохой примете готовить все заранее. В магазинах она покупала все, что временами появлялось — и пеленки с распашонками, и штанишки или гольфики на 2–3 года, независимо от цвета.

О периоде начала 1991-го у нее остались тяжелые воспоминания. Даже хлеб тогда продавали по талонам. Спасало то, что муж стал работать инженером по снабжению в няндомском Химлесхозе, и занимался не только техникой, но и снабжением бригад лесорубов продуктами. Время от времени он ездил с водителем на грузовике на продовольственные базы в Архангельск. Там немного приобретал и для себя.

«В 80–90-х на предприятиях появился бартер, — говорит З. Н. Романова. — Например, Тульский леспромхоз (ТЛПХ) отправлял вагоны леса в Финляндию, а оттуда взамен привозили тряпки (одежду) на часть денег. Работодатели продавали данную одежду своим сотрудникам за деньги или выдавали талоны на одежду вместо зарплаты. Тем женщинам, у кого мужья были задействованы в данной сфере, приодеться было легче всего. Многие даже раздавали лишние талоны своим подругам. Продукты тоже давали рабочим, но их уже все брали». Так, начальник ТЛПХ иногда выделял какие-либо товары и продукты учителям школы № 2, в которой учились дети его работников: карамель, крупы, сахар или мясо из подсобного хозяйства. Преподаватель трудового обучения разрубал тушу на куски, а затем

учителя выбирали мясо и взвешивали. Каждую осень учителям привозили капусту для засолки. Практически все ее готовили на зиму.

В конце 80-х — начале 90-х годов Ольга Станиславовна каждую субботу пекла пироги. Начинкой служило все, что росло на грядках. Пекли пироги с морковкой, грибами, вареньем. Светлана Васильевна Евстафеева, жительница небольшой железнодорожной станции, тоже рассказала, что «пироги пекли всегда, каждый день или через день, потому что было свое масло, сметана была своя, молоко, яйца и их использовали для выпечки. Пироги в то время в деревне — это пища».

Конфеты тоже становились дефицитом, а Ольге Станиславовне хотелось порадовать ребенка. Она покупала в магазине детское питание, из которого лепила конфеты, а сверху посыпала какао-порошком и клала в морозилку. Конфеты делала и из вафель, которые прокручивала в мясорубке, добавляя сироп или варенье.

Для жителей маленьких железнодорожных станций одним из способов получения каких-либо продуктов были московские поезда. Люди на станции поджидали поезд из Москвы, потом втроедорога покупали с этого поезда конфеты, печенье и прочее. Или садились в Няндоме, ехали до своей станции, а в это время в вагоне-ресторане скупали продукты, например, к празднику.

Таким образом, при всем желании партийного руководства оживить социалистическую идею, сделать ее более привлекательной результат был неудовлетворительный. Несмотря на кооперативы, продолжал сохраняться дефицит на товары широкого потребления. Не помогло и введение талонов на продукты, их не всегда и не всем удавалось отоварить. Из-за отсутствия выбора в магазинах с прилавков «сметалось» все, что появлялось.

Девяностые... Как все начиналось

Новый этап в жизни нашей страны стали отсчитывать с конца 1991 года, когда СССР распался, а этому событию предшествовал так называемый путч, или попытка госпереворота, в августе 1991 года.

А. Н. Зорина путч наблюдала, приехав из пионерского лагеря к сестре в Няндому из Полтавы: «Просыпаюсь, по всем двум программам одно и то же. Сообщение о ГКЧП меня расстроило меньше, чем “Лебединое озеро”».

С. В. Евстафеева призналась, что было страшно: «Не знали, чего ожидать. Сначала было такое ощущение, что кто-то умер, потому что когда кто-то из руководителей государства умирал, всегда показывали либо балет, либо что-то классическое. Думали, что умер Горбачев или Ельцин».

Г. Н. Сошневу путч застал в больнице, где она находилась с ребенком. Ее удивила классическая музыка по радио на протяжении нескольких часов вместо новостей и других передач. Удивление сменилось беспокойством: что случилось в стране, чего ожидать? Лишь спустя некоторое время появились первые сообщения о болезни Горбачева и о создании ГКЧП, о том, что отменяются все преобразования, осуществленные при Горбачеве, и о возвращении к первоначальному курсу.

Граждане СССР встречали эти сообщения по-разному. Например, Зоя Николаевна Романова говорила, что многие даже обрадовались, поверив в то, что новая власть установит порядок в стране. При Л. И. Брежневе люди жили тихо и спокойно, никуда не рвались, и многих это устраивало. Советский народ привык к стабильности. «Жили плохо, но стабильно», — вспоминает она. Другие выжидали, чем же это закончится, но возвращения в прошлое не хотели.

Постепенно все «утряслось». Горбачев с семьей вернулся с дачи в Форосе, участники ГКЧП были арестованы. Складывалось впечатление, что население не поддержало ГКЧП и в большей степени сочувствовало Горбачеву.

Как нам известно, намеченное подписание нового союзного договора не состоялось, а в декабре 1991 года главы России, Белоруссии и Украины денонсировали союзный договор 1922 года — Советский Союз распался. Каждая из республик отправлялась в «свободное плавание». Россия начинала жить отдельно, а для граждан вскоре началось новое испытание — рыночные реформы.

Надо потуже затянуть пояса...

После рождения ребенка в августе 1991 года Г. Н. Сошнева жила в военном городке Каргополь-2. Хотя в сравнении с Няндомой он снабжался лучше, много времени она проводила в очередях — за гречкой, котлетами, зубной пастой, посудой, обувью, детской одеждой. Последней относительно большой покупкой для ее молодой семьи стал диван, талон на который чудом сохранился в коробке с разными памятными мелочами. Талон этот достался свекру на работе, так как в военном городке Каргополь-2 до конца 1991 года товары распределялись по различным подразделениям и службам. Галина Николаевна говорит, что когда «отпустили» цены, они на глазах выросли в сотни раз. Спасало то, что семья жила с родителями мужа и все вели общее хозяйство. После 1992 года в Няндоме стали во множестве появляться коммерческие магазины с импортными товарами. Около магазина, который в народе называли «90-й», образовался импровизированный рынок. Предлагаемые товары редко отличались хорошим качеством, но люди, «изголодавшиеся» при дефиците, их покупали.

«Помнится, мне потребовалось зимнее пальто, — вспоминает Галина Николаевна. — На рынке пришлось купить пальто с ужасным воротником из искусственного меха. Но я перешила воротник со старого пальто свекрови и благополучно носила его несколько лет. А однажды мне пришлось продавать картошку со своего огорода на рынке. Свекрови стало неудобно, я же посчитала, что ничего страшного в этом нет, ведь продавали свои излишки. Да и деньги были нужны, Пока я находилась в отпуске по уходу за ребенком, пособие платить престали и мы жили на зарплату мужа. Свекровь работала на автобазе, и им как-то привезли “ветошь” — куски трикотажного полотна, вероятно с какой-то фабрики. Выбрав подходящие лоскуты, я сшила штанишки и свитер для сына. Вязала и перевязывала для него необходимые вещи».

З. Н. Романова тоже говорила, что одежду внукам дочь Светлана перешивала из поношенной взрослой. Денег не хватало, поэтому детей не могли даже определить в детский

сад. В те времена младшие дети донашивали за старшими братьями и сестрами их вещи. Много родители шили сами.

Галина Николаевна хранит свитер, который она связала сыну, распустив свою детскую кофту. «Из отпуска по уходу за ребенком я выходила в надежде на то, что смогу заработать и будет легче материально. Но зарплата обесценивалась, а потом ее вообще выплачивать перестали».

К середине 90-х годов появились взаимозачеты. Так как не платили зарплату, работающие могли взять продукты в каком-либо магазине под долги по зарплате. Это делалось по договоренности с владельцем магазина, который часть своих налогов в местный бюджет не платил, а разрешал «отовариться» бюджетникам — таким образом, им компенсировалась невыплаченная зарплата. Хорошо, если это был частный магазин, и можно было выбрать любые продукты. Но предлагали и магазин Лесхоза, где только по случаю продавали тушенку или сахар, а иногда на прилавках там стоял только черный хлеб. «Как-то взаимозачетом нам дали по мешку репчатого лука. Я сначала недоумевала, что с ним делать, но потом в нашем меню появились макароны с жареным луком и морковкой».

Кроме зарплаты не выдавались и детские пособия. Однажды летом появилась возможность взять взаимозачетом какие-либо вещи, в том числе и детские. Галине Николаевне пришлось простоять в очереди с 11 часов утра до 7 часов вечера, а взять удалось только мужскую куртку огромного размера.

В некоторых магазинах складывалась унижительная для бюджетников обстановка, когда предприниматель на одни полки ставил товар, который покупали за деньги, а на другие те, что полагались по взаимозачету.

Каждую осень, бюджетники, имевшие огороды, делали овощные заготовки: огурцы, помидоры, лечо, овощной плов, кабачки, салаты. Так продолжалось много лет. Все старались заготовить как можно больше, чтобы обеспечить семью. Эта потребность удешевить питание так прочно вошла в жизнь бюджетников, что многие по инерции продолжали делать массу заготовок и в 2000-х годах, хотя они уже не съедались. «Набор был стандартный: суповые заправки,

борщ, рассольник, лечо, соленые огурцы и так далее, — вспоминает С. В. Евстафеева. — Делали около 300 банок. Ямы и подвалы всегда были забиты. Варили тушенку (говядину и свинину) из мяса, что оставалось к весне, чтобы не испортилось. Больших холодильников не было, а мясо в тепле портится очень быстро. Из-за этого скотину всегда резали на зиму, тушки вывешивали на веранде в кладовке, где холодно. Из голов тоже варили тушенку и делали колбасы, варили холодец из поросячьих ножек. Летом варили варенье. Для этого требовалось много сахарного песка, и его покупали заранее на вырученные от продажи мяса деньги. Вот такой круговорот денег в домашней экономике».

Еще больше в 90-х заготавливали грибов и ягод. Грибы солили, варили, сушили. Зимой из грибов варили суп и жарили картошку с грибами. Чтобы одеть детей к школе, можно было или продать мясо, или сдать какие-либо ягоды. Светлана Васильевна Евстафеева с мужем и старшим сыном собирали чернику, морошку, малину и сдавали в пункты приема ягод или приносили вместе с подругами на вокзал и продавали у поездов. Поезд иногда стоял всего 3 минуты, их знакомый обычно быстренько запрыгивал в вагон, брал у них ведра с ягодами, продавал, а потом раздавал женщинам деньги. Чтобы одеть детей на зиму, сдавали клюкву.

Учитывая наличие в Няндоме бройлерной птицефабрики, у бюджетников иногда появлялась возможность взять под зарплату цыплят-бройлеров. В первой половине 1990-х, по рассказу О. С. Борган, долгое время не давали зарплату. И вот как-то перед самым Новым годом ей сказали, чтобы она шла, получала зарплату взаимозачетом. Тогда Ольге Станиславовне дали 3 ящика бройлерных синих цыплят. Часть этой «зарплаты» она отвезла сестре в Петербург, и все равно эту курятину семья ела долго. Еще зарплату давали молочными продуктами, хлебом. Так как каждый пытался выживать как мог, Ольга Станиславовна завела куриц ради яиц.

«Когда зарплаты перестали выплачивать, в магазинах иногда давали продукты под запись, — говорит И. В. Мозгалева. — Дети настолько привыкли, что родители берут продукты без денег, что однажды, соседский ребенок, уви-

дев по телевизору ограбление магазина, спросил: “Мама, а он тоже под запись?!”».

В это время бюджетники буквально выживали. Семье Бушуевых помогало и молоко, которое стоматологам дважды в неделю давали «за вредность». Учитывая, что супруги вдвоем работали, молока было достаточно. Из него умудрялись готовить творог, а однажды Виктору Александровичу дали рецепт сыра. Он и это попробовал. Его дочь Лена вспомнила, что сливочное масло для бутербродов родители берегли детям, а сами довольствовались маргарином.

Вспоминая вечное безденежье, Анна Ивановна Бушуева говорит, что она и кошелек-то редко с собой брала. Однажды маленькая дочка попросила, идя с нею из садика: «Купи мне хотя бы чупа-чупс». А в ответ на то, что денег нет, сказала: «Какая же ты мама! Все детям покупают, а ты нет!».

Муж Г. Н. Сошневой работал в те годы в Горэлектросети. Это стало спасением для семьи. Ей по полгода не выплачивали зарплату, а мужу более или менее регулярно, так как в организации водились «живые деньги». Особенно супруга и сын радовались, когда он перед праздниками приносил большой продуктовый набор. Это были те продукты, которые предоставляли торговые точки, частично погашая долги за электричество. Ими предприятие поощряло своих работников. Да и на Новый год муж приносил сыну огромный мешок подарков от Деда Мороза. Учителя и врачи такое позволить своим детям не могли. О традиционных новогодних подарках для детей пришлось забыть.

Зоя Николаевна Романова вспоминает, что когда зарплату задерживали, ее и семью выручала пенсия, которую она уже получала по возрасту. А ведь надо было и дочери с зятем помочь. Дочь находилась в отпуске по уходу за ребенком, а зять — врач-бюджетник. На школу порой выдавали не весь фонд зарплаты на месяц, и поэтому всем не хватало. Директор школы старалась действовать справедливо и выдать сначала тем, кто не имел пенсии и кроме как на зарплату ни на что не мог рассчитывать, например, мамам с детьми или одиноким учительницам. Как-то, совершенно отчаявшись, Зоя Николаевна буквально выпрашивала в управлении образования хоть сколько-нибудь денег. И вот ей выдали пачку

рублями. Обрадовавшись, она пообещала внуку, что «сейчас они на все деньги купят карамели». На что кассир, приняв слова всерьез, испуганно заметила, что не стоит этого делать, а то следующая зарплата неизвестно когда. А однажды Зоя Николаевна увидела на улице объявление о покупке волос (дорого). Она тут же отправилась в парикмахерскую стричь свои роскошные волосы. После сдачи волос Зоя Николаевна воскликнула от счастья: «Ой! Мне тут на семь буханок хлеба хватит!» Приемщица посмеялась и сказала: «Вы хоть не сразу покупайте!».

В то время коллега Г. Н. Сошневой написала стихотворение на манер «Большой привет, прекрасная маркиза»:

Большой привет, прекрасная маркиза!
Как у меня идут дела?
Ни одного несчастного сюрприза,
За исключением пустяка:
Полгода не было зарплаты,
И впредь полгода не видать.
Деньжонок стало очень мало
И даже трудно в долг занять.
А свет грозятся отключить нам,
А также газ и телефон.
Мы за квартиру не платили —
Боюсь, попросят скоро вон.
Нам не до праздников уже,
Позорным стало неглиже.
И кошку нечем нам кормить —
Придется, верно, утопить.
А в остальном, прекрасная маркиза,
Всё хорошо, всё хорошо!

В этих условиях бюджетники и хлеб пекли, чтобы не покупать в магазине. Например, приятельница Г. Н. Сошневой купила у приемщиков металлолома две заводские формы для выпечки хлеба и с легкостью освоила это дело, как и изготовление майонеза в домашних условиях.

После того как цены отпустили, рынок стал насыщаться различными товарами, но воспользоваться этим мог не каждый. Например, фрукты покупали только ребенку, вспоминает Г. Н. Сошнева, а взрослым доставалась одна

срезанная кожура. А. Н. Зорина рассказала, как они с подругой на двоих покупали попробовать шоколадный батончик «Марс» за 400 руб. «А “Баунти” мы с Лариской попробовали, когда ей друг этот шоколадный батончик подарил, и мы его съели, пока вместе готовились к экзамену».

1990-е годы стали, пожалуй, самым тяжелым испытанием для бюджетников. Реформы очень сильно ударили по россиянам, и особенно незащищенными категориями оказались работники бюджетной сферы и пенсионеры. Но учитывая, что пенсии выплачивали более регулярно, чем зарплаты, именно пенсионеры старались материально помочь семьям своих взрослых детей. Не получая зарплат, учителя, врачи, библиотекари выживали благодаря подсобному хозяйству. Поэтому второй работой стал огород, уход за скотом, сбор грибов и ягод. Экономика семьи становилась полунатуральной. Заготовки и консервы были не только дешевым, практически бесплатным обедом и ужином, но и сэкономили зарплату, когда ее удавалось получить.

О работе

В советские времена люди жили более стабильно и, выбрав профессию, редко меняли место работы. Но в 80-х и 90-х все изменилось. Как говорит А. Н. Зорина, многие однокурсники еще надеялись, завершая обучение на истфаке педагогического института, работать в райкомах КПСС, но монополия КПСС в августе 1991 года закончилась. «Мы даже в школе оказались не нужны, так как из райкомов многие ушли в школу именно учителями. Вероятно, те, кто не сумел пристроиться в бизнесе. Мне удалось устроиться в 1994 году на работу в областной Дворец пионеров». Как мы поняли, истфак был самым политизированным факультетом, и у истфаковцев, действительно, всегда имелся шанс устроиться на работу в райкоме партии.

Устав от безденежья, продолжает А. Н. Зорина, она решила получить юридическое образование и в 1998 году заочно закончила юрфак, после чего поступила на службу в милицию. «Мне сказали, что я пока буду получать мало, а когда присвоят звание — больше. Оказалось, что

“мало” — это в два раза больше, чем во Дворце пионеров г. Архангельска! Но в августе случился дефолт и пересчитанная зарплата обесценилась. Цены выросли на глазах, деньги надо было немедленно потратить хоть на что-то. Успели приобрести мне хорошее пальто и пылесос». (А например, у Г. Н. Сошневой проблемы, куда потратить деньги не существовало. Семья жила, не имея сбережений).

«В милиции тоже задерживали зарплату. Один милиционер на кроссе упал в обморок. Сдачу нормативов никто не отменял. Да и участковые были худющие, — продолжает Александра Николаевна. — Разные подразделения органов правопорядка находились и на разных бюджетах. Особенно тяжело жили те, кто на местном бюджете. Кто-то из журналистов спросил о настроениях архангельской милиции. Представитель УВД сообщил, что оно отчаянное. Дошло до Москвы, и в результате дали зарплату за два месяца сразу».

Зато для инициативных людей открылась привлекательная возможность заняться бизнесом. Так, в 1993–1994 годы Ольга Станиславовна и ее муж, чтобы как-то выжить, открыли кафе в поселке Шалакуша, где они жили. Молодые люди не были его полными собственниками, а являлись совладельцами с еще одной хозяйкой. Семья отремонтировала выбранное помещение, наняли персонал, и кафе заработало.

Помимо кафе, Ольга Станиславовна занималась с детьми в интернате. Днем она работала там, а вечером в кафе. Кафе пользовалось популярностью, так как там проводилось много интересных мероприятий, нравившихся публике. Кроме местных жителей ходили приезжие железнодорожники. Они жили в вагончиках, а вечером приходили в кафе отдыхать. Они всегда заказывали мясо, очень много еды, что для кафе было прибыльно. Эти работники часто брали в долг, так как зарплаты приходили поздно, но долг всегда возвращали, дарили различные подарки (вино, конфеты, шоколад). Проблем с закупкой продуктов, спиртного и сигарет не было. В то время появилось много коммерческих магазинов даже в Шалакуше, в них часто закупали продукты для кафе. И хотя кафе было небольшим, всего на 30 мест, оно давало хорошую прибыль.

В 90-х маленькая Шалакуша оживилась, после того как было основано российско-датское деревообрабатывающее предприятие, давшее местному населению денежную работу.

По словам Ольги Станиславовны, местных строителей отправляли на учебу в Данию, после чего они возвращались на родину, чтобы строить цеха. Офис датчане делали сами, по европейским масштабам, со всеми коммуникациями. После открытия датского офиса стало налаживаться производство клееной доски, очень прочной и качественной. Но эту клееную доску отправляли в основном в Данию. С появлением российско-датского предприятия появились рабочие места, но на работу брали не всех, а только тех, кто умел общаться и не был подвержен вредным привычкам. Зарплаты платили высокие, по сравнению с местным лесозаводом.

Бюджетникам в 90-е приходилось особенно трудно. Цеплялись за любую работу, приносящую доход в семью. Виктор Александрович Бушуев в свободное время, помимо лечения бесплатных пациентов, подрабатывал в зубопротезном кабинете. Кто-то на все лето отправлялся в пионерский лагерь. А большинство выживало тем, что вело полунатуральное хозяйство, выращивая овощи, разводя скот, продавая собранные грибы и ягоды и покупая на вырученные деньги необходимые вещи.

Завершая исследование, хочется сказать, что для поколения молодых людей, родившихся в конце 1990-х, это давно ушедшая эпоха, а для наших родителей, бабушек, дедушек — это время молодости и зрелости. Время, когда перед ними вставали насущные вопросы буквально каждый день, а от их решения зависела жизнь детей и внуков.

Как мы уже упоминали, и перестройка, и процесс рыночных реформ у всех респондентов воспринимаются как единое целое. Вероятно, потому что с «перестройкой» начинается полоса перемен в нашей стране, которые становились все круче и круче, пока государство совершенно не изменилось.

Наше исследование в очередной раз, вероятно, подтвердило, что особенно трудно живется в переломные моменты истории, когда рушатся привычные устои. В 80–90-х под воздействием государственных решений людям тоже пришлось менять жизненные представления, а иногда и сферу профессиональной деятельности.

С перестройкой, как мы поняли, у людей возникла надежда на то, что благодаря новому курсу и установкам на гласность и ускорение в экономике жизнь в скором времени изменится к лучшему. Раскрытие «белых пятен» истории, правдивые разговоры о действительности формировали веру в честность людей, пришедших к власти. Радовала большая свобода в области культуры, возможность читать и смотреть то, что ранее являлось недоступным.

Но если в 1980-е людей главным образом интересовал вопрос, где и что можно достать, как не «потерять» свою очередь, в 90-е главной проблемой стало найти деньги в условиях невыплаченных зарплат. Девяностые оказались еще более сложным испытанием, особенно для людей, работавших в бюджетной сфере. Теоретически, изменения в экономике являлись объективной необходимостью, но реформы очень сильно ударили по россиянам.

Видимо, поэтому основную часть наших граждан в эти годы в большей степени интересовали вопросы материального обеспечения семьи, нежели внутривнутриполитические процессы в стране, такие как отмена руководящей роли КПСС после путча 1991 года, штурм Белого дома в 1993 году. Даже дефолт не всем запомнился, так как у большинства бюджетников денежных сбережений уже не существовало.

Действительно, над людьми был поставлен эксперимент: удастся обновить социализм или нет? Выяснилось, что не удалось. Велось много споров о том, как необходимо было реформировать экономику, но бесспорно то, что о людях думали в последнюю очередь.

Вся власть талонам?!

(Талонная система распределения товаров
в конце 1980-х годов)

Людмила Шкурова
г. Волгоград

*Дорогие гости, если руки моете
с мылом, то чай пьете без сахара.*
Из фольклора конца 1980-х годов

Длиннющие очереди за дефицитом были неотъемлемой частью жизни советского человека. Выбор продуктов в магазинах был ограниченный. Талоны на многие продукты и непродовольственные товары были во многих городах, об этом вспоминают все взрослые. При этом официально считалось, что товарный дефицит — это лишь отдельные случаи проявления неэффективности или коррупции в системе торговли или производства.

Основой этой работы стали интервью и беседы с моими родными и знакомыми взрослыми. Я не сразу привыкла к использованию неожиданных слов — *достать* (купить, приобрести), *выбросить* (предоставить в продажу), *хвост* (очередь), *номерок* (порядковый номер в очереди, его записывали, как правило, на руке; человек, забывший номер, терял место в очереди), *пересчет* (момент, когда кто-то из стоящих в очереди проверяет, все ли на месте; не попавший на пересчет терял место в очереди безвозвратно), *блат* (выгодные связи или знакомства), *продажа «из-под полы»* или *«из-под прилавка»* (продажа тайком знакомым или с переплатой).

Кроме того, я изучила подшивки газет «Волгоградская правда» и «Вечерний Волгоград» за 1988–1992 годы и нашла публикации, посвященные талонной системе. Как правило, это были небольшие заметки или опубликованные письма граждан. Но само наличие тематических колонок и рубрик («Надоели очереди», «Дефицит» и т. п.) говорит об актуальности темы и ее важности для жителей Волгограда. Примечательно, что орган печати областного комитета КПСС Волгоградской области — газета «Волгоградская правда», практически не упоминает о талонах; успехи партии в деле перестройки важнее отдельных недостатков. Газета «Вечерний Волгоград» не просто отражала жизнь волгоградцев, а была органом исполнительного комитета Волгоградского Совета народных депутатов, который и отвечал за организацию снабжения города и принимал решения о нормировании продаж того или иного товара. Поэтому большинство публикаций, на которые я опираюсь, рассказывая о жизни по талонам, взяты из газеты «Вечерний Волгоград» за 1988–1993 годы.

Распределяй и властвуй

Талонная система предполагает, что для покупки товара необходимо не только заплатить деньги, но и передать особый талон, разрешающий покупку определенного количества данного товара. Причиной возникновения талонной системы была нехватка товаров широкого потребления. Разнообразные талоны существовали буквально с момента основания СССР. Были талоны на книги, распределяемые через «Общество книголюбов». Были талоны на праздничные наборы продуктов, которые распределялись среди работников какого-либо учреждения. Были талоны на автомобили, распределяемые администрацией, парторганизацией и профсоюзом предприятий. В различных льготных очередях, например, для ветеранов Великой Отечественной войны, были талоны на мебель и ковры. Были специальные купоны — замена валюты, хождение которой в СССР было запрещено, на приобретение импортных товаров в специализированных магазинах «Березка».

Талоны должны были мотивировать трудящихся лучше работать. Отличившемуся сотруднику выдавался талон на приобретение дефицитного товара (например, телевизора или женских сапог). За особые заслуги можно было получить талон на покупку авто или мотоцикла, на эти талоны даже вставали в очередь. Например, моему дедушке, военному инженеру, военторг предоставил право купить машину. Но он не воспользовался этим талоном — посчитал, что лучше оставить деньги про запас на товары первой необходимости, вдруг завтра не будет возможности купить их вовсе? Впоследствии талоны были введены на продукты питания и иные товары (табак, водка, колбаса, чай, крупы, соль, сахар, стиральный порошок и мыло).

Меня поразили талоны для новобрачных, действовавшие в 1980-е годы в Волгограде. Талоны, которые назывались пригласительными, выдавались после подачи заявления о регистрации брака в загс. В специализированном магазине, который так и назывался «Салон для новобрачных», можно было приобрести все необходимое для свадьбы: обручальные кольца, обувь, свадебные наряды жениху и невесте (вплоть до белья), украшения, даже шампанское и водку. Мое предположение о возможных браках «по расчету на талон» вызвало улыбку. Оказалось, брак заключать было вовсе не обязательно: подали заявление, отоварились в «Салоне для новобрачных»... и всё, на регистрацию брака можно не приходить.

Сельские жители, за исключением ветеранов Великой Отечественной войны, к талонам отношения не имели. Об их снабжении заботились меньше. Хотя, по рассказам взрослых, в сельских магазинах порою можно было купить товары, которых не было в городах, но при этом хлеб привозили два раза в неделю. И нужно было занимать очередь с утра, чтобы досталось необходимое количество буханок.

Покупка товаров «по благу» (по знакомству) была весьма распространенным явлением. Продажей «из-под прилавка», как мне объяснила мама, называли те случаи, когда некоторую продукцию продавцы продавали не всем покупателям, а только тем, с кем были лично зна-

комы или тем, кто был готов заплатить за товар несколько большую сумму. Тетя моей мамы работала в магазине, и это спасло маму, когда в 1989 году у нее родилась дочка. Детских товаров катастрофически не хватало, и тетушка «из-под прилавка» доставала ей дорогую импортную смесь. А были случаи, когда товар просто разбирали сами продавцы, грузчики, знакомые. Конечно, это вызывало негодование стоявших в очереди, но не сумевших купить желаемый товар.

Поиски товаров отнимали много сил; каждый год на эти цели тратилось 65 млрд человеко-часов. Исследователи утверждают, что до 35 млн человек постоянно «работали» в очередях, при этом никакой гарантии, что удастся сделать желаемую покупку, не было.

Взрослые отмечали, что от стояния в очередях уставали больше, чем от работы. Нужно было, как правило, занимать места в нескольких очередях (в разные отделы магазина, а иногда и в нескольких близко расположенных магазинах), запомнить впереди и позади стоящих, если есть, то беречь свой номер, его записывали на руке. Периодически устраивали пересчет и присвоение новых номеров, и если человек во время пересчета отсутствовал, то ему приходилось занимать очередь заново. Иногда очередь занимали с вечера, неоднократно пересчитываясь и проводя «переклички» до открытия магазина. Естественно, что возникали конфликты, кого-то из очередей выталкивали, не пропускали тех, кто имел право на внеочередное обслуживание (ветеранов, покупателей с маленькими детьми). Моя учительница рассказывала, что несколько раз просто уходила, потому что было страшно оставаться в очереди, превратившейся в разъяренную толпу.

Поездка в Москву, где товаров было намного больше, из Волгограда выглядела как в песне Владимира Высоцкого «Поездка в город»; списки покупок составлялись на многих страницах.

Особенно большой проблемой было закупить продукты перед Новым годом и другими праздниками. Проблемы были не только с продуктами. В декабре 1985 года, когда у моего дедушки, Михаила Степановича Шкурова, роди-

лась первая внучка, начались проблемы с приобретением детских товаров. А тут еще и Новый год на носу. Что делать, никто не знал.

Наши родственники жили в Харькове. По словам дедушки, у них проблем с продовольствием не было, да и с другими товарами тоже, и он попросил их помочь чем могут — едой, игрушками, другими детскими товарами. Они согласились помочь и выслали чемоданчик со всем необходимым. Отправили его поездом с проводником. В назначенное время дедушка пришел на вокзал, дождался, пока все пассажиры выйдут из вагона, но к тому времени из переданных посылок остался только один чемоданчик. И явно не тот. Проводница сказала, мол, либо берите этот, либо уходите. Дома, когда чемодан был вскрыт, обнаружилось, что он сверху донизу забит палками дорогой сырокопченой колбасы. Вплоть до 31 числа вся семья боялась, что за чемоданчиком придут, и они оставляли выпавший им джек-пот нетронутым. Однако в итоге этот чемоданчик оказался спасительным — колбасой не только украсили стол, но и ели ее еще несколько месяцев.

Система нормированного распределения распространилась на всю государственную торговую сеть, предприятия, организации, учреждения. Талоны использовались при продаже мясопродуктов в 26 областях РСФСР, масла — в 32, а сахара — в 52. Нормы продажи продуктов питания варьировались в зависимости от возможностей региона: мясопродукты — от 0,3 до 3 кг на человека в месяц, масло — от 0,1 до 0,5 кг, макаронные изделия — от 0,5 до 1,5 кг.¹

Талоны ввели, чтобы обеспечить население минимально гарантированным набором товаров. Таким образом предполагали снизить спрос, ведь без талона соответствующие товары в государственной сети торговли не продавали. Но на практике часто не удавалось использовать талоны, если соответствующих товаров в магазинах не было. Эти товары можно было иногда найти в магазинах потребкооп-

¹ Воронов А. О проблемах преодоления дефицита и методах регулирования потребительского рынка // Вопросы экономики. 1990. № 1. С. 28.

перации, но большинству людей это было «не по карману». Однако товаров могло не оказаться и там.

Потребкооперация представляла собой систему производства продуктов питания из местной сельскохозяйственной продукции, которая закупалась у населения; произведенные товары продавались в специализированных магазинах без талонов. Но цены там были существенно выше, чем в государственных магазинах. Мои родные конкретных цен вспомнить не смогли, но в одной из газетных статей я нашла, что в июле 1989 года килограмм капусты в магазине стоил 20 копеек, в потребкооперации — 50 копеек, а на рынке больше рубля. Разница более чем заметная. Вот и приходилось стоять в бесконечных очередях.

Все старались закупать продукты впрок. Среднестатистическая семья на тот момент «держала про запас» около 9 кг сахара, аналогичная история была с дефицитным алкоголем. На предприятиях дефицитные мебель, одежда и другие товары частенько «разыгрывались» — работники тянули жребий на право той или иной покупки. От участия в «розыгрыше» не отказывались, вещи всегда можно было продать или обменять на что-нибудь нужное.

В первой половине 1990-х годов на фоне гиперинфляции талонная система потеряла всякий смысл.

Триумфальное шествие талонной власти в Волгограде

Мой дедушка, Михаил Степанович Шкуров, до 1985 года служил в воинской части в ГДР, а потом уволился со службы и приехал в Волгоград. Он рассказывал, что в Волгограде товары уже в 1985 году отпускались по талонам, но в газетных статьях даже за 1987 год речь идет лишь о перспективе введения талонной системы. Видимо, дедушка имел в виду получение продовольственных наборов бывшими военными.

С 1987 года в Волгограде начала действовать система нормированного распределения товаров. Первыми в июле 1987 года были введены талоны на сливочное масло. Это

событие стало своего рода пробным шаром: как горожане отнесутся к подобным мерам? Волгоградцы стали учиться жить по талонам.

Помимо талонов вводились официальные нормы отпуска товаров в одни руки (в 1988 г. с 1 августа сахаристо-кондитерские изделия отпускались из расчета 2 кг в одни руки). К сахаристо-кондитерским изделиям, как вскоре выяснилось, относилась кондитерская продукция — от шоколадных конфет до пряников.

В газетах журналисты пишут про многочисленные жалобы на трудности при получении самих талонов. Талоны выдавали по месту прописки в ЖЭУ. Граждане, судя по газетным материалам, возмущались тем фактом, что в некоторых ЖЭУ и домоуправлениях для выдачи талонов необходимо было иметь при себе расчетную книжку по оплате коммунальных услуг.

Помимо талонов на сахар и сливочное масло, которые получали все жители города, на предприятиях и в учреждениях сотрудники могли купить полкило колбасы. Выдавали колбасу либо по спискам, либо по карточкам — талонам в магазинах на территории предприятия. Осенью 1988 года на редакцию «Вечернего Волгограда» обрушился шквал коллективных писем (собиравших более сотни подписей) о невозможности купить колбасу в магазинах, так как ее продают только в рабочее время. Меня поразила фраза из письма работников Волгоградского тракторного завода (более 60 подписей), которые раз в три месяца получали талоны на колбасу, а в заводском магазине им предлагали лишь «саечную» по 2 рубля 10 копеек — «самую невкусную».

С наступлением 1989 года начинается «мыльный» ажиотаж. В Волгограде не хватает мыла и моющих средств, и это при двух гигантах химической промышленности в городе: «Каустик» и «Химпром», на которых увеличивается производство дорогостоящей продукции, менее дорогой же — сокращается. Происходило нечто подобное и на других предприятиях, поэтому на прилавках пылилось дорогое парфюмированное мыло «Консул», а «Детское мыло» за 18 копеек достать было невозможно. Талоны на моющие

средства, введенные с февраля 1989 года, остаются неото-варенными.

Особенно нелегко приходилось одиноким людям. По талону на моющие средства можно было приобрести в течение месяца 100 г мыла. Соответственно, чтобы купить одну упаковку шампуня или хозяйственного мыла, нужно было предъявить несколько талонов (обычно два). Интересно, какво это выбирать, ты в этом месяце купаешься или стираешь вещи? Семьям из нескольких человек в этой ситуации было несколько проще — некоторые талоны они могли отоварить мылом, а некоторые — стиральным порошком. А если человек жил один? У моей руководительницы была большая семья, и они помогали своей одинокой соседке, отдавая один свой талон, так как четыре куска мыла на пятерых вполне можно растянуть на месяц.

Горожане, обращаясь через газету «Вечерний Волгоград» к руководству города, сетуют на то, что даже заняв очередь в 6–7 часов утра, можно не дожидаться привоза товаров, о чем становится известно только в 16–17 часов. В июле 1989 года 110 000 человек не смогли отovarить талоны на сахар (3 кг в месяц на человека), потому что в город недопоставили 328 т сахара¹.

В письмах в газету люди возмущаются по поводу очередей, унижающих человеческое достоинство, безучастных продавщиц, и того, что они не способны обслужить огромные очереди.

В октябре Тракторозаводский райисполком принял решение продавать дефицит по спискам предприятий. Для тех, кто жил и работал в разных районах, возможность покупки, таким образом, сводилась к нулю.

Когда вводились талоны, было сразу оговорено, что они действительны в течение одного календарного месяца. Продлевалось отоваривание талонов только на продукты, которые отсутствовали в продаже или были завезены в недостаточном количестве. Из-за нерегулярных и несвоевременных завозов сроки выдачи продуктов по талонам часто менялись, и это вызывало негативную реакцию населения.

¹ *Мызиков И.* Вся власть — талонам? // Волгоградская правда. 23.07.1989.

При сравнении публикаций и решений исполкома Волгоградского Совета народных депутатов видно — волгоградцы в таких условиях не были против талонной системы, она давала шанс на приобретение хотя бы минимума товаров. К примеру, в одном из писем читательница предлагала ввести талоны на спиртное в целях борьбы с пьянством. Но исполком не торопился вводить новые талоны. Отвечая на письма читателей, председатель Волгоградского городского Совета народных депутатов Ю. В. Чехов объяснял, что вводить талоны на муку и алкоголь пока не нужно. Но через месяц все-таки выходит распоряжение о продаже спиртных напитков по талонам.¹

Теперь люди, которые раньше не покупали алкоголь, стали приобретать «положенную норму», ежемесячно пополняя домашние запасы или перепродавая втридорога. В действительности оказывалось, что талоны чаще не улучшают, а ухудшают ситуацию. Если в системе открытой торговли 80 % граждан приобретают товары, не имея в них настоящей необходимости, то при «распределительной торговле» — талонной — в очередь становятся все 100 %.

Моей маме однажды повезло. Очень редко, но бывало, что товар «выбрасывали» без талонов. Мама рассказывала, что под Новый год выбросили партию шампанского без талонов. Она несколько часов простояла в очереди на морозе, чтобы заполучить бутылочку шампанского на праздник, но когда подошла очередь, ей просто-напросто не поверили, что она совершеннолетняя. Пришлось возвращаться домой за паспортом и снова выстоять очередь. Но оказалось — и это была большая удача, что ей все же удалось купить даже не одну бутылку шампанского. И это называлась счастливая жизнь народа, о которой везде говорилось тогда? Если честно, я не понимаю этого.

В 1990 году моя бабушка, Алевтина Григорьевна, решила перевезти свою маму к себе в Волгоград из города Волжского, где она жила и была прописана у невестки. Однако тут же возникли проблемы с талонами. Талоны, рассчитан-

¹ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. О. 4. Д. 2427. Журнал регистрации распоряжений исполкома городского совета народных депутатов за 1990 год.

ные на прабабушку, выдавались в Волжском, следовательно, товар, рассчитанный на нее, можно было приобрести только в определенном магазине города Волжского, а ездить туда регулярно не представлялось возможным. В тот момент у бабушки в квартире жила большая семья: муж, она, сын с женой и двое их детей. И прабабушка очень стыдилась того, что живет с ними и их «объедает». Потому что, действительно, все продукты были на счету, особенно когда в семье маленькие дети. Однако процедура смены прописки отняла бы еще больше сил и времени.

Талоны стали самой настоящей региональной валютой, а рубли уже не были расчетным средством — купить на них что-то было очень сложно. Вводились новые талоны — на крупы, чулочно-носочные изделия. Табачные изделия (как правило, самые дешевые папиросы) и школьные тетради можно было купить только по месту работы.

С января 1991 года все внимание прессы и жителей Волгограда временно переключилось на обсуждение многократного повышения цен на товары, которое не спасало от огромных многочасовых очередей. То есть, мало того, что по талонам было трудно получить вообще что-либо, но и цены для некоторых семей становились недоступными.

Введение в Волгограде с 1 апреля 1991 г. вместо части талонов карточек ситуацию не улучшило. Одновременно уменьшились нормы отпуска по карточкам сливочного масла 300 г вместо 500 г, сахар 1 кг, вместо 1,5 кг в месяц на человека.¹ Становится понятным, почему на талонах и карточках любого города страны, изображения которых мы нашли в интернете, не указывались нормы отпуска товаров. Подобный шаг давал властям возможность уменьшать нормы отпуска, не изменяя привычного вида талонов, вне зависимости от срока выдачи талонов и карточек. Хотя мне кажется это абсолютно бесчеловечным! Как будто потребности у людей могут уменьшаться!

Карточка представляла собой плотный лист бумаги с напечатанной таблицей. В карточку в ЖЭУ записывали

¹ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 71. О. 4. Д. 2561. Журнал регистрации распоряжений исполкома городского совета народных депутатов за 1991 год.

домашний адрес, фамилию ответственного квартиросъемщика, количество членов семьи и номер магазина, в котором можно было бы купить товары. В столбцах таблицы были записаны названия товаров (были предусмотрены и дополнительные пустые графы, вдруг новый товар станет продаваться по карточкам), и продавец отмечал, когда и какой товар был приобретен. Товары теперь можно было приобрести не только в ограниченном количестве, но и в определенном магазине. Нужно было выстоять в очереди в ЖЭУ, чтобы получить талоны и карточку, и еще дольше приходилось стоять в очередях в продовольственные отделы, потому что продавец должен был сделать запись о покупке в карточке.

В общем, оценка талонной системы у разных людей не различалась. Она не зависела от возраста, пола или сферы деятельности. Страдали от талонов все, хоть и в разной степени.

Завершая работу, я обратилась к дневникам и мемуарам, опубликованным на портале «Прожито». Я рассчитывала на то, что результатов будет много и они будут обширные. Я выставила промежуток поиска с 1985 по 1999 год, потому что люди могли отразить ситуацию в своих воспоминаниях. Но записей оказалось всего около пятидесяти. В основном, это рассказы о чем-то другом. Среди авторов дневников были и москвичи, и ленинградцы, и жители других городов, где вводились талоны. Дневников волгоградцев не оказалось. Видимо, для людей жить с талонами было настолько обыденно и привычно, что они не считали нужным писать об этом или писали очень мало. К счастью, для них, как и для моих родных, талоны не стали главным в жизни.

Талонная система была следствием краха экономической системы СССР. Это был переломный момент, когда стало ясно — СССР больше не будет существовать в том виде, в котором пребывал 70 лет, его время закончилось.

Лично для меня было очень интересно изучать эту тему, ибо это — коренной перелом в системе, в сознании людей, а переломные моменты в истории всегда очень интересно исследовать. Некоторые моменты мне как человеку, выросшему в абсолютно других условиях, кажутся настолько неправдоподобными, что я просто не могу этого понять. Но я рада, что хотя бы немного открыла для себя эту страничку истории.

В Малиновке жизнь была, конечно, не малина...

Даниил Мочалов

п. Вишневка, Воронежская область

Сейчас я живу в селе Вишневка Верхнехавского района Воронежской области, но всего несколько лет назад мы с мамой, папой, братом, бабушкой и дедушкой проживали в соседнем селе Малиновка, там я родился и там у меня осталось много друзей. Мне захотелось рассказать о жизни людей российской глубинки и о жизни моей семьи в этой деревне. Описываю именно этот период, 90-е годы XX века, потому что именно тогда моя семья переселилась в эту деревню из Узбекистана.

Малиновка

Вначале коротко расскажу про село. Малиновка находится в 60 километрах от Воронежа, на северо-востоке области и в семи км от районного центра села Верхняя Хава. По данным школьного архива, село не старое, оно возникло в 20-х годах XX века. Когда-то эти плодородные земли принадлежали местным помещикам Крашенинниковым. Их усадьба находилась в соседнем селе Грушино. После революции 1917 года все земли были у помещиков экспропрированы. Их стали занимать крестьяне, основывая новые села. Вот что вспоминает наша бывшая соседка баба Матрена (Матрена Ивановна Долгих):

«Мои родители переселились из села Большая Приваловка в 1928 году. Крестьяне Большой Приваловки получили огромные земли почти до Верхней Хавы. Обрабатывать все эти земли было тяжело, потому что они были далеко от деревни, часто брали с собой маленьких детей в поле, ездили на волах и лошадях. Это было очень неудобно, поэтому решили переселиться ближе к своей земле».

А другая соседка, бабушка Маня (Мария Тихоновна Юрканова), вспомнила теперешних жителей, предки которых переселились из Большой Приваловки. Поначалу жили в землянках, а потом построили срубленные избы. Рядом с домом развели сад и большой огород. Я выяснил, что село Большая Приваловка находится в 10 километрах от села Малиновка. Трудно, конечно представить, как люди ездили на волах.

Точно так появились и соседние села: Вишневка, Виноградовка, Рябиновка. Вот такие красивые названия получили новые деревни. Я думал, что такие названия села получили потому, что в Вишневке много вишни, в Малиновке много малины, в Рябиновке было много рябины, в Виноградовке много винограда, а в Грушино много груш. Ничего подобного — в каждом селе было одинаково много всех этих ягод и фруктов. Мама долго занималась этим вопросом и рассказала мне, что Грушино было известно еще в XVIII веке (это имя помещицы), а вот всем остальным, возникшим в 20-х годах XX века, просто дали красивые названия.

Вот в такую деревню с названием Малиновка попала моя семья. Но бабушка говорит, что жизнь там была совсем не «малина».

Наш дом — № 12 по улице Алексеева. Все мои родственники приехали сюда из Узбекистана в 1992 году, а я родился здесь в 1997-м.

Всего в Малиновке три улицы. На улице им. Алексеева 32 дома, есть старые дома, построенные в 30-х годах, а есть и новые, построенные не так давно. Протяженность улицы примерно 1 километр. Название такое улица получила

в 70-х годах XX века. А до этого в селе других названий улиц не было вообще. В основном тут проживают люди преклонного возраста, которые всю жизнь проработали на спецхозе (свиноводческом хозяйстве), за свой тяжелый труд ничего не нажили, жили очень скромно в простых саманных домах. Некоторые дома были уже заброшены и постепенно превращались в руины. Жили также и молодые семьи в хороших домах, но их было мало.

Бабушка Нюра (Анна Николаевна Золоторева) говорит, что в 1930 году в Малиновке был основан колхоз «Красный партизан». Люди вступили, объединили свои земли, всех лошадей. Другой скот не объединяли, потому что не было помещения, чтобы его содержать. На нашей улице находились правление колхоза, начальная школа и клуб. В школе учились 4 класса, а потом ходили в Байгору в 7-летнюю школу. А также я узнал про семью Пешковых, они живут в начале улицы.

Все знают, что Пелагея Яковлевна Пешкова и ее дочь Лидия Петровна пережили спецпоселение. Мне было непонятно, что это такое, и мама рассказала. Оказывается, еще до войны тех, кто не хотел вступать в колхоз, раскулачивали, то есть все отбирали (дом, лошадей и прочее). Так раскулачили и отправили в Свердловскую область в спецпоселение всю семью Пешковых. Там умерли мать и отец, остался один сын Петр Иванович, он женился на Пелагее Яковлевне, и у них родилось там четверо детей. Назад они вернулись только после войны, в 1947 году. Пока их не было, в их доме было правление колхоза, а потом школа.

Про войну помнят все, кто жил в это время в нашей Малиновке. Все одинаково говорят о том, как тяжело жилось. Мужчины ушли на фронт, работали в колхозе одни женщины. Жизнь настала мрачная. Как мне рассказывали старушки, с утра до позднего вечера работали в колхозе. Все делали вручную: вязали снопы, убирали, молотили. Также выращивали сахарную свеклу и сдавали на свеклопункт. При такой тяжелой работе зарплаты не платили, работали за «палочки» — трудовни. Главное было заплатить налог,

который был огромен: 300 л молока, 40 кг мяса, яйца, масло, шерсть. Налог был за каждое плодовое дерево. Даже овец доили и молоко сдавали на брынзу.

В 1951 году был большой праздник по случаю объединения колхозов «Красный партизан», «22 января» и «Сила» в один колхоз «Андреев». А в 1961 году был основан колхоз «Путь к коммунизму».

В 1973 году был создан спецхоз «Вишневецкий». Многие жители нашей улицы и сейчас работают там. В течение 20 лет на спецхозе работает мой папа, выращивает сахарную свеклу, он тоже передовик производства. У нас много газет с его фотографиями.

Вот в такую деревню попала моя семья в 90-е годы. Таких деревень много в России, почему именно сюда? Папа говорит, не потому что деревня понравилась, а другого выхода не было. Приехали сюда, потому что рядом жили родственники, наверное, надеялись на их поддержку.

Жизнь в Узбекистане

Бабушка, мама и папа часто вспоминают про жизнь в Узбекистане. 90-е годы XX века. Маме с папой по 22 года, брату Артему — 1 год. Бабушке — 43 года, дедушке — 46 лет, маминному брату дяде Вове — 20. Все они живут в Узбекской ССР, в городе Гулистане Сырдарьинской области, по улице Правобережная д. 2, кв. 1. Дедушка был инвалидом и уже не работал, бабушка — учительница химии в средней школе № 6, папа — дальнобойщик, он работал на супермазе и заочно учился в техникуме, мама заканчивала педагогический институт.

В городе проживают в основном жители славянских национальностей, а также немцы, корейцы, татары, турки-месхетинцы. С узбеками все они жили дружно.

Вот такой случай мне рассказал папа: *«Однажды, еще когда мама училась в институте на первом курсе, всех студентов вывезли собирать хлопок в Мехнотабатский район, это примерно 40 км от Гулистана. Они жили в школе одного кишлака. Я решил туда съездить на мотоцикле, проведать. Когда почти доехал, было уже темно, я не заметил яму сре-*

ди дороги и на полной скорости в нее влетел. Мотоцикл мой весь побитый угодил в яму, а я отлетел на несколько метров. Ушиб сильно ногу. Был в полном отчаянии. Незнакомая местность, чужие люди, не знающие русского языка. Неожиданно ко мне подошел один узбек, потом второй. Помогли мне достать мотоцикл из ямы, потом пригласили к себе домой. Я был весь в грязи, мне ничего не оставалось делать, и я согласился. В их доме встретили меня хорошо. Накормили, дали умыться, помогли сделать мотоцикл. Утром я от них уехал».

Папа много подобных случаев рассказал об узбеках. Даже сейчас, когда мы ездим в Хаву на рынок и там встречаются продавцы из Узбекистана, папа разговаривает с ними на узбекском языке.

Когда Узбекистан стал независимой республикой, там был введен государственный язык — узбекский. Везде стали требовать, чтобы люди разговаривали по-узбекски. Я думаю, можно было хорошо выучить язык, но оскорбления пережить нельзя.

Как говорит моя мама, узбеки — очень дружелюбный народ. Но почему-то тогда многие стали злыми. Например, когда мама стояла в очереди за молоком, узбеки пытались купить без очереди, создавая толпу возле прилавка. На вежливую просьбу встать в очередь они отвечали: «Езжай свая Россия, там командуй!» Особенно тяжело такого типа разговоры было слушать бабушке. Она приходила домой и плача говорила: «Я столько узбеков выучила за свои 25 лет работы в школе, и вот “заслужила” такие оскорбительные слова». Продавцы-узбеки в магазине, зная всех своих покупателей, вдруг стали делать вид, что не понимают по-русски. Вечерами на улицу никто не выходил, были слухи об убийствах. Когда в окно кто-то, проезжая на грузовой машине, бросил булыжник и разбил стекло, сомнений не было. Дедушка сказал: «Здесь нет будущего для русских, у нас маленький ребенок. Нужно ехать. Куда? В Воронеж. Там живут два бабушкиных брата, они помогут». Мама сдала последние госэкзамены. Продали коттедж и некоторые вещи, необходимое погру-

зили в контейнер и отправились в дорогу. Нисколько не сомневались в своей решимости жить на новом месте, готовы были жить даже в сельской местности. Ведь где же найти денег на городское жильё?

Чего бояться ехать в Россию, ведь мы же едем к своим, русским? Зачем нам нужно жить в Узбекистане, после распада СССР, ведь мы русские? Так думали все, кто решил отправиться в Россию, так думали и мои родители.

Дедушке с бабушкой жалко было продавать коттедж, в котором прожили только 5 лет. Они помнили, как стояли 15 лет в очереди на хорошую квартиру. Помнили, как радовались, когда получили новое благоустроенное жильё. На обустройство не пожалели денег, купили новую мебель, возле дома посадили деревья и виноградник. Конечно, жалко было это бросать. Были и друзья-узбеки, которые уговаривали не уезжать, например, одноклассники папы и мамы (папа и мама учились в одном классе). Они говорили: «Как мы будем жить без вас?» Но все же русские постепенно уезжали, так уехала и моя семья.

Приезд в Россию

Июль 1992 года. Мои папа, мама, бабушка, дедушка, дядя Вова и брат Артем приехали в Россию.

«Ох и жизнь нам задалась, не приведи Господи», — вспоминает бабушка. Первое время жили у ее брата. Подходящих домов для жилья не было. Деньги обесценивались. Пришлось в Малиновке заселиться в заброшенный дом. Там не было крыши, окон, дверей, полов. Вокруг росла амброзия высотой с человеческий рост, весь сад и огород заросли этой травой. Все лето строили, очищали от зарослей двор, работали все вместе.

Стройматериалами помог спецхоз, потому что папа и бабушка тут же пошли туда работать, папа механизатором, а бабушка свинаркой. За лето сделали крышу, поставили окна, двери, настелили пол, сложили печь. Первую зиму жили вместе в одной квартире. Водопровода не было,

колодца тоже, за водой ходили через дорогу, к соседям. Впервые научились топить печь, носить из сарая уголь. Так же впервые научились доить корову. У нас была замечательная корова, ее звали Смуглянка, у нее все время рождались по два теленка, она давала вкусное молоко. Один теленок доставался бабушке с дедушкой, а другой нашей семье.

Бабушка говорит: *«Пришлось начинать всё с нуля. Корова нам помогла, мы выжили благодаря ей, из молока делали масло, творог, сыр и даже возили продавали на железнодорожную станцию Графская. А еще держали свиней, мясо тоже продавали. Хоть мы все и работали, зарплату не платили по полгода».*

Трудно было привыкнуть к суровой и длинной зиме. Но самым жестоким было не привыкание к новому месту, а то, чего мои родные никак не ожидали, — их начали называть беженцами. Дедушка говорил: «Какие мы беженцы? У нас не было войны, мы просто вынужденные переселенцы». Мама говорит: «Мне казалось, что все думают, что мы какие-то бродяги безродные». Это очень сильно давило на психику, дедушка очень переживал, потом тяжело заболел и умер. Бабушка говорит, он так и не пожил здесь в хорошей, благоустроенной квартире.

Свой «новый» дом стремились благоустроить, в первое лето не успели вырыть колодец, но зато на следующее были уже с водой, папа с дядей Вовой копали его вручную, потом вставили в него бетонные кольца, для этого кран вызывали. Потом ухитрились сделать водопровод в доме, такое «инженерное сооружение» даже я помню. Для этого установили на чердаке большую бочку. Воду насосом закачивали наверх, а потом она шла по трубе на кухню и ванную комнату. Воду грели с помощью дровяного титана. Но если вдруг кто-то забудет выключить вовремя насос, вода могла перелиться через край бочки. Тогда — катастрофа, вода будет литься с потолка. Такое было несколько раз. Поэтому за насосом строго следили. Но зато в доме была вода и горячая, и холодная.

«Дорога жизни»

Это не шутка какая-то, действительно, тропинку, которая вела от спецхоза до деревни, через поле, люди называли «Дорогой жизни».

В 90-е годы свиноводческое хозяйство спецхоз «Вишневский» оказалось в очень серьезном кризисе. Других предприятий, где могли бы работать местные жители, не было. Как раз в ту пору свиначкой работала моя бабушка. Она рассказывала, какой это тяжелый труд. Она работала там, где выращивали молодняк. Нужно было убрать навоз за поросятами вручную, затем накормить. Корм носили ведрами. Затем каждому поросенку сделать прививку, чтобы не болели. Но из-за постоянных эпидемий поголовье уменьшалось. Зарплата поэтому была маленькой, и ту выдавали с большой задержкой. Как же люди жили в таких условиях?

Мы в 6-м классе по истории средних веков изучали натуральное хозяйство. Вот примерно такое было в нашей Малиновке. У нас было 20 свиней, корова, два телка, большое количество кур, гусей. Так было в каждом дворе. У некоторых были еще овцы, козы, а также разводили пчел.

Но почему же все-таки ту тропинку называли «дорогой жизни»? И вот что мне рассказала бабушка: «Чтобы прокормить столько скотины, нужен был корм. Его просто-напросто воровали на спецхозе и носили по узкой тропинке. Все рабочие возвращались домой не через главный вход, а через дырку в заборе. Каждый уходил с сумкой, в которую умещалось по полмешка корма. Были случаи, когда на этой тропинке дежурила милиция, некоторых штрафовали. Но люди все равно воровали, и никому даже за это не было стыдно».

Так корм носили домой и мои бабушка и папа. У бабушки до сих пор руки болят.

Основное занятие местных жителей

Летом все работают на огороде. У нас хороший чернозем, картошка урождается отменная. Раньше мы по два огорода засаживали картошкой. Сажали под лошадь, то

есть лошадь, запряженная плугом, делала борозду. Помню, как мы с ведрами в руках ходим вдоль борозды и кидаем картошку на определенном расстоянии. Пропалываем тяпками вручную два раза, потом окучиваем лошадью, а в сентябре собираем урожай. Надо сказать, что когда сажаем или копаем картошку, всегда на подмогу приходят соседи. И мы тоже ходим помогать им, когда нужно. Картошку осенью у нас скупают перекупщики, или мы меняем ее на арбузы, также возим сами на станцию Графская продавать.

В 90-х годах огородов было несколько: один возле дома, где-то 30 соток, и другой — 1 га в поле, а у некоторых в поле был и третий. Кроме картошки, лука и других овощей, севали ячмень под сено. Летом сено косили комбайном, а некоторые вручную косой. Затем нужно было сено высушить. Для этого необходимо было его переворачивать вилами и беречь от дождя. Мой брат тоже родителям помогал сено заготавливать. Только это занятие совсем ему не нравилось, потому что все тело потом горит и чешется.

Что больше всего поразило моих родителей

В России не как в Узбекистане: зима длинная, а лето короткое. Трудно было сразу привыкнуть моим родным к такому резким климатическим переменам. В Малиновке был один сельмаг, туда привозили продукты, но очень мало. Такие продукты как сахар, подсолнечное масло, гречку, пшено давали только своим рабочим на спецхозе в конце года, когда собирали урожай. И поэтому в магазине эти продукты не продавали. А мыло и стиральный порошок продавали только по талону. Картошка и другие овощи у каждого селянина были свои. Где взять эти необходимые для жизни продукты людям, которые только что приехали? Только если купить у местных жителей. А на руках маленький ребенок, ему нужно было кашу варить с молоком и добавлять сахар.

В Малиновке такие добрые люди были. Например, соседка наша, бабушка моего одноклассника Стаса Котова —

бабушка Нина (Нина Васильевна Котова) однажды принесла несколько килограммов сахара моей семье. Моя бабушка до сих пор ее добрым словом вспоминает. Соседка, которая жила через дорогу, тетя Тамара Акиньшина, стала продавать молоко, пока мои родные свою корову не завели. А старенькая бабушка Нюра, которая жила в самом начале нашей улице, принесла курицу.

Сразу стало понятно, что к зиме нужно готовиться заранее. Летом начинали заготавливать уголь, дрова; набивали погреб картошкой, морковью; солили огурцы, помидоры; варили варенье; собирали яблоки в саду. Такой заготовки в Узбекистане не было. Там все продукты покупали на рынке или в магазине.

«Нас многое удивило, — говорит мама, вспоминая о своих первых впечатлениях. — Очень понравилась природа, пруды, лес, чернозем. Не нужно было ежедневно поливать и удобрять, земля плодородная. Что ни посеешь, всё растет».

Но вся прелесть была только летом, а когда началась осень, задул холодный ветер и уже в октябре полетели «белые мухи», весь восторг от прекрасной природы явно поубавился.

В нашей деревне в 90-х годах XX века не было газа, не было водопровода, туалет на улице, перед домом огромная лужа и непролазная грязь. Мама возмущалась: живем в центре Европы, в 60 км от областного центра, а самих элементарных удобств нет. Сравнивала с Узбекистаном, который Россия вывела из отсталости. Там уже в 70-х годах каждый кишлак был с водой, газом и хорошими дорогами. Всей семье впервые в жизни пришлось купить резиновые сапоги.

Здесь мама узнала много новых слов, например, «магарыч», «запой». Бабушка вспомнила случай, когда нашу соседку, хозяйственную, серьезную, трудолюбивую женщину тетю Тамару везла на тачке ее дочь. Тетя Тамара была так пьяна, что не могла сама идти домой. Поразил не только сам этот факт, но и то, что это не считалось в деревне чем-

то странным, это было в порядке вещей. Пили и мужчины и женщины, спивались старики.

Почему- то возле домов не было цветов. Никто не разводил цветников. Во время церковных праздников работать нельзя. Попробуй выйти на огород в такой день. Обязательно какая-нибудь тетя прибежит и будет ругаться: «Иза-за вас потом засуха будет!» Нужно было соблюдать все правила деревни. Если праздник, то не работать, по меньшей мере, три дня. При этом, когда наступала пасха, все куличи покупали, никто не мог печь дома, в церковь ходили только единицы, некоторые ездили в Толшевский монастырь, который находится в Заповеднике.

Деревенские парни редко брали себе в жены девушку из другого села, в основном находили из местных. Редко кто заканчивал 11 классов, многие после 9-летки шли работать в спецхоз.

В 90-х годах появились первые фермеры. Разрешено было забрать свою землю из спецхоза (у каждого взрослого человека было по 3,5 га земли) и самостоятельно обрабатывать. Так появились фермеры Востриковы, они выращивали сахарную свеклу и зерно. Многие селяне ходили полоть к ним сахарную свеклу. За прополку по договору платили сахаром, как договоришься; кто по два мешка получал за 1 гектар свеклы, кто по три. Все зависело от сорности свеклы. Папа всегда удивлялся умелости людей быстро и ловко полоть. Люди выходили семьями и за два-три дня пропалывали целые гектары.

С первых дней знакомства с жителями Малиновки мои родители отметили красивый местный говор. По мягкому выговору безошибочно можно узнать моих земляков. Они не скажут: «куда», «упасть», «кричать», «пропасть», «смеяться», «царапаться», «барахтаться», «бодаться», а скажут «куды», «упануть», «гаять», «пропануть», «грохотать», «карябаться», «лагастаться», «брухаться». Чем плохо? Точно и образно!

Я тоже использовал эти слова, когда разговаривал с деревенскими ребятами, а в школе и дома стараюсь говорить правильно. Когда такого типа слова я говорю дома, родители улыбаются.

Когда у нас появилась корова Смуглянка, родители пасли целое стадо. Все, у кого были коровы, пасли их по очереди. В стаде насчитывалось около 40 коров. Значит, через каждые 40 дней наступал черед их пасти. Пастуха в деревне не было. Бабушка помнит, что среди местных было выражение — «стеречь коров».

Когда наступает черед стеречь коров — это событие для семьи очень ответственное. Помогать приезжали даже родственники из города, в этот день родители не ходили даже на работу, а дети на учебу. Каждая корова знала дорогу к своему дому. В конце дня, когда возвращали коров домой, слышны были приветливые слова односельчан: «Ну что, отмучились?»

Сейчас, в наше время, столько коров в деревне не найдешь. Осталось одна или две коровы на все село. Папа говорит, раньше держали, потому что вынуждены были, а сейчас жить стали лучше и молоко проще в магазине купить, чем ухаживать за домашними животными, убирать, доить, сено заготавливать.

В Малиновке по имени-отчеству зовут редко, и то только учителей. В основном обращаются по имени в уменьшительно-ласкательной форме. Например, к мужчинам: Борисок, Игорёк, Витек, Сашок; к женщинам: Ниночка, Верочка, Валюшка, Манюшка. У многих есть прозвище, вернее, прозвище приставляется к имени. Например, Коля — Чулюкан, Сережа — Колбасник, Нина — Угловая. Иногда прозвища передаются детям по наследству, как фамилии. Например, одну девочку называли Оля Змеева, можно подумать это фамилия такая; оказалось, она Оля Телегина, а «змей» — это прозвище ее отца.

«А вообще-то у нас очень дружная улица была в Малиновке», — вспоминает бабушка. Иногда праздники отмечали прямо на улице. Летние обязательно с застольем, песнями и танцами. Только пели и танцевали одни женщины, мужчины пили много, им было не до танцев и песен. Местные женщины знали много песен, и хорошо их пели. Зимой собирались в карты играть, или гадать. Бабушка соседей научила готовить плов по-узбекски.

Мама с улыбкой вспомнила Славика (это сын тети Тамары). Когда весной «начинался огород», он выставлял в окно колонки от магнитофона и включал музыку, вся улица слушала его любимую песню «Розовые розы... Светке Соколовой...». А тетя Тамара ходила «руки в боки» и наблюдала за всеми соседями, кто чем занимается.

А по вечерам вся молодежь собиралась на «пяточке». На мотоциклах и велосипедах на нашу улицу приезжали даже из Вишневки, и даже из Хавы.

Разные в Малиновке люди проживают, но в основном они всегда были добрыми и простыми. У Артемки друг есть из Малиновки — это Алешка Золоторев. Когда мы уехали в Вишневку, Алешка к Артемке ездил на велике и в снег, и в грязь. Это 7 километров. Да и Артем к нему тоже.

Автобус

Село Малиновка входит в состав Спасского сельского поселения. До ближайшего села Вишневки — 7 км. Когда-то в Малиновке была начальная школа, но ее закрыли еще в 70-х годах, и поэтому все дети из Малиновки стали ездить в школу в Вишневку на автобусе. В каждом классе было по два–три школьника из Малиновки. Это сейчас их возят на хорошем автобусе, который выдали по губернаторской программе «Школьный автобус». А в 90-х годах ребята ездили на стареньком и маленьком.

Он возил и рабочих на работу на спецхоз, и детей в школу. В любую погоду люди стояли на дороге и ждали автобус в назначенное время. В автобусе узнавали все новости. Но если вдруг автобус ломался или, еще хуже, дорога была занесена снегом после метели (а то и другое случалось часто), то люди на работу ходили пешком. А для детей наступал настоящий праздник, ведь автобус не мог довезти их до школы и появлялась причина не учиться. Школьники в такие дни не учились вообще и очень этому радовались. В это время очень тяжело приходилось маме — ей нужно было ходить на работу в Вишневку пешком (в школу она устро-

илась сразу после приезда), а потом возвращаться обратно домой. Но мама вспоминает то время и говорит: «Зато у меня сердце не болело, потому что много ходила пешком, ведь это полезно для здоровья».

А бабушка вспомнила, как она удивлялась местным порядкам в автобусе: *«Первых в автобус пропускают детей, взрослые и даже старики потом заходят. Дети занимают места и едут сидя, а взрослые стоят. А еще такой порядок есть, если человек голосует не на остановке, водитель не останавливается, чтобы посадить в автобус. Однажды две бабушки шли пешком, водитель не остановился, говорит: не положено, опаздываю, я только детей и рабочих спецхоза должен возить. И не взял.»*

В Узбекистане другие порядки, старикам там место уступают. Дети никогда не сидят в автобусе, если рядом стоит взрослый человек. Малыши сидят у взрослых на коленях. А шофер никогда бы не проехал мимо стариков, не задумываясь, взял бы этих двоих, пристроил куда-нибудь, другие бы потеснились».

Переезд в Вишневку

Я уже писал, что мой папа сразу после приезда в Россию стал работать механизатором, он и сейчас им работает. Конечно, когда он учился в школе, то никогда не думал, что будет сельским жителем и будет работать на тракторе. Когда приехали в Малиновку, то здесь другой работы не нашлось, а сейчас уже он стал хорошим специалистом по выращиванию сахарной свеклы. Его урожай ежегодно самый лучший в районе. Два года назад ему телевизор подарили на День сельского хозяйства. У него много грамот и дипломов. О нем часто пишут в местной газете «Верхнехавские рубежи». Но самое главное — это его заработок. Он в течение года зарплату не получал, а в конце года получал около 100 мешков сахара. Для сахара была отведена одна из комнат в квартире. Сахар в течение года папа продавал мешками. Поэтому появилась возможность строить дом.

Строительство затеяли в 1996 году. Пусть медленно, но всё же своими руками дом был достроен в 2004 году.

В 2007 году провели долгожданный газ. В доме у нас есть водопровод, санузел и второй этаж, где находится моя комната. Сейчас условия в нашем доме ничем не хуже городских. Столько скота, как раньше, мы уже не держим, у нас есть только куры и один поросенок. Мама говорит, мясо дешевое на рынке, а корм дорогой, невыгодно стало заниматься сельским хозяйством. Огороды тоже все забросили. Остался только один возле дома. Картошку сажаем только для себя.

Спецхоз «Вишневский» сейчас преуспевающее хозяйство. Превратился в огромный агрохолдинг. Свинарки, которые сейчас там работают, получают достойную зарплату. Им запрещено дома держать свиней; когда они приходят на работу, моются в душе, потом заходят к пороссятам. В корпусах все чисто, все сделано по немецкой технологии. Ручного труда нет. Поросята на спецхозе вырастают за 7–8 месяцев. А в домашних условиях поросенок растет не меньше года. Но мы мясо из спецхоза не покупаем, оно невкусное.

Мама и бабушка работают в школе, мама — учителем истории, а бабушка — учителем химии. Дядя Вова женился и живет в Верхней Хаве, у него маленький сыночек Антошка. Артем уже студент 3-го курса педагогического университета. Жизнь, можно сказать, наладилась. Мама говорит: «Сейчас все мы себя чувствуем полноправными гражданами России».

Хочу заметить, что кроме нашей семьи здесь проживают другие переселенцы из различных республик бывшего Советского союза. Все живут сейчас хорошо. Родители по интернету в социальных сетях нашли многих своих друзей, одноклассников, бывших соседей, общаются с ними (недавно я их научил общаться и по скайпу). Добрым словом вспоминают, как хорошо раньше все вместе жили в Узбекистане. Папа говорит: «Очень хочется встретиться, съездить, немного погостить, поесть узбекских лепешек и вернуться обратно в Россию. Здесь теперь наш дом».

У каждой семьи, конечно, своя история, своя трагедия. Были такие, которые не выдерживали и возвращались об-

ратно. У многих сохранились и сейчас проблемы, связанные с получением гражданства и жилья.

Родители часто вспоминают Малиновку, первые годы жизни в России. Помнят, как их встретили местные жители. Конечно, здесь было совсем не так, как они привыкли в Узбекистане. В Малиновке жизнь была, конечно, не малина... Но всё же всех своих соседей мама, папа и бабушка вспоминают добрым словом.

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила Улицкая	
Связь времен восстанавливается	5
ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА	9
Никита Соколов	11
«Я... буду беспристрастной повествовательницей событий»	
(Опыт исторической реконструкции на основе писем иркутянки Л. Е. Литвинцевой) . . .	13
«На острых кончиках штыков Мигало солнце огоньками»	
Первая мировая война в воспоминаниях и фотографиях	32
«Что захочется, то и напишу...»	
(Дневник мальчика из «бывших»)	47
«Не торопитесь сжигать»	64
ВСЕ ПЕРЕЖИТЬ	93
Александр Даниэль	95
«Под большим трепетом»	99

«Дело Лурье отразится на мне рикошетом...»	
Перипетии судьбы главного врача больницы Челябинского тракторного завода	
Г. К. Шастина (1934–1936 гг.)	131
История одной картины	158
Кто он такой, Яков Ньюничкин?	173
НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ	187
Лев Рубинштейн	
У каждого поколения своя война	189
Блокадное детство	191
Письма с фронта Бузулуцкова Василия Никифоровича родным в Урюпинск.	203
«Ехал поезд с Ленинграда...»	
Брянщина в годы войны по рассказам местных жителей	214
Боль в песенных строках:	
песни, записанные бывшими фашистскими узниками в проверочно-фильтрационном лагере № 219 летом 1945 года	229
Горькая память	238
РАЗНЫЕ СУДЬБЫ	253
Александр Архангельский	255
Драма без антрактов	257
Соединенные Штаты Америки глазами советского инженера Михаила Алексеевича Храпко. 1936 г.	273
«Бархатный орешек с металлом внутри»	
Исаак Моисеевич Зальцман в Челябинске. 1941–1949 гг.	289
«Примечай будни...»	318

ИЗ СССР В РОССИЮ	329
Ирина Карацуба	331
Кто придумал «перестройку», или Жизнь работников бюджетной сферы в 1980-х–1990-х годах.	334
Вся власть талонам?! (Талонная система распределения товаров в конце 1980-х годов)	353
В Малиновке жизнь была, конечно, не малина... . . .	365

Литературно-художественное издание

16+

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Руководитель проекта

Илья Данишевский

Ответственный редактор

Е. Кравченко

Составитель

И. Щербакова

Дизайн обложки:

В. Воронин

Компьютерная верстка:

Л. Быкова

Корректор

Т. Дейкина

Подписано в печать 01.11.2017

Формат 84x108/32 Усл.печ.л.20,16

Тираж 8000 экз. Заказ № 5596.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 1, комната 39

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

В этом сборнике собраны свидетельства о замечательных людях, полузабытых событиях, соединяющих нас с нашими предками, прожившими трудную, достойную, порой героическую жизнь. Кроме большой официальной истории, записанной, переписанной и подправляемой ежедневно, существует малая история, которую можно восстановить, пока не умерли живые свидетели недавнего прошлого.

Эта «микроистория» — приключения песчинки в огромной горе песка. Но каждая песчинка — отдельный человек со своей уникальной историей — несет на себе отпечаток времени.

Это энциклопедия российской жизни, рассказанная ее гражданами, и история эта не парадная, а повседневная. Здесь нет риторических и полных фальшивого пафоса слов о патриотизме, а есть важная работа, цель которой — восстановить историческую справедливость по отношению к тем, кто погиб в больших и малых войнах, был раскулачен и сослан, стал жертвой государственного террора.

Людмила Улицкая

Любая история — это всегда совокупность частных человеческих судеб, а другая история никому не нужна, тем более что она все равно никого ничему не учит.

Лев Рубинштейн

COLTA.RU

АНГЕДОНИЯ
проект Данишевского

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-094553-5

9 785170 945535